

Своими Словами

о памяти и эго-документах

16+

Картина на обложке

Форд Мэдокс Браун «Возьмите вашего сына, сэр!» (1851–1857)

Форда Мэдокса Брауна обычно причисляют к числу художников-прерафаэлитов, хотя тот никогда не пытался примкнуть к ним. Однако бесспорно, что и Браун, и Братство прерафаэлитов повлияли друг на друга. Увлеченный идеями о социальной и нравственной силе искусства, художник разделял эстетические принципы прерафаэлитов, придавая особое значение работе с натуры, будь то природа или модель из числа друзей и родных.

Картина «Возьмите вашего сына, сэр!» многим кажется загадочной, хотя в целом не удивительна для Брауна. История создания этого полотна тесно связано с биографией художника. Его первый брак с Элизабет Бромли продлился всего пять лет, и к 1846 г. Браун стал вдовцом с маленькой дочерью. Уже через два года живописец обрел новую спутницу, дочь фермера Эмму Хилл, позировавшую для некоторых его работ с 1848 г. В 1850 г. Эмма родила художнику дочь Кэтрин Эмили — вероятно, именно это событие вдохновило Брауна написать полотна на тему материнства (в этот же период были начаты идиллические «Прелестные барашки», для которых позировали Эмма и Кэтрин). За время работы над картиной «Возьмите вашего сына, сэр!» у пары появилось двое сыновей: Оливер — в 1855 г. и Артур — в 1856 г. Считается, что смерть последнего в возрасте десяти месяцев навсегда отвратила его отца от незавершенного полотна.

Произошедшие за время работы над картиной события позволяют увидеть в ней практически любой смысл. Измученная девушка с нездоровым румянцем на побелевшем лице протягивает чудесного младенца зрителю — то есть отцу ребенка. Фронтальная композиция и библейские атрибуты (фон со звездами, зеркало-нимб, колыбель) придают отчетливое сходство с типичным изображением Богоматери с младенцем.

Один из ориентиров угадывается почти безошибочно — это «Портрет четы Арнольфини» Яна ван Эйка, приобретенный Лондонской национальной галереей за несколько лет до этого и, безусловно, знакомый Брауну. Круглое выпуклое зеркало за головой молодой матери кажется прямой цитатой из полотна XVI века. Но если художественные средства Браун выбирает аналогичные тем, что использовал ван Эйк, то концептуально «Возьмите вашего сына, сэр!» обычно противопоставляется портрету супругов Арнольфини.

Дело в том, что к моменту начала работы над картиной Эмма и Форд Мэдокс Браун не были женаты, но сожительствовали, о чем недвусмысленно свидетельствовала беременность Эммы. Это обстоятельство традиционно определяет интерпретацию картины: считается, что художник, то ли в пику пуританской морали, то ли наоборот, показывает безысходность и отчаяние женщины, родившей ребенка во внебрачных отношениях и требующей признать незаконнорожденного сына. С другой стороны, в 1853 году Браун все же женился на Эмме, и их сыновья родились в браке. Более того, в зеркале можно заметить отражение мужчины, протягивающего руки, чтобы взять младенца у матери — в этом сложно увидеть отказ от обязательств.

Форд Мэдокс Браун не прекращал работу над холстами долгие годы, постоянно внося изменения в свои произведения или пересоздавая их. Вполне вероятно, что замысел этой картины менялся с течением жизни, и окончательно определить его невозможно. Призван ли этот портрет подчеркнуть святость материнства, показать остросоциальную драму или запечатлеть семейное счастье, обернувшееся трагедией? Едва ли можно ответить однозначно. Но лицо маленького Артура сохранилось и на других полотнах, завершенных уже после его смерти.

СВОИМИ СЛОВАМИ

о памяти и эго-документах

Школа гуманитарных наук и искусств
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

svoimi.slovami.journal@gmail.com
<https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/>

Редакторы

Лана Беленькая

lanabelenkaya4@gmail.com

студентка бакалаврской программы *Филология* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *литература русского зарубежья, марксистское литературоведение*

Юлия Воробьева

hellojuly2000@gmail.com

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *теория литературы, история идей, интермедиальные и мультимодальные исследования, memory and trauma studies*

Альбина Заверткина

albazav213@gmail.com

студентка магистерской программы *Глобальная и региональная история* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *биографические нарративы, городские исследования*

Татьяна Кочнева

tany-kotschneva@mail.ru

выпускница магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *эго-документы, советская субъективность, memory studies*

Ирина Летуновская

ieletunovskaya@gmail.com

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *история Холокоста, memory studies, trauma studies*

Мария Моисеева

moiseevamare@gmail.com

студентка бакалаврской программы *Филология* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *русская поэзия первой трети XIX века, Север в русской литературе*

Наталья Поповаnataly.portman.20156@gmail.com

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *рок-поэзия, песенная лирика, литература и музыка*

Мария Ралькоmarrryralko@gmail.com

выпускница бакалаврской программы *Филология* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *корпусная и экспериментальная лингвистика, когнитивистика*

Елизавета Шафранскаяelizshashasha@gmail.com

студентка магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *эссеистика, нон-фикшен*

Редактор англоязычных текстов**Эмма Мартин**kivameowth@gmail.com

выпускница магистерской программы *История стран Северной Европы (история, языки, культура Финляндии и Швеции)* Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ)
интересы: *легенды и верования Фенноскандии, детская литература стран Северной Европы*

Выпускающий редактор**Ирина Капитонова**irina.kapitonova.work@gmail.com

выпускница магистерской программы *Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах* НИУ ВШЭ СПб
интересы: *современная русская литература, memory studies*

In your own Words

about memory and ego-documents

The School of Arts and Humanities,
HSE University – St. Petersburg

svoimi.slovami.journal@gmail.com
<https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/>

Editors

Lana Belenkaya

lanabelenkaya4@gmail.com

Student of Bachelor's Degree in *Philology* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *literature of the Russian abroad, Marxist literary studies*

Tatiana Kochneva

tany-kotschneva@mail.ru

Graduate of Master's Degree in *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *ego-documents, Soviet subjectivity, memory studies*

Irina Letunovskaya

ieletunovskaya@gmail.com

Student of Master's Degree in *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *the Holocaust history, memory and trauma studies*

Mariia Moiseeva

moiseevamare@gmail.com

Student of Bachelor's Degree in *Philology* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *Russian poetry of the first third of the 19th century, the North in Russian literature*

Natalia Popova

nataly.portman.20156@gmail.com

Student of Master's Degree in *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *rock poetry, song lyrics, literature and music*

Mariia Ralko

marrryralko@gmail.com

Graduate of Bachelor's Degree in *Philology* at HSE University — St. Petersburg

Research interests: *corpus and experimental linguistics, cognitive science*

Elizaveta Shafranskaya

elizshashasha@gmail.com

Student of Master's Degree in *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University – St. Petersburg

Research interests: *essayism, non-fiction*

Julia Vorobeva

hellojuly2000@gmail.com

Student of Master's Degree in *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University – St. Petersburg

Research interests: *literary theory, intellectual history, intermedial and multimodal studies, memory and trauma studies*

Albina Zavertkina

albazav213@gmail.com

Student of Master's Degree in *Global and Regional History* at HSE University – St. Petersburg

Research interests: *biographical narratives, urban studies*

English editor

Emma Martin

kivameowth@gmail.com

Graduate of Master's Degree in *History of Nordic Countries (History, Languages, Culture of Finland and Sweden)* at Petrozavodsk State University (PetrSU)

Research interests: *legends and beliefs of Fennoscandia, children's literature in the Nordic world*

Executive editor

Irina Kapitonova

iakapitonova@edu.hse.ru

Graduate of Master's Degree *Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective* at HSE University – St. Petersburg

Research interests: *modern Russian literature, memory studies*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции пятого выпуска 16–18

1 Эго-документы: о чем могут рассказать рукописи, дневники и письма

Роберт Дарнтон. Семь веских причин не работать с рукописями. Перевод с английского Андрея Костина 20–31

Дневник Зинаиды Антоненко, 1919–1921 гг. 33–71

Карина Разухина. Зеркала блокады. Рецензия на книгу «“Я знаю, что так писать нельзя”»: Феномен блокадного дневника» 73–81

Зоя Гусева. «Тосковать и хандрить я начал, право, чуть ли не с 14 лет»: корпус писем Ап. Григорьева в свете истории эмоций 83–100

Марфа Русанова. Портреты «незнакомок». Рецензия на книгу «Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» 102–110

Алена Никандрова. «Дискуссия об отношениях»: гендерная (само)идентификация в переписке молодых людей 1960-х гг. 112–171

2 Память и литература: от медиальности текста к социокультурным контекстам

Астрид Эрл. Литература как медиум культурной памяти. Перевод с английского Альбины Заверткиной и Максима Шкиля 173–212

Виктория Кукушкина. «Когда умирают люди — поют песни»: память, нарратив, идентичность 214–233

Алина Турыгина. Что за память в этом теле? Екатерина Бакунина и ее роман «Тело» 235–251

Мария Дремина. **Влияние феномена ностальгии на нарратив в рассказах Т. Капоте «Воспоминания об одном Рождестве» и «Одно Рождество»** 253–271

Анна Матвеева. **Литературная репутация Фаддея Булгарина: факторы ее формирования** 273–284

Лариса Бекасова. **Ранние переводы Толкина на русский язык: социокультурные контексты** 286–352

3 Память и история: поминки по трудному прошлому

«Наша историческая связь с прошлым не искажена, но отформатирована». Интервью с Павлом Котляром 354–362

Дарья Чупрасова. **Первая мировая война в России: места памяти и где их искать** 364–374

Георгий Никитенко, Александра Шукурлаева. **Символическое конструирование памяти в ритуалах публичных похорон в СССР и современной России** 376–395

Анастасия Паршутич. **Изображение 1990-х в фильме «Маша». Ностальгия?** 397–409

Данил Лиферов. **Прошлое — ответственность настоящего.** Рецензия на книгу Евгении Лёзиной «XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах» 411–420

Пётр Гончаров. **Битвы памяти: победителей нет.** Рецензия на книгу Светланы Еремеевой «Память: поле битвы или поле жатвы?» 422–429

Авторам 431–436

TABLE OF CONTENTS

From the Editorial Board of the Fifth Issue 16–18

1 Ego-documents: What Manuscripts, Diaries and Letters Can Tell About

Robert Darnton. Seven Bad Reasons Not To Study Manuscripts. Translated from English by Andrei Kostin 20–31

Zinaida Antonenko's Diary, 1919–1921 33–71

Karina Razukhina. Mirrors of the Siege. Review on the book *"I know that it is prohibited to write like this": the Phenomenon of a Siege Diary* 73–81

Zoia Guseva. "I began to yearn and mope almost from the age of 14 indeed": Ap. Grigoryev's Corpus of Letters in Focus of the History of Emotions 83–100

Marfa Rusanova. Portraits of the Strangers. Review on the book *Women Lacking Camellias. Letters of the Public Women to N.A. Dobrolyubov and N.G. Chernyshevsky* 102–110

Alena Nikandrova. "A Discussion on Relationships": Gender (Self)Identity in the Correspondence of Young People in the 1960s 112–171

2 Memory and Literature: From Text's Mediality to Sociocultural Contexts

Astrid Erll. Literature as a Medium of Cultural Memory. Translated from English by Albina Zavertkina and Maksim Shkil 173–212

Victoria Kukushkina. "When people die, songs are sung": Memory, Narrative, Identity 214–233

Alina Turygina. What Kind of Memory is There in That Body? Ekaterina Bakunina and her Novel *The Body* 235–251

Maria Dremina. The Impact of the Phenomenon of Nostalgia on the Narrative in T. Capote's Stories *A Christmas Memory* and *One Christmas* 253–271

Anna Matveeva. The Literary Reputation of Thaddeus Bulgarin: Factors of its Formation 273–284

Larisa Bekasova. First Translations of Tolkien's Writings into the Russian Language: Socio-Cultural Contexts 286–352

3 Memory and History: the Trouble Past's Wake

"Our Historical Connection to the Past Is Not Distorted but Has Been Formatted." Interview with Pavel Kotlyar 354–362

Daria Chuprasova. World War I in Russia: Its "Sites of Memory" and Where to Find Them 364–374

Georgiy Nikitenko, Alexandra Shukurlaeva. Symbolic Construction of Memory in Public Funerary Rituals in the USSR and Modern Russia 376–395

Anastasia Parshutich. The Image of the 1990s in *Masha*. Is it Nostalgia? 397–409

Danil Liferov. The Past is a Responsibility of the Present. Review on the book by Eugenia Lesina *20th Century: Elaboration of the Past. The Practice of Transitional Justice and the Politics of Memory in Former Dictatorship* 411–420

Petr Goncharov. Memory Battles: There Are No Winners. Review on the book by Svetlana Eremeeva *Memory: the Battle Field or the Harvest Field* 422–429

For Authors 431–436

ОТ РЕДАКЦИИ ПЯТОГО ВЫПУСКА

Обычно мы пишем слово редакции вместе, но в этот раз мне хотелось бы обратиться к вам от собственного имени. Меня зовут Ирина Капитонова, как выпускающий редактор я курировала работу над всеми номерами Своими словами, которые вы видели до сих пор. И этот номер — мой последний.

Мы намеренно поставили на обложку провокационный образ: молодая женщина протягивает своего ребенка невидимому наблюдателю, стоящему точно на вашем месте. Ее лицо искажено, в нем нет ничего от хрестоматийной радости материнства. Радость — чувство, которое положено испытывать тем, кто завершает крупный проект и предъявляет его миру, скажем, защищает диплом или выпускает новый номер журнала. Но чаще после завершения мы остаемся один на один с пустотой: марафон окончен, финишная черта позади, что делать дальше — непонятно. Это ощущение пустоты усиливает специфика журнального медиума — мы выкладываем номера в свободный доступ, словно отдаем их невидимым наблюдателям, не представляя, что станет с ними дальше: скачают и забудут или откроют, прочтут? Пустота, к которой я готовлюсь, когда пишу эти строки, еще более тягостная — с этим номером мое участие в журнальном проекте закончится.

Итак, пятый номер для меня — особенный, но не только потому, что последний. Он посвящен темам, к которым я и сама питаю научный интерес — теме памяти и исследованиям на материале эго-документов.

Первый блок текстов посвящен эго-документам, и открывается он не статьей, но речью, в которой Роберт Дантон, заслуженный профессор и библиотекарь Гарвардского университета, предупреждает об опасностях, подстерегающих тех отважных исследователей, кто решит обратиться к рукописным источникам. Проштудировав наставления Дарнтонна, предлагаем вам применить их на практике и познакомиться с дневником Зинаиды Антоненко — источником периода Гражданской войны, который мы специально расшифровали и подготовили к публикации. Рядом с ним располагается рецензия на публикацию других дневников, нагруженных статусом исторического свидетельства — блокадных. Следующие три текста посвящены изучению писем: авторы исследований анализируют личную переписку не только известных литераторов XIX века, но и частных

лиц — Николая и Лилии, двух советских молодых людей, влюбленных друг в друга.

Второй блок объединяет исследования, работающие с памятью в литературе в самых разнообразных методологических рамках: от теории медиа, замкнутой на специфике текста как такового, до социологии литературы, вписывающей произведения в широкий социокультурный контекст. Блок открывается переводом главы из монографии немецкой исследовательницы Астрид Эрл, в которой предлагается методология изучения литературы как медиума памяти. Перевод дополняет статья, посвященная философским аспектам взаимоотношения памяти, нарратива и идентичности. Затем следуют статьи, анализирующие телесность памяти и ностальгии на материале конкретных текстов: романа «Тело» Екатерины Бакуниной и рассказов Трумена Капоте. Наконец, завершают блок два кейса на стыке социологии и литературы, в которых авторы исследуют, как формируется репутация писателя: в случае Фаддея Булгарина так, что спустя десятилетия после смерти в культурной памяти всё его наследие редуцируется до единственного мифа, в случае с Джоном Толкиным — так, что в одно и то же время без всякой внешней причины несколько никак не связанных между собой советских переводчиков начинают переводить его тексты на русский язык.

Третий блок рефлексировать по поводу памяти о трудном прошлом России — от слабо представленной в коллективной памяти Первой мировой войны до лихих девяностых и сытых нулевых. Открывает блок интервью с Павлом Котляром, историком и музейным деятелем, в котором обсуждаются возможности музейного медиума памяти. Далее следуют три исследования памяти об исторических событиях и периодах, авторы которых обращаются к самым разным методологическим рамкам: «местам памяти», антропологии похоронного ритуала, концепции рефлексивной ностальгии. Завершают блок две рецензии на недавно вышедшие книги, посвященные проработке трудного прошлого: теоретическим аспектам проблемы, а также анализу зарубежного и российского опыта переходного правосудия.

Пятый номер получился объемным во многом за счет публикации источников: не только дневника Зинаиды Антоненко, но и писем Николая Никандрова и Лилии Шичевой, полных расшифровок интервью с переводчиками Толкина и их близкими: Александром Грузбергом, Наталией Рахмановой, Марией Чепайтите, Алексеем Муравьевым. Надеюсь, что эти материалы будут интересны нашим читателям и полезны другим исследователям.

Наконец, я хочу поблагодарить всех авторов и участников редакции пятого номера: подготовка выпуска затянулась, тем ценнее то,

что мы всё же смогли дойти до конца. Благодарю анонимных рецензентов за их невидимый, но совершенно необходимый труд. Я также благодарю Анну Зотину, Елену Русских, Анну Смирнову и Елену Хохлову за своевременную помощь с отдельными материалами номера. Отдельное спасибо команде верстальщиков: Таисии Егоровой, Екатерине Кисляк, Татьяне Кочневой, Елене Русских и Варваре Тимофеевой. Наконец, я благодарю всех, кто участвовал в вычитке и сверке номера на финальном этапе. И неизменная благодарность Екатерине Алексеевне Калемановой и Илье Александровичу Калинину за поддержку в работе над журнальным проектом.

За сим я с вами прощаюсь и желаю успехов следующим выпускающим редакторам журнала «Своими словами».

Ирина Капитонова

1

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ:
О ЧЕМ МОГУТ РАССКАЗАТЬ
РУКОПИСИ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА

СЕМЬ ВЕСКИХ ПРИЧИН НЕ РАБОТАТЬ С РУКОПИСЯМИ

Роберт Дарнтон

Перевод с английского
Андрея Костина

Аннотация

Речь была произнесена Робертом Дарнтоном 30 апреля 1992 года на симпозиуме по использованию рукописей, организованном в честь ухода на пенсию Родни Г. Денниса, куратора рукописных коллекций в библиотеке Гарвардского университета.

Статья была впервые опубликована в сборнике «Harvard Library Bulletin» № 4 за 1994 год, с. 37–42. URL: [link](#). Перевод публикуется с согласия автора.

Seven bad reasons not to study manuscripts

Robert Darnton

*Translated from English
by Andrei Kostin*

Abstract

Professor Darnton's essay was delivered on 30 April 1992 at a symposium on the uses of manuscripts in honor of Rodney G. Dennis, retiring Curator of Manuscripts in the Harvard College Library.

The article was first published in the journal Harvard Library Bulletin No. 4, 1994, pp. 37–42. The author has given consent for this publication of the article to *In Your Own Words (Svoimi Slovami)*.

Для меня большая честь присоединиться к вам в чествовании Родни Денниса и марки качества, предложенной им всей нашей науке. Моя обязанность, если я понимаю ее правильно, — засвидетельствовать, насколько важны рукописи (упорядоченный архивный мир, где царствовал со славой Родни Деннис) для истории (беспорядочного мира книг, где написанное получаешь скорее, чем верное).

Эта задача более сложна, чем может вам показаться, поскольку мне приходится проповедовать обращенным. В конце концов, неужели кто-то сомневается в том, что важно пересекать мост, ведущий из Уайднер в Хьютон¹, чтобы пойти в исследовании дальше книг, к рукописным источникам? Чтобы обойти эту опасность, я поэкспериментировал с несколькими доводами адвоката дьявола, которые и предлагаю вам, надеясь, что я с ними *проиграю*, так что Родни Деннис в законном порядке получит свое чествование, а все мы прочие утвердимся в нашей вере, что лучшая из возможных историй — история, основанная на рукописях, рукописная история, которую я дальше буду именовать «рук-ист»², надеясь, что никого этим не оскорблю.

Как бы то ни было, я предупреждаю вас заранее — иногда дьявол со своими доводами одерживает верх. Чтобы держать его в узде, я ограничу его доклад семью пунктами. Дьяволу кажется, что рук-ист открывает врата семи смертным грехам: снобизму, эпистемологической наивности, псевдогероизму, бесполезности, неисполнимости, несогласуемости и пирронизму.

1. Снобизм

Первый пункт в обвинительной речи дьявола против рук-иста самый очевидный. Все мы встречались с рукописным снобизмом; некоторые из нас сами рукописные снобы. Когда мы открываем книгу, мы сперва просматриваем сноски. Если там нет впечатляющей горы ссылок на рукописи, мы заключаем, что эта история несерьезна. Худшие рукописные снобы смиряются только с правильным

1. Widener и Houghton — библиотеки в Гарварде, названные по именам дарителей университета. Уайднер — основная библиотека университета, хранящая книжные фонды, в том числе современные. Хьютон — библиотека, хранящая фонды редкой книги и рукописей. Здание библиотеки Хьютона было построено в 1942 г. в непосредственной близости к библиотеке Уайднера, причем два здания были соединены крытым воздушным переходом, который был демонтирован в 2004 г. из-за нарушения правил безопасности. Доступ к фондам библиотеки Уайднера для читателей, не ассоциированных с Гарвардским университетом, существенно ограничен по сравнению с библиотекой Хьютона, открытой для любого читателя. — Прим. переводчика.

2. Р. Дарнтон использует понятие «ms.-his.» — сокращение от «manuscript history». — Прим. редактора.

типом ссылок. Для историков Франции в 1960-х это были разряды F7 и Q Национального архива (излюбленные Альбером Собоулем); сегодня это разряды X и Y (их предпочитает Арлетт Фарж)³.

Снадобье от этого недуга простое: оставайтесь в Уайднер, кончайте читать рукописи, примите постмодернизм. Так, конечно, говорит дьявол. Уж он заставит нас поверить, что рук-ист представляет собой возрождение эмпирицизма — будь то его английская разновидность «просиживаем штаны» или французская, «позитивизм». Постмодернисту известно, что получаемый из рукописей доступ к истории не более надежен, чем из книг. Он насмехается над наивным представлением рук-историка, что рукописи — прозрачное окно в прошлое, «*Bloß wie es eigentlich gewesen ist*»⁴. У старой формулы Ранке не получается различить, что всюду дискурс; с ней мы неспособны к диалогу; она ведет прямо в эссенциализм; она эпистемологически наивна (пункт номер 2 в наборе доводов дьявола).

2. Эпистемологическая наивность

Я не хочу портить встречу, призванную воздать почести заслуженному архивисту, втискивая в эту лекцию еще больше жаргона, я и так уже наговорил достаточно, чтобы вы заметили за этим доводом чертовщину. Дьявол говорит: мы не можем соприкоснуться с прошлым. Мы можем лишь играть с оставшимися от него осколками — надписями, *écriture*, печатными или рукописными — неважно: в любом случае, мы используем эти клочки, чтобы составить историю, которая, возможно, никогда не случалась, которая сама есть не более чем объект нашего дискурса. Сами рукописи написаны дискурсом. Так что мы фабрикуем историю из сфабрикованного материала. Поэтому зачем биться, окапываясь в архивах? Поскольку дискурс проникает повсюду, почему бы не исследовать его там, где он гуще всего — в великих текстах? Эта нить аргументации ведет из Хьютон назад в Уайднер, да и, собственно, лишь к немногим полкам в Уайднер, ведь постмодернизм этого рода часто превращается в историю идей — идей, воплотившихся в великих книгах.

Я не смогу бороться с дьяволом на возвышенных полях эпистемологии, потому что защищать исторические исследования я буду на глубинном уровне копания в архивах. У архивной работы есть

3. Разряды Национального архива Франции: F7 — *Police générale*; Q — *Domaines*; X — *Parlement de Paris*; Y — *Châtelet de Paris*. — Прим. переводчика.

4. Как это было на самом деле. — Прим. ред.

что-то, сближающее ее с когнитивной археологией, отстаиваемой Фуко. Но на деле работать в архиве — значит пропахивать один короб рукописей за другим, пачкая руки. Рытье в архивах повышает вероятность случайных находок. Вам может попасться материал, не встраивающийся в принятую картину того, как все было устроено. Такая картина похожа на гигантскую мозаику, где большинство смальт потеряны, или на калейдоскоп, меняющий изображение, когда добавляешь новые кусочки. Вставьте какой-нибудь неожиданный материал, выкопанный в архиве — и очертания внезапно изменятся; не то чтобы от этого удастся прямо взглянуть на прошлое, скорее это помогает углубить, освежить, переосмыслить то, как мы видим род человеческий.

Разродившись этим хвалебным словом, я понимаю, что вынужден иметь дело с новым постмодернистским возражением: я злоупотребляю тропом, возбуждая сострадание к честному, суровому, приземленному архивному историку в противовес претенциозному, эзотерическому историку идей. Парадоксально, но тут рукописный снобизм начинает звучать популизмом: пока высоколобые умники читали Дерриду, мы — люди простые — хлюпали сквозь старые бумаги, и грязь забивалась нам под ногти.

3. Псевдогероизм

Когда рук-историки собираются и начинают говорить за жизнь, выглядят они, как ветераны Первой мировой — *les anciens de Verdun*⁵ — похваляющиеся тяготами жизни в траншеях, где мозолистыми руками были прорыты исследования. Ричард Кобб рассказывает о борьбе с реакционной архивисткой, которая, вооружившись ножницами, срезала с документов ненавистный штамп «*République française*»

5. Ветераны Вердена. Битва при Вердене — одно из самых масштабных сражений Первой Мировой войны, проходившее с 21 февраля по 18 декабря 1916 года. Название битвы используется как метафора кровопролитной, изматывающей борьбы. В контексте речи Роберта Дарнтона упоминание ветеранов Вердена приобретает ироничный оттенок.

Важно отметить, что этот образ также имеет сложный политический характер. Память о Вердене по меньшей мере после оккупации Франции имеет проблемный статус: маршал Петен, один из ключевых генералов сражения, конструировал память о нем — в том числе через представление обществу ветеранов как безупречных героев (для чего был создан *Légion française des combattants*) — как идею, вокруг которой должна объединиться нация. Память о связи Петена с Верденом (и, соответственно, ассоциация прославления ветеранов с режимом Виши) исключалась из официального нарратива после 1945 года, оставаясь при этом постоянно в поле дебатов. См.: Barcellini S. *Mémoire et mémoires de Verdun 1916–1996* // *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 1996. № 182. P. 77–98; Anglaret A.S. *Le Mémorial de Verdun et les enjeux de la mémoire combattante, 1959–2011* // *Revue historique*. 2014. № 669 (1). P. 29–50; Anglaret A. S. *Au service du maréchal? La légion française des combattants (1940–1944)*. Paris: CNRS Editions, 2023. — Прим. переводчика.

на верхнем поле. Еще он рассказывает, как после дня тяжелой работы в каком-то муниципальном архиве обнаружил, что заперт, так что ему пришлось «вырываться — назад — через окно на четвертом этаже — и с трудом спускаться на улицу, хватаясь за букву *A* в *Mairie*, карниз, флагшток и водосточную трубу»⁶.

Да и сам я сталкивался с опасностями не хуже. Однажды, разбирая бумаги одной флотской семьи, я открыл дверь чулана, и мне на голову с грохотом свалилось чучело аллигатора. А еще как-то раз я работал в одном муниципальном архиве, и фонды там хранились при скромном естественнонаучном музее. В музее была коллекция живых змей, они держали их в стеклянных ящиках и каждый день кормили мышами на полдник, на радость школьникам, у которых классы были на том же этаже. И вот однажды во время этого полдника беременная гадюка сбежала и скрылась за стеллажами, а потом отложила яйца как раз в рукописной части. Снаряжаясь к документам (у меня был ключ, я мог читать, что хотел), я воображал, что за каждым поворотом меня ждет схватка с детенышем гадюки.

Подобное хвастовство хорошо для эго, но плохо для профессии. Начинаешь играть роль *ancien de Verdun*, а не историка. Может, стоит вообще отказаться от этих тешащих самолюбие вылазок и спокойно остаться за линией фронта, в Уайднер?

4. Бесплезность

Роберт Палмер, мой предшественник в Принстоне, постоянно говорил студентам: «В архивы во Франции вы сможете поехать *после* того, как прочтете все книги в Файрстоун⁷»⁸. У нас уже есть так много отличной истории в печатном виде — почему бы не сосредоточиться на том, чтобы переваривать ее, вместо того чтобы собирать еще больше сырого материала? Если вы думаете, что это просто провинциальный принстонианский довод, я напому вам, что в Файрстоун хранится 3,5 миллиона изданий (всего на кампусе — 5 миллионов), если верить последним подсчетам; между тем в библиотеках Гарварда — 12 миллионов. Ваши проблемы серьезнее наших.

Когда нужно прочитать так много книг, зачем изучать рукописи? Я помню, как впервые познакомился с рукописью. Это случи-

6. Cobb R. *A Second Identity: Essays on France and French History*. Oxford, 1969. P. 55.

7. Harvey S. *Firestone Memorial Library* — основная библиотека Принстонского университета. — Прим. переводчика.

8. Цитирую по застольным беседам с его учениками; возможно, сам Палмер никогда такого студентам не говорил.

лось прямо здесь, на этой стороне моста вздохов, в Хьютон. На первом курсе аспирантуры, возвращаясь с завтрака в Юнион, я забрел в Хьютон и попросил посмотреть на экземпляр сборника эссе Эмерсона, принадлежавший Герману Мелвиллу. Через пять минут я держал его в руках и, следя за маргиналиями, воображал себе, что читаю Эмерсона точно так же, как его читал Мелвилл. Все, что я помню сейчас — ощущение того, как держу книгу в руках, и одна заметка на поле — злобная почеркушка под эмерсоновой метафорой о Мировой Душе, огибающей мыс Горн: «Да он никогда не плавал в Магеллановом проливе!», — написал Мелвилл (ну или что-то в этом духе)⁹.

Была ли эта информация полезной? Через три года я стоял перед собором великих инквизиторов на устном экзамене на степень по американской истории и литературе: Оскар Хэндлин, Кеннет Линн и Алан Хеймерт. Их первый вопрос был: «Расскажите о связях Эмерсона и Мелвилла». «Можно начать, — ответил я, — с маргиналий Мелвилла». Внезапно мне показалось, что они сидят в креслах и смотрят на меня очень настороженно (день был долгим, мы были сборной солянкой старшекурсников, страдающих полной расхлябанностью и весенним зудом) — и так же внезапно страница, на которой я когда-то разбирал руку Мелвилла, померкла. Экзамен прошел ужасно, и позже я дезертировал в историю Франции.

Так что, как видите, дьявол был прав: никакой, даже маргинальной, пользы в работе с рукописями нет. Но, с другой стороны, он за был, что у меня был и более удачный опыт с рукописями в Гарварде. Это тоже были маргиналии, и в этот раз они *оказались* полезны. К концу бакалавриата библиотекари в Ламонт¹⁰ попытались отучить нас от порчи книг, выставив худшие образцы наших граффити в стеклянных коробах у нижнего выхода из библиотеки. Я замороженно стоял перед пометами моих однокурсников: подчеркнутые абзацы, сбоку от них — записи, оспаривающие то, что эти абзацы скольконибудь важны; под ними — возражения на возражения, и так далее, в дивном диалоге, испещрившем все страницы. Много лет спустя я присоединился к своре историков, пытающихся взять след того, чем было чтение в прошлом, разработать достоверную историю чте-

9. В мелвилловском экземпляре книги: *Emerson R. W. Essays: First Series*. Boston: Munroe, 1847. 4th ed (Houghton Library, AC85.M4977.Zz847e) на 216 странице к тексту из эссе «Prudence» «The drover, the sailor, buffets it all day, and his health renews itself at as vigorous a pulse under the sleet, as under the sun of June» сделано примечание: «To one who has weathered Cape Horn as a common sailor what stuff all this is». (Подробнее см.: Cohen A. G., Yothers B. Introduction to Melville's Marginalia in Emerson's Essays: First Series and Essays: Second Series // Melville's Marginalia Online. URL: [link](#)). — Прим. переводчика.

10. Lamont Library — подсобная библиотека по гуманитарным и социальным наукам в Гарвардском университете. — Прим. переводчика.

ния, одну из самых сложных и ускользающих разновидностей так называемой «новой культурной истории». Возможно ли ухватить мыслительные процессы, с помощью которых читатели воспринимали тексты? Возможно ли избежать анахронизма, этого смертного греха большинства исторических исследований? Одна из лучших стратегий ведет через маргиналии, и я признателен Хьютон и Ламонт за то, что показали мне путь.

5. Неисполнимость

Все это хорошо, говорит дьявол, но история чтения — на самом деле, все поле истории книги, — так никогда и не взлетела, просто потому что она неисполнима. Обещает с три короба, а не дает ничего: грех номер пять.

Кажется, использование рукописных источников играет здесь решающую роль. Возьмем кейс Франции XVII века. Историки книги вроде Анри-Жана Мартена пытались составить общую картину литературы, которая на самом деле выходила на рынок (*la littérature vécue*¹¹) в эпоху *grand siècle*¹². Чтобы разметить ее, они опирались на печатные источники, в основном — на каталог Национальной библиотеки. Сейчас мы понимаем, что фонды BNF отражают менее половины названий, выпущенных в XVII веке. В ней хранится слишком мало дешевых народных книг, известных как *bibliothèque bleue*¹³, потому что они зачитывались в труху, и в любом случае библиотекари не считали их «литературой» и потому не включали в свои собрания. Эротические книги отправлялись в *enfer*¹⁴ Национальной библиотеки до самого недавнего времени. Так что история, основанная на печатных источниках, будет исключать самое обычное и самое горячее; ту самую глину, из которой слеплена почти вся современная культурная история.

Чтобы подобраться ближе к *la littérature vécue*, нам придется пересечь мост вздохов и войти в мир рукописей. Франсуа Фюре пересек

11. Букв. «живая литература». — Прим. ред.

12. Великий век — период в истории Франции, в течение которого государством правили три первых короля из династии Бурбонов: Генрих IV (1589–1610), Людовик XIII (1610–1643) и Людовик XIV (1643–1715), в скобках указаны годы правления. — Прим. ред.

13. Голубая библиотека — формат книгоиздания, представляющий собой популярную и коммерчески успешную серию брошюр в обложках из грубой серо-голубой бумаги. В книгах Голубой библиотеки печатались стихи, проза, а также познавательные тексты, астрологические предсказания и советы. — Прим. ред.

14. Преисподняя. — Прим. ред.

эту черту в 1960-х, когда перешел вброд широченный рукописный пролив — запросы на королевские привилегии (разрешения на издание книг) за весь XVIII век. Он обнаружил, что «новая» литература — романы, например, или трактаты всех этих *philosophes* — терялись по сравнению с изданиями классиков, благочестивой литературы, старомодными историческими и юридическими сочинениями, составлявшими основную часть чтения большинства читателей.

Работа Фюре казалась убедительной, потому что она замечательно согласовывалась со старой формулой истории «*Анналов*»: прослеживала игру структуры и конъюнктуры на большом временном отрезке, размахивая статистикой; и она доказывала, что инерция в культуре прошлого перевешивала инновацию.

Моя собственная работа пришла к противоположным результатам. Исследуя спрос на книги в тысячах писем восемнадцативечных книготорговцев, я обнаружил дикий и буйный рынок книг просветителей — и еще более вызывающих книг, вроде «*Венера в монастыре, или Монахиня в пеньюаре*» и «*Частная жизнь Людовика XV*». Конечно, разные архивы привели к разным выводам. И Фюре, и я оспаривали стандартный взгляд на литературную историю как классический канон, но в итоге наши ревизионизмы не согласуются. У Фюре французы читают исключительно Сент-Иасента; у меня — только д'Арженвиля¹⁵.

6. Несогласуемость

Ну и вот я уже почти в конце лекции (если вы считаете, мы добрались до номера шесть, несогласуемости), и я сам загнал себя в угол — туда, куда дьяволу и нужно. Вместо того, чтобы крыть победными доводами, достойными Родни Денниса, я сползаю в пирронизм. Не правда ли, спрашивает дьявол, наращивая преимущество, что все вы, рукописные историки, оказываетесь в заложниках у своих источников? Вам кажется, что вы сможете пробиться дальше, за границы печатного слова, а на самом деле вы замуровываете себя в узкие комплексы документов и попадаете за решетку к сомнительной структуре архивов.

Возьмем самый-самый выдающийся кейс: Алексис де Токвилль. Он доказывал, что Франция была подчинена централизующей власти государства. От интендантов Людовика XIV до префектов Наполеона — воробей не умирал, шпиль не ремонтировался без ведома

15. Furet F. *La 'librairie' du royaume de France au 18e siècle // Livre et société dans la France du 18e siècle* / Furet et al. Paris, 1965; Darnton R. *Edition et sédition. L'Univers de la littérature clandestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1991.

централизованной бюрократии. Откуда Токвилль это знал? Он изучал разряд С в архиве Тура, отличный комплекс документов, показывавший, как интенданты обменивались пространнейшими донесениями о церковных башнях со своими субделегатами и Главным Контролером.

Теперь так. Административная единица вокруг Тура была огромной территорией с почти миллионом жителей, включая одного интенданта и пять субделегатов. Как вообще могли эти полдюжины людей управлять гражданскими делами целого региона? Кажется, что все нити у них в руках — если смотреть через разряд С; но исследуйте их с другой перспективы, и придете к выводу, что Франция *недоуправлялась*. К такому выводу приходит еще один дьявольски умный рук-историк, написавший еще одну книгу со словами *L'Ancien Régime* в названии, Пьер Губер.

Для Губера история Франции происходит на улицах и в сараях крестьян, никогда не выдавших интенданта и буквально не говоривших на его языке. Вместо того, чтобы подчиняться власти всепроникающего государства, они сдавались недоеданию и чуме. Губер изучал приходские ведомости, по которым мог следить за борьбой между жизнью и смертью, воссоздавая динамику семей.

Пока Губер готовил свой шедевр, *Beauvais et Beauvaisis*, Эммануэль Ле Руа Ладური работал над своим: *Les Paysans de Languedoc*. Два молодых ученых садились на поезда в разных концах Франции — Бове и Монпелье — чтобы сверить выписки в парижских кафе. Это были великие моменты для истории истории, по-своему такие же великие, как моменты, когда Гиббон сидел на ступенях Форума и глядел сквозь века на падение и взлет Рима. Но с Губером и Ле Руа Ладური ужинал еще третий — дьявол. Он позаботился, чтобы у них вышли совершенно несопоставимые результаты. Сквозь приходские ведомости Бове семнадцатый век выглядел темным — временем демографических кризисов и экономической депрессии. Увиденный сквозь кадастровые рукописи Монпелье, это был век света — экономического и демографического подъема¹⁶.

Если бы дьявол хотел вывести из этой басни мораль, он сказал бы, что она показывает — социальная история, даже когда пишется самыми одаренными исследователями на самых богатых архивах, неизбежно запутывается в клубок противоречий. Вместо того, чтобы освободить нас от узкого книжного взгляда на прошлое, рук-ист сделал нас пленниками тех самых рукописей, от которых мы ждали избавления.

16. Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730, contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle*. Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Paris, 1966.

Не сомневаюсь — вы заранее знаете мой ответ: оба, и Губер и Ле Руа Ладури, были правы. Было две Франции — одна на севере, другая на юге; и, да, два семнадцатых века: один мрачный, другой солнечный. Рук-ист заставляет нас переосмыслить основные категории, такие как нация и век; и в этом, в частности, его сила.

7. Пирронизм

Славненько, говорит дьявол. А давайте возьмем работы Эрнеста Лабрусса и Мишеля Марино, двух лучших экономических историков, исследовавших развитие французской экономики в целом на протяжении всего восемнадцатого века. Выбрав цены на зерно в качестве индекса экономической активности, Лабрусс создал впечатляющие графики, показывавшие, как экономика росла все больше, в последовательности волнообразных циклов. Марино остановился на урожае с десятины, и у него вышли графики, остающиеся совершенно ровными более чем сто лет¹⁷.

Рук-ист обречен на пирронизм, грех седьмой.

Нужно отдать дьяволу должное: противоречия не дают покоя. Зарывшись в рукописи, историки надеялись увидеть историю «снизу», принять опыт рядовых и неумытых, сформулировать общую картину человеческого рода, *histoire totale*, как говорят французы. Но даже разделяя какие-то общие цели и методы, они пришли к различным заключениям, используя разные документальные комплексы.

Обойти это не удастся: рук-ист привел к кризису доверия. Мы переели архивных исследований. Напичкались документами. Мы больны — у нас род элфантиаза, закупорка пищеварительного тракта, которую я назвал бы монографизмом. Если мы собираемся когда-нибудь усвоить весь несогласующийся материал, добытый в архивах, нам нужны общие организующие идеи.

Так что — нам стоит повернуться спиной к Хьютон и побрести по неверному пути в Уайднер, издавая тяжкие вздохи? Не думаю. В конце концов, даже Фукидид иногда страдал от несварения, и никто на свежей памяти не верил в возможность или желательность увязывания прошлого в один опрятный пакет — никто, кроме охранников на входе в школу Маркса и школу Броделя.

Только дьявол будет пытаться загнать нас скопом в школы, искушая нас чистотой. Только Вельзевул протягивает предложе-

17. Labrousse C. E. *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris, 1933; Marineau M. *Les Faux-semblants d'un démarrage économique: agriculture et démographie en France au XVIIIe siècle*. Paris, 1970.

ние об упаковке — как будто прошлое можно затолкать в программу или сжать в микрочип. И я говорю — изыди, Сатана. Братья и сестры и почитатели Родни Денниса, противьтесь злomu духу. Примите свой удел. Знайте, что вы остаетесь обреченными населять мир кавардака, усыпанный несогласованностями, заросший противоречиями и забитый рукописями. Благодаря обилию пергамента и бумаги вы можете следить за тем, как ваши предшественники пытались найти путь сквозь смущение, и сами немного продвинуться вперед. Я верю, что это и есть призвание историка. Но историки никогда не могли бы взять след пропавшего человечества без помощников, заботившихся о рукописях. Так что в конце наша благодарность обращается наконец к Родни Деннису и его сотрудникам в виноградниках Господа нашего в Хьютон, ибо без них бумажной охоты не случилось бы никогда.

Роберт Дарнтон
Заслуженный профессор
и библиотекарь Гарвардского
университета, почетный доктор,
Гарвардский университет
robert_darnton@harvard.edu

Robert Darnton
University Librarian and
Carl H. Pforzheimer Professor,
Emeritus,
Harvard University
robert_darnton@harvard.edu

Андрей Александрович Костин
Научный сотрудник,
Университет Гренобль-Альпы,
лаборатория ILCEA4
a.al.kostin@gmail.com

Andrei Kostin
Researcher,
Université Grenoble-Alpes,
ILCEA4
a.al.kostin@gmail.com

ДНЕВНИК ЗИНАИДЫ АНТОНЕНКО 1919–1921 ГГ.

Благодарим Александра Смирнова, ведущего научного сотрудника Государственного музея политической истории России, за предоставление дневника и разрешение на его публикацию. В расшифровке участвовали Лана Беленькая, Юлия Воробьёва, Диана Габитова, Полина Казусева, Ирина Капитонова, Эмма Мартин, Юлия Мемова, Мария Моисеева, Мария Ралько и Елизавета Шафранская. Подготовила к публикации текст дневника и составила биографический комментарий Татьяна Кочнева.

Исследовательский интерес последних десятилетий к эго-документам, несомненно, сильно изменил наше представление об истории и историческом нарративе. За последовательной цепью причинно-следственных связей и единой канвой ключевых событий едва ли не впервые стала видна судьба отдельного человека — его жизненная стратегия, мировосприятие, ценностные установки и модели речевого поведения. Дневник Зинаиды Антоненко, найденный в одной из петербургских квартир и переданный в дар в фонды Музея политической истории России (Санкт-Петербург), не открывает истин и не делает сенсаций: как и любой источник личного происхождения, предназначенный не для широкой публики, а для себя, он концентрируется на частной жизни, за скобками оставляя исторические события, которые автору и так известны. К совместному проживанию этого короткого — чуть меньше двух лет — отрывка жизни мы и приглашаем читателя.

Фотография
Зинаиды Антоненко.
Ф.: ЦГА. Р-7240.
Оп. 5. Д. 159. Л. 5.

Зинаида Даниловна Антоненко¹ (Нека, как она подписывает одно из своих писем) родилась 20 августа (2 сентября) 1902 года, училась в Мариинской женской гимназии в Царском селе; с 1920 года, после окончания школы, работала в военном комиссариате. Эти скудные биографические сведения, которые внимательный читатель может извлечь из текста самого дневника, дополнить было непросто: был пройден долгий путь от метрических книг Царского села за 1902 г., хранящихся в ЦГА, до баз данных жертв политических репрессий и участников войны, а также погибших во время блокады в Ленинграде и Ленинградской области. Все эти поиски не дали результатов.

Первое доказательство — хотя и косвенное — подлинности дневника удалось обнаружить среди материалов Царкосельской Мариинской женской гимназии, в ЦГА. Это документы учителя Зины Всеволода Ивановича Яковлева, которого они с одноклассниками ласково называли «Тряпочкой»: удостоверение от 20 октября 1919 г. подтверждает его должность преподавателя в 4-й Детскосельской

1. Отчество установлено по дневнику, запись от 6 (19) апреля 1920 года: «Потом к нам пришел Батюшка, между прочем он сказал перед тем как начинать молебен: Зинаида Дан., а Вы пойте» [здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены — Т. К.].

единой трудовой школе² и «необходимость в свободном передвижении в г. Детском Селе»³, а в документе от 22 декабря 1919 г. сообщается следующая информация: «Настоящее удостоверение выдано Всев. Ив. Яковл. для предоставления в 5 Д. С. Ед. Тр. Школу в удостоверения того, что оны, В.И. Яковлев, из Школы обуви и галош не получал и не получит»⁴.

Главные находки, дополняющие биографию Зины, также были обнаружены в ЦГА — среди личных дел студентов Петроградского государственного университета и в рассекреченных делах Комиссии избирательных прав при Детскосельском Горисполкоме Совета РКК. В личном деле студентки Петроградского государственного университета сохранились заявление о зачислении в качестве слушательницы на химическое отделение физико-математического факультета⁵, удостоверение об окончании 1-й и 2-й ступеней Трудовой Школы от 5 мая 1902 года⁶, выписка из метрической книги Морского Николаевского Богоявленского Собора в Санкт-Петербурге⁷ и фотографическая карточка Зины, на обратной стороне содержащая ее подпись и подпись райуполномоченного, удостоверяющего подлинность фотографии, от 5 августа 1920 г.⁸

Из рассекреченного дела Комиссии избирательных прав при Детскосельском Горисполкоме Совета РКК мы узнали, что отец Зинаиды, Даниил Матвеевич Антоненко, в 1924 г. был лишен избирательного права как бывший собственник⁹. Доход от арендованного

2. Такое название Царскосельская Мариинская женская гимназия получила после Октябрьской революции. Любопытна запись в дневнике от 3 мая 1920 года (ст. ст.), рассказывающая о том, как Зина заполняла анкету при поступлении на работу в военный комиссариат: «вышло не удобно то что я написала “Маринскую” гимн. окончила. Ужасно неприятно». Вероятно, конфуз девушки связан с тем, что в новых реалиях она пользуется понятиями из старого времени, показывая тем самым свою принадлежность «прошлому».

3. ЦГА. Р-7584. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

4. ЦГА. Р-7584. Оп. 2. Д. 2. Л. 77.

5. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 1. Из заявления мы также узнаем адрес Зинаиды на лето 1920 года: Детское село, Захаржевская улица, д. 11. По этому же адресу проживал отец девушки — по крайней мере, до 18.11.1930 г., когда он написал первое заявление о восстановлении в избирательных правах. В 1919 году улица была переименована в улицу Володарского, а в 1993 году ей было возвращено историческое название.

6. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 2.

7. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 3–4. В графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» читаем: «Запасный унтер-офицер Л. Гв. Гусарского полка из крестьян Подольской губ, Брацлавского уезда, Рубанской волости, села Хвостовцы Даниил Матвеев Антоненко и законная жена его Наталия Владимировна, оба православные».

8. ЦГА. Р-7240. Оп. 5. Д. 159. Л. 5–6.

9. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

им дома в 1929–1930 гг. составил 1500 руб., подоходный налог 73 р.; в 1929 году он передал его в ЖАКТ¹⁰. С момента передачи дома, как мы узнали из дела, Даниил Матвеевич находился на иждивении дочери — и так как Зина не пишет о том, что у нее есть сестры, а упоминает только младшего брата, мы можем сделать вывод, что именно о ней речь идет в материалах комиссии. Так мы узнаем о том, что выйдя замуж, Зинаида получила фамилию Касьянова, а муж ее был командиром Красной Армии¹¹.

В деле собраны заявления Даниила Матвеевича в разные инстанции — от Детскосельского Горсовета до ЦИК — о восстановлении его в избирательных правах. За период с 18 ноября 1930 до 1 августа 1933 года он написал их по меньшей мере 7, но ни одно из них не было удовлетворено¹². Все заявления содержат автобиографические сведения, где оттачивается формулировка «правильного» социального происхождения и рода занятий до октября 1917 года. Пользуясь терминологией исследователя советской субъективности Игала Халфина, бывший царский унтер-офицер в разговоре со властью использует «ритуал герменевтики себя», иными словами, «пересоздает себя» в соответствии с критериями, которые поставляет идеология¹³. Так, в самом первом заявлении, датированном 18 ноября 1930 года, он пишет: «Я был рядовым солдатом в старой армии, а впоследствии младшим унтер-офицером, происходил из бедных крестьян Подольской губ., сейчас имею родственников крестьян. Бедная жизнь заставила меня остаться на сверхсрочную службу, а потом и совсем остаться в Д/селе. После революции 3 года [неразб.] на жел. дороге. При наступлении Юденича служил в Красной Армии (7 армии). В момент занятия белыми Батецкой, кружным путем, рискуя жизнью, добывал и доставлял продовольствие для штаба VII армии»¹⁴.

Именно это место в заявлении Даниила Матвеевича прямо соотносится с записями Зины в октябре 1919 года. В дневнике ее, относящемся к периоду Гражданской войны и военного коммунизма, описанию реалий этого трагичного времени отводится не так много места. Однако 9 (22 октября) 1919 года мы читаем следующее: «Папа

10. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

11. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

12. Формулировки отказов сами по себе потрясающи, см., например: «... ОТКАЗАТЬ, в виду того что после сдачи дома в ЖАКТ и вообще не проявил себя лояльным к Советской Власти на общественной работе» (ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 9).

13. Halfin I. *Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial*. London: Harvard University Press, 2003. P. 7.

14. ЦГА. Р-9133. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

еще не приехал, да уже теперь ему долго не вернуться, где-то он теперь: сидит ли в деревне, копает ли окопы? очень интересно. Чем это все кончится? только бы не вернулись к нам “красные”». Исследователя эти слова скорее приведут к гипотезе, что отец Зины воевал на стороне белых, однако, как видно из материалов ЦГА, сам он утверждает обратное. Так или иначе, в то время, когда девушка писала эти строки, Даниил Антоненко — если верить его словам — находился в самой гуще исторических событий: в период с 20 по 29 октября (н. ст.) 1919 года станция Батецкая была занята белыми войсками¹⁵, и остается только догадываться о том, на чьей стороне в действительности был наш герой. 9 (12) декабря 1919 года Зина запишет следующее: «...раздается стук; это был папа; он приехал с Люболяд на лошади с мужичком; привез довольно много провизии, так что мы опять живем».

С конца декабря 1919 года политическая повестка полностью исчезает из дневника: Зинаида пишет о подругах, гимназии, семье, смерти младшего брата Шуры, о любовных переживаниях. Однако любопытные детали эпохи читатель может почерпнуть и из «наивных» записей, рассказывающих о повседневной жизни гимназистки: 27 января (9 февраля) 1920 года Нека рассказывает о поездке на экскурсию в Петроград: «Ах, да на экскурсионной станции нас кормили; суп с картошкой и каша пшеничная с сахаром, но без соли. Нас было всего 13 человек, а т.к. стготовили на 30 чел., то нам полагалось больше, чем 2 порции; дали же нам только 1½ тарелки супу, 1½ порции хлеба и порцию каши. Всев. Ив. (тряпку нашу) заставили подписать, что нас было 30 чел. Ведь это свинство, нахальство, больше ничего...»

Читателю, возможно, небезынтересны будут и пометы на страницах дневника: в расшифровке мы отразили подчеркивания, сделанные простым и красным карандашами. Однако трактовать их не так просто: выделяла ли важные моменты в своей жизни сама Зина или кто-то из читателей ее записей? Ответ на этот вопрос — как и на многие другие — остается открытым, но от этого дневник не становится менее интересным: как и любой источник личного происхождения, он вносит свой вклад в изучение истории повседневности, показывает зазор между универсальными объяснительными схемами исторического нарратива и опытом проживания реальности отдельного человека.

15. *Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М.: Госполитиздат, 1941 г. С. 101–127.*

[Первые страницы дневника вырваны. — Т. К.]

... очень лестно; и даже подняло настроение. Это говорила Дуня председателя. Я сейчас пишу и улыбаюсь, во первых потому что на меня “во все глаза” смотрели Крестина и Шура (женицы, мать с дочерью), и, наверное, ни коем образом не думают, что и они попали ко мне в дневник. Вчера день провела довольно скучно: ездила за сеном с Василием Ив.; вечером собирали вишни, так что потом было веселее. Ах как приятно быть в саду, когда тебя окружают вишни и ты их ешь, сколько угодно! Ну сегодня день очаровательный! если бы каждый день проводить так, то было бы очаровательно.

Воскресенье 28 июля / 10 августа

Сегодня положительно нечего писать. Была за обедней, потом меня пригласили Сладковы, где я пообедала при чем очень вкусно: соленые огурцы, каша из мятой картошки с яйцами и чай с молоком и пирогом с малиной; да, еще я съела 2 яблока, которые приподнесли мне мальчики, такие славные, красненькие, просто об'едение. Придя домой я сели наши обедать, ну я, конечно суп уже не могла есть, но когда подали творог, облитый маслом, то тут я уже не могла устоять, чтобы не съест такую прелесть; потом почитала, пощипала ветки маменьке для чаю и вот села писать. Сегодня что-то ели-ели пишет рука.

Вчера ходила за малиной и промокла насквозь; т.к. не одела ничего потеплее, то и захладала “не на шутку; потом была в бане, где так противно было, что я не могла: душно, я думала задохнусь, жарко и все что хочешь, дай Бог, чтобы никогда больше не мыться в этой противной бане; надеюсь в ту субботу уже быть дома. Скорей бы приехал папа, я хочу, хочу и хочу увидится скорей с нашими и еще больше хочу в годовщину Буленькиной смерти быть дома, чтобы заплакаться с нашими вместе по моей дорогой; ведь, здесь и панихиды не отслужишь нѐ. Да, нет, нет я буду должна и буду 6ого дома!

Вторник 30 июля / 12 августа

Ведь это свинство папа не едет да и на, если завтра он не приедет, то я не знаю что буду делать, ведь, я же 20-тый раз уже повторяю, что 6ого я должна быть дома и если папа приедет в субботу, то я настою на том, чтобы в воскресенье выехать; это, ведь, последний срок.

Сегодня была за малиной, набрала карзинку и половину наборки, кроме того нашла немного грибов для супу, наломала веток и наелась сама малины порядочно. Въ общем удачно сходила, не сравнить со вчерашним: я вчера промокла до рубашки, так что когда мы с Люб. Мих. возвращались домой, то мокрая юбка так неприятно хлестала по ногам, прилипая, что ужас да и только. Я уже довольно много насушила малины, еще бы надо бы чаю насушить побольше.

Письмо

Среда 31 июля / 13 августа

Дорогие мои и милые Муленька, Папа, тетя и Шура, крепко, крепко Вас целую.

Я очень удивляюсь почему папа так долго не едет поэтому и пишу письмо; ведь 6 августа во вторник такой день, что я хочу во что бы то ни стало быть дома, среди “своих”, поплакать по моей дорогой и как следует помолиться вместе с вами. Неужели вы этого не понимаете? Я еще до сих пор не могу смириться с тем, что мне не пришлось быть дома в час бабушкиной смерти, а тут Вы меня мешаете быть дома в годовщину ее смерти; Неужели ты, Мулька, этого не могла понять и уговорить папу ехать за мной, чтобы по крайней мере в понедельник 5ого августа утром я могла бы быть дома? Если бы ни этот день, я бы еще ~~ничего~~ могла бы погостить здесь мне, ведь, здесь нельзя сказать, что худо, пока есть малина, я хожу в лес за ягодами и сушу их; насушила довольно много, да и т.о. Может быть это письмо придет, когда уже папа уедит, если же оно придет и папа будет дома, (что бы я бы очень не хотела) то пусть папа постарается выехать поскорей. Папа мне сказал что он приедет через полторы недели, вот я не думала, что он так запоздает и потому не предупредила его что что 6ого августа я хочу во непременно быть дома. Я думаю, вы сами согласитесь, что во такой день, как годовщина смерти моей дорогой, любимой бабушки, когда у нас снимается траур, мне приятно быть дома, с вами, сходить на кладбище помолиться, отслужить панихиду. Тут, ведь, панихиды не отслужишь, так как батюшка служит здесь только за муку или за хлеб, да я даже не хочу и допустить и этой мысли; я хочу быть дома! Все подробности здешней моей жизни я расскажу, когда приеду; будет потом приятно вспомнить, как я провела время в деревни, теперь я все поглощена тем, чтобы папа не запоздал и мне не пришлось бы в Преображение быть здесь без Вас.

Целую вас всех крепко, крепко и обнимаю.

Ваша Зина.

P.S. Для тети я лапти припасла.

Шурку и беру я целую в обе розовенькие щечки; он, наверно, рад, что Зинка его вот уже 3 недели не мучает уроками и не орет. Наконец, не случилось ли чего-нибудь там у Вас? не заболел ли кто? но я думаю, Вы бы в таком случае мне написали. Так что я не знаю что и предположить что с Вами там стряслось, что папа так долго не едет.

.....

Написала письмо на “черново” и не знаю посылать его или нет. Сегодня до обеда штопала чулки, после же обеда все время читала, кончила книгу и начала писать. Так прошел весь день. Все мое настроение видно из письма.

Пятница 2 / 15 августа

Вот уже 3 недели как я здесь. Папа что-то не едет, я уже начинаю терять надежду, что он когданибудь приедет. Ведь, это, наконец, невыносимо. По временам мне кажется так грустно, так хочется домой. Даже мне довольно-таки надоели, особенно Шура, плакса невозможная.

Суббота 3 / 16 августа

Вот я села писать, но сама не знаю, что писать, ведь, все одно и это одно выражается в том, что я хочу домой, я чувствую, что сейчас заплачу и даже хотела бы этого. О как я была счастлива, если здесь был папа и я знала бы, что скоро буду дома. Ведь вторник то ни “за горами” и чувствуется, что мне придется провести его одной, о как грустно, как грустно! Я думала, что уже мне больше не придется мыться в бане, и, ведь, сегодня суббота: я собираюсь опять в баню; я же человек практический и вот не хочу упускать случая вымыться. Но дай Бог, чтобы это было бы в последний раз. Сегодня я утра учились тоскать лен, потом у меня пошла кровь из носу и я ушла домой. Целый день читала “Амея”, но вот, наконец, надоело и я села писать. Чтение навело меня на грустное настроение, как это бывает всегда, но вместе с тем после чтенья не вызывает у меня льется плавная речь; вот как сейчас: я думала, что ничего не напишу, как и вчера, и между тем уже накатала страницу. Ах, что-то там подельывают, дома; наверное, ушли в церковь: мама с Шурой, и тетя готовят ужин; а может быть, на мое счастье, сегодня 8 — отправляли папу, так что все дома, и преспокойно сидят ужинают. Получили ли они мое письмо? Думаю, что нет. О, если бы получили!

.....

Вчера утром штопала чулки, между прочем очень прилежно, нашла мания работать, Люб. Мих. тоже работали! После обеда почтала и, когда кончила книгу, то оделась, т. к. было холодно; и собрала упавшие яблоки, мыла с бабушкой картошку, ходила за лаптями; Шуркины лапти готовы, очень миленькие, аккуратные; потом хотела переменить книгу, но Д. П. не оказалось дома, я вернулась к себе под окно, потом, посидев немного, пошла с Настей Сладковой в огород к ним варить картошку. Там посидела, полюбовалась и пошла домой. После ужина (ужинали, как только я пришла, переменяла книгу) легла по обыкновению спать в надежде, что завтра придет папа, так же по обыкновению этой недели. Вот и весь вчерашний день; я вчера была не в настроении его описывать.

Была в бане, где вышла неприятность, на меня бабы начали косяться, что я трачу много воды. Моюсь не по ним. Это меня взбесило.

[Вырвано несколько страниц. — Т. К.]

вообще куда я делась. Ната и та заходила 2 раза ко/мне, за что я ей очень благодарна. Зинка свинья!

Вторник 20 августа / 2 сентября

Сегодня мое рождение; вот уже мне 17 лет, я не особенно рада, жаль 16-ти. Когда то в этот день у меня бывали Лида, Роберт, иногда и еще кто-нибудь; было весело и вкусно; хотя и сегодня мне приятно, так по-семейному пили чай со ржаными лепешками с конфетами (по одной конфетке и монпасьешке). Утром потолкалась на кухне: мыла картошку, чистила вишню; потом пошла в гимназию за удостоверением, но ничего не добилась. Сейчас собираюсь с мамой к модистке, заказывать шляпу. Давно я не писала, хочу описать события, которые помню, после 8 авг. 10 августа приехал папа, я в это время читала в новой избе, вдруг Хавр. Дм. кричит меня, она брала воду в колодце, я выбежала и увидела папу. Не успел папа войти в избу, как нашли бабы разсматривать, что он привез, у меня даже голова разболелась. Потом закусили, мужички пошли веять, а мы с Л. Мих. стигли овец, двоих стригла Люб. Мих., и третью бабушка, я же держала их; потом я пошла с Шурой в гумно, отнести лукошка. Вечером я шила платки Ан. Пав., потом с Шурой пошла к Анне Пав. снести сшитый платок, где я попила ржаного кофе с молоком, с хлебом с маслом; Шура была очень довольна, что я ее взяла с собой, она выпила блюдечко кофе, а кусочек сахара принесла домой. Это было когда

бабушка с Люб. Мих. ушли в баню. В воскресенье 11ого авг. я с Папой с и гостями Гуляки была в церкви, после чего меня пригласила Рая обедать; там был молочный суп, тыквенная каша и стакан молока с вотрушкой. Вернулась я домой с Раей, выпила чашку чаю и мы, посидев в новой избе, пошли в сад порвали яблок и пошли в сад, там посидели довольно долго и, наконец, пошли домой; на дороге встретилась Подгорная и сказала, что меня ждут обедать, мы с Раей прибавили шагу, но, придя домой, папа куда то ушел, стали ждать его обедать. Пошел дождь, я пошла искать папу и нашла его у Сладковых. Что было в этот день вечером, я забыла. В Понедельник 12 авг. утром я читала, мне очень хотелось кончить роман “Нерон”, очень длинный и интересный, в общем в моем духе. Но дочитать я все-таки не смогла бы, перед от’ездом было много дела. Поэтому я бросила читать, пошла с Шуренком в гумно, где накладывала солому на воз; потом обедали, после чего мы стали укладываться, я с Шурой пошла за мясом, в то время, когда мы были в избе пошел дождь, так что нам пришлось там довольно долго просидеть. В 6 часов мы выехали; ехали на лошади полтора часа. Надоело писать.

Письмо 20 августа по старому ст.

Дорогие Ив. Ив., бабушка, Люб. Мих., Василий Ив., я давно собралась написать Вам письмо, да все как-то некогда было, ведь мне здесь больше дела, чем там у в деревне. Я часто часто вспоминаю Вас всех, рассказываю нашим как я помирала со смеху, рассказываю нашим как я помирала со смеху когда иногда Вас. Ив. и Ив. Ив. смешили меня. Очень приятно вспомнить этот месяц в деревне; все знакомые находят, что я очень поправилась у Вас, даже как то не ловко себя чувствуешь: здесь все похудели, побледнели, а я наоборот хорошо выгляжу. Как Вы поживаете? Как поживает хлопотунья бабушка? Я очень очень благодарю ее за ее вниманье ко мне; я слышала от папы, что она теперь на небесах от радости; ведь, долгожданный ее сынок Ал. Ив. дома, а то она бедная все беспокоилась о нем. Помните, Люб. Мих., как мы с Вами вымокли, собирая под дождем малину, пришли домой мокрые, как курицы. Ну как Шуренкины глазенки? ведь, она, кажется была в городе у доктора. Так же ли она жмурится по утрам, как при мне. Я часто вспоминаю, как моя хорошая Толстушка говорит: “Ты мне головила, сто дась мне лабыцка. Целую я ее и крепко, крепко обнимаю моего толстенькаго Шуренка. Вспоминает ли Неку Колюшка; я бы очень хотела поцеловать его сейчас и услышать его лепет: “Нена дай яга”, “Баба дай “лига”, “клика”, блига”. Челвки чай”. Васеньку то же целую, он наверное по прежнему играет со своим товарищем Дюсей. Я теперь должна каждый день ездить в Петроград,

поступила на курсы пишущей машины; в воскресенье была с подружками в Театре, завтра то же иду в Театр., в общем опять вошла в свою колею, первый же день, как только я приехала из деревне, мне казалось, что я переехала на новую квартиру. Привет Вам В всем от наших: папы, мамы, тети и Шуры; Мама еще раз благодарит Вас за заботы ко мне. Кланяюсь я Вам; дорогую бабушку и милую Люб. Мих. крепко, крепко целую. Нека Зинаида Зина (Нека) Антоненко.

Поклон всем знакомым: Рае; Насте, Мане и всем остальным Сладковым, Жене, Дуне и Паше Белоусовым, Благодарю Дуню и Дм. П. за книги.

12 / 25 сентября Четверг.

Как давно не принималась я за дневник; уже скоро месяц. Вот на этой недели начались занятия в гимназии. Я сегодня по обыкновению ездила на курсы; со мной ехали Вера Вушкан, Зина Сем. и “новенькая” заказывать значки; но они ничего не нашли: значки никто из ювелиров не берется делать. Очень будет жаль, если мы останемся без них. Между прочем “новенькая” Чаховская мне не понравилась; конечно, нельзя судить человека по первой встречи, но первое впечатление о ней у меня сложилось не лестное для нее. “Наши” рассказали мне про гимназию, после чего мне так захотелось пойти туда, но я уже решила в готова была даже бросить курсы; но теперь я помирилась с моим положением: решила пока не ходить в гимназию; ведь, бросать курсы то же не приятно: во первых пропадут 400 руб., да и жаль потраченное время, ведь потом, если бы я хотела доучиться, пришлось бы начинать сначала. Что же делать? пока буду брать уроки и проходить с ними вместе, а потом может быть какнибудь устроюсь. На обратном пути я встретила с Верой и Зиной. В вагоне я обедала (вареную картошку с хлебом), так/к. прямо с вокзала я должна была идти в баню, где меня ждала тетя. После бани очень хочется спать, но я так давно не видела дневника, что решила написать хоть немного. В бане была Мария Кириловна; она благодарил меня за деньги и (мне даже стыдно подумать, дрожь пробегает по телу) поцеловала мне руку. Ну зачем она сделала это; мне так неудобно даже вспомнить; ведь, она — старушка, а я — девчонка. “Прощай мой дневничок, постараюсь не забыть тебя”.

Завтра пойду к модистке: шляпа уже готова, только бы она ко мне шла, а то у меня все какие-то дурацкие шляпы.

Среда 9 / 22 октября.

Прошлый раз я попрощалась с дневником, как будто знала, что не возьму его целый месяц. Сколько перемен за этот месяц: во первых к в Царское вошли вчера белогвардейцы, вот уже неделя как у нас идет пальба, мы так привыкли к ней, что даже не слышишь, сначала же было страшно, хотя я то лично не боюсь. Вчера я утром пошла в гимназию, встречаю на дворе Пулиму, который и объявил мне такую радость: “У нас белые”, у меня даже сердце ёкнуло. На Волхонской ул. мы разговаривали с “белым” солдатиком; у бывш. Военного Комиссариата стояли мальчишки, у всех у них по винтовки; они спросили сказали солдатики: “вот вам винтовки, куда вам нести?” Славные мальчишки, они, видно, приберегли эти ружья для белых, тоже помогают. В Царском, около Гостинного двора стоят целые толпы: это белые, кетт солдатика два-три, окруженные народом; народ рассказывает им про голод, про беды, нанесенные “красными”; все такие радостные, обмениваются улыбками, совершенно незнакомые. “Белые” сулят белый хлеб; но вместе с тем у всех вокруг является сомнение: “А вдруг ‘они’ пробудут у нас недельку, да и уйдут”; ходят слухи, что они пришли на Петроград только для того, чтобы все силы “красных” приманить с юга сюда. Да и правда, что то сегодня выстрелы слышнее, чем вчера, ни отогнали ли опять белых: они теперь наступают на Петроград? Мы с мамой, идя вчера за водой на Саперную в д. Манамайтис, (мы теперь два раза в день ходим за водой; вода не идет вот с понедельника по всему городу) видим, что все бегут с капустой, оказывается это несут с огорода, наверное, с “большевистского”, т. к. те улепетнули, то капуста осталась ни чья; вот народ и разбирает ее; мы с мамой решили то же итти. Но когда мы туда пришли, там уже все разобрано, мы думали, что придем с пустыми мешками, но какое-то нам удалось набрать: белые листики, кочешки маленькие и немного свеклы, штук 10; (это я набрала; чтобы не итти пустой, я решила набрать хоть свеклы), маме же было так досадно, что мы продрали напрасно так далеко, что не хотела брать ее. Все-таки мы принесли, но что нам это стоило: ноги промокли, все в глине, подол юбки грязный мокрый, косьмы висят; еле-еле очистились. Курсы я еще не кончила, еще осталось 13 уроков. Папа еще не приехал, да уже; теперь не ему долго не вернуться, где-то он теперь: сидит ли в деревне, копает ли окопы? очень интересно. Чем это все кончится? только бы не вернулись к нам “красные”.

10 / 23 окт.

Бедный народ опять нос повесил: “красные” у нас; мои вчерашние опасения оправдались. Один Бог знает, что сегодня ночью мы перенесли; вчера вечером началась такая пальба, после того, как мы с мамой сходили за водой (это было в 6 час.), говорят много убитых; над нашим домом стали летать снаряды, поднялся свист; я спустилась к Арензон спросить, что они будут делать, не думают ли итти в подвал, но они пригласили нас себе посидеть, мы же решили остаться дома, поужинали. Но потом пришел Арензон и посоветовал итти на почту, связать узлы. И вот у нас поднялась суматоха: связывали узлы, тоскала их на почту, а снаряды то так и разрываются недалеко от нас, свистят. Потом как-будто утихло немного и мы решили, хотя и не спать, но остаться дома; вдруг в 1-ом часу ночи раздаются два сильных удара и снаряды со свистом пролетают, вот вот кажется сейчас влетят в окно, но все проходит благополучно, но уже после этого дома оставаться страшно. Собрав узлы, пошли мы на почту, долго стучались в окно к Ивану Мат., т. к. через парадную итти страшно; наконец нам открыли. Мы расположились на самой почте, я спала на столе, голова же на вырочке, в общем устроилась хорошо; потом это место я уступила маме, сама же легла на вырочку, здесь уже было хуже, уже; тетя всю ночь сидела, Шура же спал на диване деревянном. Конечно, спали мы довольно плохо, в 8-ом часу утра, мы пришли домой, напились чаю; но тут опять началась пальба, опять пришлось итти на почту. Там я списывала “Психологию”, мама шила, Шура спал, лежал, а тетя сидела. Так просидели мы до 2-х часов, потом обедали тоже там, разогрев суп и картошку у Анаст. Вас.; после же обеда вернулись домой, стрельба уже не так слышна. Вот какие страхи переживаем, что-то дальше будет, я думаю белые скоро вернуться; ведь, красные нас с голодуом погубят. Завтра мои именины, я же настроена не по праздничному. Слава Богу, что хоть дома ночуем. Зина С. то же именинница, а Бог знает где она теперь, не погорели ли; ведь вчера горела колония, вокзал, а с другой стороны было ужасное зарево; от пажара Александровки. Шурка совсем болен, такой бледный стал, у него расшиблена рука и идет носом кровь; с ним то же порядочная возня. Пора спать, ведь сегодня нужно отоспаться за две ночи.

Понедельник 2 / 15 декабря.

“Боже! Как давно я не писала уже почти 2 месяца. А сколько перемени — за это время! Кончила я курсы; после всех ужасов мне пришлось ездить только 1 неделю, потом пошла в гимназию, в первый же день моего прихода Виктор Григорьевич дал мне риферат на тему “Грибоедов и “Горе от ума”. Сколько трудов положено на него, я совсем было отчаялась, думая что у меня ничего не выйдет; на той недели во вторник 26 нояб. ст. ст. / 9 декабря новый ст. утром я переделала всю биографию, когда же принялась за “Горе от ума”, мне казалось что у меня ничего не выходит; думала что уже все пропало, даже придумывала как бы но вот заблаговестили и я решила пойти в церковь помолиться. После того как чаю я немного пописала и пошла, но всенощная уже отошла (это было около 7 ми часов), не смотря так досадно было, что не пришлось помолиться у образа Божьей Матери; тогда я просто около церкви помолилась и пошла домой, и вот после ужина дело пошло, я написала довольно много. На следующий день я пошла к “Знаменью” (27-го, как раз праздник), после “гимназии”, потом зашла к Вере Вушкан за физикой; после чего — к Шуре в гимназию за уроками. В этот день я кончала реферат, поэтому сидела до 3-х часов ночи. Но это было не в диковинку, с тех пор как я начала его писать, раньше 2-х часов не ложилась. В общем помучилась я с ним на славу! Сегодня я уже совсем покончила с ним, Виктор Гр. Чернобаев сказал, что он очень содержательный и недостатков в нем нет, пособия использованы добросовестно. Вот что значит помощь молитвы. После гимназии сегодня я занималась на рояле, потом позанималась с Шурой немного и пошла к 6-ти часам на урок математики; но в гимназию не дали электричества, так что заниматься не пришлось: посидели в передней, посмеялись с Павлом Карловичем (очень славный человек, у нас уже было установились с ним дружеские отношения, да всему напортили эти злополучные Курцер и Арсеньева; прямо позор, что они выкинули в субботу на вечере, как рассказывала Рита и Клавдия.) потом перешли в учительскую, и там при свете лампы беседовали с Пав. Кар. на математическую тему, потом пришла Наталья Ивановна, а скоро прикатился и В. Гр. Чернобаев, кот. должен был прослушать всех, кот. будут декламировать стихот отрывки из “Евг. Онегина” в среду. Очень хочется спать, теперь надеюсь, что будет свободное время для дневника.

Понедельник 9 / 22 декабря

Сегодня причастилась; после чего придя от обедни, толкалась на кухне. Только что пообедали, собираюсь к Вушкан за уроками. Вчера была за обедней после обеда играла на рояле, потом наши; мама и тетя, пошли в 4 часа ко всенощной: должны были из Колпина принести “Николая Угодника”; за это время я предполагала заняться с Шурой, сделать уроки и почитать, но не тут-то было: села я заниматься с Шурой (на кровати: у Шуры болит нога), как вдруг кто-то стучится, оказывается это Зинаида Ив. Быкова просить в долг дров. Я просила ее зайти позднее, когда придут наши. Она ушла, мы с Шурой “капельку” поучились, как опять раздается стук; это был папа; он приехал с Люболяд на лошади с мужичком; привез довольно много провизии, так что мы опять живем. Мне пришлось ставить самовар, топить печи, кот. я никогда не топила, с грехом пополам затопила. Потом пришла Быкова, мамы еще не было, папа же не хотел показываться, так что она осталось было ждать маму, но по наконец, папа велел мне дать ей дров. Мама с тетей пришли в 10-ом часу, сели ужинать, а потом скоро и спать. Но все это еще было бы ничего, если бы папа был человеком, а то он прямо невозможен: все время злится; когда у меня ничего не выходило с печами, он ходил, да смеялся, но смеялся со злостью на лице. А мне право нет совсем времени и хозяйничать, и учиться, и заниматься с Шурой, и на рояле надо играть, и чулки заштопать; даже почитать некогда. Сегодня встала в 6 часов, так. к. обедня должна была начаться в 7 час., но батюшка, видно, проспал. Мы с мамой пошли в церковь, не думая, что будем исповедываться. Я очень рада, что поговела с мамой. Сначала я хотела итти в гимназию ко 2-му уроку, после обедни; ну ладно, я не думаю, что много потеряла, что не пошла. Сейчас иду к Вере.

3 / 16 января Пятница 1920 года.

Сегодня у меня настроение ужасное, к вечеру как будто стало лучше. Опять началось ученье, сегодня занятий не было: Чернобаев только пришел в класс дал задние, Павел Карлович целый урок проговорил, а остальное время мы сидели, да разговаривали. После гимназии я зашла за завтраком к Шуре в гимназию; потом пообедали, поиграла на рояле одной рукой, на второй болит палец и вот села писать. Ну и помучилась я с пальцем на Рождестве. Вообще это Рождество я провела довольно скучно: приехал папа с Ив. Ив. Гуляко; Ив. Ив. я была очень рада видеть, папу же сначала я ждала, но

жалела, что приехал, маму совсем замучил. Сегодня мне почему-то захотелось скорее кончить гимназию, надоело учиться; особенно противно писать реферат; он еще более подрывает настроение. Да и тема припротивная, такая скучища, просто ужас! Завтра экскурсия ботаническая, с Модестом Мих., не думаю, что будет интересно, если бы была по истории искусств, это другое дело. Прошлый раз давали нам на экскурсии по яйцу, вообще очень хорошо кормят. Хочу еще несколько слов сказать о Зинке Семеновой; она стала противная девченка больше ничего: ломака, воображает, Бог знает; как, вообще испортилась я от нее этого не ожидала.. Сейчас буду заниматься с Шурой, предварительно попью чаю, а потом опять за реферат. Писала в темноте.

Понедельник. 27 янв / 9 февр. н. ст.

Хочу написать кое-что о вчерашнем дне. Вчера ездили на экскурсию в Петроград в Эрмитаж и Оничкин Дворец. Встала я в 7 час. утра, в 8 час была готова и отправилась на вокзал, но придя туда, узнаю, что поезд 8.20 мин уже ушел. Это было так неожиданно! иду я к кассе, смотрю, ко мне подходит Всеволод Иванович; мы с ним поболтали, между про чем очень весело, (я решила, что умею разговаривать не только с подругами?), потом подходит Надя Овечкина, кот. тоже опоздала. Всеволод Иванович встал нам за билетами, но уже поезд должен скоро притти, а кассу не открывают, тогда он стучит в окошко к кассиру, кот. ему отвечает, что билеты на этот поезд не продаются, т.к. поезд 8,57 служебный, но т.к. это было воскресенье, то следовательно никакого служебного поезда не могло быть, это была просто сделка кассира. Но как бы это ни было нам пришлось заплатить в один конец 26 руб. В вагоне тоже было очень весело. Выходя из вагона я с Вс. Ив. поспорила: (всю дорогу в вагоне мы, смеясь, упрекали Нину Спасскую, что из-за нее нам пришлось платить двойную плату, т.к. она сказала, что в воскресенье служебных поездов нет.) приехала же Нина на 8.20; (подведя нас, она не подвела себя). Так как она с нашим поездом на приехала, а на экскурсию она хотела во что бы то ни стало приехать, то я была уверена, что она приехала с 1-м поездом; Вс. же Ив. уверял, что она совсем не приехала. Спорили мы с ним на плитку шоколаду, между прочим он заметил, что т.к. шоколаду нигде не найти, то он так и быть раскрасить коричн. краской галету. Потом встретили Евгению Алекс. Мы с Всев. Ив. побежали в зал 1-ого класса, где нас ждали приехавшие с ранним поездом наши, чтобы скорее узнать, кто из нас выиграл.

Но о ужас! Нины нет, значит я проиграла, Всев. Ив. торжествует. Евг. Алекс. говорит мне: Зина, советую Вам выписать его по рецепту. Но вдруг нас догоняет Нина, она опоздала на 8.58 и приехала с вырицким; все наши хлопают в ладоши, я, конечно, в особенности, а Вс. Ив. приседает к земле низко низко. И вот мы изводили его так всю дорогу туда. И так я выиграла. В вагоне Вс. Ив. назвал меня догадливой, что я угадала зачем он спешит в Костромск. губ. домой: кто-нибудь имянный? сказала я — “Какая вы догадливая”, был ответ, но кто имянный я не могла догадаться; оказалось, что он сам потом когда он называл кто строил Петроградск. храмы, а потом спросил, а я ответила, то он мне сказал: Какая у Вас хорошая память. На обратном пути, после того как я взяла билеты себе Вс. Ив., Зина Мигаль говорит мне: Значит, ты в валиных, я только что заметила это.” — Я же отвечаю; что, да, и так устала в них, что еле-еле хожу. Всев. же Ив. говорит: Так мы готовы вас нести”. — За что, за то что купила вам билет? спрашиваю я. Нина же Спасская говорит: она все понимает не так, как нужно. Ах, да на экскурсионной станции нас кормили; но суп с картошкой и каша пшеничная с сахаром, но без соли. Нас было всего 13 человек, а т.к. было сготовили на 30 чел., то нам полагалось больше, чем 2 порции; дали же нам только 1½ тарелки супу, 1½ порции хлеба и порцию каши. Всев. Ив. (тряпку нашу) заставили подписать, что нас было 30 чел. Ведь это свинство, нахальство, больше ничего: Евг. Алекс. возмущалась, а “тряпочка” только сказала, что я не люблю связываться. Обратно я Оля Синникова, Надя Овечк. и Вундербар ехали в другом вагоне, вся остальная компания ехала с Вс. Ив. и хохотала до упаду; написали Вс. Ив. письмо: “Вс. Ив., угадайте кому из нас вы больше всего нравитесь” на что он ответил: Всем по разному. “В особенности, пишут наши, Ю. Е. и В. В.”, подразумеваемая Юлию Евгеньевну и Веру Вушкан, кот. сидела тут же и бедная, краснела и бледнела. Про Ю. Евг. он догадался, про Веру же тоже наверное, но, конечно не сказал вслух. по-моему прямо свинство подводить так подругу, в чем особенно участвовали Клавдия Никитина и Рита Человская, теперь Вера боится показаться на глаза Вс. Ив. Да, вчера зашли за значками. Значки вышли так себе, особенно портит их грубая простая цепочка. Сегодня приподнесли значок Чернобаеву и Натальи Ивановне. Чернобаев поблагодарил только; к Нат. Ив. мы пошли в квартиру целым классом и приподнесли значок; кот Н. Ив. понравился. А вчера со Вс. Ив. все таки немного пококетничала, а сегодня, когда он пришел, мне уже он был противен. Сегодня Зина Сем. читала реферат “Ба[неразб.]” и тем спасла меня, т.к. истории я не знала, реферат занял 2 урока. Да, еще хочу прибавить: когда мы шли по Петрограду мы спросили Вс. Ив. почему он не оде-

вает к нам на “среду” свой фрак, на что он ответил, что оденет его на нашу свадьбу, Клавдя же спрашивает: “как на общую?” В субботу была экскурсия очень интересная, была теплая погода, солнышко. Ходили мы на белую башню, с кот. смотрели на Царское Село, видели Исаакиевский собор и в арсенал, где так красиво. На обратном пути кидались шишками. Оля Синникова положила шишку в желобок в шапку Вс. Ив, вообще хохотали до упаду. Пора кончать, ведь я еще не принималась за уроки, хотя их почти нет, но уже, наверное, 12 час., а я еще думала написать реферат. Ну все равно, что успею, а это мне хотелось написать, когда-нибудь приятно будет прочесть.

Среда 11 / 24 марта

Слава Богу, кончила реферат, но еще не спокойна, вообще я очень боюсь за него. Сейчас он у Быковых, ужасно боюсь, что они меня раскритикуют. Вчера приехал папа, после ареста, он уже 2 мес. не был дома. Неужели мы до Пасхи кончим, ведь, это прямо прелестно, значит осталось 1½ недели. А, Верочка — невеста, теперь уже я не много свыклась с этой мыслью. Когда она мне это сказала, мне почему-то так захотелось ее поцеловать, на уроке я посылала воздушные поцелуи. Я рада за Верку; молодец Веруська, прижала хвост нашей этой компанийки, она, наверное, думала, что кто-нибудь из них выйдет замуж первый в классе. Зинка Семенова, так уже та, наверное, ждет предложения от Гегенбарта. И так мы кончаем с невестой. А невеста то наша совсем девчонка. Вчера должен был быть спектакль в ратуше, устраивала мужская гимназия, должно были идти “Романтики”, но главный участвующий заболел, так что вся публика повертелась около ратуши и повалила в “Теремок”, мы тоже постояли у ратуши, а потом часть пошла домой, часть в гимназию, где была скука ужасная, а я, Оля Синникова и Клавдя Никитина отправились к нашей невесте, но перед этим сходили к “Теремку”. У Верки мы сначала стояли ~~около~~ под окном и болтали с нею, смеялись ужасно: Клавдя все хохотала над “командиром подводной лодки” — женихом Веруськи и над невестой, потом Верка решила идти с нами гулять, но сначала мы вошли к ней, напудрились и отправились. Пришли в “Теремок”, посидели там, где продают билеты, т.к. еще не начиналось, но вскоре нужно было уходить: сеанс начался. Да, у “Теремка” встретили Юру Синникова, кот-ый также присоединился к нам. Потом пошли мимо амбулатории, по Набережной. Они проводили меня до мужской гимназии. Погода была чудная: настоящая весна, так приятно было пройтись, да и притом весело. После моего ухода они встрети-

ли Боровкова, кот. сделал вид, что незаметил Верку, а дома заявил: “я Вас видел”. Нужно итти спать, уже 4-ый час ночи. Сегодня что-то нет настроения писать.

Суббота

Четверг 19 / 1 апреля 1820 года

В прошлую субботу села писать и вот, написав одно слово суббота, услышала, что к нам пришла Зинаида Ивановна Быкова, кот. должна была принести мой реферат. Она мне раскритиковала его в пух и прах; правда, сказала, что слог плохой и вообще я совсем упала духом.

Сегодня я на седьмом небе, еще бы прочла реферат, так удачно, но беда в том, что надо учить историю, в среду на той неделе (8-й) отвечать. Вообще один камень в плеч, другой на плечи. Сейчас мы с мамой ходили (после моего обеда, придя из гимназии) к портнихе, заказывать платье для выпускного вечера, но не застали дома, на обратном пути я зашла к Аренсонам узнать нет ли там Аннушки, кот. оказалась там; взяв от нее ключ, я пошла звонить по телефону к Натке Алексеевой, чтобы предупредить ее что я завтра приду к ней; она звала меня ночевать, но не знаю завтра не думаю, но на Пасхи может быть и буду. Со всех сторон я слышу, что очень похорошела; вчера например встретила Гармсон (забыла как ее зовут), кот. меня не узнала, когда же я поклонилась, она сказала, что не узнала, потому что я похорошела и вообще лицо барышни. Сегодня я пришла в гимназию раньше обыкновенного (обыкновенно опаздываю), в классе были только Зоя Кривошеина и Клавдия Ник., кот. сидела на лестнице, в углу у печки; я к ней подседа на стул и мы начали вспоминать о вчерашней “среде”, потом пришла Нюра Федина. Говорили, говорили кой о чем и, наконец, Нюра сказала, что у нас Зина т.е. я расцвела с весны, на что Клавдия ответила: я всегда говорила, что Зина т.е. я расцвела с весной, на что Клавдия ответила: я уже всегда говорила, что Зина Ант. хорошенькая, но вы мне говорили, что она не заметная, а вот теперь сами увидели, что моя правда”. Я не знаю, мне кажется, что виною всего весна, правда на меня очень действует природа, зимою, как то я чувствовала себя связано, в классе не говорила, а с наступлением весны болтаю, хохочу и т.д. и т.д. Настроение у меня прелестное! завтра еду к Натуське! А сейчас гм, гм, надо учить историю. Писала у себя за столом.

6 / 19 апреля, понедельник.

Хочу описать всю святую неделю. В первый день Пасхи я встала около 10-три часов, причесалась, попила чаю и пошла к Натке звонить по телефону. Ната еще спала, к телефону подошла В. П. и сказала, чтобы я приезжала к ним и оставалась ночевать, т.к. у них в Дворянском собр. концерт; я сначала не знала, что мне лучше сделать: итти ли поздравлять в 3 часа Наталью Ивановну и ехать в Павловск, но, наконец, остановилось на втором. Потом к нам пришел Батюшка, между прочем он сказал перед тем как начинать молебен: Зинаида Дан., а Вы пойте”. на что я очень глупо ответила: “Я не умею.” Ужасно глупо вышло. После обеда я отправилась к Нате, очень быстро шла, думала что не успею, но пришла за 10 мин. до прихода поезда. У Нате я так наелась всяких сладостей, прямо ужас. Ну поговори, поохотали; на спектакль я не пошла, так что ухала домой, в вагоне читала “Короля Лира”. На второй день утром пошла к обедни, ко мне должна была приехать Ната; она пришла к обедни, потом обедали, потом Ната играла на рояле, чай пили. Наконец начали говорить о “сальностях”, даже щеки разгорелись. Потом я пошла Нату провожать между прочем по дороге упрашивала Нату сказать свою какую-то тайну, кот. я еще до сих пор не знаю. Проводив ее до Московских ворот, я пошла к Верке, кот., конечно, не застала дома, тогда зашла к Оле; немного посидев у нее, мы пошли погулять, Оля проводила меня до дому, я затащила ее к себе; здесь мы поболтали, я поиграла на рояле. Оля сказала, что не пойдет на вечеринку, т.к. Веркин брат не идет, Вера же сама тоже не идет, из-за Боровкова; мы подсчитали кто там будет, у нас оказалось, что очень мало, решили что будет скучно. Я решила не итти на вечеринку, а поехать на с Олей в Петроград на какую-ниб. легенькую вещичку: оперетку или на что др. На 3-ий день опять была в церкви; после обеда играла на рояле, потом пришла Аня Каск поздравлять. В 5-ом часу я вышла и дому.

Да еще за чаем я выклянчила у отца 250 руб. На вокзал я пришла, когда поезд уже пришел, ищу Олю, не могу найти, пробежала по платформе; наконец вдруг Оля выскакивает с вагона и тащит за собой, у меня не билета ничего.?. Ну проехала благополучно, сказала, что служебный. Сначала мы пошли к Александринке; посмотрели репертуар и, узнав что в Михайловском идет “Риголетто”, идем туда, но там оказалось спектакль отменен. Тогда направились к “Дворянскому”; там билеты все проданы, кроме входных, кот. стоят 250 руб. Мы решили, что это не по карману и пошли искать чего-ниб. более дешевле. Пришли к Паласу, там идет пьеса революционная для организации. Мы поталкались, поталкались и спрашиваем у швейцара

нет ли билетов, на что он ответил; что «Барыни приходите завтра, я завтра у меня будут билеты, а сегодня идите так без него. Нас никто не задержал, сели на мягкую скамейку, позавтракали т.е. с'ели по сухарю. Так приятно прохладно, а то мы спарились да и устали. Потом решили, что надо итти на верх, а то в конце концов нас могут вытурить. Искали искали как попасть наверх, забрались в “коллектив коммунистов”; наконец нашли дверь, поднимаемся по лестнице, темно, сыро, стены мокрые, но мы все-таки идем, долго искали дверь и наконец уселись. Нас очень интересовало что за вещь эта Леинда”; думали, что наверное, придется уйти, какая ниб. гадость. Но оказалось лучше, чем ожидали, но танцовали ужасно, с толстыми ногами не уклюжие. Кончилось около 10-ти, мы думали еще попасть на в кинематограф, но было уже поздно, не пускали. Походили по Невскому, причем на каждом шагу попадаетея матрос, даже терпенье лопнуло и давай их изсчитать и, дойдя до Знаменск. церкви, у нас было уже около 200, это ведь надо су ума сойти. На 11.38 приехали домой, вообще день провели на славу. Да еще по дороге в Александринку Оля сказала, что у Веры есть жених все глупости; просто выдумка вроде о Белогорском. Меня это очень удивило и даже разочаровало. Я думала, что вот у Веры есть теперь цель в жизни, а теперь все мертво. Бедная Вера! На сегодня довольно. Пойду спать, а завтра напишу дальше.

20 апреля / 2 мая Воскресенье.

За эту неделю столько произошло перемен или вернее за это время. Приехала Лида из Сибири. Расскажу сегодняшней день с самого начала. Встала я в 9 час., да видела какой-то сон, не помню какой именно, но очень неприятный, только кончился он тем, что я слышу, что как будто приехал папа и ругается во всю, кричит “вставай-те”. Я вскочила, села и прислушиваюсь, не приехал ли действительно отец. Потом тетя видит, что я сижу и говорит: “Зина, что с тобой” Тогда только я поняла, что никого нет. Была за обедней, придя оттуда поиграла на рояле, пообедала и пошла в немец. церковь, куда мы должны были собраться; для того, чтобы посмотреть на орган, потом была проверка. Настроение у меня было ужасное. придя домой дочитала “Дон-Карлоса”, потом ужинали; во время ужина вдруг кто-то стучится, я думала, что это Зоя, она должна была притти учить тригонометрию. Вдруг слышу мама говорит: “А Лида”, я сразу поняла в чем дело. Конечно, крепко расцеловались. Пришел так же и Роберт. Посидели, поболтали, закусили и пошли в парк. Тут встретился ка-

кой-то Роберта ученик (ведь он капельмейстером в реальном), кот. и затащил Роберта играть, там был концерт, мы с Лидой тоже решили итти, сначала зашли домой к ним, там приосанились, перечесались и отправились. Там как раз начались танцы, мы с Лидусей протанцовали 3-4 танца. Возвращались с Катей Еремеевой и Аней Дмитриенко. Вся компания проводила меня до Беседки у ворот “Любезным моим сослуж.”, где мы посидели. Лидуська очень изменилась, выросла, похорошела, совсем барышня. Сегодня я думала много чего сделать, выучила уроки, а вышло то, что книги в руки не взяла.

Вчера праздновали 1 мая. С 9-ти часов работали на Бульварной ул., таскали кирпичи, камни до 2-х часов, потом ели-ели волоча ноги, побрели в гимназию на завтрак [неразб.] каша и немного-немного сухарей. Потом отправились домой, пообедали, нисколько не отдохнули и опять на манифестацию, сказали, что будут выдавать хлеб по 1 фун. Ко мне зашла Зойка, потом мы зашли за Олей Син. и вот втроем шагаем по Малой ул. Идет Николай Ипполитыч Глазов, кот посоветовал нам подождать манифестацию здесь, у него, хотя если мы боимся беспорядка, то на крыльце. Мы, конечно, чтобы его не смущать остались на крыльце, он нам вынес альбомы с открытками. Потом решили, что пора итти им навстречу, мы подошли к Екатерининск. дворцу как раз когда оттуда шла манифестация, встретили наших, зашли в гимназию и отправились за хлебом. После всего этого Оля Син. пошла ко мне, здесь напильсь чаю с’ели вместо мороженого кислой капусты только что с ледника, отдохнули, т.к. устала я, как собака. Да еще у меня совсем испортился, кроме того, что скосила, сломала под прямым углом. В пятницу была в театре Мариинском на “Кармен”. Грохольский¹ мне понравился больше всех, он играл Ториодора. Ну хочу спать.

3 / 16 мая Воскресенье (писала в “Куда царь пешком”)

Сперва опишу сегодняшний день: встала сегодня в 8 час., в 10 час. пошла во 2-ой Павловск, где мне нужно было снять план с одного дома, но перед тем зашла на почту позвонить по телефону к Натке, но не дозвонилась. В Павловске зашла к Зинченко, дома была одна Оля; она больна (бранхит); посидев немного там, отправилась к хозяевам дома от кот. мне нужен был план. Там встретила меня девочка, сообщив мне, что плана нет; это значит, что придется сни-

1. Вероятнее всего, речь идет о Грохольском Владимире Петровиче (1884–1952) – русский и советский оперный певец (лирический баритон), артист оперетты и музыкальный педагог. – Прим. ред.

мать с натуры, а при моих способностях к рисованию (хотя академия художеств и причислила меня к тем, кот. она не советует зарывать талант и посещать академию) это великий труд. Потом пошла на станцию звонить Натке в надежде поехать сегодня в театр; придя на станцию, вижу стоит какой-то служащий попросила у него позволения переговорить по телефону; но и здесь результаты были те же. В то время когда я звонила, входит какой-то мужчина и говорит: Что барышня не дозвониться, надо сначала деньги заплатить, тогда ответят”. Я повесила трубку, думая еще позвонить с почты, и хотела платить деньги, не разобрав, что он мне говорил, но он говорит, что это на станцию нужно сначала сходить заплатить. Я что-то ему ответила вроде того, что далеко очень и “потряслась”, как говорит Зойка. (меня это очень смешит) Потом зашла к к Музыковой, взяла там стул, да еще перед этим она посоветовала сходить спросить план у старых хозяев этого дома, но и там не оказалось этого, что мне нужно. Пос. как нарисовала план, зашла к Оле и поплелась домой. Перед обедом еще раз позвонила, барышня мне ответила, что у 173 звонок не звонит. Остальное время читала Разбойники Шиллера. [вот, бывало, (как грустно звучит) Чернобаев заставлял нас читать из новой литературы, а я и сама прочла уже 2-ую его вещь], таскала воду на огород около ледника, после ужина, когда папа уже уехал, мы с мамой пошли поливать морковь у Каск, там покачалась на качелях.

Сегодня чудный вечер, тепло, только очень много комаров, всю меня искусаи. В этом году весна такая ранняя, уже зелень большая, густая, скоро сирень распустится, а к нашему балу, пожалуй, уже отцветет.

Вот я уже свободная гражданка: окончила гимназию. Господи, как время летит. Зимой, когда много приходилось учиться, я только и думала: скоро наконец это все кончится (До сих пор сидела у открытого окна в спальнй. но стало темно, и ушла в столовую, пишу при лампаде;) вспоминается как писала реферат), теперь же, когда пришло время кончать, грустно и жалко раставаться, (у меня уже набегают слезы). Хочу, если удастся, описать всю прошлую неделю. В понедельник ходила к зубному врачу с Зинкой Мигаль, так что пришла ко 2-ому уроку, Надя Овечкина читала реферат, потом была психология, я думала, что он меня спросит, села с Веркой, т.к. та ее выучила на зубок, мы с ней уговорились так: если он меня спросит, то я сажусь к ней спиной и так. обр. она будет меня начинать, если же ее спросит, то я то же должна закрыть ее: она будет подглядывать в книжку. Но он вызвал Грузову, Вундербара, Верке предложил один только вопрос, он, наверное, совсем ее не хотел

спрашивать да она сама сказала: А меня разве вы больше не будете спрашивать, я все знаю, все, все. Тогда он — ну скажикате ка..... Не помню какой вопрос. Потом нас отпустили, т.к. было заседание об огородных работах. Мы пошли в сад, говорить о бале, я списывала записки по истории искусств, посидели около качель, Ритка и Таня Курцер катались на качелях. Мы решали в какой день устроить бал. Ну, конечно, без споров не обошлось, Таня сказала, что самый удобный для нас день понедельник, а др. дни она даже не может, (потом в конце недели оказалось что она собиралась пригласить на бал одного артиста, а у них свободные дни понедельники), но по большинству го[ло]сов решили в воскресенье, а т.к. это будет Троица, то отложили на Духов День.

Во вторник нужно было ко 2-ому уроку на социологию, писали дальше (диктовал); немецкий — вызывала меня я довольно хорошо перевела, Берта Карл. мне сказала, что вот Ант. перевела, хотя и с трудом. В начале урока мы устроили штучку с Нюрой Арсеньевой; Берта К. сказала, что не аттестует ее. Нюра спряталась и должна была войти в класс позже. За уроком, как раз тогда, когда Б. К. спросит о ней: “А Арс. сегодня опять нет”, а мы ответим, что: Вы ее не аттестуете, ей значит не к чему сидеть за уроком. Но по моему из этого ничего не вышло. На обратном пути из гимназии, я с Зиной Мигаль заходила к Марье Петровне, чтобы она показала, как делаются шляпы, кроме того мне нужно было снести кружева для кофточки, но ей было некогда. Потом Зина пришла ко мне учить русский, т.к. те, кто не рецензировали должны были ответить по иностр. литературе и “Рудине”. Ну, конечно, выучили мы немного, я рассказала ей 3 действия Дон Карлоса, а как рассказывала, то это один ужас. Да еще раньше мы ходили в военный комиссариат ждать заявление на счет службы, заведующий там очень симпатичный. Но вышло не удобно то что я написала «Мариньскую» гимн. окончила. Ужасно неприятно. Потом, когда Зина ушла, ходила на огород сажать картошку, там пока папа копал возилась с детьми Каск, раскачивала их, играла в пословицы.

В среду 29 апр. / 12 мая я пошла к 4-ому уроку, т.к. утром повторяла русский, по дороге в гимн. зашла к Клавдии. на счет духового оркестра. По социологии Николай Ипполитович меня спросил, а я даже не знаю что задано, но это я прочла по книги, но ничего не могла рассказать, пришлось сказать, что я урока не учила; тогда с усмешкой, он сказал чтобы я рассказала ему, что знаю, я и давай “обмен”, что еще знала с прошлого года, вообще кое как проехала. По русски он меня не спросил, напрасно столько учила. Жорж ничего не знал и по обыкновению разнюнился. потом зашла на по-

что, возвращалась с Зойкой, но потом растались, т.к. вспомнила, что не зашла к Доницам, потом оказалось и не нужно было заходить. На Павловском Шоссе встретила Олю Синникову, рассказала ей все новости. Она, пригласила ее вечерком, я ждала Нату, кот. сказала по телефону, что приедет. Действительно Натка приехала часа в 4, сначала было довольно скучно повозились, порасказали др. другу кое-что. В 7 час пришла Оля Син. вот тут то и началась потеха, во-первых сели играть карты, при этом так хохотали, что со мной случилось “несчастье”, я выиграла руб. 10 с лишком. Оля ушла от меня в 12-ом час, Натка же осталась ночевать. Мы сидели часов до 4-х; она рассказывала эпизод из своей жизни, происшедший на днях с одним артистов. Я бы на ее месте совсем по др. поступила и не допустила до этого; хотя Натка и говорит, что нельзя было ничего сделать. Потом принялись целоваться, и так целовались страстно, по-моему по-настоящему. Вообще было очень и очень интересно. В четверг 30 апр. / 13 мая Натка встала раньше меня, я решила не идти на уроки, только на последний, потом же должен был быть совет на счет нашего класса, а вечером в Мариинский театр на пиковую даму (но, оказалось Фенелла)..... Оставляю много точек, т.к. завтра во что бы то ни стало окончу, а сейчас спать.

Среда 2 июня 20 года

Окончу то, что хотела во что бы то ни стало написать 3 недели тому назад. Мне очень понравилась Боронская и Куклин, Фенелу играла Федорова II-баллерина. Сидели мы в ложе вторая от сцены, нас было человек 11 в ложе, но не было тесно. Было очень грустно я даже прослезилась, когда вспомнила, что мы в театре все вместе последний раз. В пятницу мы пришли в гимназию, поговорит на счет бала. Идя в гимназию со мной случилось “несчастье”, ужасно было неприятно. Пришла Нат. Ив. и предложила нам устроить акт, мы очень были довольны, но все как-то были грустны, Н. Ив. это заметила и начала допытываться, наконец, Нюра Арс. заплакала, Н. Ив. тоже прослезилась (по-моему только все это фальшивое) и ушла. Тут все некот. начали спрашивать почему Нюра плачет, я же и многие др. говорили: (странный вопрос, очень понятно отчего она плачет и я бы могла сейчас заплакать”, и сквозь улыбки вдруг показались слезы, наконец, зарыдала, форменным образом, Верка, потом Клавдя, Тося и вообще, почти весь класс, только Зинка Сем. смеялась над нами. На счет бала, конечно, мы ничего не решили и разошлись. В субботу 15 мая я не помню, что было, в воскресенье же 16-го я ходила во 2-ой

Павловск снимать план дома по просьбе папы, было очень жарко, и ужасное настроение, т.к. в этот день мы с папой должны были ехать в театр, но как я не звонила (даже рука устала) не могла дозвониться на вокзале 2-ого Павловска тоже не дозвонилась. Сейчас посмотрела немного назад и оказалось, что все это я уже описывала т.е. 16 мая.

.....

Теперь опишу настоящее время; пишу я на службе, да я служу, служба ужасно скучная, нечего делать, все время занимаюсь своим делом или читаю газету: вчера писала письмо Милице Лазаркевич, сегодня вот дневник, к кот. не приступалась уже 3 недели. Гордей Павлович, наверное, дуется что я что-то такое пишу и пишу свое; но, наплевать, пусть позлится. Сегодня идет дождь, Бог, видно, услышал молитву (в воскресенье был крестный ход на поля). Фу, какая скучища, того и гляди заснешь, все служащие какие то не приветливые, больше других мне нравиться[ся] Мария Георгиевна, Галанин и Сергей Васильевич.

Воскресенье 13 июня 20 года.

Сегодня была у обедни, но так плохо молилась, все думала о посторонних вещах, очень неприятно, когда такое настроение, совсем не хочется молиться. После обеда диктовала Шурке, поиграла на рояле и вот села писать. Собираюсь в Павловск в театр, играет Вивьен, но что идет не знаю. Сейчас зайду к Оле, там будет Клавдя, кот. я принесу туфли, не хочется ей давать их, да не удобно отказать; у меня бы совести не хватило просить туфли в Павловск (так далеко), и кроме того, ведь, у нее у сапоги есть хорошие; вот Оля, другое дело, у нее хоть туфли плохие, ей бы не жалко дать хотя бы и в Павловск. Вот уже неделя как у нас нашему “балу”, как все не хорошо вышло: и с этим оркестром и вообще, одно утешенье, что я с Васей познакомилась, какой он славный мальчик, с ним все-таки не было скучно, мы с ним так хорошо расстались: он подходит ко мне и говорит, что пора отправляться и пррр: “вы проводите меня...?” — “я говорю, удивленно: “Что?” ..... думая, что Вася хочет чтобы я проводила его на вокзал; но потом оказалось, что он хочет, чтобы я проводила его вниз. Пока Вася прощался со всеми, мы с Олей спустились вниз по-черному ходу и стали там поджидать, скоро пришел и Вася; на прощанье он спросил мой адрес и обещал написать мне, предупредив, что встретимся мы через долгое время, т.к. он он едит ловить мины; ведь, это очень опасно, а он говорит так равнодушно и уверенно, как будто, наверное, знает что с ним ничего не случится. На балу была Люба, к несча-

стью, т.к. смотрела на нас, как-то с пренебрежением. В вторник мы снимались, очень досадно, что я снялась в $\frac{3}{4}$, как выйдет, после того, как мы снялись, играли в мнении, жаль, что про меня не говорили мнении, ужасно интересно, что бы про меня наговорили. Что-то сегодня не вяжется речь, не хочется писать, попою ка я лучше чаю да и отправлюсь к Оле.

20 июня или 3 июля Суббота.

Сижу в спальнной у окна, уже первый час (на три часа вперед) вечер теплый, притеплый, так хорошо, хорошо; только что с'ела просто-квашу, очень хочется пить.

Как странно, когда не пишу дневник, кажется, так много бы написал, а только сядешь и не знаешь о чем писать. После театра наверное много бы написала, под свежим впечатлением, но всегда хочется спать поэтому не удается.

Сегодня была за всенощной, было торжественное богослужение, с 5 священниками и 2-мя диаконами. Отец Афанасий сказал "слово", мне очень понравилось, вообще после проповеди хорошей я чувствую, что верю в загробную жизнь, а вообще не знаю, я стараюсь об этом не думать; нужно мне побольше почитать, чтобы установить свои убеждения, взгляды, также и по отношению к политике; вчерашняя тема разговора с Ольгой Алексеевной и Марией Георгиевн. мне очень понравилась. Нужно непременно развить себя. В Бога верить мне очень нравится, но если верить, то верить глубоко непоколебимо, а то иногда я молюсь усердно и мне тогда на душе бывает легко, иногда же молюсь и совсем о другом думаю и никак не можешь сосредоточиться, вот в такие минуты очень тяжело, но чтобы никогда я не верила в Бога совсем, это совсем недопустимо. Я верю и больше ничего, должна верить, я буду молиться об этом, а то уже стало тяжело на сердце.

Сегодня ко мне на службу приходила Нюра Арс. с Любой Грузовой, показали мне выпускные карточки, я вышла хорошо.

Гордей Павл. опять пришел, когда он был в отпуске было так хорошо, свободно себя чувствовал; хотя он человек добрый, но нервный, а потому тяжелый. Сегодня он был у Михайлова в комнате, поэтому мне удалось немного почитать, держа книгу в столе.

В понедельник 28 июня я думала поехать к Натке, даже предупредила ее о своем приезде по телефону, но после службы зашла к Оле, оказалось, что она дома, кот. сказала, что лучше ехать во вторник, когда все трое будут там, и остаться ночевать, а в среду вече-

ром в театр на “Бесприданницу”; я сначала колебалась, не зная как быть, очень не хотелось, даже вернее не удобно было спрашиваться со службы, но потом решилась. И вот во вторник я все ждала удобного момента подойти к Михайлову, но потом спросилась у Галанина; подхожу это я с опущенной головой смирененько, и говорю: “В.М. мне завтра очень очень нужно быть в Петрограде может Вы позволите не являться на службу?” В.М. как то нагнулся и говорит: Пожалуйста, сделайте одолжение”. Я от радости 2 раза поблагодарила его и отправилась в Павловск. На вокзале встретила Нюру Федину, намазанную, разукрашенную, потом встретила Ляльку Зинович и втроем ходили по вокзалу, потом Нюрка и Лялька уселись на перила в конце платформы. Вдруг в домики вокзальном (там, кажется, Чека) открывается окно и начинается за игрыванье, какой-то чиновник сел на окно и заиграл на гитаре, смех, громкий разговор, (ведь Нюрка своим видом кого не привлечет) мы не обращаем вниманья; Нюрка, наверное, с удовольствием познакомилась бы..... У Натке сначала поговорили, потом поужинали с Наткой вдвоем у Клавди и Оли в комнате: вареную картошку, молоко и кашу пшеничную. Когда ушли В.П. в Царское, Натка взяла у нее в комнате кисель, кот. мы почти весь и слопали, потом танцовали попели в зале, сидели на дворе на крылечке, пока не пришла В.П., потом я стала приготовл. ко сну, Натка же пошла к своей группе на прощанье поговорить, я там тоже посидела немного. Потом легли спать. Да, а самое интересное, и забыла: ведь, мы учил курили, я тоже взяла папиросу, но мне очень не понравилось, так горько, противно. Потом вдруг входит Валент. Петр., папироса в это время была у Клавди, она мечется не знает куда ее спрятать и машет руками, думает, что дым уйдет. В. Петр. спрашивает: “у Вас здесь был мужчина, почему то папиросами пахнет”. Натка же сейчас же; “что ты, что ты, вовсе не пахнет, тебе так, кажется,” да и дело с концом. Я бы хотела унаучиться курить, только научиться, но когда барышни курят мне не нравится. На следующий день в среду встали в 10 час, попили чаю, поели, я немного почитала, между всем этим, конечно, подурили с Наткой и пошли купаться. Ах как хорошо, как хорошо, потом поели, да и в театр....., куда мы немного опоздали, в антракт пришла Таня Курцер, а в следующ. антракт пошли с ней гулять вокруг театра. Очень хорошо играла Тиме и Вивьен. Вообще день мне этот очень очень понравился, особенно, когда шли купаться, местность так похожа на деревню, вспомнился прошлый год, так потянуло в деревню, и так стало грустно, ах как бы хотелось в деревню, хотя бы только недельку пожить там, но ~~только~~ видно это неисполнимая мечта, ведь, я служу.. Денег у меня остался 1 рубль, это бы ничего, если бы я не была должна и не рвалась в театр; ведь на деньги;

я смотрю не по папиному, поэтому горюю не потому что денег нет, а потому, что не могу поехать в театр и отдать за туфли Кларинь. Хотя мама мне и предлагает спросить у папы 10000 руб, но я если и спрошу, то только в долг.

Комната моя постепенно прогрессирует, так что можно надеяться на полное усовершенствование ее, осталось только перенести кровать и повесить образ, угольник снять. Пить хочу невероятно! Иду спать 40 мин. 2-ого.

Очень рада, что кое что написала.

15 / VIII – 20 года Воскресенье.

Сижу ем кратегус, поэтому не могу никак сосредоточиться. В прошлое воскресенье я думала, что последний день свободна и могу ехать в театр, было совсем другое настроение. После обедни когда я пришла домой, у меня уже были Лида и Роберт, кот. играл на рояле песенки из “Школьного пенья”, потом мы пошли кататься на лодке; когда мы выехали были ветер и потому чувствовались небольшие волны, вид был очень красивый (между прочим я была в белом платье: шелковая юбка в складку и шелковая кофточка). В 2 часа я пошла к Евг. Алекс., где у меня должен быть урок 1-ый раз с ее братом. Мы занимались 2½ часа, 1-ый урок прошел прелестно, сам он мне тоже очень понравился. В конце урока пришла Евг. Ал.

Алекс. Ал. спрашивает меня: “это вы проходили?” (что именно не помню) — “Кажется, нет”, отвечаю я, а Евг. Ал., проходя через комнату, говорит “вообще в этом году я не знаю, что они делали, кажется, ничего.” — “Ты, пожалуйста Зина, если что не поймешь, спрашивай,” и обращаясь к брату, говорит “она, ведь, очень церемонная девица”. Потом мы очень мило распрощались, она меня выпустила через парадную, спросили о Нате и обещала найти мне нужные книги. Шла я домой в таком восторге от уроке и от него, зашла к Оле, мы стоворились ехать в театр на “Эльзу”, я решила последний раз с’ездить в театр, на след. день засесть заниматься. Потом зашла к Натке; да еще перед этим когда я шла околом мимо экономки, слышу кто-то сзади кричит: “барышня, барышня!” я останавливаюсь, вижу бежит, сломя голову, какой-то молодой человек, и смущаясь говорит, что купил шапку (на головеу него новая шапка, а в руке старая рваная кепка) у товарища, кот. видно очень нуждается в деньгах, а он заплатить ему сейчас не может, шапка стоит 300 руб. “вот барышня, может вы одолжите мне немного денег”? — “Я вам 300 не могу дать и вообще много дать не могу” и вынимаю ему 90 руб. “Ну, вот хотя бы 90 руб”,

говорит он и благодарит. Сначала мне я была очень рада, что помогла бедному человеку, а потом пришла в голову мысль не мошенник ли он. Зашла к Натке не много поболтали у нее и пошли ко мне, она взяла веер, т. к. должна была во вторник держать экзамен на сотрудницу, попили чаю с пирогом с яблоками (конечно черным) потом я пошла в Павловск, и Ната домой. Там встретила с Клавинь, у кот. была ложа, Олю и Клавдю я встретила уже долгое время спустя, побывав в уборной. Сидели мы на 1-ой скамье амфитеатра. Очень хорошо играла Садовская и Феона; Вивьена я уже давно не видела, почему-то он не играл последнее время. С театра я шла пешком, пошел дождь, я спряталась в будки у 2-ого Павловска, там посидела у со сторожем. В понедельник 9/VIII на службе я рассказала о том болгарине, кот. я подала 90 руб., Гордей Павл. сказал что он бы на моем месте тоже дал, что теперь такое время, когда вполне возможно, что человек мог очутится в таком положении. Серг. Вас. сказал, что Вы напрасно ему так много дали, это просто аферист. Вот уже и характеристика 2-х совершенно противоположных людей. Горд. Павл. человек добрый в душе, умный вообще много у него было хороших черт: энергичный, прямой, но у него есть что-то такое отталкивающее, какой-то натянутый, с ним не поговоришь обо всем, что только в голову придет, как с Серг. Вас. Этот последний человек тоже очень добрый или вернее очень мягкий, большой эконом, вообще практический, но у него есть черта чисто чиновничья, а именно что-то Молчалинское, конечно, не в такой яркости, но все одна капелька, он преклоняется перед старшими и во всем с ними соглашается (хотя я кажется ошибаюсь), боится сказать слово притиворечья, делает все что приказано сейчас же. Но вообще он славный, ведь, у всех есть свои недостатки у него есть немного тряпчного. Да вот еще что мне нравится у Горд. Павл.: его простота, (в том смысле,) он подает руку всем [неразб.] всякому мужику, гордости у него, это мне нравится. Серг. же Вас считает себя барином и с Аннушкой говорит немного свысока; он любит похвастаться, что его женушка была очень богатая, что ничем не дорожила..

Ну довольно на сегодня, а то уже ничего не видно.

3 / IX н.ст. 21 сентября 1920 г. Пятница

Сегодня мы с мамой были у Шуры в больницы; Сашка очень слаб, лежит бледный, бледный и как то серьезно смотрит, рука подвязана кверху. Я так боюсь за него, так тяжело на сердце, хоть бы поправился наш дорогой Шуренок.

Сейчас лежу в постели, сильный гром и молния, какая-то особенная все небо освящается, я еще никогда такой не видала. Вчера было мое рождение, была на службе и, несмотря на то что знала что Шурки там может быть плохо, была очень веселая, даже сердце прыгало от радости (но зато сегодня ужас как тяжело на сердце), потом зашла к Оле Син. за кувшинами, т. к. было много карточек обеденных (рабочие не пришли за ними); Между прочим я была в белой кружевной юбке и белой с баской кофточки с сереневым кушаком, кружево от юбки очень красиво выглядит из под кушака; поэтому мой наряд обратил внимание Оли; я объяснила ей, что мне через 2 часа исполнится 18 лет и пригласила ее вечером.

28 авг. ст. ст. 10 / IX — 20 года. Пятница

Так тяжело на сердце, никак не могу помириться с мыслью, что Шурка покинул нас на веки, уже не с кем мне заниматься, когда-то я роптала, что Шуренок меня связал, а теперь, теперь...только был бы жив. Не хотелось моему дорогому учиться, да и вполне понятно, ведь он так мало видел хорошего на свете;: все болен, то нога, то рука и т.д. Неделю тому назад я отпросила на службе на 1. 12 час в Петроград. Мы еще ничего не знали как прошла операция у Шуры; мама была уже на вокзале, когда я пришла туда, она стояла в очереди за билетами. Приезжаем в больницу, говорят, что Шура очень слаб, вышла сестра Паленова и долго, долго с нами говорила.

Шура лежал бледный, глазенки расширились и потемнели как будто, но губы были еще розовые, все просил пить, но ему не давали, т. к. еще не прошла рвота; он искал воду на столике, шаря здоровой рукой, потом обмокнет пальчик и сосет. Мы у него посидели до 4½ час. Он спал при нас, я сидела и отгоняла мух с его личика. Прощаясь мы сказали, что приедем в воскресенье, что приедет так же и папа, а он спросил “а бабушка?...” Я думала, что не заговаривается ли он, спрашивая о нашей бабушки, но оказалось, что он спрашивал о сиделки, будет ли она в воскресенье. Мы уехали, взяв с собою все, что мы привезли Шурочки, т. к. ему есть было нельзя, 2 кусочка хлеба, кот. я не с’ела на службе, отдала Лене и Катеньки.

В субботу я думала поехать Шуре, но потом решила лучше сходить в церковь помолиться за него; а в.....

Сейчас опять села писать, просияло солнышко, сидит в комнате у нас Хомский с Гордеем Павл. Делать нечего. ¼ часа тому назад бросила писать, т. е. кто-то шел; оказалось, что это Хомский

в воскресенье мы с мамой поехали на 11.12, сердце было не спокойно за Шуру, но я надеялась, что ему лучше, думала, что он уже кушает. В вагоне не читала я Достоевского “Зап. из Мертвого Дома”, кот. хотела дочитать до от’езда Каск т. к. они скоро должны были уехать в Эстляндию. Я была в белом платье, кот. мне шили для выпускного была и в белой большой шляпе. Идя по Фонтанке, мама зашла во двор, я осталась ждать ее на углу Измайловского. Тут проходило шествие, т. к. был праздник Молодожи, шли с пеньем, плакатами. Подходя к больнице я говорю маме: у меня что-то сердце замирает, мама говорит что у нее тоже. Швейцар сказал, что Шуре все также не лучше а на самом деле было даже хуже. Мы посидели на коридоре и в 1 час (на 2 часа вперед) нас впустили к Шурочке; он был уже почти без сознания, но нас он узнал, но говорил, что-то не понятное. Мама сказала ему, что останется с ним ночевать, он же был доволен, ах, нет сначала он спросил: “прощаться”. мамочка говорит: “нет, нет мой милый, я сегодня останусь с тобой ночевать” — “А Зина?” — А Зина уедит, а завтра опять приедит. Я наклонилась к нему и говорю: “Поцелуй меня, Сашенька”, он меня поцеловал. Потом говорит: “Клад-бище”. Вначале же когда мы только вышли к нему, около него собрались много больных и 2 доктора, он кричал: “уходите”, как то совсем не своим голосом. Скоро его перевели в отдельную палату; я уже видела, что дело плохо и говорю маме: “Мамочка нет он умрет, смотри, ведь у него губы как у покойника”, но мама все еще надеялась. В отд. палате Шурочка говорил: “мамочка ты так ляг (показывал, чтобы она легла головой в противоположную сторону), а я так”. На что мулька отвечала, что у нее есть и отдельная кровать, но если он хочет, то ляжет с ним. Я все время, думая вернуть ему силы давала молочка, раз я ему видно так надоела, что он закричал: “отстаньте”. Потом он стал закрывать глазенки мы думали, что он хочет спать; ах, да, он все ждал папу, раз кто-то шел по коридору, Шуренок прислушался, открыл глазенки и говорит: “Кто-то идет”, и когда вошел доктор, он улыбнулся не своей улыбкой и говорит: “ах это Вы?” Когда приехал папа он, кажется, лежал уже с закрытыми глазами, папа наклонился к нему, он рученкой крепко погладил его и сказал: “папочка”. Потом он лежал с полу-закрытыми глазками и все время ворочал головкой то на один, то на другой бок, а ручкой здоровой все закидывал назад, иногда дергал и правой ручкой, я уже решила придерживать больную ручку, боясь, что опять пойдет кровь, но крови у него совсем, кажется, не было, так что боялась я напрасно. Я вливала ему молочка, он проглатывал, я очень обрадовалась и пошла к сестре спросить можно ему вливать побольше, сестра позволила; потом уже он сам отвернулся. Ну Вскоре поставила ему термометр,

но он ничего не показал. Потом он стал закатывать глазки, я спросила сестру: “ой; кажется, умирает?”, е “Да”. Я не ожидала такого ответа, стала молиться. И через секунду Шурочки не стало. Я побежала к бабушке и упала к ней на шею. Я так рыдала, так рыдала, потом пришла в палату и кричала: “Вот, нет и Шурки, ведь, его зарезали”.

Потом мы посидели и понесли его в покойницу. В понедельник Дальше я опишу может быть потом, сейчас уже без четверти 4 часа, (час смерти Шурочки) надо отправляться. Я с Марусей хочу сейчас пойти пообедать, а потом пойду на Казанское.

Воскресенье 28 / XI — 20 г. (15 по ст. стилю)

Боже, уже прошла целая вечность, можно сказать, с той поры, как я писала, а все некогда, а иногда нет настроения. Сейчас уже 4-ый час, надо бы уже одеваться на вечеринку в гимназию (в нашу старую), да вот под впечатлением вчерашней вечеринки у Маруси Петровой хочется кое-что написать. Сначала День начался по обыкновению: была на службе, после чего было собрание (всегда бывает не во время) в Совнархозе. Потом пришла домой пообедала и отправилась на вечерние занятия с Марусей Трофимовой, кот. ко мне зашла. Конечно по дороге говорили о Жене, я рассказывала ей, как я с ним объяснялась. В гимназии у нас было 2 часа чертения первый раз, (мне очень понравилось), затем по случаю заседания педагогов уроков больше не было чему я очень обрадовалась, потому что терпеть не могу пропускать уроки, а я должна была ве уйти, т.к. нужно было на вечеринку, возвращались с Женькой Трофим. и Лидой (кот. тоже шла на вечеринку). Ну, я, кажется, ушла в подробности, а главное то не напишу. Мальчишки пришли только в 11 час если не позже, да то только двое: Миша Малиновский и Коля (не знаю как фамилия), потом пришел доктор. Сначала было довольно скучно, но после чая стали играть, нэ-тому стало не много танцовали. Я с Мишей танцевала вальс, а т.к. гостинная не особенно большая, то было довольно тесно и кто-то в'ехал мне прямо в зубы. Нэ Я Мише, наверное, понравилась: он все время вызывал меня когда нужно было целоваться. Но, как противно было, я ему подставляю щеку, а он ищет губ. Коле вышло “быть священником”, он вызвал меня, я вхожу, комната совершенно темная, ничего не вижу, сначала я думала, что он будет спрашивать что-нибудь, но ни тут то было, он берет меня и целует в самые губы, то так, что я даже думала не знаю что так целуются, прямо всосал мои губы и высунул язык, ужасно противно, потом в щеки в шею, вообщем со всех ет пошло ужасно! я говорю ему, ну довольно, ну и дъя поп-дьяк (как

говорил Миша), а он все не перестает; это еще со мной, а воображаю, что он выделывал с Шурой Скороспеловой, та у него сидела с пол-часа. Мишка когда то был гораздо интереснее, теперь ужасно испортился. Сейчас надо собираться в гимназию, нужно еще завиться, работы много, только было бы весело, я что-то сомневаюсь.

Было очень весело, т.к. был Васька Торпокков.

Понедельник 20 / XII – 20 г. 11 час 35 мин. веч.

Только, что вернулась из гимназии, меня провожали [неразб.] и Вова Смирнов, это бы все ничего, да беда в том, что я при прощании с ними, поблагодарила их за проводы, дура, сушная дура, да еще два раза попрощалась с ними за руку; ведь, это только и может сделать такая дура, как я. Воображаю, что эти 2 молодца подумали: встретилась, скажут, в нас. Хотя они, пожалуй, тоже “того” немного. Что это, значит эти подглядывания в VIII-ую группу и вбегание в класс. Нужно будет с ними по серьезнее, держать себя в гимназии; вести себя, как бы не замечая их. А теперь немного почитаю.

25 / I – 21 г. Вторник. без 5-ти мин. 11 час

Не знаю, что со мной случилось; кажется, втюрилась! Если бы он за мной ухаживал теперь, то, конечно, я об этом и не думала, но, ведь, он теперь очень холоден со мной, только поздоровается и кончено; а я между тем все больше и больше думаю о нем. Сегодня на уроке физики, как-то невольно нет нет да и взгляну на него; и сейчас сердце так ноет, ноет. Боже, что бы мне такое сделать, чтобы он, наконец, обратил на меня внимание и по-прежнему вертелся в VIII группе, но это, кажется, безнадежно; ведь, он во мне разочаровался; что послужило к этому поводом, право не знаю. Сегодняшний разговор с Шурой Персил еще более усилил мое чувство к нему; ведь, он не легкомысленный мальчишка, как я и думала, а очень серьезный, добрый мальчик и, кроме того, как он чтит память своего отца; конечно, я во все не считаю его идеальным во всех отношениях, у каждого человека свои слабые стороны; но эти качества по-моему перевесят всякие недостатки... А сердце-то, сердце мое бедное так болит. Ведь, любовь (хотя, конечно, я только нравилась ему, не больше) не возвращается.

Пятница 28 / I – 21 г. 11 час. вечера.

Да, это — любовь, я сегодня убедилась в этом. (Но сегодня что-то у меня не льется речь, как поза-вчера) Хотя не знаю, я не могу разобраться в своем чувстве, тут 2 дня я страдала, вчера же уже чувствовала себя спокойнее, хотя и не видела его, может быть потому что была Оля и не пришлось так много думать, уйти в себя. Но почему, сегодня за завтраком, когда они вертелись (в том числе и он) около Клавди, мне было все-равно? Мне, кажется, что я даже не ревновала, только когда они пошли вс с Клавдий на драматический кружок, не дожидая меня, вот тут-то во мне что-то заговорило, я шла почти молча с Мусей Сушинской; я уже решила, что не подойду к нему больше ни за что. Но когда Клавдия, мне сказала, что они собираются ехать на лыжах и хотят пригласить меня (может быть, это Клавдия им сказала? надо ее спросить), то тут я уже не много воспрянула духом, на душе стало как-то легче, но все же сердце билось и как-то тяжело вздыхалось. Странно то, что были такие моменты, когда наши глаза встречались и оба сейчас же их опускали... Завтра пойду в Собор, помолюсь может быть Господь мне поможет. Завтра увижу его!!! Я ему нравилась, это, — конечно, но почему же, когда я его не замечала, он тоже ко мне не подходил? Заговорила гордость? Ну ладно, “гордость — не порок”, я не люблю людей безхарактерных, поэтому я за это его не осуждаю, а, наоборот. О! если бы он знал что придя домой я посвящаю ему целые страницы, он, ведь, наверное не догадывается.

22 / II – 21 г. Вторник. 9¼ час. вечера

Сегодня у меня хорошее настроение: разговаривала во-первых с ..... долго, долго, хотя так из пустого в порожнее переливали, не так бы мне хотелось с ним поговорить. ~~Хотя мне что-то~~ Ну что это? Пришла в голову мысль ..... не передала ли что-нибудь Клавдия обо мне? Он что-то стал относиться ко мне не так, как в ~~прежнее~~ последнее время или это потому, что не было Клавди. Была сегодня в Амбулатории, кокетничала; [неразб.]! Не то сказала, кокетничал со мной Виктор, было ничего себе весело, но он мне не понравился: слишком вульгарен. Нужно попросить тетю сегодня погадать.

Я не разу еще не назвала его по имени здесь в дневнике; это хорошо: все таки надо остерегаться. Последнее время я мало о нем думала и даже ~~не могла~~ разобраться как-то закралась мысль: да не была ли то прямо зависть, что он стал ухаживать за Клавдией, а не любовью. Или я уже привыкла к чувству ревности, ~~так, что~~ сжилась с ним, так

что, потеряв надежду на лучшее, мне уже было все равно. Но если это была зависть, то я не знаю, что я готова с собой сделать, ведь, это одна из самых паршивых черт характера.

II / IV – 21 г. Понедельник

Сейчас только пришла из гимназии, было 3 часа черчения; подурили с Клавкой не много. Бориса давно не видела. Вообще, что касается его, уже все кончено, хотя с моей стороны этого нельзя сказать.

Письмо Милице Лазаркевич

Милая Милица, ведь, это же безобразие, столько времени о тебе ни слуху, ни духу; хотя и с моей стороны тоже самое, но, ведь, я долгое время, после твоего письма перед 7 февралем, ждала тебя, потом 2 недели была больна (у меня была желтуха), а кроме того, сама судьба, кажется, против того, чтобы я поехала к тебе: в это воскресенье совсем было собралась, достала пропуск, и утром опоздала на поезд; хотела ехать на 4-27, вдруг себя плохо почувствовала, поднялась сильная рвота. Вообще последнее время здоровье мое как-то пошатнулось. Постараюсь быть у тебя в следующие воскресенье 17/IV; ты Я даже не могу себе представить, что с тобой такое случилось: ни письма...

Написала письмо, уже 12 час. ночи, спать не хочется, хотелось бы что-нибудь написать, ведь, давно не бралась за него.

Теперь стоит такая хорошая погода, и отсюда хорошее настроение, пятая неделя поста, скоро Пасха. Вчера поехала было к Милице, да передумала. пошла к Клавде и, не застав ее дома, поплелась в парке, уселась на скамейку и читала. Ах, какое это удовольствие: я всегда теперь буду так делать. Вообще летом у меня план обширный, можно составить большую компанию, устраивать пикнику, ездить на лодке, ходить в театр, уходить куда-нибудь в укромный уголок подальше от людских глаз и читать, читать. Я бы хотела поближе познакомиться с Ив. Павлов., ведь, я же ему нравлюсь, так можно пококетничать с ним. А хорошо бы видеть по чаще Бориса.

На службе у нас теперь благодать, работы не так много, Маргарита Петровна довольно славная, правда хитрая и хвастунишка порядочная, но это еще не так плохо, надо же иметь какие-нибудь отрицательные качества, а это еще не такие плохие. Мария Геогиевна очень очень славная. Лидия Сергеевна не много меня портит (хотя

они все в этом грешны, но она в особенности,) тем, что нахваливает меня на каждом шагу и любят меня мной в слух. Ведь, было время, когда я не думала совершенно о красоте, не вертелась столько времени у зеркала, как теперь. Ну, пора спать!

20 / IV — 21.

Сегодня такой счастливый для меня день: поговорила с Борей, а главное увидела его после такой долгой разлуки (он не ходил целую вечность). Прихожу в гимназию... вдруг вижу его, это была такая неожиданность! Сердце опять зануло, щеки разгорелись; мне кажется, я никогда не разлюблю его. На физике я все время хохотала с Клавкой, она мне щупала пульс, вообще дурили основательно. Когда же кончился урок и спустились вниз, девочки стали примерять мой шелковый платок; тут же вертелся Борис, который стал толкать на нас Колю Беляева и так завязалась возня, Клавдя меня чуть не толкнула на Борю, но я убежала в раздевальню, тогда она подговорила Нюру Глинка привести Борю ко мне навстречу, я догадалась хотела вырваться, но не пришлось. Клавка противная! она хочет всеми способами намекнуть Боре “кой о чем”, я бы этого не хотела. Но что меня поразило? — это сегодняшняя поступок Бори: он во время ужина говорил, что очень голоден, не ел 15-ть часов и пошел просить прибавки, я же свою кашу не доела, и предлагала Клавде, но та отказалась, Боря это слышал и попросил эту кашу, я, конечно, была рада дать ему. И что же? смотрю он подходит к Наташе и говорит: “Наташа, вот вам суп и каша”. Оказалось все его хлопоты были о бедной женщине. Такого мальчика я первый раз встречаю, я хотя и слышала о его доброте от Шуры Персияниновой, но думала, что она говорила мне это, чтобы влюбить меня в него. Милый, славный, добрый Борис! Хотя я и кокетничаю с Ив. Павл. и др. но это мне не мешает на долгое время (боюсь сказать “навсегда”) остаться верной моей первой любви.

В понедельник после гимназии я провела время так весело, как не проводила уже давно. В гимназии нечего не было, поэтому было еще рано и мы пошли с обеими Клавинь и Клавдей гулять. Идем по тротуару, догоняет нас Иван Павлович, и вот с ним направились в парк, шел маленький дождь, вообще была пасмурная погода, но это мне не помешало быть в хорошем настроении. Я так кокетничала с Ив. Павл., что ужас, говорила свое “Конечно” Крылова, вөөб всех смешила, вообще была в ударе.

Когда подошли к Гроту и остановились, чтобы прощаться, я стала предлагать прутьки, которые я сорвала, но никто не брал, тогда я сказала: “Так, значит, никто не хочет получить от меня пруттик?” и бросила их в пруд.

Ив. же Павл. понял, что я, говоря это, рассчитывала, что он сейчас “с распростертыми объятиями” набросится на мой пруттик (между тем я взболтула это без всякой хитрости, не имея ничего в виду), сказал: “Ну и молодежь нынешняя, мы у нее должны учиться”. Мы все таки не распрощались, а пошли дальше по Садовой, Клавинь меня не много проводили, а потом мы остались одни. Ив. Павлович, проходя мимо своего дома, показывает мне: “А вот здесь я живу наверху” — “Ах, так мы значит, распрощаемся?” — “Нет, зачем? я вас провожу”. По дороге он мне сказал, что очень рад, что со мной встретился, на что я ответила высокомерным тоном: “Польщена”. — “Нет, правда, очень очень рад”. — “Очень приятно”. — “Ах, очень приятно?” — “Не знаю, может быть и нет, вообще все равно”, поспешила поправиться. Этим вечером я была страшно довольна.

Декламационный вечер.

Ив. Павл., судя по характеристике егонри, которую я читала, — человек симпатичный, с ним можно кокетничать, весело провести время, но все таки я никогда не сравню его с Борей; конечно, этот еще мальчик, а тот совершенно взрослый.

Завтра в гимназию не иду, хотя и тянет: может быть будет Боря; надо мыть голову.

16 / VI — 21г. Четверг

Проба пера и чернила

Писала письмо Мане Громовой

25 / VI — 21г. Суббота

Дежурю на огороде. Чувствую себя очень хорошо; после того как сходила домой, поправилась. Вчера время провела довольно весело, только испортили платье и туфли. Роберт вел себя немножко свободно, да его еще Ева подзадаривала, но от этого может быть было веселее, эка важность! поцеловал, я сначала злилась, а потом решила что все глупости. Валялись мы ужасно! Лидка же злилась, она всегда такая недотрога а вчера и вовсе: была причина; когда г-н Баумен

взял ее покатился с ней с горы, Ваня говорит: “Что это с Лидой случилось, не ожидал этого от “самого благоразумия”, если бы это Зина, то не удивительно, уж что говорить, “ветер в голове”, а то Лида”. Я теперь так свободно веду себя в обществе, хохочу, выкидываю всякие шалости, что правда могут принять за слишком легкомысленную, но, ведь, на самом деле я бы не назвала себя легкомысленной.

Последнее время я часто бываю в Павловск. театре, в то воскресенье в Троицу 19/VI — 21г. тоже была на “Темном пятне”. В вагоне нас с Натой арестовали: заподозрили Нату в том, что она знакома с барышней, которую, видно, ищут, а меня за компанию, и кроме того у нас не было билетов.

Какое чудное небо! голубое, голубое! и вообще здесь очень живописное место. Борю я видела перед Пасхой, моя сердечная рана стала было уже заживать, как тут недавно гуляя в парке, стали меня изводить им, и кроме того Клавдя меня рассказала, что как то она шла с Жорж Смирновым и спросила о Боре: “Кажется, за ним ухаживает много барышень”. — “Нет, он скучает и вспоминает зиму”. Что это значит не знаю, Клавка говорит, что это намек на меня, что он слишком горд чтобы подойти ко мне и вернуть прежния отношения после того, как я с ним обращалась. Ну, буду читать

ЗЕРКАЛА БЛОКАДЫ

Карина Разухина

УДК: 82.09+82-94.

«Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.

Mirrors of the Siege

Karina Razukhina

Ко дню снятия блокады Ленинграда в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла первая книга из серии «Библиотека “Прожито”. Блокада» под названием «“Я знаю, что так писать нельзя”: Феномен блокадного дневника». Она представляет собой результат кооперации многих авторов, от сотрудников центра изучения эго-документов «Прожито» и Европейского университета до разных групп участников, помогавших исследователям подготавливать дневники к публикации. Помимо рассмотрения блокадного дневника как феномена («Что такое блокадный дневник?»), участники проекта видят свою исследовательскую задачу в ответе на вопрос: как именно выживали люди во время страшных дней блокады Ленинграда¹.

1. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 12.

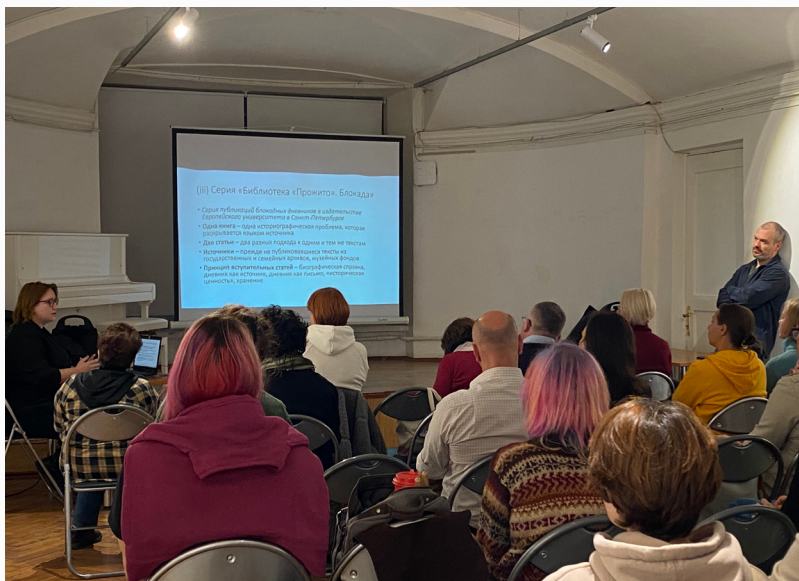
Проблема атрибуции издательских терминов («книга», «сборник») применительно к данному коллективному труду кажется поначалу достаточно неразрешимой, ведь концептуализация замысла книги пока превышает его реализацию (правильнее было бы озаглавить работу как «проект», что подразумевало бы пространство для будущего развития). К моменту публикации книги, за счет усилий работников архивов, музеев, библиотек и исследователей, вносящих свой вклад в историографию блокады, сложилась целая «современная библиотека»², представляющая собой калейдоскоп дневников и воспоминаний. Но их накопление не было бы возможным без открытия доступа ко многим государственным архивам в 1992 году (процесс рассекречивания документов идет до сих пор и с переменным успехом). Помимо архивных материалов, относящихся к работе и функционированию институций, читателю стали доступны личные воспоминания самих ленинградцев, оказавшихся в «пограничной» ситуации между жизнью и смертью. Однако не все документы личного происхождения дошли до массового читателя; многие из них так и остались только в распоряжении исследователей, реконструирующих исторические процессы. «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника» предстает как книга-проводник. Она обеспечивает исторический трансфер между архивом, наполненным «замолчанными» и «потайными» голосами, и современным реципиентом, в чей читательский кругозор теперь могут попасть индивидуальные свидетельства о катастрофе. В этом контексте задуманная серия становится частью культуры памяти и канонизации (процесса восприятия), механизмы которых подробно анализируют в заключительной статье Анастасия и Алексей Павловские.

С момента первой публикации эссе «The Generation of Postmemory» (пер. «Поколение постпамяти») Марианны Хирш прошло около 30 лет³. Принцип передачи особого травматического знания в кросспоколенческой перспективе начал рассматриваться применительно к широкому диапазону материалов (художественные произведения, музейные практики, кинематограф и др.) в последние десятилетия так, что порой достаточно сложно отделить штудии *memory studies* от *trauma studies*. Не вдаваясь подробно в дискуссии сторонников этих направлений (чего не делают и сами составители сборника и исследователи дневников⁴),

2. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 7.

3. Hirsch M. *The Generation of Postmemory*. URL: [link](#) (07.10.2022).

4. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 438.

Анастасия Павловская
и Михаил Мельниченко
на презентации книги
«Я знаю, что так пи-
сать нельзя»: Феномен
блокадного дневника»
8 сентября 2022 года.
Фото Ирины Капито-
новой.

скажем, что «Феномен блокадного дневника» является тем самым символическим артефактом, заявляющим о значимости коммеморативных практик сегодня. Почему участники проекта «Прожито» обратились к эго-документам периода блокады именно сейчас, решив разомкнуть границы между двумя медиумами — печатным и цифровым?

Во-первых, память о блокаде является таким же *site of trauma* в коллективном сознании, как и память о Холокосте, лежащая в основе концепта Марианны Хирш. Поощрение и укрепление глобальных исторических нарративов, сравнимое с процессом огосударствления истории, наблюдалось на протяжении всего советского периода и, к несчастью, наблюдается и в актуальном социально-историческом контексте. Многие «места памяти»⁵ инвертируются, начинаются новыми идеологическими смыслами, которым может противостоять лишь индивидуальная память многих «голосов»: личные дневники о трагическом периоде блокады печатаются в данной книге без цензуры, а некоторые из них — с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Несомненно, существует множество изданий блокадных дневников, но, как отмечают Никита Ломагин и Михаил Мельниченко, эта работа «...представляет собой результат несогласованных усилий»⁶, так как принципы издания подобных текстов очень различны. Свою же задачу составители и исследова-

5. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 1999. С. 17–50.

6. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 7.

тели видят в том, чтобы представить корпус дневников как систему отношений, внутри которой можно усмотреть статистические данные («общее и различное») о степени вовлеченности авторов в «неформальную экономику»⁷ особой блокадной повседневности. Системный подход входит и в саму «проектную» направленность серии «Библиотека “Прожито”. Блокада»; дальнейшие тома, которые авторы планируют издать, будут посвящены определенным историографическим проблемам и структурироваться по тематическому принципу.

Во-вторых, сами редакторы определяют причину обращения к блокадным дневникам через количественные показатели: среди загруженных и размеченных в рамках проекта «Прожито» дневников более чем 2000 авторов, акторы центра обнаружили, что пик написания текстов попадает на 1941–1945 годы: «Больше половины загруженного материала военных лет приходится на дневники жителей блокадного Ленинграда (270 загруженных текстов из почти полутысячи <...>»⁸. Уникальность условий, причины внешние (историческая значимость передаваемой информации) и внутренне (инструмент психологического самосохранения, самодисциплины), а также гендерная сбалансированность (соотношение 45% женских и 55% мужских) позволяют назвать блокадный дневник «феноменом», на который существовал социальный и экзистенциальный «запрос» во время осады города.

Говоря о кооперации многих деятелей, вложивших свои усилия в создание этой книги, отдельно необходимо упомянуть авторов, прочертивших исследовательский контекст вокруг дневника как «знака блокадного»⁹. Среди них — известная поэтесса, филолог и исследовательница культуры блокады Полина Барскова, историк Никита Ломагин, писавший о механизмах выживания людей в блокадном Ленинграде, координатор и редактор проекта «Прожито» Анастасия Павловская и исследователь рецепции блокады Алексей Павловский. У многих авторов есть собственные книги, посвященные аспектам изучения «блокадного»: «Неизвестная блокада» Никиты Ломагина, «Блокадные после», «Блокада. Хрестоматия» Полины Барсковой и др.

Однако «“Я знаю, что так писать нельзя”»: Феномен блокадного дневника» ориентирована не столько на привнесение новых методов в рассмотрение блокады как одной из самых трагических

7. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 12.

8. Там же. С. 9.

9. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа. С. 421.

катастроф XX века, сколько на актуализацию проблемного взгляда на блокадный дневник как особый жанр письма, порождаемый внутри травмы. В этом, по мнению Анастасии Павловской, и заключается уникальность издания и его концепции¹⁰. Принципиально новаторским можно считать отношение к реорганизации архивного пространства: авторы проекта ставят перед собой задачу создания электронного, виртуального архива, соединяющего в себе все блокадные эго-документы. Это не только облегчит доступ к документам всем исследователям и рядовым пользователям, желающим погрузиться в травматическое прошлое, но и позволит найти инструменты для анализа текстов, поскольку архив будет оборудован системой тегов¹¹. Можно сказать, что и первый том является своеобразной гиперссылкой, дающей начальные представления о специфике блокадного письма и побуждающей обратиться к цифровым медиа через печатные, поскольку авторы неоднократно отсылают читателя как к научным работам, так и к самому проекту «Прожито».

По справедливому замечанию Александра Эткинда в статье «Новый историзм, русская версия», в нынешней «интеллектуальной ситуации» масштабно актуализировалось «недоверие к большим историям, радикальным теориям, привилегированным точкам зрения»¹². Первая книга проекта решает еще одну важную задачу: она раскрывает и обнажает перед читателем индивидуальные свидетельства обыкновенных людей, не наделенных какой-либо «канонической» репутацией. Автобиографичные жанры — достаточно противоречивые формы повествования, поскольку в них по-разному распределяется символический капитал. Дневник традиционно воспринимается как исключительно мужской тип автоповествования¹³, тогда как в блокадных дневниках гендерное распределение нивелируется (их в равном количестве пишут мужчины и женщины). В то же время дневниковые записи известных лиц становятся «видимыми» для читателей и потомков. Так, например, Полина Барскова неоднократно цитирует более знакомые широкому кругу читателей тексты Ольги Берггольц, Евгения Шварца и Лидии Гинзбург.

10. Артёмченко Г. «Это очень сильный артефакт» (интервью с Анастасией Павловской) // Медиапроект «Стол» (s-t-o-l.com). 27.01.2022. URL: [link](#) (19.09.2022).

11. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа. С. 435.

12. Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Журнальный зал. URL: [link](#) (19.09.2022).

13. Лежен Ф. В защиту автобиографии / Пер. и вступ. статья Б. Дубина // Журнальный зал. URL: [link](#) (19.09.2022).

С другой стороны, автобиографическое повествование — это маргинализированный дискурс, «литературность» которого оспаривается на протяжении многих веков, хоть и были предприняты определенные шаги по его легитимации. Представляется чрезвычайно важным, что авторы проекта отменяют «иерархии», сохраняя многообразие. В книге читатель обнаруживает живые свидетельства людей с вариативной социальной, гендерной, идеологической и возрастной ангажированностью. Взгляд на историю, таким образом, перестает быть привилегией, а погружение в катастрофу обеспечивается за счет зеркал, в которых отражаются голоса свидетелей.

Выбранная авторами структура сборника обеспечивает читателю необходимую навигацию по миру блокадного ужаса. Подчеркивая, что «блокадная книга» представляет собой книгу тревог, Полина Барскова в эссеистической манере разбирает механизмы и цели блокадного письма, его нарративные слои и проблематичную позицию адресата. Каждый из семи дневников, расположенных в центре сборника, предваряется справкой об авторе, анализом особенностей повествования, дополнительной информацией о месте расположения эго-документа. Такой базис не просто знакомит читателя с человеком, оставившим свидетельство, но и выводит главного героя из забвения, отменяя анонимность, которой злоупотребляет «большая» история. Письмо блокады начинает «мерцать» разными гранями. Каждый дневник становится индивидуальным «местом памяти» о блокаде города и новым витком речевой, идеологической и этической диалектики: вместе разные точки зрения звучат почти «полифонически» (по Михаилу Бахтину).

Первым читателя встречает дневник театроведа и учителя Александра Бардовского, наполненный «блокадным фольклором» и слухами, которые раздувают фигуру Сталина до романтических масштабов Короля Лира. Бардовский сохраняет двойственное отношение к Советскому государству и идеологии, в то время как Анисим Никулин — управленец, агитатор, могильщик и автор следующего дневника — смотрит на блокадный Ленинград сквозь призму соцреалистического канона. В то же время, его стиль поражает «языковым разнообразием»¹⁴: автор наслаивает друг на друга различные риторические приемы, делая дневник лабораторией агитатора; литературно выписывает ландшафт и быт разрушенного города, представляя себя хроникером. Письмо школьницы Софьи Гутшабаш насквозь гибридно: оно совмещает в себе подневные записи и воспоминания, становящиеся

14. Павловский А. *Управленец, агитатор, могильщик: блокадный дневник Анисима Прокопьевича Никулина (10 января – 7 апреля 1942) // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 129.

дополнением к общим травматическим эпизодам, фигурировавшим во многих подростковых дневниках. Нина Обухова-Духовская наполняет страницы своих тетрадей не только трагическими картинами зимы 1941–1942 гг., но и изображает быт Ленинграда после «смертного времени»¹⁵. Главной особенностью ее эго-письма является описание собственного тела, подвергшегося разного рода деструктивным изменениям. Записи Берты Злотниковой можно назвать характерным творческим примером конструирования блокадной и дневниковой идентичности. «Записки из блокнота» Александра Гришкевича (заведующего сектором печати горкома ВКП(б)) практически лишены ориентации на его собственное «я». Автор литературно вырисовывает перед читателями микроновеллы из бытовой жизни ленинградцев, транспонируя в тексты соцреалистическую риторику. Дневник школьника Володи Томилина — это визуальное свидетельство с перечислением дневного рациона, инкрустированное в книгу графически. Завершается сборник статьей Алексея и Анастасии Павловских, помещающих символ блокадного дневника в контекст современных и советских коммеморативных практик.

Тем не менее смысловая часть первого тома, призванная вписать блокадный дневник в историографическую проблематику и дать импульс к постановке научных вопросов, не лишена точечных изъянов. Рассуждая о нем как феномене, Полина Барскова достаточно подробно анализирует проблему адресата и дневник как историческое свидетельство. Но амбивалентной фигуре свидетеля практически не отводится теоретических рассуждений, несмотря на то что именно она ответственна за создание автонарратива. Этическая двойственность статуса «выжившего» рассматривается в книге Джорджо Агамбена «Homo sacer. Что остается после Освенцима», но на материале рассказов очевидцев, которые пережили иной опыт (пребывание в концентрационном лагере), отличающийся от опыта блокадного человека. Однако, есть нечто общее, что бросается в глаза при соприкосновении с личными дневниками людей, перенесших катастрофу: «В какой-то момент стало очевидным, что принципиальным элементом свидетельства является некий изъян, именно, что выжившие свидетельствуют о чем-то таком, о чем свидетельствовать невозможно...»¹⁶ в силу разру-

15. Никулин А. Дневник (10 января – 7 апреля 1942) // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 141.

16. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: Архив и свидетель / Пер. с итал. И. Левинной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Европа. 2012. С. 9.

шающих последствий травмы, делающих язык заведомо немым. Возможно, этот упущенный аспект станет тем самым исследовательским триггером, побуждающим описать сложный статус свидетеля блокадного дневника. Из этого логически выстраивается вторая проблема, недостаточно освещенная исследователями — текстологическая. Дневники Александра Бардовского и Софьи Гутшабаш пережили несколько редакций: текст Бардовского был снабжен комментариями его жены Али, а Софья дописывала некоторые фрагменты уже постфактум, по воспоминаниям. При этом, ссылаясь на дневники Шварца и Гинзбург, Полина Барскова констатирует, что «...идея одного блокадного дня привела в итоге к записям по памяти <...> при том что линзы этих двух форм письма, двух жанров очень различны»¹⁷.

Несмотря на это, «“Я знаю, что так писать нельзя”»: Феномен блокадного дневника» — очень необходимая настоящему времени книга, влияющая изнутри на культуру памяти и переосмысление исторического прошлого. Проектная направленность серии выведет на свет множество индивидуальных восприятий, позволит самым разным читателям через живое слово погрузиться в трагические дни истории, противопоставит каноническим интерпретациям событий личные голоса, остававшиеся до этого на «периферии».

17. Барскова П. Что осветило зарево пожара: механизмы и цели блокадного дневникового письма // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 21.

Карина Эдуардовна Разухина
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва),
Институт филологии и истории,
магистерская программа
«Классическая русская
литература и актуальный
литературный процесс»
karina.razuhina1301@mail.ru

Karina Razukhina
Russian State University
for the Humanities (Moscow),
Institute of Philology and History,
MA programme in Classical Russian
Literature and the Current
Literary Process
karina.razuhina1301@mail.ru

«ТОСКОВАТЬ И ХАНДРИТЬ Я НАЧАЛ, ПРАВО, ЧУТЬ ЛИ НЕ С 14 ЛЕТ»: КОРПУС ПИСЕМ АП. ГРИГОРЬЕВА В СВЕТЕ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

Зоя Гусева

УДК: 8+80+
82+821.161.1.

Ключевые слова:
Ап. Григорьев, письма, эмоции,
меланхолия, травелог.

Аннотация

Статья посвящена анализу эпистолярного наследия Аполлона Григорьева. Обзор корпуса писем критика позволяет предположить, что проявление эмоций в нем неразрывно связано с типичным для романтизма мировоззрением автора, частично сформированном условиями его жизни (постоянная бедность, страдания от неразделенной любви, одиночество, периферийное положение в литературе при признанном таланте), а частично — созданном им самим. Отличительными особенностями эпистолярия Григорьева является соединение в нем нескольких типов дискурса и обращение к традициям разных литературных жанров.

“I began to yearn and mope almost from the age of 14 indeed”: Ap. Grigoryev's Corpus of Letters in Focus of the History of Emotions

Zoia Guseva

Keywords:

Ap. Grigoryev, letters, emotions, melancholy, travelogue.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the epistolary heritage of Apollon Grigoriev. A review of the corpus of the critic's letters suggests that the manifestation of emotions in them is inextricably related to Grigoryev's worldview, that was typical for Romanticism and partly formed by his living conditions (constant poverty, suffering from unrequited love, loneliness, peripheral position in literature while having an acknowledged talent), partly created by himself. Distinctive features of Grigoryev's epistolary are that they combine several types of discourse and appeals to the traditions of different literary genres.

Корпус писем Аполлона Григорьева охватывает период с 1842 по 1864 год, то есть со времени окончания университета и до смерти. Эпистолярное наследие критика — наименее исследованная часть его творчества. Неоднозначная репутация и целенаправленное отстранение Григорьева от центральных изданий оказали влияние на характер первых исследований, которые были посвящены в основном его художественным и критическим текстам [Шах-Паронианц 1899: 129–135]. Кроме того, недостаточная изученность переписки Григорьева объясняется тем, что на ее публикацию ушло более ста лет: своего архива поэт не оставил, письма приходилось разыскивать, их значительная часть утеряна. Тем не менее сохранившиеся документы — ценный материал для анализа истории чувств, который может служить источником для реконструкции части эмоциональной матрицы эпохи.

Основной массив эпистолярного корпуса критика составляют письма, которые условно можно назвать деловыми. Большинство из них адресовано профессору Московского университета и редактору журнала «Москвитянин» М.П. Погодину. Постоянно нуждаясь в деньгах, Григорьев часто обращается к друзьям и издателям с просьбой дать ему в долг, что само по себе становится причиной переживаний и не всегда дается легко: в одном из писем Погодину [Григорьев 1999: 19] он признается, что много раз «давал себе заклятие» не занимать у людей, которых он уважает. Но другого выхода нет, и критику снова и снова приходится брать в долг. Часто это усугубляется неудачами в литературной деятельности: журналы отказываются публиковать его статьи¹, работа, которую дает Погодин, воспринимается не как служение искусству, а как поденщина. Таким образом, зачастую Григорьев оказывается лишен всего, что он определяет для себя как самое важное в труде: свободы, веры в дело и желания этому делу служить. Все это становится причиной постоянного недовольства собой, ощущения безысходности своего положения [Григорьев 1999: 26, 47, 60, 71].

1. Так, например, в 1860 г. М.Н. Катков отказывается публиковать в «Русском вестнике» критическую статью Григорьева «Краткий послужной список на память моим старым и новым друзьям»; в том же году редакция «Московских ведомостей» отклоняет полемическую статью «Дело о “Русском вестнике” и его антагонистах. Письмо к редактору “Московских ведомостей”» [Виттакер 2020: 330–331]. Л.М. Шах-Паронианц отмечает, что в последние годы жизни критика «редакции, в своем полном подчинении наиболее распространенным в то время идеям, из опасения прослыть ретроградными органами, наотрез отказывали Григорьеву в помещении его статей в своих изданиях <...>. Аполлону Александровичу не оставалось ни одного журнала, где бы он свободно мог проводить в общество свои литературные идеи» [Шах-Паронианц 1899: 100–101].

Несмотря на все трудности, критик сохраняет верность своему идеалу труда: «Я умру с голоду, прежде чем отдать кому-либо хоть частицу того, что я и Островский считаем нашим исповеданием — ибо, твердо верю, тут только настоящая правда, правда в меру, правда не из личных источников вышедшая. Пусть я слаб, как ребенок, иногда пусть я падоk на всякие жизненные увлечения — но никакой слабости и никакому увлечению не отдам я того, что считаю правдою» [Григорьев 1999: 127]. Деловые письма по-своему интересны и представляют несомненную ценность для исследователей биографии писателя, однако главным предметом нашего рассмотрения будут не они, а дружеская, интимная переписка Григорьева, в большей степени отражающая его эмоциональное состояние.

****

Мемуары Григорьева содержат свидетельства о том, что будущий критик с детства отличался болезненной чувствительностью. Он вспоминает, например, следующий случай: «...нарыдавшись инстинктивно, я, прежде чем идти к отцу просить за отправленного в часть Василья или Ивана, смотрелся в зеркало, достаточно ли вид у меня расстроен» [Григорьев 1980: 18]. Описанный эпизод показывает, что юный Аполлон был расположен к бурному проявлению чувств, воспринимал их как нечто естественное. При этом он не ограничивался переживаниями, а претворял их в действия: например, жалость побуждала его просить за дворовых. Важно отметить, что Григорьев не только не стеснялся обнаруживать свою чувствительность перед другими людьми, но и делал это специально: приведенная цитата свидетельствует и о способности к манипуляции. Видимо, уже тогда он осознавал, что его собственное эмоциональное состояние может служить инструментом воздействия на окружающих. Пристальное внимание к проявлению собственных эмоций, попытки определить их, понять их природу характерны и для зрелого Григорьева. Особенно ярко проявляется это в письмах поэта из Италии.

Поездку в Европу еще в начале 1857 г. Григорьеву предложил Погодин. Поэт должен был отправиться в заграничное путешествие с семьей князей Трубецких в качестве воспитателя юного И.Ю. Трубецкого. Путешествие продолжалось четырнадцать месяцев и проходило по маршруту Штеттин — Берлин — Прага — Вена — Венеция². Жизнь за границей вызывала у Григорьева противоречивые чувства.

2. Маршрут приводится по книге Б.Ф. Егорова [Егоров 2000: 139].

О том, что «душа славянофильствующего интеллигента принимала на Западе далеко не все» [Егоров 2000: 139], можно судить по письмам: несмотря на первые положительные впечатления от путешествия, отъезд, разлука с друзьями, невозможность непосредственно влиять на судьбу «Москвитянина», которая очень волновала Григорьева, задают эмоциональный регистр писем этого периода.

Определяющее значение для итальянских писем Григорьева имеет меланхолия. К. Юханнисон пишет, что меланхолия может проявляться во множестве разных форм, точкой пересечения которых служит отсутствие или утрата кого- или чего-либо [Юханнисон 2011: 22]. Уже в начале XVIII в. меланхолия обретает в русской культуре значение не только психологического, но и чрезвычайно важного культурного явления. На протяжении нескольких столетий смысл этого понятия, отношение к нему авторов и читателей неоднократно изменялись: традиционное для XVIII в. восприятие меланхолии как «опасного душевного заболевания, заканчивающегося безумием» [Виницкий 1995: 4], в конце XVIII — начале XIX в. сменяется «культуром меланхолии», имевшим «все признаки (квази)религиозного ритуала» [Виницкий 1995: 9]. К концу 50-х гг. XIX в., когда Григорьев едет в итальянское путешествие, меланхолия понимается в русской литературе как нечто архаическое. В эпистолярном корпусе критика это душевное состояние, напротив, оказывается одним из ключевых. Меланхолическое чувство принимает в его письмах формы хандры, тоски, одиночества, скуки, ностальгии и т.д. Некоторые из них напрямую связаны с пребыванием за границей, другие же могут быть вызваны обращением к воспоминаниям. Возвращаясь к замечанию Юханнисон, мы можем сказать, что Григорьев, находясь в Италии, острее всего переживал оторванность от Родины, друзей, собеседников и единомышленников.

В письмах, которые критик писал, находясь в России, описание или упоминание чувств чаще всего лишь сопутствуют основному «деловому» содержанию. В его итальянских письмах эмоции часто оказываются главным предметом осмысления. Особенно важными становятся здесь фигура адресата и коммуникативный аспект жанра письма. Григорьев не просто письменно фиксирует свои эмоции, ему важна реакция собеседника. Кроме того, сообщение об одних и тех же чувствах в переписке поэта с разными людьми может преследовать разные цели: это и способ саморефлексии, и попытка найти в адресате участие, и оправдание поведения, которое сам поэт в душе считает недопустимым.

К итальянскому периоду относится большая часть переписки Григорьева с Е.С. Протопоповой. Эти письма представляют для нас особый интерес, поскольку именно в них поэт открыто говорит о сво-

их переживаниях, много рефлексировал. Григорьев и Протопопова познакомились в 50-х годах XIX в. в доме Я.И. Визарда. Григорьев был вхож в дом как сослуживец Визарда по Московскому воспитательно-му дому. Протопопова же брала уроки французского у жены хозяина дома и учила музыке их дочь Леониду, в которую был страстно влюблен Григорьев. Будучи старшей подругой своей ученицы, Протопопова много лет была свидетельницей драматической истории любви Григорьева и впоследствии стала его постоянной корреспонденткой.

Логично предположить, что Григорьев видел в Протопоповой связующее звено между ним и Л.Я. Визард, между своим безрадостным настоящим и недалеким прошлым, когда его надежда на счастье еще не угасла. Однако стратегии письма, которые использует Григорьев, свидетельствуют о том, что общение с Протопоповой ценно для него само по себе. На это он прямо указывает в своих письмах корреспондентке:

«Поймите, что я Бог знает как люблю Вас — люблю не за то только, что Вы для меня связаны с такою жизнью и с таким прошедшим, за которое отдал бы всю остальную жизнь — а собственно Вас люблю как друга, как сестру по душе...» [Григорьев 1999: 150].

Их переписка кажется довольно необычной для той эпохи. Григорьев делится самыми интимными переживаниями с женщиной, которая на протяжении нескольких лет оставалась для него только знакомой. Сам поэт определяет эти отношения как «женскую дружбу» [Григорьев 1999: 143] и неоднократно подчеркивает их важность для себя. Он чувствует душевное родство с Протопоповой, ищет в ней участия и поддержки.

Возможно, решение критика делиться сокровенными мыслями с confidentкой имело литературное объяснение: в основу ряда статей книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в свое время очень впечатлившей молодого Григорьева³, легла переписка писателя с А.О. Смирновой. Их общение в этих письмах по большей части выстраивалось вокруг вопросов о вере. Как отме-

3. Прямое подтверждение этому мы видим в письме Григорьева к автору «Выбранных мест»: «Повторяю Вам — много и тяжело было передумано над Вашей книгою — и вероятно, не одним мною; я же лично, может быть, был приготовлен к ней моим собственным душевным настроением: не скрою от Вас и того, что несмотря на все негодование, навеянное на меня слухами о Вашей книге, меня лично неотразимо влекло к ней — именно то, что она всех почти привела в ярость, всех — даже людей, согласных, по-видимому, с Вами в основах мышления (как-то П<а>вл<о>ва), — одно убеждение проходило со мною через все фазисы мышления, убеждение, что истина есть только то, что сознается немногими, несколькими, одним, может быть, что истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого» [Григорьев 1999: 30].

чает А.А. Карпов во вступительной статье к изданию писем Гоголя, писатель видел в Смирновой «душу, способную горячо отозваться его развивающимся религиозным настроениям» [Карпов 1988: 115]. Однако Гоголь не только сам делится с собеседницей своими мыслями, но и ждет от нее оценки, критического взгляда:

«Но скажите мне, разве я святой, разве я могу увидеть все свои мерзости? Для этого-то и существует истинно братская любовь, истинно братская помощь, чтобы указывать нам наши мерзости и помогать нам избавляться от них. За чем же вы не помогли мне, зачем же вы не указали их мне? Не стыдно ли вам?» [Гоголь 1952: 357].

Несмотря на отсутствие христианских коннотаций, тот идеал «женской дружбы», который создает для себя Григорьев, по своей сути близок «братской любви» в понимании Гоголя, поскольку также основывается на понимании и откровенности. Очень симптоматично, что именно Григорьеву принадлежит единственная в своем роде положительная рецензия на «Выбранные места...» — статья «Гоголь и его последняя книга» [Григорьев 1982: 106–126], впервые опубликованная в газете «Московский городской листок» в 1847 г.

Однако в жизни эта «женская дружба», о которой критик так много пишет, видимо, оказывалась односторонней. Понимание, о котором он говорил, не было взаимным: главный предмет писем Григорьева к Протопоповой составляли его собственные переживания. Иногда поэт оказывается даже слишком чувственен, чего потом стыдится. Так, письмо от 6–7 января 1858 г. написано им во время сильного приступа хандры и бессонницы. Несколько раз Григорьев бросает письмо, но не может уснуть, снова к нему возвращается и пишет обо всем, что его больше всего волнует: о своей несчастной любви к Визард, об одиночестве, о своих идеалах, которые его самого заставляют страдать, о «Москвитягине». Под конец он начинает довольно бесцеремонно расспрашивать Протопопову о ее чувствах, говорит о том, почему не хотел ее полюбить. На следующий день поэту становится стыдно за «безумный и больной бред лихорадки» [Григорьев 1999: 179] ночи, но он очень доверяет Протопоповой и потому не рвет письмо.

Ратуя за искренность, Григорьев, который, судя по всему, хорошо знал характер Протопоповой⁴, проявляет к ней не то равнодушие,

4. А.В. Булычева, говоря об особенностях характера Протопоповой, замечает, что та была склонна к сентиментальности и сочувствию обездоленным: «Среди любимых слов Екатерины Сергеевны были “сирота” и “сиротство”. Вспоминая о своих слезах в Пизе, Екатерина Сергеевна не преувеличивала — позднее любая грубость горничной заставляла ее проплакать часа четыре кряду и так и не наплакаться» [Булычева 2017: 57].

не то жестокость. Он не только позволяет себе грубость по отношению к собеседнице, но и распространяет на нее упреки, адресованные всем женщинам. Так, например, обсуждая в переписке с Протопоповой московских знакомых, критик пишет:

«Кстати о Максиме. О его страсти знал я прежде и не от него, конечно. Боюсь не погубила бы его задаром ваша Катерина Николаевна... Ведь вы все такая запуганная дрянь, что жертвы ни одна из вас, из самых лучших, не принесет для человека» [Григорьев 1999: 174].

В этом же письме Григорьев обвиняет Протопопову в том, что она недостаточно откровенна с ним:

«Что за гнусное безобразие умолчаний, намеков за несколько тысяч верст — а главное — какая свирепая, зверообразная жестокость не писать потому, что не можете себе в чем-то отдать отчета. Чорт знает, что это такое! Только женщины способны к такой белиберде...» [Григорьев 1999: 173]⁵.

Вероятно, в таком отношении к женщинам проявилась личная обида писателя на судьбу за неудачи в любви. Вместе с тем Григорьев отдает себе отчет в том, что откровенность, которая облегчает ему душу и за возможность которой он благодарен своей корреспондентке, для нее может быть мучительна, и пытается контролировать себя:

«...спешу кончить — пока опять не подошел прилив тоски, во время которого я обыкновенно эгоистически-безжалостно пользуюсь Вашей симпатией — первой и единственной женской симпатией, которой отдаешься без страха и ослепления...» [Григорьев 1999: 150].

Известно, что поэт очень остро ощущал любое проявление неравенства, когда оно касалось его самого. При описании сцены прощания с А.А. Фетом перед отъездом в Петербург Григорьеву важно заметить: «Мы квиты — мы равны» [Григорьев 1980: 93]. В исповедальном письме отцу он пишет:

5. Приведенные цитаты несут на себе отпечаток григорьевской «теории женщины», особенно отчетливо выведенной литератором в рассказе «Офелия». Согласно концепции автора, женщина не представляет из себя наполненной личности, пока ее не «создаст», не сформирует мужчина [Тахо-Годи, Середина 2016: 870], [Середина 2016: 221]. В связи с автобиографичностью прозы Григорьева есть основания предполагать, что «теория женщины» из рассказов проникла и в его собственное восприятие женщин и дружбы с ними.

«Мне не забыть одной, по-видимому, мелочной сцены: ко мне пришел Кавелин, человек, с которым я хотел быть по крайней мере — равным; мы сошли с ним в залу — Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною — о Господи! верите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминании об этом, мне делается тяжело...» [Григорьев 1999: 17].

Эти и другие случаи показывают, что Григорьеву было важно осознать, что он не хуже других, не уступает им. При этом в общении с Протопоповой критик не проявляет чуткости, их отношения оказываются асимметричными. В переписке он пытается выстроить с ней дружеские отношения, однако риторика этих писем близка любовной⁶. Из четырнадцати сохранившихся писем к Протопоповой лишь два написаны до отъезда поэта в Европу, но модус дальнейшей переписки задан уже в них. Так, Григорьев пишет Протопоповой:

«Вы — один из таких редких субъектов женского пола, которые никогда не ломаются. Тетка моя устраивает спектакль; веря в Вас, как всегда, т.е. по-старому, я почти дал за Вас слово, что Вы будете участвовать. От Вас зависит — обмануть мою твердую веру или подтвердить ее» [Григорьев 1999: 136].

Дружеский тон письма сочетается с попыткой воздействовать на адресата. Поэт хвалит Протопопову за прямоту, признает собеседницу благородным и честным человеком, но одновременно с этим — может быть, ненамеренно — ставит себя выше своей подруги, фактически лишая ее возможности выбора и заставляя поступить так, как того хотел бы он сам.

С.А. Дианин, биограф композитора А.П. Бородина, мужа Протопоповой, отмечает, что та отличалась «сентиментализмом» и чувствительностью:

«Очень добрая по природе, склонная к благотворительности всякого рода, Ек. С. зачастую проявляла эти свои качества в духе русской старины — любила окружать себя неудачливыми родственниками, приживалками...» [Дианин 2016: 48].

6. Приведем репрезентативный фрагмент из письма Григорьева к Протопоповой: «Знаете, за что я Вас так люблю, мой добрый, благородный друг женского пола? Вы — единственная женщина, с которой можно играть в эту сладкую и опасную игру, называемую женской дружбой... Причина этого, с одной стороны, в том глубоком и нежном уважении, которое Вы внушаете всему, что способно Вас понять, а с другой стороны — в Вашей артистической, т.е. немножко эгоистической, немножко слишком самообладающей, немножко даже ветренной природе. Знаю я, что и Вы меня любите, но знаете ли Вы, за что? — Именно за тот анализ, который то пугал, то волновал Вас» [Григорьев 1999: 143].

Можно предположить, что таким несчастным, нуждающимся в поддержке человеком казался Протопоповой и Григорьев. Но, судя по всему, для него это общение было важнее, чем для его корреспондентки. Как и друзья по «Москвитянину», Протопопова отвечала на письма редко, чем очень мучила Григорьева, который видел в ней близкого человека и, страдая от одиночества и хандры в Италии, очень нуждался в ее поддержке. Он то шутливо ругает ее за молчание, называя «бессовестной» и «коварным другом» [Григорьев 1999: 163], то взывает к ее сочувствию и умоляет написать хоть строчку. Потребность в диалоге с женщиной оказывается настолько острой, что, когда общение с Протопоповой на время прекращается, Григорьев начинает писать жене, о чем потом сообщает своей confidentке: «...мне так необходима беседа с женщиной, что когда, полгода не получая от Вас ни строки, я было отчаялся в Вас, — я принялся писать бесплодные проповеди к моей жене...» [Григорьев 1999: 184]. Григорьев не скрывает своей нелюбви к супруге, обвиняет ее в разврате и пьянстве, но письма к ней, эти «бесплодные проповеди», он пишет в первую очередь не для того, чтобы образумить ее, а для облегчения собственной души. Это успокоение литератор надеялся найти в общении с женщинами.

С. Кьеркегор в книге «Или — или», на которую ссылается Юханнисон, писал: «Многие... ищут сочувствия не столько для смягчения боли, сколько для того, чтобы их немного побаловали, чтобы с ними носились. Таким образом, они по сути рассматривают печаль как одно из жизненных удобств» [Кьеркегор 2011: 44]. Во многих случаях именно так выстраивает свою переписку с Протопоповой Григорьев. В письме от 1 сентября 1857 г. критик признается: «Пишу я к Вам, потому что опять хандрю, значит, нуждаюсь в душевных излияниях, сколь это ни подло и ни глупо» [Григорьев 1999: 142]. Несколько раз он замечает ей, как важна для него эта женская дружба, женская симпатия, что с ней он может поделиться тем, о чем не расскажет никому другому.

При том, что Григорьев, видимо, очень страдает, в письмах к Протопоповой он может иронизировать над своим страданием: «Хандра загрызла меня до того, что стало наконец просто невтерпез. Вот я воспользовался тремя праздничными днями и уехал в Сиенну испытать хандру уединенную под новым, более пикантным соусом» [Григорьев 1999: 176]. По мнению А.В. Алексеева, сплин и хандра как обозначения тоски или скуки — чисто романтический феномен, возникший в литературной традиции, созданной Байроном, и заимствованный русской поэзией начала XIX в. [Алексеев 2000: 106–107]. Соглашаясь с интерпретацией, предложенной Алексеевым,

мы рассматриваем их как свойства байронического мироощущения, а склонность Григорьева к разговору об этих чувствах — как стремление следовать романтической модели поведения.

В той или иной степени меланхолия проявляется во всех или почти всех письмах Григорьева из Италии, но, конечно, не всегда в форме душевных излияний, как в переписке с Протопоповой. В некоторых случаях критик упоминает о своей хандре, чтобы объяснить адресату свою возможную несдержанность и как бы дать самому себе право на грубость. Так, в марте 1858 г. Григорьев пишет Погодину письмо, которое, как кажется, скорее возникло под действием гнева, а не меланхолии. Тем не менее, предваряя критические замечания по поводу действий Погодина в отношении «Москвитянина», поэт объясняет: «Простите меня, я болен хандрою самую злющую и потому наговорю Вам и всем нашим много неприятного» [Григорьев 1999: 192].

Отличие писем Григорьева из Италии от корреспонденции, которую он ведет, находясь в России, обусловлено самой ситуацией путешествия: живя за границей, критик оказывается лишен возможности живого общения с привычным кругом знакомых, повседневные заботы уступают место новым впечатлениям. Смена обстановки и оторванность от рутинных дел требуют осмысления, и значительную часть высвободившегося в поездке времени Григорьев тратит на размышления. Это отражается и на характере писем, которые становятся более длинными и рефлексивными, и на эмоциональном состоянии писателя. Так, в письме Е.Н. Эдельсону он определяет свою итальянскую жизнь как череду лирических минут и хандры: «Вне лирических минут, которые дает мне новый все больше и больше мне раскрывающийся мир картинных галерей — со мною большею частью хандра безобразнейшая — и вопросы всякие ставятся все тяжелее и неуклоннее» [Григорьев 1999: 159].

В одном из затянувшихся посланий к Протопоповой поэт замечает: «Письмо приняло решительно вид дневника — ну, essay!..» [Григорьев 1999: 179]. Итальянские письма Григорьева действительно нередко выходят за рамки эпистолярного жанра. Помимо сходства с лирическим дневником, они несут в себе черты, характерные для травелога. Т. Роболи отмечает, что авторы нередко намеренно обращаются к эпистолярному дискурсу для описания путешествий, поскольку «эпистолярная обработка путешествия мотивирует свободный переход в нем от темы к теме» [Роболи 2007: 105]. Согласно подходу М.В. Строганова и Е.Г. Милюгиной, документальный текст следует считать травелогом, если, во-первых, его сюжетообразующим началом является описание или наличие маршрута путеше-

ствия и, во-вторых, если в нем выражаются личные впечатления автора, восприятие окружающей реальности как чужого, нового мира [Милюгина, Строганов 2013]. В письмах Григорьева из путешествия по Европе выполняются оба условия.

Литература путешествий, безусловно, привлекала Григорьева и являлась фоном для его переписки. Об этом свидетельствует, например, большой интерес критика к книге отца Парфения «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» [Парфений 2008]. Еще до отъезда в Европу Григорьев много ссылается на это произведение в письмах к В.П. Боткину, в одном из которых резко критикует Н.Г. Чернышевского за «легкомысленный отзыв» [Григорьев 1999: 107] на «Сказание...». Позже поэт будет вспоминать: «Я был, разумеется, весь под влиянием этой удивительной книги, носился с нею, что говорится, “как курица с яйцом”» [Григорьев 1980: 152]. Он ставит «Сказание...» в один ряд с образцами русской паломнической литературы, считая, что корни книги отца Парфения следует искать в «хождении Барского, Трифона Коробейникова — и еще, еще дальше, в хождении паломника XII века игумена Даниила» [Григорьев 1980: 151]. «Сказанию о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» Григорьев противопоставляет травелог А.Н. Муравьева «Путешествие ко святым местам русским» [Муравьев 1836]. О самом Муравьеве, его книге и взглядах критик отзывается уничижительно. Так, Эдельсону Григорьев пишет, что не может «без желчи слышать имя Андрюшки Муравьева...» [Григорьев 1999: 172], а А.Н. Майкова остерегает: «Только опять под видом веры — Бога ради, не увлекись православием Андрюшки Муравьева. Это мерзость несодеянная» [Григорьев 1999: 184]. Оба эти письма Григорьев пишет из Флоренции — вероятно, можно говорить о том, что, будучи увлеченным чужими травелогам, писатель вольно или невольно встраивает свои заграничные письма в традицию литературы путешествий.

Оказавшись в непривычной среде, путешественник встает в позицию наблюдателя. При этом сама окружающая реальность может быть не основным предметом изображения, а лишь фоном или импульсом для размышлений на волнующие автора темы. Авторское «я» выдвигается на первый план, определяя и особенности нарратива, и пространственную картину. Специфический парадокс травелога, проявившийся и в письмах Григорьева, заключается в том, что зачастую такие тексты полнее определяют отечество, а не за границу. Феномен знакомства с Родиной во время пребывания за рубежом описывает С.Ю. Бойм:

«Вовсе не удивительно, что национальное самосознание находит источник вдохновения за пределами сообщества, а не ищет его внутри. Это романтический путешественник, который созерцает издали целостность уходящего мира. Путешествие дает ему перспективу» [Бойм 2021: 28].

По мнению А.Л. Зорина, «чтобы увидеть и понять себя, путешественнику необходимо сконструировать эмоциональные сообщества, к которым он принадлежит и в которых отражается его душа» [Зорин 2016: 159]. Григорьев остается частью того сообщества, к которому он относился, живя в России, но вместе с тем входит в новые социально-культурные группы за границей, примеряя на себя роль иностранца. А. Шенле на материале книги П.И. Шаликова «Путешествие в Малороссию» показывает, что травелог может представлять ритуал социальной интеграции [Шенле 2004: 88–97]. На наш взгляд, такой характеристике отвечают и письма Григорьева, nasledующие традиции литературы путешествий. Однако полностью «интегрироваться» в новую среду автору не удается: жизнь в чужой стране кажется ему мучительной, он постоянно хандрит и испытывает одиночество в отрыве от близких людей и любимого дела. Зачастую неприятие у Григорьева вызывают и итальянская культура, и природа, за исключением моря, которое, по словам поэта, вознаграждало его за «людскую пошлость и мелочность», укрепляло его физические силы [Григорьев 1999: 141, 143].

Первым заграничным письмом Григорьева становится письмо к Погодину из Ливорно. Поэт подчеркивает, что отъезд в Италию был обусловлен не его выбором, а волей самого Погодина:

«Провидение имело через Вас благою цель услать меня на несколько времени куда-нибудь подальше. Если б мне предложили Вы тогда ехать в Гренландию, я бы точно так же охотно согласился, как согласился ехать в Италию...» [Григорьев 1999: 139].

Лишь обмолвившись о том, какое «огромление» было произведено на него «Прагой и Венецией да тремя морями» [Григорьев 1999: 139], Григорьев обращается к теме, которая станет одной из доминирующих в его последующих письмах: он говорит о «страшной мизерности души» европейцев [Григорьев 1999: 140].

Характерная для травелога риторика утрат присутствует в письмах Григорьева постоянно: это и тоска по друзьям и родным, и отсутствие близких по духу собеседников, и невозможность непосредственно влиять на жизнь «Москвитянина» и т.д. Во время итальянского карнавала Григорьев впадает в хандру, вспомнив русскую масленицу.

В то же время ностальгия может вызывать у него светлые чувства: поэт целует письмо Погодина о реформах Александра II, радуется своей русской одежде, пытается найти вокруг себя русских и русское.

Поскольку взгляды, оценки, способ чувствования и т.д. путешественника определены опытом, полученным на Родине, неизбежным оказывается столкновение этих знаний с приобретенными в новой, незнакомой среде. В.М. Гуминский говорит о постоянной оппозиции «своего» и «чужого» как об основополагающей черте любого путешествия, отмечая при этом, что сам путешественник «остается в “чужом” мире путешествия представителем “своего” мира» [Гуминский 2017: 4]. В письме от 8 ноября 1857 г. Григорьев пишет Погодину, что нужно быть чем-то обиженным Богом, чтобы для своего удовольствия жить не в отечестве. Он постоянно противопоставляет русских и итальянцев — в пользу русских, которым, в отличие от итальянцев, не свойственны «способность к копеечному сладострастию» и «мизерность души» [Григорьев 1999: 140]. При этом Григорьев тоскует не только по Родине, но и по давно ушедшим историческим эпохам, которых он даже не знал. Современные итальянцы представляются ему поверхностными, что особенно заметно на фоне великого прошлого. Так, в письме Эдельсону от 1 декабря 1857 г. Григорьев пишет: «Вот здесь на Западе <...> люди представляются мне все маленькими, маленькими муравьями, ползающими с мелочной работой по великим, громадным памятникам прошедшей жизни» [Григорьев 1999: 168]. Это вызывает у критика «ядовитую хандру», которую он воспринимает как болезнь. Такую тоску по давно ушедшим историческим временам Бойм определяет как ностальгию, говоря о том, что чувство ностальгии распространяется не только на пространство (в том числе покинутой родины), но и на время [Бойм 2021]. Вместе с тем раздражение Григорьева вызывают и соотечественники, находящиеся за границей. Он выделяет в этих путешественниках «два сорта богопротивной глупости» [Григорьев 1999: 170]: первые воспринимают без исключения все иностранное с благоговением, вторые приравнивают «наши Казанские соборы к великим отсадкам человеческого гения и исполинской мощи в памятниках Запада» [Григорьев 1999: 170]. Впрочем, граничащая с карикатурностью строгость в изображении русских людей за рубежом характерна не только для писем Григорьева, но и для многих произведений русской литературы, действие которых разворачивается за пределами отечества, в частности, для многих образцов русского травелога (роман И.С. Тургенева «Дым», проза М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина) и т.д.).

Если письма из Италии при всей их меланхоличности еще имели за собой что-то светлое (страдающая от ностальгии и одиночества,

Григорьев понимает, что вернется на Родину; тоска из-за несчастной любви одновременно болезненна и приятна), то на последнем этапе жизни они уже гораздо более мрачные, в них нет прежнего лиризма, и воспоминания вызывают не сладкую боль, а ужас. Утратив прошлое, он не видит для себя ни настоящего, ни будущего. В марте 1862 г. Григорьев пишет своему ученику и последнему другу Н.Н. Страху из Оренбурга, куда он бежал от проблем и где служил в кадетском корпусе:

«Я даже насильственно заглушал самые светлые воспоминания — и когда порой под аккорды гитары вставали они в душе все так же светлые, не потерявшие никаких своих прав над душою — мне становилось страшно... и я чувствовал, что увы! одно только глубокое, болезненное сожаление приковывает меня к моему настоящему миру, лишенному всякого разумного и нравственного значения...» [Григорьев 1999: 274].

Подобные суицидальные мотивы характерны прежде всего для романтической литературы. Как показывает И. Паперно, несмотря на то, что тема самоубийства стала популярной в отечественных литературе и философии конца XVIII — начала XIX вв., значительного влияния на культуру русского романтизма в целом она не оказала [Паперно 1999: 6]. Рассуждения Григорьева о самоубийстве демонстрируют, что он задумывается о серьезных вопросах, находится внутри того довольно узкого дискурсивного пространства, в котором в человеке ценятся размышления о собственной конечности и ограниченности своих возможностей.

Григорьев оказывается на стыке разных дискурсов: говоря о женской дружбе, поэт, возможно не отдавая себе в этом отчета, актуализирует дискурс, характерный для любовной переписки. Письма критика отличает тяготение к различным литературным жанрам, причем их границы нередко оказываются размыты. Так, дружеское письмо может содержать элементы письма любовного, а также переходить в травелог или лирический дневник, а письма, принимающие вид лирического дневника, ориентированы на рассмотрение внутренних переживаний автора, на постижение природы его чувств. А.Н. Ларионова отмечает, что обращение к эго-документам характерно и для художественных текстов писателя: в его рассказах и повестях «значительное место отведено дневникам автобиографического героя» [Ларионова 2017: 4]. Эго-литература, таким образом, представляет для Григорьева естественную, органичную область литературы, дающую богатый материал для его художественного творчества.

Список источников

1. [Гоголь 1952] — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 12. М.: АН СССР, 1952. С. 357.
2. [Григорьев 1980] — *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под ред. Б.Ф. Егорова. Л.: Наука, 1980. 437 с.
3. [Григорьев 1982] — *Григорьев А.А.* Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. М.: Искусство, 1982. С. 106–126.
4. [Григорьев 1999] — *Григорьев А.А.* Письма / Под ред. Р. Виттакера, Б.Ф. Егорова. М.: Наука, 1999. 473 с.
5. [Муравьев 1836] — *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. СПб.: В тип. III Е. И. В. Канцелярии, 1836. 156 с.
6. [Парфений 2008] — *Инок Парфений (Агеев).* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. В 2 т. Т. 2. М.: Новоспасский монастырь, 2008. 400 с.

Список литературы

1. [Алексеев 2000] — *Алексеев А.В.* Английский сплин и русская хандра // Русская речь. 2000. № 2. С. 106–111.
2. [Бойм 2021] — *Бойм С.Ю.* Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
3. [Булычева 2017] — *Булычева А.В.* Бородин. М.: Молодая гвардия, 2017. 427 с.
4. [Виницкий 1995] — *Виницкий И.Ю.* Русская «Меланхолическая школа» конца XVIII — начала XIX веков и В.А. Жуковский: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 1995. 17 с.
5. [Виттакер 2020] — Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822–1864 гг.). М.: Common place, 2020. 672 с.
6. [Гуминский 2017] — *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
7. [Дианин 2016] — *Дианин С.А.* Александр Порфирьевич Бородин и его музыка. Владимир: Транзит-ИКС, 2016. 196 с.
8. [Егоров 2000] — *Егоров Б.Ф.* Аполлон Григорьев. М.: Молодая гвардия, 2000. 216 с.
9. [Зорин 2016] — *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 563 с.

10. [Карпов 1988] — *Карпов А.А.* Н.В. Гоголь и А.О. Смирнова // Гоголь Н.В. Переписка. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1988. С. 115.
11. [Кьеркегор 2011] — *Кьеркегор С.* Или — или. Фрагмент из жизни / Пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии: Амфора, 2011. 822 с.
12. [Ларионова 2017] — *Ларионова А.Н.* Поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Вологда: Вологодский государственный университет, 2017. 28 с.
13. [Милюгина, Строганов 2013] — *Милюгина Е.Е., Строганов М.В.* Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Тверской государственный университет, 2013. 176 с.
14. [Паперно 1999] — *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 252 с.
15. [Роболи 2007] — *Роболи Т.* Литература путешествий // «Младоформалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 104–128.
16. [Середина 2016] — *Середина А.О.* Женский портрет в ранней прозе А.А. Григорьева и И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 220–223.
17. [Тахо-Годи, Середина 2016] — *Тахо-Годи Е.А., Середина А.О.* Женский портрет, или теории «создания женщины» в ранней прозе Ап. Григорьева // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков; под общ. ред. Е.П. Щегловой. СПб.: Издательство «Росток», 2016. С. 863–875.
18. [Шах-Паронианц 1899] — *Шах-Паронианц Л.М.* Критик-самобытник: А.А. Григорьев. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1899. 174 с.
19. [Шенле 2004] — *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
20. [Юханнисон 2011] — *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 311 с.

Зоя Вячеславовна Гусева
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
магистерская программа
«История русской литературы
XI–XIX веков»
zoya.guseva.2000@mail.ru

Zoia Guseva
Lomonosov Moscow State
University,
Faculty of Philology,
MA programme
in History of Russian Literature
from 11th to 19th centuries
zoya.guseva.2000@mail.ru

ПОРТРЕТЫ «НЕЗНАКОМОК»

Марфа Русанова

УДК: 433+1751.

Дамы без камелий.
Письма публичных женщин
Н.А. Добролюбову и
Н.Г. Чернышевскому / сост., науч.
ред., авт. науч. ст. и коммент.
А.В. Вдовин. М.: Высшая Школа
Экономики (ВШЭ), 2022. 238 с.

Portraits of the “Strangers”

Marfa Rusanova

В рецензии анализируется книга А.В. Вдовина «Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому», которая состоит из откомментированных текстов писем публичных женщин конца 1850-х — начала 1860-х гг. и аналитической части, в которой автор предлагает стратегии изучения этих текстов. Книга рассматривается в контексте современных направлений гуманитарного знания; подчеркивается ее содержательная и концептуальная ценность; делаются предположения о возможностях дальнейшего развития проблематики исследования.

Книга «Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» вышла в апреле 2022 г. в серии *Rossica Inedita*. Эта серия представляет ранее не издававшиеся в академическом формате архивные материалы. В подготовке книги принимали участие ученые ИРЛИ РАН, переводчики и другие авторитетные гуманитарии. Книга вышла под редакцией А.В. Вдовина, известного своими работами по русской литературе и критике XIX в. Тема этой книги вырастает из проблематики, намеченной исследователем в монографии «Добролюбов: разночинец между духом и плотью»¹. Под взглядом Вдовина в жизнеописании известного критика обнаруживается примечательная особенность: для построения его биографии чрезвычайно важна разница между мифом об исторической фигуре и скрытой стороной жизни этого реального человека. Затуманенная часть биографии Добролюбова отражена в дневниках, а также в переписке критика с публичными женщинами. Новую книгу «Дамы без камелий» можно было бы рассматривать как продолжение предыдущей работы Вдовина, если бы не принципиальное отличие — новое исследование построено не вокруг образа знаменитой личности, но вокруг неизвестных большой истории лиц.

Итак, главная цель издания — ввести в круг научного обсуждения и читательского внимания письма публичных женщин к Н.А. Добролюбову, а также к Н.Г. Чернышевскому с конца 1850-х гг. до начала 1860-х гг.² Основную часть монографии составляют откомментированные и в некоторых случаях переведенные тексты писем, принадлежащие публичным женщинам — Терезы Грюнвальд, Клеманс, Эмилии Телье. Скрупулезно обработанные тексты не столь объемны и вряд ли, по словам самого Вдовина, могут претендовать на исчерпывающую репрезентацию культурной истории проституции в России³, однако уже само представление подобных материалов российской истории в научном поле уникально (особенно данное не в фрагментарном виде). Комментарии к письмам восстанавливают последовательность событий, отношения между действующими лицами и в некоторых случаях дают представление о реалиях эпохи. Книга снабжена фотографиями писем, фотопортретами их адресатов, мест, где разворачивались описываемые события — это позволяет заинтересовать неподготовленного читателя и в некото-

1. См.: Вдовин А.В. *Добролюбов: разночинец между духом и плотью*. М.: Молодая гвардия, 2017. 304 с.

2. *Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому*. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2022. С. 20–21.

3. Там же. С. 20.

ром смысле погрузить его в вещный мир нескольких исторических сюжетов 1860-х гг.

Подробная культурная история проституции в России еще не написана, хотя существуют обстоятельные работы по этой теме, основанные на официальных документах эпохи⁴, а также на материале художественной литературы⁵. Внимание к эго-документам публичных женщин в большей степени характерно для европейской научной парадигмы (например, изучение писем куртизанок во Франции)⁶. Аналогичный материал отечественной истории в исследовательской традиции почти не представлен. Отметим, однако, что интерес к высказыванию проститутки (а для определенных общественных движений — необходимость подобного внимания) виден уже в дискуссиях о женском вопросе начала XX в. Так, в «Союзе женщин», представляющем одну из ветвей феминистского движения в России, выходит «Письмо проститутки» (1909)⁷, публикация которого вне зависимости от его подлинности весьма симптоматична. В СССР же работы (в т.ч. основанные на социологических данных) рассматривали проституцию как порождение капитализма и не допускали ее анализа при советском строе⁸.

Концептуальной задачей исследования Вдовина стало «проанализировать, хотя бы в первом приближении, повседневную жизнь Т.К. Грюнвальд и Э. Телье, их эмоциональный мир, стратегии саморепрезентации и, насколько возможно, проявления их женской телесности»⁹ (каждому из этих вопросов посвящена отдельная глава первой части). Методологические оптики, на пересечении которых находится, по мнению автора книги, представляемый материал, включают гендерные исследования, историю эмоций и аффектов,

4. Например: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. *Проституция в Петербурге*. М.: Прогресс-академия, 1994. 288 с.

5. Например: Мельникова Н.Н. *Архетип грешницы в русской литературе конца XIX — начала XX века: дис. ... канд. филол. наук*. М., 2011. 250 с.

6. Несмотря на то, что в данном случае необходимо обращать внимание на социальную иерархию внутри самих сообществ и между ними (сравнение, например, положения проститутки в Европе и в Российской империи предполагает нахождение множества различий), обратим внимание, что во Франции эго-документы такого типа издаются уже в середине XVIII в.: *Ninon de Lenclos. Lettres de Ninon de Lenclos au marquis de Sévigné: avec sa vie*. Amsterdam: chez François Joly, 1767. 348 с.

7. *Письмо проститутки // Союз женщин*. 1909. № 4. С. 9–11.

8. См., например: *Проституция в России: Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР*. / проф. В.М. Броннер, проф. А.И. Елистратов; предисловие В. Броннера. М.: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1927. 108 с.

9. *Дамы без камелий*. С. 20.

историю повседневности. Как мы увидим, одной из ведущих стратегий ученого стала реконструкция эмоционального образа публичной женщины на основе деталей ее быта (истории повседневности). Нам же кажется, что хотя теоретическую ценность книги можно рассматривать в ряду гендерных исследований, истории морали, изучения аффектов и др., однако на большинство этих ракурсов будет накладываться отпечаток специфика исследуемого материала. Например, хронологически близкой по выходу и напрашивающейся для сравнения с «Дамами без камелий» можно считать книгу Г.Н. Ульяновой «Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века»¹⁰, ставшую бестселлером в издательстве НЛО за 2021 год. Это изучение одной из сторон истории гендера привлекло много внимания, как кажется, еще и потому, что развертывает перед читателем историю победителей (в данном случае — победительниц) вне зависимости от того, удачен ли был путь конкретных героинь: сама постановка вопроса предполагает, что женщины в подобных сюжетах могут рассматриваться как самостоятельные и наделенные активной волей субъекты. Перед гуманитариями же, занятыми культурной историей проституции, стоит выбор: можно ли и нужно ли описывать участниц этой индустрии как субъектов? Эту мысль можно проследить, например, в статье авторитетного в этой области антрополога Л.М. Агустин¹¹.

Вдовин, как кажется, пытается удержать баланс между стремлением наделить героинь исторических сюжетов собственным голосом и пониманием ограниченности их субъектности. Так, чтобы отойти от понятий, нагруженных негативными значениями, автор предлагает использовать словосочетание «публичные женщины». Структура книги также отражает стремление если не встать на внутреннюю позицию описываемого субъекта, то поставить его в центр исследования. После объяснения теоретических предпосылок работы следуют изложение биографии Грюнвальд и Телье, воспроизведение (в т.ч. по их текстам) деталей быта, повседневности, анализ телесности, затем делается попытка вскрыть природу аффективного обмена. Показательно, что во втором разделе (письма) читатель слышит только голоса героинь этого исследования: ответы и реакции Чернышевского и Добролюбова даны лишь в первой части книги. Однако здесь все же нет полного ухода от построения исследования вокруг

10. Ульянова Г. *Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века*. М.: НЛО, 2021. 352 с.

11. Agustín L. M. *New Research Directions: The Cultural Study of Commercial Sex // Sexualities*. № 8 (5). P. 618–631.

авторитетной исторической фигуры (и, возможно, этот конфликт на подобном материале не может быть преодолен). Адресаты писем время от времени становятся ядром изучения, ведь именно их поступки, действия, ответные реакции формируют дискурс героинь.

Проблемой становится и то, что автор и читатель часто проваливаются в пустоты: обрывочность биографий, иногда полное отсутствие сведений о продолжительных периодах жизни, запрет на обсуждение телесности в письмах; кроме того, выражения чувств могут соседствовать с этикетными формулами и утаиванием, желанием женщин соответствовать требованиям своего возлюбленного. Можно ли, например, доверять рассказу Грюнвальд о том, что она читает «Колокол», или же это способ привлечь внимание Добролюбова — задается вопросом автор¹². В некоторых случаях эти исторические ребусы решаются сопоставлением известных фактов с помощью обращения ко второму адресату писем — Чернышевскому, по высказываниям которого мы можем сверять маятник переживаний Добролюбова; наконец, в книге история отношений Чернышевского и Грюнвальд сопоставляется с ее отражением в художественном и критическом творчестве писателя.

Сосредоточимся теперь на отдельных главах первой части. В «биографиях» вводятся истории жизни Грюнвальд и Телье, восстановленные иногда по мельчайшим намекам в дневниках Добролюбова. Так, читатель узнает, что судьба Терезы Грюнвальд вполне соотносима с историей Сонечки Мармеладовой¹³. Отметим, что ученый здесь вновь обращается к взгляду Добролюбова. Это уравнивается, однако, анализом текстов Терезы: стиль ее письма, степень знания русского (родной — немецкий) — все это в некоторой степени может подтвердить или опровергнуть представление Добролюбова о ней.

Эти наблюдения вписываются в общий исторический фон: иерархия в публичном доме, способы регулирования проституции государством. Существенно и то, что автор концентрируется на бытовых деталях и выстраивает на их основе общий образ героинь: правила приема клиентов, традиция вымышленных имен в публичном доме, ежедневные занятия (гулянья, шитье), способы заработка, финансовые расходы, нужды и бытовые заботы. Главной трудностью при решении задач такого типа становятся, конечно, не столько пробелы в истории, сколько размытость образов чувствования героев. Характерен приведенный автором отрывок из письма Терезы, в котором та воссоздает взгляд на себя со стороны Добролюбова, но не говорит

12. *Дамы без камелий*. С. 67–68.

13. *Там же*. С. 23–25.

о собственных бытовых или эстетических потребностях: «Теперь если бы ты меня увидел, мой друг, я думаю, ты бы лучше полюбил, потому что я стала больше на себя обращать внимание. Одеваюсь гораздо опрятнее и хожу в чепчике»¹⁴.

«Масочность», стремление удержать внимание адресата и конструирование собственного образа под влиянием его авторитета приводят исследователя к необходимости обратиться к иному взгляду на героинь эго-документов. Речь идет уже о реконструкции всего комплекса отношений со стороны Добролюбова и Чернышевского. Вскрывая некоторые фактические противоречия и как бы разоблачая героев исследования, ученый, например, доказывает, что Добролюбов знал об аборте Грюнвальд — тем самым мы еще раз убеждаемся в двойственности образа критика. Удивительно, но объяснимо, что в отношении героинь эта исследовательская тактика не действует. Материал не дает возможности увидеть более отстраненный взгляд на Грюнвальд — с точки зрения ее современников или ее самой.

В анализе телесности публичных женщин возникает проблема запретов, которые, однако, сами по себе весьма красноречивы. Так, наше представление о телесности в основном обогащается сведениями об истории болезней (как распространенных среди различных социальных слоев, так и специфических для публичных женщин). Как отмечает автор книги, с исторической точки зрения ценным оказывается эго-документ, описывающий аборт, повествование о котором от первого лица мы не встретим в официальных документах эпохи. Подобные эпизоды ценны и тем, что запечатлевают, как считает исследователь, непосредственную эмоциональную реакцию: «Именно в этих строках, наконец, раскрываются сокровенные чувства Грюнвальд: она проецирует на Добролюбова свое нереализованное материнство»¹⁵. Представляется, что этот вывод исследователь делает, опираясь не только на текст письма Терезы, но и на тот психологический образ, который был воссоздан им в предыдущих главах. Так или иначе, этот тезис убедителен, если мы рассматриваем проявления эмоционального состояния в текстах как социальные знаки, а не как отражение искренних чувств, что и предлагает сделать Вдовин в следующей главе.

В разговоре об аффективном обмене исследование вновь сосредотачивается на бытовых деталях, по которым можно восстановить представления об эмоциях (кажется, что в работе не акцентируют-

14. *Дамы без камелий*. С. 44.

15. *Там же*. С. 76.

ся отличия аффекта и эмоций)¹⁶. Проблемы, которые нужно решить ученому, лежат все в той же плоскости: совпадение экономического и аффективного обменов влечет за собой вопрос об искренности слов участников. Если анализ обмена «бытовая услуга — книги» может быть интерпретирован как усложнение аффективных отношений, то фразы «жду на чай» и проч. не открывают для нас сколько-нибудь полный спектр чувств героини. Чтобы выйти за пределы вопроса о подлинности личных чувств, автор предлагает обратиться к аппарату эмоциологии¹⁷, т.е. понимать чувство как социально обусловленное явление. Основными понятиями, на которые опирается исследователь, становятся эмотив и аффективный обмен. Историк и антрополог У. Редди считает, что эмотив (словесное выражение эмоций) влияет на чувства окружающих и формирует их¹⁸. Заметим, однако, что такой подход будет фокусироваться на эксплицированных чувствах, в то время как история эмоций содержит и примеры работы с языками, в которых отсутствуют способы выражения для определенных аффектов и эмоций. Каким бы далеким не казалось такое сопоставление, но мы можем вспомнить работу Я. Плампера об отсутствии у русских солдат Первой мировой войны средств для говорения о страхе¹⁹.

Исследование аффективного обмена также строится на анализе уже упомянутых способов заботы, набора социальных ролей, которыми пользуются участники; изучение лексики (нешаблонные фразы, рассказы о чувствах и мечтах²⁰) помогает выявить эмоциональную тональность, регистр и разницу в свободе проявления чувств участников диалога.

Итак, книга «Дамы без верблюдов. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» для истории проституции в России действительно оказывается тем звеном, которое связывает официальные документы и реальные практики. В этом отношении ее появление вписывается в антропологический поворот гуманитарного знания: обращает читателя к персоналиям и сообществам

16. См. другую точку зрения на различие эмоции и аффекта в определении, которое дает Ф. Николаи: Николаи Ф. История эмоций: три версии // НЛО. 2019. Т. 2. № 156. URL: [link](#) (04.06.2022).

17. Дамы без верблюдов. С. 77–78.

18. См.: Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

19. Plamper J. *Fear: Soldiers and Emotion in Early Twentieth-Century Russian Military Psychology* // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 259–283.

20. Дамы без верблюдов. С. 84.

при помощи личных текстов. С другой стороны, построение исследования сближает его с проблематикой постколониальных работ. Наши замечания о сложности фокусировки на фигурах публичных женщин, размытости их образа чувствования в широком смысле можно свести к своеобразному преломлению темы субалтернов — угнетенных, не имеющих собственного голоса.

Книга несомненно важна введением нового материала, т.к. культурная история проституции в России описана лишь частично, а то, что автор берет за точку отсчета голос публичной женщины, ценно и ново для отечественной гуманитаристики. В то же время думается, что вопрос встраивания полученных результатов в общую картину эмоциональных реакций эпохи стоит очень остро. Автор пишет, что «между протоколами врачебно-полицейского надзора за проституцией и литературным вымыслом пролегает поле крайне фрагментарно сохранившихся личных документов»²¹. Однако, с нашей точки зрения, нехватка информации о чувствах и аффектах в социальных ситуациях, находящихся от нас на исторической дистанции, можно дополнить анализом литературных, музыкальных и визуальных произведений и при этом не подменить историческую достоверность вымыслом. Проведение подобных сопоставлений, на наш взгляд, окажется продуктивным, если при этом будет ставиться вопрос о границах образов чувствования в искусстве и их реализации в жизни²².

Внимательное взглядывание в повседневность и эмоциональное состояние публичной женщины Российской империи XIX в. — как-вым и стала эта книга — будет очень интересно гуманитариям разных областей и просто увлеченным историей читателям, однако вопрос о наиболее продуктивном методе и цели изучения этого материала открыт к дальнейшему осмыслению. Так, мы можем почерпнуть довольно много сведений об истории повседневности публичных женщин, не прибегая к анализу их писем. В то же время анализ языка, стиля, не проговариваемых тем приоткрывает перед нами способы возможного чувствования и действительного поведения человека прошлого. Обнаружение их истоков, образцов или, напротив, указание на их уникальность во многом может способствовать пониманию исторического образа публичной женщины в России.

21. *Дамы без камелий*. С. 87.

22. См., например: Зорин А.Л. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX вв.* М.: НЛО, 2016. 568 с.

Марфа Максимовна Русанова
Санкт-Петербургский
государственный университет,
филологический факультет,
магистерская программа
«Русская литература»
rmarfa@bk.ru

Marfa Rusanova
Saint Petersburg State University,
Faculty of Philology,
MA programme in Russian Literature
rmarfa@bk.ru

«ДИСКУССИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ»: ГЕНДЕРНАЯ (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПЕРЕПИСКЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ 1960-Х ГГ.

Алена Никандрова

УДК: 8+82+82-6+82-65.

Ключевые слова:
эго-документы, письма,
переписка, чувства, эмоции,
гендер.

Аннотация

В статье анализируется материал переписки Николая Никандрова и Лилии Шичевой за время пятилетней службы Николая в Морфлоте (1962–1966). Молодые влюбленные делятся друг с другом своими мыслями на темы, касающиеся «отношений», характер и обсуждение которых выявляет в нарративах оппозиции «мы / они» и «свои / чужие». Письма Лилии и Николая обнаруживают гендерные различия, прежде всего, в конструировании референтного круга: для молодого человека важно сформулировать свою позицию и отделить ее от «других», для девушки же определяющим является самоидентификация себя в круге «своих». Разница доминант связана с различием стратегий обсуждения сложных тем (предательство, ревность, измена и др.).

“A Discussion on Relationships”: Gender (Self)Identity in the Correspondence of Young People in the 1960s

Alena Nikandrova

Keywords:
ego-documents, letters,
correspondence, feelings,
emotions, gender.

Abstract

The article analyzes the material of the correspondence between Nikolai Nikandrov and Lilia Shicheva during Nikolai's five-year service in the Morflot (1962–1966). Young lovers share their thoughts with each other on topics related to *relationships*, the nature and the discussion of which reveal the oppositions *we / them* and *us / foes* in the narratives. Lilia's and Nikolai's letters reveal gender differences, first of all, in the construction of a reference circle: for the young man it is important to declare his position and separate it from *others*, while for the girl a self-identification in the circle of *friends* is decisive. The difference in dominants is associated with the difference in strategies for discussing complex topics (betrayal, jealousy, faithlessness, etc.).

Личные письма являются важным ключом к пониманию эпохи. Они входят в ряд эго-документов, таких как дневники, мемуары, исповеди. Центральным компонентом эго-документов современный исследователь Иван Бондарь называет «Я-конструкцию», то есть «такой способ изображения своей жизни индивидуумом, при котором представляется возможным с той или иной степенью достоверности достичь понимания его личности: менталитета, восприятия действительности, пережитых эмоций, приобретенного жизненного опыта» [Бондарь 2013: 110]. С помощью эго-документов можно не только проследить судьбу человека на фоне эпохи, но и выявить закономерности в формировании определенных концептов в сознании личности. Этот процесс мы можем рассмотреть, определив круг поднимаемых авторами тем, оценив особенности их аргументации, проанализировав реакции респондентов на поднятые собеседником «неприятные» темы. Анализ коммуникации по поводу неоднозначных тем продуктивен, так как позволяет определить референтный круг авторов, ведущих переписку, выявить важные для них точки отделения себя от других: формулируя собственное мнение по тому или иному вопросу, человек определяет границы приемлемого для себя и нередко проговаривает своеобразный «стандарт поведения», противоположностью которому становится позиция «других», которую он не разделяет и не поддерживает, но знает о ее существовании.

Лидия Гинзбург говорила о том, что «следами» писем и прочих «человеческих документов», в которых эстетическое начало присутствует с большей или меньшей степенью осознанности, «откладывается» житейская психология человека, в то время как сам образ человека строится в жизни. Исходя из этого, эстетическая преднамеренность может достигнуть предела, когда письма и дневники становятся явной литературой, закрепляя еще не предпрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой [Гинзбург 1977: 12]. Так, можно говорить о том, что в письмах находят отражение глубинные психологические процессы, однако к этому хотелось бы добавить, что в них прослеживается и житейская философия человека, его взгляды на многие проблемные вопросы. Письма близким обладают некоторой степенью исповедальности, что объясняется доверием, испытываемым к адресату, желанием поделиться своими мыслями и услышать какой-то отклик на них. Кроме того, в процессе написания письма реализуется аутокогнитивно-социализационная функция, обычно выделяемая исследователями применительно к дневникам: записывая свои мысли и рассуждения, автор письма познает себя, мотивы своих поступков, логику своих мыслей, тем самым интенсифицируя процесс извлечения опыта из «потока жизни» [Борисов

2002: 255–262]. Ранее не упорядоченные мысли находят свое воплощение, позволяя человеку разобраться в себе и систематизировать свои эмоции, мысли, переживания.

Отдельно взятое письмо обычно является одним из компонентов переписки, то есть частью более долгой и продолжительной коммуникации. Исходя из этого, личные документы нуждаются в собственной методологии анализа. Историк и исследователь эго-документов Юрий Зарецкий описывает методологию анализа автобиографических текстов, излагаемую Габриэлой Янке в монографии «Автобиография как социальная практика». Янке предлагает рассматривать всякий эго-документ в трех пересекающихся контекстах, которые связаны, во-первых, с фигурой создателя, во-вторых, с конкретной ситуацией появления и бытования эго-документа (мотивы, которыми руководствовался автор, использовавшиеся им нарративные стратегии, адресат, форма и способы распространения текста), и, в-третьих, с современным состоянием изучения автобиографических текстов: исследовательскими вопросами, понятийным аппаратом исследователей и их аналитическими приемами [Зарецкий 2021: 197]. В свою очередь, письмо как жанр отличается от других эго-документов тем, что у него есть конкретный адресат, конкретный читатель, и, соответственно, выбор тем и предмета диалога происходит исходя из известной адресату информации. Поэтому для понимания содержания переписки нужно иметь представление о жизни человека, об окружающей его действительности. В то же время внимательное чтение писем как раз и дает нам материал о тех сторонах действительности, которые проникают в ткань письма, становясь частью коммуникативной ситуации для пишущего и его адресата.

Эго-документы отличаются друг от друга характером построения образа личности. Как отмечалось ранее, в письме присутствуют зачатки самоанализа, то есть в нем мы можем рассмотреть конструирование человеком автоконцепции, чаще всего — неосознанное. Однако здесь возникает проблема выделения и определения «Я» в эго-документе. С точки зрения Юрия Тынянова, предметом анализа которого были письма XIX века, эпистолярные тексты могут быть как фактом литературы, так и внелитературным явлением, при этом их «статическое обособление» «вовсе не открывает пути к литературной личности автора и только неправдоподобно подсовывает вместо понятия литературной эволюции и литературного генезиса понятия психологического генезиса» [Тынянов 1993: 124–126]. Социолог Борис Дубин рассматривает эго-документы с точки зрения отражения в них гражданской позиции и замечает, что «автобиография — воплощение самостоятельности и осознанной позиции

индивида, его гражданской, политической, моральной зрелости, его эстетической ответственности»¹ [Дубин 2010: 145]. Так или иначе, в процессе написания письма человек формулирует важные для себя правила, определяет свою позицию и стремится ко внутренне непротиворечивому образу. Исходя из этого, мы можем заключить, что «Я» в письме следует рассматривать «не как имманентную часть реальности, а как нечто, формируемое, конструируемое или даже изобретаемое, то есть как лингвистический, культурный и социальный конструкт» [Зарецкий 2021: 194–195].

Материалом для нашего анализа послужила переписка пары влюбленных, Николая Александровича Никандрова и Лилии Петровны Шичевой, за период пятилетней службы Николая в Морфлоте (1962–1966). На момент начала переписки Николаю был 21 год, Лилии 23 года. Общий корпус писем составляет около 500 штук, средний объем письма — 5–7 тетрадных страниц. Переписка является частью семейного архива автора статьи.

Никандров Николай Александрович родился 1 ноября 1942 года в селе Якушкино в Вологодской области. В раннем возрасте лишился мамы, она почти не отразилась в его памяти, но он утверждал, что все его лучшие качества унаследованы от нее. Воспитывался Николай отцом и мачехой, учился в школе, а затем поступил в техникум, где получал специальность водителя тепловоза. Во время учебы в техникуме уже жил в селе Кудрино. По вечерам он работал в Спасском клубе — заводил пластинки. Именно в этом клубе он и познакомился с Лилией в 1961 году. Затем его забрали в армию, где он был до 1966 года; во время службы, в 1965 году, женился на Лилии. После армии закончил железнодорожный техникум. Когда до конца учебы оставался год, Николая направили работать в Ревду. В Ревде работал на «Уральских самоцветах», ездил учиться на огранщика в Екатеринбург. Был сначала мастером, потом инженером, а затем заместителем директора. Был членом КПСС, регулярно отчитывался перед руководством о выполнении плана. Для того, чтобы выполнить (или перевыполнить) план, часто работал сверхурочно.

Никандрова (Шичева) Лилия Петровна родилась 23 декабря 1940 года в Вологде. Она росла в большой семье, у нее было две сестры и брат. 8-й класс заканчивала в вечерней школе, поскольку уже тогда начала работать на льнокомбинате, где в то время открылся

1. В нашем исследовании мы сближаем письма с другими эго-документами, в частности, с автобиографией, поскольку мы пытаемся выстроить методологию анализа материала, подобного нашему, отмечая черты, которые сближают эти виды эго-документов и которые отличают их друг от друга.

новый прядильный цех. После поступила вместе с подругой в фабрично-заводское училище — учиться на прядильщицу. Одновременно посещала вечернюю школу (9-й и 10-й классы). После окончания школы Лилия поехала в Кириллов, чтобы поступить в культпросветучилище. Проучилась там 2 года. Затем ее направили в село Спасское Вологодской области, назначив на должность завклубом, там она и познакомились с Николаем. В клубе Лилия отработала 3 года, затем окончила Сокольское педучилище (училась там 2 года). После окончания ее направили в поселок Шола, Белозерский район, где она работала два с половиной месяца, пока не приехал Николай. Вместе они уехали в Ревду, где она уже работала в садике воспитателем.

Выстраивание автоконцепции в исследуемых нами письмах происходит в процессе обсуждения проблемных и волнующих молодых влюбленных тем. К подобным темам мы отнесли ревность, предательство, измену, размышления о «должном» в отношениях, обсуждение противоречивых случаев из жизни. Следует отметить, что практика «дискутирования» была свойственна советскому общественному курсу эпохи оттепели (именно в это время существовала дискуссия «физиков» и «лириков»). Во время подобных «дискуссий» (как сами пишущие именуют эти обсуждения) выстраивается референтный круг и выявляется разница доминант в гендерном отношении, определяется специфика построения отношений, что мы и рассмотрим на конкретных примерах.

Одной из сложных тем, которую поднимает Николай, является предательство. Говоря об этом, он приводит в пример типическую («Таких поступков сейчас очень много») историю девушки, которая доверилась молодому человеку, но была им жестоко обманута и брошена:²

«Например, девчонка встретила симпатичного парня. Он ей нравится и даже полюбил. Как известно, для сохранения любви можно пойти на все и она идет. Она верит ему. В свою очередь тот видит и понимает ее чувства, а далее забирает в свои руки и соблазняет. Та после некоторых колебаний решается. Через некоторое время он встречает другую девчонку и переходит на ее сторону. Значит эта осталась одна. Он забыл про нее. Забыл то, что давал обещания, что смял ее гордость, что ранил душу доверчивой девушке. Пусть она нашла другого парня и вышла замуж. Он в последствии узнает и так пошли семейные скандалы и драмы. Отсюда какое может быть счастье. Таких поступков сей-

2. Здесь и далее текст источников был изменен автором статьи для удобства восприятия текста: проведена незначительная редакция, исправлены орфографические и пунктуационные ошибки. После статьи приводятся полные расшифровки писем, в которых в точности сохранены оригинальные формулировки, а также особенности орфографии и пунктуации. — Прим. ред.

час очень много. Считают, если она не поддается, то это не девчонка. Так как же не назовешь тут свинством. <...> Лично о тебе я всегда был и есть сейчас самого хорошего мнения. Ведь мы очень любим друг друга и верим во всем» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 08.11.63].

Николай, рассказывая «историю одного предательства», весьма неожиданно выбирает стратегию аргументации, отталкиваясь от чувств девушки, заимствуя «женский» язык говорения («она верит ему», «забирает в свои руки и соблазняет», «смял ее гордость, ранил душу»). В оппозиции «свои / чужие» Николай говорит о «чужих» (о девушках и их чувствах), но их языком. При этом Николай проводит четкую границу среди «своих»: между собой и «другими парнями», которые пользуются доверчивостью девушек. Николай не знает по-настоящему, что чувствует девушка, оказываясь в такой ситуации, и как эта ситуация повлияет на ее дальнейшую жизнь, но пытается очертить круг проблем, которые могут возникнуть, используя «язык девушек». Так, он говорит о том, что произошедшее событие станет непоправимым для нее и окажет негативное влияние на всю ее дальнейшую жизнь, поскольку вызовет недопонимание с будущим мужем (по всей видимости, «семейные скандалы и драмы» будут возникать, по мнению Николая, из-за того, что супруг будет винить свою жену в произошедшем). Говоря иначе, самоидентификация Николая в этом нарративе обладает динамическим характером: он то заимствует язык говорения «со стороны девушки», то как о повсеместной практике говорит о семейных скандалах, инициированных мужем. Сам же Николай оправдывает девушку и выступает против мнения, разделяемого «своими» (парнями), которые укоряют ее в том, что она не смогла сохранить честь до брака («ранил душу доверчивой девушке»); он обличает «своих», обвиняя молодых людей в том, что те пользуются доверчивостью девушек, которые, в свою очередь, испытывают самые чистые чувства («Так как же не назовешь тут свинством»).

Актуальность обсуждения подобных историй для Николая подтверждается распространенностью таких случаев. В последних двух предложениях приведенного фрагмента мы видим у Николая перенесение «типической» проблемной ситуации на собственные отношения, где принципиальным оказывается прочерчивание границы между «другими», у которых происходят подобные ситуации, и «нами», у которых этого никогда не произойдет («Ведь мы очень любим друг друга и верим во всем»). Николай, по-видимому, предполагает, что Лилия, как и любая девушка, страшится подобного поворота событий, поэтому желает придать ей уверенности, про-

демонстрировав знание о таких случаях и заверив в собственных принципах.

Однако в ответном письме Лилия не разделяет представление Николая о брошенной девушке как о жертве мужского вероломства и осуждает оказавшихся в такой ситуации:

«Барколька ты опять напрашиваешься на дискуссию насчет отношений между юношей и девушкой. Откровенно говоря она мне не нравится. Ну пусть такие ребята будут свиньями, подлецами и пр., но что же думают девчонки, идя на сделку с такими ребятами, просто они теряют голову, надо же трезво смотреть на жизнь. Пусть это будет казаться счастьем, хотя и мимолетным, но зато впоследствии обратиться в несчастье и жизнь в таком случае может быть невыносимой. Вполне понятно отсюда и ссоры и различные драмы, и кто виноват, разве муж будет винить бывшего ее любимого и называть его свиньей, конечно нет. <...> Я не понимаю, зачем нам такие дискуссии? Ты же прекрасно знаешь мои отношения к тебе. И очень бы не хотела тех причин, которые бы могли помешать нашим мечтам и планам и их осуществлению. Я знаю, что мой любимый не позволит ничего плохого по отношению ко мне и наши отношения какими были такими же и останутся чистыми, откровенными и всегда понятными друг для друга. Ты ведь тоже веришь в это и хочешь верить» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 12.11.63].

Лилия же при обсуждении сложной темы обращается к личному опыту и ощущениям и говорит от лица «своих», то есть от лица девушек, обвиняя некоторых из них в легкомыслии. Мотивы мужчин, обманувших доверившихся им девушек, она не берется судить, а просто принимает их существование и поведение как факт, как неизбежное обстоятельство жизни: «Ну пусть такие ребята будут свиньями, подлецами и пр.» Всю ответственность она перекладывает на девушек, которые «идут на сделку» с ними, тем самым нарушая принципы «трезвого взгляда на жизнь»: Лилия считает, что девушка сама должна блюсти свою честь, поступать разумно, не отдаваясь слепо чувствам. При этом она выделяет Николая из общего числа «ребят», и одновременно относит его к категории «мой любимый», переходя от второго лица к третьему: «Я знаю, что мой любимый не позволит ничего плохого по отношению ко мне и наши отношения какими были такими же и останутся чистыми, откровенными и всегда понятными друг для друга».

Тема предательства явно неприятна Лилии («напрашиваешься на дискуссию»). В ее реакции на письмо Николая слышится множество голосов-дискурсов: «трезвый взгляд на жизнь», не позволяющий забываться и вынуждающий помнить о репутации, соседствует с пониманием ценности «мимолетного счастья», за которым может сле-

довать расплата. Ощущение собственной уязвимости, неустранимой из близких отношений, Лилия «заговаривает» почти заклинательной формулой, неожиданно переходя в диалоге на третье лицо («мой любимый не позволит...») и, таким образом, меняя адресата обращения собеседника. Заканчивается пассаж возвращением к «ты» на общей основе веры в лучшее: «Ты ведь тоже веришь в это и хочешь верить».

В целом, говоря о специфике развития отношений Николая и Лилии, мы можем подчеркнуть, что это романтическая любовь, характерная черта которой — это сохранение чистоты и незапятнанности чувств, недопустимость превосходства страсти. О романтической любви и об особенностях постановки вопроса об интимности пишет Энтони Гидденс в книге «Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах»:

«...романтическая любовь ставит вопрос об интимности. Она несовместима с вожделением и с земной сексуальностью, не столько потому, что любимое существо идеализируется — хотя это тоже часть истории, — сколько потому, что она предполагает психическую коммуникацию, встречу душ, которая носит взаимный характер. Другой, чьим существованием он или она живет, отвечает требованиям того, чего ему не доставало, причем эта нехватка необязательно осознавалась — до тех пор, пока не началась любовная связь. И эта нехватка имеет отношение к самоидентичности: в некотором смысле ущербный индивид делается целым» [Гидденс 2004: 70].

Ведущей задачей авторов писем при поддержании коммуникации на расстоянии является развитие отношений не в ключе телесной интимности и не в разжигании страсти, а в совместном обсуждении проблемных вопросов, постепенной консолидации мнений, формировании общего круга представлений и взглядов.

Это напрямую связано с существовавшей в то время советской моралью. Можно говорить о том, что в советской культуре «мы наблюдаем тотальную педагогизацию, разрушающую любое кодирование интимного, любой “язык любви”» [Мурашов 2008]. Сам факт возникновения «дискуссий об отношениях», как мы считаем, был следствием появления в различных СМИ историй обычных людей: о несчастной любви, о неподобающем поведении парней, о распущенности девушек и пагубности последствий такого поведения, о настоящей любви и счастье. «Очерки на бытовые темы, регулярно публикуемые в “Правде”, “Комсомольской правде” и других центральных газетах, рисуют читателю портреты реальных или вымышленных отрицательных и положительных героев», — пишет социолог и культуролог Софья Чуйкина [Чуйкина 2002: 103]. Настойчивость обсуждения по-

добных жизненных историй в прессе была ориентирована на упорядочивание социальных практик, включая бытовые, для чего нужно было обозначить подобающее и неподобающее поведение, четко разграничить хорошее и плохое, установить рамки дозволенного. Это напрямую было связано с воспитанием подрастающего поколения, которое отличалось уже большей свободой нравов.

Довольно четко прослеживается ориентация на возвышение института семьи. Романтические связи вне брака в основном приводят в этих очерках к печальным последствиям, они маркированы как преобладание страсти над разумом. Акцент ставится на том, что любовь — это прежде всего духовный союз, партнерство, соответствие жизненных ориентиров и целей. Именно такую модель любви проецируют на свои отношения Лилия и Николай. Софья Чуйкина пишет:

«В соответствии с моральным правилом “совпадения личного и общественного” создается новая концепция любви. В очерках на бытовые темы “любовью” стали называть долгосрочный духовный союз, приводящий к созданию семьи, в которой предполагается воспитание детей в социалистическом духе. Настоящая любовь противопоставляется бесполезным, с точки зрения общества, мимолетным увлечениям и “безрассудной” страсти <...>. Основой любви мужчины и женщины стали считаться <...> общая работа, общие интересы, идейная бдительность. Именно общие интересы влюбленных и супругов, непременно совпадающие с интересами государства, должны были стать “морально-нравственной основой” советской семьи» [Чуйкина 2002: 107].

Основные принципы «коммунистической морали» в сфере любви и «половой жизни» были изложены педагогом и писателем Антоном Макаренко в «Лекциях о воспитании детей»:

«Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т.е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей. Отсюда ясны и цели полового воспитания: мы должны воспитывать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье» [Макаренко 1937].

В анализируемой нами переписке выносятся на обсуждение шесть очерков с очень характерными заголовками: «Тяжелая любовь», «Любовью дорожить умеете», «Поэзия юной жизни», «Двенадцать лет спустя», «Трудное счастье», «Юноши, прислушайтесь!».

«Тяжелая любовь»

«Утром прочитал у нас в газете статью “Тяжелая любовь”. Говориться в ней вот о чем. Парень и девушка, очень любили друг друга. И решили на всю жизнь остаться вместе. Пареньку нужно было идти в армию. <...> Письма писали друг другу ежедневно. <...> Но мамаше девушки матрос не нравился. <...> Еще до приезда Лида познакомилась в колхозе, там они были на уборке, с пареньком. <...> Родителям нравился, но Лиде нисколько. Настал день свадьбы. Горько, горько! — раздаются захмелевшие голоса. Пениться в бокалах шампанское. Но Лида чувствует, что от жениха веет холодом. В жизнь Лиды вошел чужой по духу человек, дохнул на нее отвращением. Оказался жадным, слабовольным и в то же время хитрый, отвергал все, что не по нему. “В моем доме все должно быть моим, даже ты — постоянно напоминал он Лиде. “Я и так твоя! Все все отдала тебе! — в отчаянии рыдала молодая жена. Но зачем так делать? Выбросить фотографии, сжечь любимые ей письма, делать то, что угодно ему. И Лида говорит: “Нет, никогда мы не будем делать все вместе. Где же твоя нравственная чистота? Уважение к людям? Если ты не можешь этого понять, оставь нам дом”. И тот покинул. Поздно опомнилась Лида. <...> В конце концов сама же мать пошла на телефонную станцию и сообщила морячку, что Лида беременна и с мужем не живет. Он оказался негодяем и если можно приезжай. Как чувствовал Анатолий, об этом известно ему одному. <...> Теперь Толя счастлив и Лида носит его фамилию. <...> Понимаю в каком он оказался положении, когда получил: “Я не твоя”. Большая вина здесь матери, но не малая и Лиды. <...> Не нужно бросаться любовью. Ею надо дорожить и сохранять. Во что бы то ни стало» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 15.01.63].

В пересказе Николая статьи «Тяжелая любовь» мы видим стремление передать ситуацию в деталях, «нарисовать» ее («раздаются захмелевшие голоса», «пенится в бокалах шампанское»). Это можно трактовать как следствие повышенной степени рефлексии, особым вниманием к чувствам героини очерка. Николай пытается смотреть на ситуацию свадьбы ее глазами, говорить ее «языком», то есть максимально приблизиться к женскому восприятию. Именно поэтому в этом фрагменте письма фигурирует столько обращений к эмоциональному состоянию и восприятию: «от жениха веет холодом», «в отчаянии рыдала молодая жена», «чужой по духу человек», «дохнул на нее отвращением». Николай старается проникнуться ощущени-

ями героини и выразить ей сочувствие. Все его внимание направлено исключительно на героиню и ее самоощущение; про Анатолия же Николай пишет: «Как чувствовал Анатолий, об этом известно ему одному». Эти чувства Николаю знакомы, но он намеренно не проговаривает их, указывая на то, что «понимает» положение Анатолия. Все внимание Николая направлено на осмысление и передачу чувств, которые являются для него чужими.

При том, что внимание сконцентрировано на ощущениях девушки, Николай одновременно и жалеет ее, и не снимает с нее ответственности за произошедшее («Большая вина здесь матери, но не малая и Лиды»). Для Николая покорность Лиды воле родителей – скорее отрицательно окрашенное поведение. Но все-таки нравственность не чужда девушке; у своего нового жениха она спрашивает: «Где твоя нравственная чистота?» Возвращения к морали в самом очерке явно носят идеологический отпечаток.

В пересказанном Николаем очерке мы также видим определенное представление о браке как о духовном союзе двух партнеров. Наиболее четко это проявляется в образе жениха Лиды: он «чужой по духу», обладает отрицательными личностными качествами («оказался жадным, слабовольным и в то же время хитрый»). В очерке подчеркивается, что такой брак не будет счастливым. Для гармоничного союза необходимо взаимопонимание между партнерами, общность их целей и взглядов на жизнь, важно также обладать положительными качествами.

Заключительные слова Николая («Не нужно бросаться любовью. Ею надо дорожить и сохранять. Во что бы то ни стало») выглядят и как обобщение истории, мораль, которая из нее выводится, и как обращение к Лилии, предостережение. Возможно, Николай заранее показывает Лилии, что может быть, если во время его службы она поддастся чьим-либо убеждениям и соединит с кем-то «чужим» свою жизнь.

«Любовью дорожить умеете»

«Я прочитала статью в журнале “Работница” “Любовью дорожить умеете”. Там одна девушка пишет, что “любви никакой нет. И кто-то еще смеет говорить о чистой любви? Где она? О любви рассуждают только глупенькие девчонки, да престарелые ханжи”. <...>

Конечно встречаются подлецы и сколько угодно, но в большинстве случаев, я думаю виноваты девчонки, которые часто не задумываются, а какие последствия будут после легкомысленной любви, а теперь жалуются, что бросил, стал чужим. И, конечно, в результате они делают вывод что любви нет.

Я возвращусь к твоей статье. Действительно, Анатолий сделал благородный поступок и я думаю ему много стоило сделать это, взять Лиду с ребенком, тем самым он сделал ее счастливой, вернул веру в любовь, но я все-таки не верю, что они счастливы, ее ошибка будет в любом удобном случае ей же горьким укором, ну а если бы он ее не взял, она бы никогда уже не нашла счастья, которое было потеряно когда-то и я думаю очень легкомысленно ведут себя те девчонки, которые живут одним днем и не думают о будущем, а сейчас таких сколько угодно <...> ... если девчонка любит, то для того чтобы сохранить, удерживать своего любимого, идет на самое последнее, (не подумай этого обо мне). Но разве этим можно удержать парня? Я думаю нет, что в данных то случаях чаще всего и бросают ребята девчонок, ты со мной согласен? <...> Мне, например, очень хочется верить в любовь, но для того, чтобы любить по настоящему, я думаю прежде всего надо иметь спутников этой большой любви, как: доброту, самоотверженность, чувство долга, уважение» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 02.02.63].

Лилия пишет о статье «Любовью дорожить умеете». Анализируя слова девушки, написавшей в газету, мы можем почувствовать наигранность и нереалистичность, намеренно сниженный тон. Она выражает свою позицию радикально, но никак не обосновывает ее. Вероятно, такие очерки приводились в газетах для того, чтобы вызвать дискуссию среди молодых людей и еще раз доказать существование чистой, светлой и непорочной любви.

Говоря о любви, Лилия признает, что существуют «подлецы», но она вновь возлагает всю ответственность на девушек («в большинстве случаев, я думаю виноваты девчонки»). Именно они допустили «легкомысленную любовь». В ответ на рассуждения Николая об истории Лиды и Анатолия Лилия подчеркивает силу вины Лиды в случившемся. Сочувствие у нее вызывает не девушка, а Анатолий («ему много стоило сделать это, взять Лиду с ребенком»). По мнению Лилии, жизнь Лиды непоправимо испорчена ее необдуманным поведением, поэтому ей не стоит ожидать счастья с Анатолием («ее ошибка будет в любом удобном случае ей же горьким укором»).

Как считает Лилия, особенного укора и осуждения заслуживают девушки, которые «идут на самое последнее» ради сохранения отношений. В этом случае для нее оправданным становится даже то, что молодые люди бросают таких девушек. Основополагающими в развитии гармоничных отношений, по мнению Лилии, являются нравственные качества.

«Поэзия юной жизни»

«Помнишь однажды писала, что если девчонка любит она старается удержать парня и идет на все. Не удержать, если он не любит! Хочу привести из письма одной девушки в статье “Поэзия юной жизни” в газете “Комсомольская правда”. Ее оскорбил и обманул молодой человек, да еще и заявил, что он оказал ей честь: она должна гордиться тем, что он обратил на нее внимание. <...> Может быть, потому и создается у некоторых молодых людей цинично-небрежное отношение к девушкам, что порой сами девушки не дорожат своим достоинством, своим девичьим добром, своей гордостью и честью? А так важно воспитывать это достоинство и гордость! Пусть юноша дорожит дружбой с девушкой, пусть он сам тоже оберегает ее доброе имя. <...> Мне просто жалко таких людей, которые утратили прекрасное чувство – любовь. Особенно, когда человек не испытал тех чудных мгновений, когда всем своим телом впервые ощущает чарующую прелесть жизни» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 10.03.63].

В отличие от позиции Лилии по вопросу, обозначенному выше, Николай через рецепцию статьи «Поэзия юной жизни» утверждает противоположное. Он стремится понять чувства девушек, в то время как парней, поступающих бесчестно с девушками, он презирает. Ответственность за сохранение чести и достоинства девушки, по мнению Николая, во многом ложится на парней («Пусть юноша дорожит дружбой с девушкой, пусть он сам тоже оберегает ее доброе имя»).

«Двенадцать лет спустя»

«Недавно по радио слушала передачу “Двенадцать лет спустя”. Двое встретились еще до войны и кажется полюбили друг друга, но их разлучает война и вот они слова вместе, как они были счастливы, но снова разлука и на этот раз очень долгая, но они, веря в их светлую любовь, били и убивали гадов и эту любовь пронесли через всю войну. Это бы было чудесно, если б получилось так, но случайность заставила друг друга мучиться и переживать, оба они получили извещения о гибели друг друга, но продолжали любить и верить, а вдруг? И вот в 1956 г. он увидел снимок в журнале с Оли, это была она, он, правда, был знаком с другой, но увидев снимок, сказал ей, чтоб она ушла, так будет лучше. И он находит, только не Олю, а город, где она жила и каково было его состояние, когда ему сообщили что Оля погибла в результате случайного взрыва два месяца назад. Она тоже все время любила его и носила с собой его фотографию. Я слушала затаив дыхание, насколько была заворожена этим рассказом. Мысленно представила вместо Оли себя, а вместо его Баркольку и мне точно так же хотелось любить и беречь эту любовь и когда уже легла спать я до тонкости мысленно представила этот рассказ, превратив в действитель-

ность, о кристальной чистоте чувств этих двух людей и я твердо решила, что я бы пронесла свою любовь точно так же как эта Оля. Так вот слушай, я готова ждать и любить сколько угодно, но только знать что тебя также любят и не посмеют сделать, как говорится, подлости. <...> Вообще я, кажется, все сказала, делай так как тебе лучше и видней, только пожалуйста береги себя...» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 16.04.63].

В нарративе Лилии о статье «Двенадцать лет спустя» изображается крайняя степень ситуации разлуки, которая соотносится с ее разлукой с Николаем («я до тонкости мысленно представила этот рассказ, превратив в действительность»). Удивительно, как жестокость войны переплетается в ее повествовании с сильным душевным чувством: «били и убивали гадов и эту любовь пронесли через всю войну». Здесь разграничивается внешняя и внутренняя жизнь: то, что происходит вокруг нас, не должно быть связано с тем, что мы чувствуем. Кроме того, в штампованности фразы «били и убивали гадов» мы можем видеть отражение идеологического конструкта эпохи.

Примечательно, что Лилия вновь не проявляет никакого осуждения по отношению к герою, который, любя Олю, «был знаком с другой». Об Оле же она пишет: «Она тоже все время любила его и носила с собой его фотографию». В сознании Лилии, как и предполагается и советской, и патриархальной моралью, недопустимо наличие у девушки каких-либо еще отношений, в то время как для мужчины это является словно бы естественным.

«Трудное счастье»

«Как бы хотелось сейчас поговорить по душам. Ведь в письме всего изложить нельзя, а особенно трудно в том, что не имею логики и мастерства слова. Может быть, если б был Барколька на гражданке то таких вопросов мы и не затрагивали. <...> Знаешь, Лиличек, я не ревную тебя ни к кому из ребят, т.к. верю и надеюсь, что дождешься. Ведь мы любим друг друга. Любим по настоящему. <...> И истинная любовь — целомудренное чувство, оно несет в себе гуманные облагораживающие начала и не терпит бестактности, грубости... Ведь что бы в дальнейшем построить счастливую крепкую семью, нужно сейчас об этом заботиться. Как? Да очень просто. В дружбе ты познаешь человека. <...> Но торопиться с этим нельзя ибо впоследствии можно принести большие неприятности себе и детям. Даже при общности мировоззрения и жизненных целей в семье не может быть полного счастья, если у супругов не воспитаны такие черты характера, как доброта, чуткость, тактичность, самообладание, самодисциплина и многие другие качества не позволяющие человеку захламлять душу житейскими мелочами и топить в них главное, что соединило людей.

Еще многие люди не дорожат словом “Невеста”. Невеста — олицетворение чистоты, скромности, девичьей застенчивости, душевной окрыленности, светлой мечты. Каким обаянием веет от этого слова. И я думаю, не растеряла ли какая-то часть нашей молодежи вот это светлое, полное глубокого внутреннего смысла представление о невесте. И не является ли это одной из причин неудачных браков» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 07.10.63].

«Данное суждение было написано после анализа статьи в “Комсомольской правде” “Трудное счастье”, где как раз затрагивался этот вопрос. Слово счастье сейчас волнует широкие массы. Им желают называть себя многие, но не у всех получается. Вот почему часто редакции приходится отвечать на письма молодежи через газету. В нашей стране не может и не должно быть несчастливых семей. Для этого есть все возможности» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 17.10.63].

Рассуждая о статье «Трудное счастье», Николай подчеркивает, что в переписке они с Лилией говорят о том, о чем вживую не говорили. Именно находясь в разлуке, они формулируют для себя понимание сущности их чувства, высказывают свое отношение по поводу той или иной ситуации. Очень ярко отражено воздействие идеологии на сознание обычного человека: Николай уверен, что несчастливых семей в СССР не должно быть, так как именно здесь «для этого есть все возможности». Для создания счастливой семьи необходимо обладать высокими нравственными качествами, беречь и охранять честь девушки, сходиться во взглядах на жизнь. Николай подчеркивает, что любовь — «целомудренное чувство», это еще раз говорит о недопустимости добавления в эту любовь страстей.

«Юноши, прислушайтесь»

«И действительно, мы должны ценить и уважать любовь друг друга, и беречь ее. Ведь это такой бесценный дар в жизни, который дается тебе один раз. И глупо поступают те девчонки, которые легкомысленно относятся к любви, ведь не каждому счастье улыбается несколько раз. <...>

Передо мной статья, напечатанная в “Вологодском комсомольце” “Юноши, прислушайтесь!” Вот в ней говорится о поведении некоторых “бывалых” молодых людей, которые, заметив в девушке возрастные перемены, начинают за ней «по-взрослому» ухаживать. И вместо светлого отношения позволяют хамство. И в результате ранят самолюбие девушек и как горьки бывают первые разочарования. Статья заканчивается словами: “Помните, что жизнь не дается нам дважды и, чтобы занять в ней достойное место, берегите здоровье и честь смолоду!” Барколик не подумай что чем то я хочу упрекнуть тебя, нет нет. Нам не по 17 лет

и по взрослому должны относиться к тем или иным поступкам» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 20.06.64].

В письме Лилии, в котором она пишет о статье «Юноши, прислушайтесь», не ощущается внимание к чувствам и любви, страсть никак не проявляет себя. Любовь, по мнению Лилии, всегда должна соотноситься с разумом, с рациональным осмыслением. Развязность парней, опять же, совершенно не ставится им в укор; это что-то, что как будто по природе присуще им. Лилия пишет: «...сами девицы такого поведения». Статья в ее интерпретации звучит уже не как предостережение парням, а как воззвание, обращение к девушке: «Помните, что жизнь не дается нам дважды и, чтобы занять в ней достойное место, берегите здоровье и честь смолоду!».

Так обсуждение подобных очерков побуждало молодых людей вести диалог на другие волнующие темы. Юрий Мурашов пишет:

«Если рассматривать любовный сюжет через призму антропологии, то становится ясно, что эффект индивидуации и дистанцированности по отношению к политическим и этическим авторитетам, включенный в сюжетную линию любовного повествования, связан с медиальной установкой на визуальность. Это языковое кодирование в визуальной (графической) знаковой системе письма, создающего автономное и абсолютное пространство, в котором влюбленные не только общаются на языке своего чувства, но и одновременно наблюдают его, укрепляют и утверждают в интимном уединении свою любовь, противопоставляя ее натиску коллективного этоса» [Мурашов 2008].

Сохраняя в повествовании верность нормативной советской морали, Лилия и Николай в то же время определяют свои взгляды, укрепляют убеждения, то есть отдаляются от коллективного в сторону частного, субъективного. Второй такой темой в письмах Николая является ревность. Он вновь выступает инициатором обсуждения:

«Лиличек, мы с тобой давно ничего не обсуждали. Так давай продолжим начатое сегодня. Когда люди любят друг друга, может ли быть ревность. Вообще-то этот вопрос можно рассматривать дважды и каждый раз доказать его правоту. Во-первых, если действительно верить друг другу и любить, то ревности быть не должно. Во-вторых, если любишь, то ты должен всячески ее сохранять. Вот мне довелось прочитать такие строки: “Ревность — это такое же огромное чувство, что оно не может... не должно унижать человека. Оно так же, как любовь... должно толкать человека на хорошее, чтобы он мог стать лучше, умнее, красивее, чем тот, на кого его меняют”. Ревность — это соль любви, но никогда ее не нужно пересаливать, ибо в противном случае становится горька.

С последними словами я согласен. Излишняя ревность приводит к печальным последствиям. Все-таки мне кажется, что было б лучше, если б ее не было совсем. Ведь что только не делается из-за этого чувства, иногда совсем нелегкого. Любимая, попрошу высказать свои мнения по данному вопросу. Хорошо?»
[Никандров Н.А. Письмо Лилии от 29.09.63]

Итак, для Николая вопрос не в существовании ревности, а в чувстве меры в ней. Для аргументации своего мнения он привлекает несколько цитат, то есть апеллирует к авторитетному мнению. При этом в его повествовании комментируется лишь вторая цитата («С последними словами я согласен»), в то время как первая не комментируется и не объясняется вовсе. В первом высказывании понятие ревности сопряжено с понятием измены («на кого его меняют») — это крайняя, чрезмерная степень ревности, когда она уже кажется небезосновательной. Именно это Николай считает губительным ее проявлением, и, поднимая эту тему в письме к любимой, он хочет, с одной стороны, привлечь ее внимание и показать, что ему не чуждо это чувство («Ведь что только не делается из-за этого чувства, иногда совсем нелегкого»), а с другой — услышать, что его волнения безосновательны.

Заканчивает Николай формализованной просьбой «выразить свои мнения по данному вопросу», что скорее маскирует волнение молодого человека. Исследователь автобиографий Ирина Савкина, соглашаясь с позицией Ирины Паперно, говорит о переписке как о метатексте, который характеризуется такими свойствами, как жанровая саморефлексия и диалогизм или полифония [Савкина 2007: 318]. В приведенном отрывке мы видим включение адресата в структуру письма («Лиличек, мы с тобой давно ничего не обсуждали»), самостоятельность чужого слова в тексте, реализующуюся через цитирование, а также построение образа собеседника-читателя — Николай предлагает Лилии поучаствовать в дискуссии и выразить свое мнение.

Необходимо учитывать обстоятельства разлуки: Николай находился на службе во флоте, а Лилия работала в клубе, то есть тема ревности была для него гораздо более актуальной, поэтому ответное письмо Лилии демонстрирует незаинтересованность девушки в обсуждении поднятой Николаем темы.

«Барколька ты хочешь услышать мое мнение о ревности. Понимаешь мне что-то не понравился этот диспут. <...> Я вполне согласна с тем, что у тебя написано, действительно ревность должна толкать человека на хорошие поступки, но только не всегда так бывает. Если люди любят друг друга, то по моему

ревность неизбежно все равно как-то получается сама, хотя вида на это не показываешь. А если один любит, а другой мечется из стороны в сторону, то он просто не заслуживает ревности первого. <...> В общем Барколик, я не знаю может ревность зависит от темперамента людей. Вот я возьму своих родителей, по моему, у них никогда не было повода для ревности, потому что им никого больше не нужно было кроме друг друга. А это хорошо, когда ревнуют? Или ревнуют значит любят — я это слышала» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 02.09.63].

И вновь при обсуждении сложной темы Лилия озвучивает позицию «взрослых»: «...если один любит, а другой мечется из стороны в сторону, то он просто не заслуживает ревности первого». Приводя в пример отношения родителей, не знающих, по ее мнению, поводов для ревности, Лилия пытается остаться в мире, где «правильные действия» позволяют не допустить «неправильных» или проблемных чувств и ситуаций. Отвечая на вопрос Николая, она вновь придерживается стратегии избегания при обсуждении потенциально «небезопасных» и неприятных тем, которые могут вызвать недопонимание или ссору. Здесь мы можем отметить не только индивидуальные качества Лилии, но и то, что ее тексты обладают теми же качествами женских текстов, которые Надежда Вязигина определяла как «некатегоричность» по сравнению с «категоричностью» мужских [Вязигина 2016: 32]. Ревность губительна, а потому и само обсуждение ее настораживает Лилию.

Самостоятельные усилия Лилии направлены на поиск тем о «должном» в отношениях, а также на обсуждение случаев из жизни:

«Вот пишешь, что если больше ценишь, уважаешь девчонку, она смотрит на это иначе, выражает свое непостоянство, да существует такая пословица, что «чем кот ты больше гладишь, тем он выше держит хвост». Я знаю ты в какой-то степени может и меня имел в виду, но думаю в данный момент это ко мне не относится. Мое личное мнение такое: по моему мы уже достаточно взрослые люди, чтобы расценивать те или иные поступки друг друга по серьезному. Взаимность и уважение — основа основ хорошей дружбы, а в дальнейшем совместной жизни. И потом ты пишешь, что приводит к плохим последствиям, если девчонка с кем-то дружит, но продолжает писать все такие же нежные письма, да, так бывает, дело в том, что либо ей жалко сразу обидеть бывшего друга, либо она находится в сомнительном положении, т.е. с кем остаться, но я лично презираю такое непостоянство, разве она любила, если через какой-то промежуток времени своего любимого променяла на другого. Ведь когда люди по настоящему любят, верят и ждут по моему в последствии это оценивается сполна, а когда они мечутся от одного (одной) к другому, растрачивая любовь

по мелочам, то хорошей любви и жизни я думаю быть не может, не говоря уже о счастье, и возникает потребность в совместной жизни, но не любовь. Коля, это мои личные соображения, и я хочу верить и ждать...» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 03.04.63].

Приведенный фрагмент характеризуется полифоничностью, поскольку изобилует различными «голосами». Особенности функционирования «чужого слова» выявил Михаил Бахтин:

«Автор говорит не на данном языке <...> а как бы через язык <...> объективированный, отодвинутый от его уст. <...> Разноголосица и разноречие входят в роман и организуются в нем в стройную художественную систему» [Бахтин 1975: 112].

В анализируемом нами фрагменте эффект полифоничности достигается за счет едва различимой смены «голосов»: «речь» Николая, поговорка, декларативные фразы, «речь» девушки. Как отмечает исследователь,

«чужая речь, рассказанная, передразненная, показанная в определенном осещении <...> нигде четко не отграничена от авторской речи: границы намеренно зыбки и двусмысленны, часто проходят внутри одного синтаксического целого» [Бахтин 1975: 121].

Во-первых, Лилия реализует в своей речи диалог с Николаем, включая в повествование его слова и говоря «его языком»: «*Вот пишешь*, что если больше ценишь, уважаешь *девчонку*, она смотрит на это иначе, выражает свое непостоянство», «*И потом ты пишешь*, что приводит к плохим последствиям, если девчонка с кем-то дружит, но продолжает писать все такие же нежные письма». Именно в изображении его речи присутствует характерное слово «девчонка», которое не используется Лилией, а также более характерные для стиля Николая фразы: «выражает непостоянство», «приводит к плохим последствиям». Проблема «чужого слова» может быть рассмотрена в этом случае в аспекте теории интертекстуальности. Этот термин ввела в обиход Юлия Кристева, которая утверждала:

«Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [Кристева 2000: 429].

В приведенном фрагменте мы видим интертекстуальное включение слов из письма Николая, а также стилизацию текста под его речь, что усиливает диалогизацию.

Во-вторых, Лилия прибегает к использованию пословицы («...существует такая пословица, что “чем кот ты больше гладишь, тем он выше держит хвост”»), однако не в качестве аргумента в защиту своей позиции, поскольку далее она опровергает точку зрения Николая, а в качестве подтверждения существования явления, о котором он говорит, тем самым наделяя пословицу собственным «голосом».

Свое мнение Лилия маркирует словами «мое личное мнение такое» и «я лично». Именно в этих предложениях она говорит о своих принципах, опираясь на свой жизненный опыт. Основываясь на прожитом, Лилия оформляет своим «голосом» предполагаемые мысли девушки, которая ведет переписку с двумя ребятами («да, так бывает, дело в том, что либо ей...»). Говоря о ней в третьем лице, она на самом деле, вероятно, обращается к самой себе в прошлом, описывая свои мысли и чувства, реализуя тем самым автодиалог.

Кроме того, в приведенном фрагменте содержатся декларации о том, какими, по мнению Лилии, должны быть настоящие отношения: «Взаимость и уважение — основа основ хорошей дружбы, а в дальнейшем совместной жизни», «Ведь когда люди по настоящему любят, верят и ждут...». Лилия предпринимает попытку выстроить для себя принципы, которые должны быть неизменными составляющими истинных отношений, тем самым девушка примеряет на себя роль «взрослого», поскольку она обращается ко «взрослым» словам о «совместной жизни».

В конце приведенного фрагмента мы видим переход от «дискуссии» к обсуждению отношений («Коля, это мои личные соображения, я хочу верить и ждать...»). Так через полифонию и «многоголосие» Лилия приходит к формированию собственной концепции настоящих отношений, в которой она выделяет категории взаимности, уважения, любви, веры и ожидания — именно они, по ее мнению, должны составлять основу их с Николаем дружбы.

Из всех поднятых Лилией тем Николай живее всего откликается на мотив непостоянства в отношениях:

«Лиличек, я еще раз хочу продолжить дискуссию о непостоянстве. Ты утверждаешь, что если девчонка дружит уже с другим, а первому пишет любезные письма, то не хочет обидеть бывшего друга. Мне кажется, лучше сразу сказать нет, чем это сделать позднее. Парень надеется, что все идет нормально, любимая ждет. Но через какой-то промежуток времени получает: “Извини. Выхожу замуж”. Вот это да. Провела вокруг пальца и крепко шурунула по мозгам. <...>

Лилик, милая моя, я не хочу больше говорить о таких вещах. Мы верны друг другу и будем верны до конца» [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 08.04.63].

Николай переносит обсуждаемую ситуацию на их отношения с Лилией, обнаруживая тем самым все свои худшие опасения. Он действительно боится, что она может однажды написать ему, что «выходит замуж» за другого, и именно поэтому эта тема является для него резко отталкивающей.

В приведенном фрагменте мы видим, опять же, несколько «чужих голосов»: слова Лилии, обращенные к ней во втором лице («Ты утверждаешь, что...»), слова парня в третьем лице («Парень надеется...») и две пословицы в измененном виде («Провела вокруг пальца и крепко тронула по мозгам»). Передача слов Лилии позволяет создать модель диалога в повествовании и включить фигуру адресата в структуру письма, при этом Николай не пересказывает ее слова и не оформляет их своим оценочным суждением, а воспроизводит дословно: «...не хочет обидеть бывшего друга». **Обращение к фигуре парня и наделение его своими мыслями и чувствами позволяет нам говорить о том, что Лилия и Николай посредством включения в свой диалог «третьих лиц» — абстрактных фигур парня и девушки — ведут разговор о собственных отношениях, определяют друг для друга границы приемлемого и неприемлемого.** Включение в текст письма измененных пословиц после пассажа о предательстве девушки говорит о напряженном эмоциональном состоянии Николая, поскольку в нем он воспроизвел свои опасения, вероятно, терзающие его в разлуке с любимой девушкой.

Итак, переписка двух молодых людей 1960-х гг. показывает нам различия в обсуждении тем на гендерном уровне. Истоки этого мы видим в существовавшей нормативной советской морали, которая распространялась посредством СМИ, в том числе — в очерках на бытовые темы в газетах. Применяя концепцию Бахтина, мы выявили наличие «чужих голосов» в нарративах Лилии и Николая и определили функциональность их включения в текст письма. Привлекая концепцию Савкиной, мы отметили, что переписка обладает полифоничностью или диалогизмом, наблюдается построение в письме образа собеседника-читателя. Немаловажным является и рассмотрение переписки с точки зрения оппозиции «свои / чужие». Николай чаще описывает девушек и их поведение в отношениях, их страхи и риски, держа в фокусе внимания «других». В группе «своих» он четко проводит границу между парнями, которые могут бесчестно поступить с девушкой, и собой, поскольку для него это недопустимо. Для Лилии же наиболее значимым является сообщество «своих»,

в которое входят девушки, понимающие, что за слепым повиновением чувствам может следовать расплата, а также ее родители. Как собственную позицию она транслирует правила и ценности, взятые из «родительского», «взрослого» мира, при этом опираясь на детские воспоминания и впечатления об отношениях своих родителей (как в случае с ревностью). Себя Лилия также отделяет от девушек, отличающихся непостоянством или легкомысленностью.

Письма демонстрируют нам и различия коммуникативных стратегий влюбленных. Николай склонен выносить сложные темы (измена, ревность, предательство и др.) на обсуждение, используя в призывах совмещение дискурсов: обращение «любимая» и клише «прошу высказать свои мнения...». Лилия же, сохраняя доверительность обращений («Барколька» и др.), старается уклониться от обсуждения тем, кажущихся ей «небезопасными». В ее ответах на запросы Николая чувствуется боязнь категоричности и попытка уйти от выражения собственной позиции («В общем Барколик, я не знаю может ревность зависит от темперамента людей»). В то же время отношения, их прочность и качество очень важны и для Лилии, и для Николая: они с воодушевлением говорят о принципах их выстраивания.

В определении круга тем для обсуждений для молодых людей, разлученных на несколько лет, большую роль сыграли и произведения кинематографа, которые транслировали правильные модели поведения в сложных жизненных обстоятельствах. Наиболее развернутые нарративные фрагменты в переписке Николая и Лилии касаются фильмов зарубежного производства, дающих бóльшую пищу для размышлений. Формирование собственного мнения по поводу просмотренных кинематографических картин и последующее обсуждение друг с другом проблемных вопросов позволяют Лилии и Николаю проецировать обсуждаемые сюжеты фильмов на реальную жизнь и формировать общий круг ценностей и убеждений. В процессе диалога они обсуждают феномен запретной любви [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 10.03.63], брачные отношения и связанный с ними «супружеский долг» [Шичева Л.П. Письмо Николаю от 13.12.1962], воспитание детей [Никандров Н.А. Письмо Лилии от 04.09.63].

Чаще всего предметами обсуждения в письмах Лилии и Николая выступают вопросы любви и дружбы, предательства, сохранения чести, семьи и семейной жизни. В письмах Лилии чувствуется ориентация на построение семьи, она отмечает для себя моменты, связанные с замужней жизнью, с супружеским долгом, с крепкими отношениями. В письмах же Николая поднимаются сложные темы запретной любви, он высказывает свои мысли о должном воспитании детей, основываясь на своем непростом жизненном опыте.

Выход на проблемные вопросы повлиял на появление конструктивного диалога, благодаря которому Лилия и Николай смогли развивать свои отношения и говорить о том, что по-настоящему их волнует.

Список источников

1. *Никандров Н.А.* Письма Лилии от 15.01.63, от 10.03.63, от 08.04.63, от 04.09.63, от 29.09.63, от 07.10.63, от 17.10.63, от 08.11.63.
2. *Шичева Л.П.* Письма Николаю от 13.12.62, от 02.02.63, от 03.04.63, от 16.04.63, от 02.09.63, от 12.11.63, от 20.06.64 (на конв.).

Список литературы

1. [Бахтин 1975] — *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 501 с.
2. [Бондарь 2013] — *Бондарь И.А.* Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. №6. С. 107–115.
3. [Борисов 2002] — *Борисов С.Б.* Мир русского девичества. 70–90 годы XX века. М.: Ладомир, 2002. 352 с.
4. [Вязигина 2016] — *Вязигина Н.В.* Мужской и женский стиль письма в мемуарном тексте // Филология и культура. 2016. №1 (43). С. 30–35.
5. [Гидденс 2004] — *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. [Гинзбург 1977] — *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 449 с.
7. [Дубин 2010] — *Дубин Б.В.* Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
8. [Зарецкий 2021] — *Зарецкий Ю.П.* Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. №3 (137). 2021. С. 184–199.
9. [Кристева 2000] — *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 427–457.

- 10.[Макаренко 1937]— *Макаренко А.С.* Лекции о воспитании детей. М.: Педагогика, 1937. Цит. по эл. публикации. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2022).
- 11.[Мурашов 2008]— *Мурашов Ю.* Любовь и политика: о медиальной антропологии любви в советской культуре // СССР: территория любви: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2008. Цит. по эл. публикации. URL: [link](#) (дата обращения: 18.04.2022).
- 12.[Савкина 2007]— *Савкина И.Л.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
- 13.[Тынянов 1993]— *Тынянов Ю.Н.* Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. 319 с.
- 14.[Чуйкина 2002]— *Чуйкина С.А.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–127.

Алена Владимировна Никандрова
Уральский федеральный
университет им. первого
президента России Б.Н. Ельцина,
Филологический факультет,
кафедра русской и зарубежной
литературы, бакалаврская
программа «Филология»
nickandrovaal@yandex.ru

Alena Nikandrova
Ural Federal University named
after the first President of Russia
B.N. Yeltsin,
Faculty of Philology,
Department of Russian and
Foreign Literature,
BA programme in Philology
nickandrovaal@yandex.ru

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ НИКАНДРОВА И ЛИЛИИ ШИЧЕВОЙ 1962–1964 ГГ.

Благодарим Алену Никандрову за разрешение на публикацию переписки, хранящейся в семейном архиве. Орфография и пунктуация источника сохранены. Над подготовкой текста работали Анна Зотина, Татьяна Кочнева, Юлия Мемова и Андрей Орлов.

Илл. 1. Конверт письма от Лилии к Николаю от 02.02.1963.

16/IV-63.

Добрый день!

Милый Колечник, здравствуй! Очень все-
 годарю тебе за письмо, нежные мысли. Их
 уже нетеря, а я только отвечаю, но всё
 некогда было с твоей писккой. В воскрес-
 ние ходили с Жаной домой, а дома ужасно
 весело как хорошо, пришли родные, Володя,
 Надя, Ринна да нас много всех собра-
 лось, было очень хорошо, спели, поза-
 бавили шашки-ножки, но только мне
 не хватало Баркальки, а знаешь, как
 не хотелось идти обратно, ещё вт не было,
 если б в двоём, а тут одной, правда,
 отец или с Жаной, преодолевал вдвоём
 все преграды, разлившиеся реки.

А когда пришли домой, то первым делом
 я произнесла: «Куда я пошла!». В кам-
 ните полный кардиналет. Вели справили
 свой день рождения и, конечно, поздравили
 наславу, на диване дрожат Горке

Илл. 2. Первая страница письма от Лилии к Николаю от 16.04.1963.

Лиля Коле, 03.12.1962 г.

3 декабря — понедельник

Вот я и проводила тебя Барколишник.

Нет, ты не можешь представить, что мне стоил твой отъезд и хорошо, что ты не видел моих слёз. Да, только сейчас, когда поезд показал “хвост” меня словно прошибло, вот только сейчас когда я всем своим существом поняла, что рядом нет моего любимого Баркольки, мне стало очень грустно и тяжело, словно я потеряла то, чем жила эти годы. А ты ещё едешь, я тоже понимаю твоё состояние, ведь если я ни на минуту не перестаю думать о тебе, то и ты всё время перебираешь в мыслях наши встречи, дни проведённые вместе и наконец столь долгую разлуку. Барколька милый, нет я больше не буду плакать, ну успокой меня, ведь ты же можешь успокоит, нет? Да, на таком расстоянии ты не в силах применить что-либо. Я только сейчас поняла, как тяжело было Капе, а ведь раньше до меня это не доходило.

Сегодня у меня спит Лёня и я боюсь не разбудить его своим хныканьем.

Колюнчик, хочешь я расскажу как прошол остаток дня, т.е. после твоего отъезда. Мы все трое поехали к нам и впервые в жизни я не стеснялась слёз, мне было безразлично, смотрит кто на меня или нет, ни на кого не хотелось смотреть и только перед концом я успокоилась, но стоило мне зайти домой и сказать — уехал, как опять глаза мокрые. У нас посидели, покушали а потом взяли Муську, посадили её в корзину, мама завязала её мешком и поехали Ой как ей не хотелось сидеть в корзине, и в центре как-то мешок съехал и мы чуть было не потеряли это существо. Теперь-то уж посадили в мешок, привязали к ручке корзины, чтоб не болталась по корзине и таким способом несли. Капа отвернула в Четряково, и мы с Лёней пошли прямо по пешехонке, держа курс на Кудрино.

Коля, мне так было не удобно тёти Лиды. Ты понимаешь ей так было жалко, что по существу она и не видела тебя и не проводила, уж слишком короткое было прощание, но она тебя не осуждает и потому что ты уехал и вообще, что так всё получилось.

От вас мы ушли с Лёней, а потом я ушла на репетицию, пришли все и вот репетировали до 12 ч. дак голова разламывается на части и вообще меня что-то палит.

Вот пришла и давай писать. Первый вечер я буду одна, Колюнчик я сотню раз скаялась, что так поступила в последний вечер, но ведь ты тоже виноват, успокоился и уснул, сейчас я бы ни зачто так не поступила, если бы был рядом Барколька, мой самый любимый мальчишка.

Но я верю мы встретимся снова
И посмотрим друг другу в глаза
Где прочтём всего лишь три слова
Я ЮЛБЮЛ тебя.

Ты слышишь меня Барколька? Я знала, что ты прочтёшь эти строчки и улыбнёшься пусть они будут символом, если можно так выразиться, в нашей дружбе.

Коля, времени уже около часу и так глазки закрываются, что больше не могу такая тишина, только слышно, как я пишу, да Муська сопит на печке, бедненькая ещё не может опомниться куда её принесли. Завтра опять шальной день детский утренник с часу, затем агитколлектив потом опять репетиция и наконец вечер, как мне хочется чтоб всё это поскорей прошло. А сейчас ложусь отдыхать и крепко, крепко тебя целую, мой любимый Барколька, ты же не сердись, что я так тебя называю? Ну и хорошо. Вот когда ты прослужишь года два я буду звать тебя Николаем.

Лиля Коле, 13.12.1962 г.

13. декабря 1962 г. Семинар в Вологде.

Здравствуй Коля! Пишу это письмо во время антракта в театре, тебе не понятно почему же в театре?

Да потому что нам разрешили присутствовать на просмотре пьесы “Палата” — чудесная пьеса и по содержанию и по оформлению. Как бы мне хотелось побольше посмотреть таких пьес. Вечером с мамой сходили в наш клуб в кино “Грешница” на антирелигиозную тему в то же время и смешное и очень переживательное Там есть один артист который вызывал смех мама его метко его охарактеризовала назвав “кислогубым” Эта характеристика очень подходит в том случае, когда его жена не пускает вместе с ней спать и он кричит возмущённый “Я муж ей или не муж!”. И бегают по комнате в одних подштанниках.

Пришли домой и с

После кино сходили к Шуре она же выходит замуж 26го дек. и поедет с Павлом 26 дек в Джалбул он же до армии там жил, а институт Шура будет кончать заочно, но ей так придётся трудно я немножко просто жалею её, но ведь если они любят друга, то надо надеяться, что всё будет хорошо и в то же время мне немножко грустно становится что все мои подружки уже самые близкие повыходили замуж. Ну я уже молчу, ~~я просто напросто. Ведь я же О!~~ да я совсем упустила из виду что с тобой за очные муж и жена так? Барколька?

Вот смотрю на тебя и спрашиваю, почему же не пишешь писем? Я каждый божий день ровно в 11⁰⁰ звоню Ане и спрашиваю “Мне есть письмо?” А в ответ “Нет тебе от Коли опять нет” “Ну Анечка ты меня и обрадовала”

И уже на целый день настроение ниже среднего.

Вот и сегодня т.е 14го звоню и получаю тот же ответ Нет, а есть от Коли Смекалова и от Витьки ну на черта мне их письма тут же кричу в трубку “От Витьки письмо порвите и бросьте в печку” со мной говорили Капа и Аня. Капа попросила сегодня заехать к ним в Чертяково. Сегодня пятница и они собирались прийти. Она сейчас совершенно одна в доме, не представляю как всё это переносит. Говорит прибежал Юрашка поздно вечером и я не спала всю ночь, но всё обошлось благополучно.

Колюнчик позвоню ещё завтра и в воскресенье пойду сама, т.к семинар 15^о кончится, но вечером боюсь одна идти.

Ну и весёлый же народ эти культпросветработники, кто на что способен, кто кадриль выкаблучивает, кто частушки поёт. А я вот сижу и вспоминаю как хорошо было в КПШ как-то всё сразу вспомнили и в то же время вдруг стало так грустно, что я ничего подобного не вижу в Спасе и врядли увижу, только если во сне. А на семинаре я просто отдохнула, хотя и занималась с 9^и до 5^и все 8^{мь} дней увидела своих девчонок с которыми вместе училась, многие уже замуж выходили. Многое почерпнула и для себя а именно по работе с драм коллективом.. Сейчас читает лекцию сама гроза, как её называют, начальник управления культуры Фё Чугунникова, но её никто не слушает т.к. времени около 6^и а она всё болтает и болтает.

И я вод видом что как будто записываю за ней, строчу тебе письмо, хотя ещё не знаю, когда получу от тебя.

Коля ты только не зазнайся когда увидишь себя на фото я скажу тебе по секрету у меня случайно ~~девчонки~~ уви Лилька Садовая увидела фотокарточку в тетради и конечно показала всем, я захожу и вижу столпились все, ну тут ~~давай~~ ~~сн~~ кто спрашивает это твой муж? парень? я просто не знаю что отвечать и просто на просто как у нас было заведено в КПШ говорить про ребят муж, я ответила муж и ещё ты завоевал симпатию ну для меня это, конечно, очень лестно и, правда, разве плохо иметь такого молодого симпатичного мужа, но вопрос где он? Да в армии, недавно взяли на 4 года. И будешь ждать? А как же, ведь любовь и проверяется в разлуке вот это будет испытанием для обоих. ~~Сможет или нет кто-то~~

Сможем мы или нет выстоять эту разлуку, для того чтобы восторжествовала любовь, может я говорю громкие фразы? Но я думаю не стоит много и говорить по этому поводу просто мне хочет-

ся верить в свою любовь иначе для чего я живу, как не для любви. Вот многие девчонки говорят, что нет любви, но ведь нет её потому что они не умеют любить и куда легче разрешать этот вопрос когда находишься вместе, а вот когда не видишь друг друга, то что только передумаешь и в конце концов приходишь к тому или иному выводу. Об этом я напишу тебе позднее а именно о моих выводах.

Ну где эта греховодница Капа. Я сейчас сижу в Четрякове и жду её, но как видно не дождусь т.к. времени уже 10 ч. ну ладно я её накажу — не оставлю фотокарточку.

15. дек. опять звоню, но почта ещё не пришла.

Приехала на вокзал, и опять не повезло ав-6 шестерка только что ушла. Стою в ожидании, немножко продолжу дальше подошли два моряка и спрашивают “Девушка пройдёмтесь с нами?” А я увидела на погонах СФ. и говорю меня не интересует северный флот — “А какой вас интересует?” — Балтийский.

“Да там не флот, а флотилия в какой-то луже барахтаются, толи дело на севере, шторм, льды айсберги” вобщем болтали долго, пока не пришол автобус, я только смогла им сказать, что вы неимеете права так отзываться о Балтийском флоте, а почему я так сказала, да ведь я же ничего ещё тогда не знала ни о тебе ни о флоте.

Ну вот Барколишник посылаю тебе этот черновик надеюсь, что разберешь.

Жалко что дальше не записывала, вообще-то интересно почитать. от скуки

До свидания

Целую в щёчку

и носик

Твой Лилёночек

Привет от Зюзёночка

и Муськи.

Лиля Коле, 21.12.1962 г.

21/XII — 62 г.

Здравствуй Барколька!

Получила твоё письмо. Обрадовалась но сразу же с первых строк вся эта радость пропала. Какой же ты всё таки Барколька мелочный. Ну зачем напоминать о том, что ты пишешь внеочередное письмо и высчитал сколько писем мне написал, да другой бы каждый день не по одному письму писал, если по настоящему любит и скучает. Знаешь что я тебе скажу если ещё одно письмо будет начинаться

с этого а именно “делать нечего, вот и решил написать внеочередное письмо, я отвечать не буду, если ты отвечаешь или пишешь только тогда, когда делать нечего, от скуки ради.

Сейчас с Капой пойдём в город. Куплю кое что к дню рождения ну напр. бутылочку. Вчера приходили к нам тетя Лида и седульки¹ принесли молока и сала, подкармливают нас солдаток. В воскресенье приглашали нас, ну я думаю может у вас и отметить день рождения а то нам с Капой очень скучно двоим, а в вас скучать думаю не придётся правда? Как плохо что не будет тебя, но мы за тебя поднимем бокалы и выпьем. Фото тётке Лиде очень понравилось, жаль что я ещё не заказала, а то вот Гене мне так хотелось послать и нет больше, подарила Шуру и Капе. Шура, я тебе не писала, вышла замуж, поедет 26го декабря в Джамбул там родина Павла. Она с ним познакомилась на практике где он служил, а сейчас вот демобилизовался, вот видишь все мои подружки повыходили замуж и мы с Капой, две солдатки, очень часто заводим разговор о такой долгой разлуке и хватит-ли наших сил и воли выдержать всё это. Ты же прочитал моё второе письмо и я думаю ты понял мои мнения насчёт любви. Коля вот я тебе тогда написала такое противное письмо, ну не могла я иначе написать, видя как Капа получает от Сани каждый день и не в одном из них он не говорит о внеочередном письме, даром что так долго не получал писем от неё. Я думаю больше ты не напишешь ничто подобное да? Колюнчик? Не будем больше сердиться и ругаться в письмах. Коля пожалуйста больше пиши о своей жизни, ведь у вас-то не секретная часть, ты ничего не написал где в какой области науки ты будешь учиться? Я очень хочу знать, кто и какие твои друзья, всё пиши. Послать или нет ещё любительских фотокарточек? Мы с Капой хотим сфотографироваться, но точно ещё не решили когда, возможно после Нового года. А когда же ты сфотографируешься и вышлешь своей морячке моряка я очень хочу тебя видеть в матросской форме моего любимого Барколишника. Капа сейчас сидит и ждёт когда я напишу, сегодня ей почему-то Саня не написал, ну Саня обычно пишет большинство нежных слов и мало о своей жизни.

Напр. сердце схватило калёными щипцами которое обливается кровью и т.д. над которым мы смеёмся так, что я падаю [далее зачеркнуто — прим. Т.К.] на пол. Вот кажется пока и всё, покушаем на дорожку манной каши, да как ты справляешься с кашей.

До свиданья крепко целую и обнимаю твоя Лиля.

1. Седульками Николай и Лиля называли младших братьев и сестер Николая. Авторский неологизм происходит от выражения «сидят дома и ждут, пока я приду». — Прим. А. Никандровой.

29.09.63г. г. Северодвинск.

Милая Лилия, здравствуй!

Вот уже два дня не получаю твоих писем, а я жду их с нетерпением ежедневно. Знаю, что ты сильно занята и пишешь каждый день некогда. Вчера была суббота, а сегодня воскресенье. В клубе ^{снова} ~~который~~ демонстрировалось кино, а ^{танцы} ~~позже~~ танцы. Пришло много народа. Все веселились, а у вас с какой-то ^{то} ~~то~~ не хватало. Будем на выходные мы писать каждый день всем вместе, а поэтому такое замечательное ощущение не удовлетворяется если по какой-либо причине бумага не соединяется, тогда мы прекрасно знаем, что она скоро будет снова

Илл. 3. Первая страница письма от Николая к Лилии от 29.09.1963.

Илл. 4. Конверт
письма от Николая
к Лили
от 04.09.1963.

Коля Лиле, 15.01.1963 г.

Привет из Лиепай!
Здравствуй Лилёночек!
Здравствуй любимая!

Сегодня так счастлив, просто не знаю, как выразить свою радость. Ведь получил 4 письма! Особенно рад твоему письму. Его-то с таким нетерпением жду. Но вот вчера ничего не получал. Вечером такое плохое было настроение и так душевно тяжело, что беда. Этого ещё не испытывал. Утром прочитал у нас в газете статью “Тяжелая любовь”. Говорится в ней вот о чём. Парень и девушка, очень любили друг друга. И решили на всю жизнь остаться вместе. Пареньку нужно было идти в армию.

В последний вечер оба поклялись в верности у памятника погибшим матросам. На следующий день призывник уехал. Взяли служить в морфлот.

Переписывались. Письма писали друг другу ежедневно. Служба у моряка шла отлично. Побывал дома в отпуске. В это время они были всюду вместе. Но мамаше девушки матрос не нравился. Она говорила дочери, что мол он простой моряк, а как вырядили его свои командиры. Почему дают увольнение каждый день? В последний день отпуска мать довела дочь до истерики. Она конечно рассказала Анатолию, так звали парня. На прощанье любимой сказал такие слова: “Если что случится сообщи”. Да, я упустил. Ещё до приезда Лида

познакомилась в колхозе, там он был на уборке, с пареньком. Он частым гостем стал на селе. Родителям нравилась, но Лиде нисколько.

Настал День свадьбы. Горько, горько! — раздаются захмелевшие голоса. Пенится в бокалах шампанское. Но Лида чувствует, что от жениха веет холодом. В жизнь Лиды вошёл чужой по духу человек, дохнул на нее отвращением. Оказался жадным, слабовольным и в то же время хитрый, отвергал всё, что не по нему. “В моём доме всё должно быть моим, даже ты — постоянно напоминал он Лиде. “Я и так твоя! Всё всё отдала тебе! — в отчаяние рыдала молодая жена. Но зачем так делать? Выбросить фотографии, сжечь любимые ей письма, делать то, что угодно ему И Лида говорит: “Нет, никогда мы не будем всё делать вместе Где же твоя нравственная чистота? Уважение к людям? Если ты не можешь этого понять, оставь наш дом”. И тот покинул. Поздно опомнилась Лида. Она ошиблась в человеке, который лгал ей, лебезил, а потом струсил. Да, было слишком поздно. Ведь, Анатолий получил последнее письмо, прочитал скупые строки: “Я не твоя!”. В конце концов сама же мать пошла на телефонную станцию и сообщила морячку, что Лида беременна и с мужем не живёт. Он оказался негодяем и если можно приезжай. Как чувствовал Анатолий, об этом известно ему одному. Он не оставил любимого человека в беде. Теперь Толя счастлив и Лида носит его фамилию. Вот вся статья, конечно в кратцах. Мне лично очень понравилась. Понимаю в каком он оказался положении, когда получил: “Я не твоя!”. Большая вина здесь матери, но не малая и Лиды. Она же знала, Анатолий безумно любит её. Не нужно бросаться любовью. Ею надо дорожить и сохранить. Во что бы-то нистало. Конечно, имею ввиду настоящую любовь У каждого возникает потребность любить и быть любимым

Лилёночек, спрашиваешь откуда я взял, что ты меня любишь. Да оттуда, что сама говорила и оттуда, что знаю сам. Ну что же тут неудобного? Что?

Я не говорю. Мне неудобно, наоборот хорошо. Говорил, говорю и всегда скажу. Лилик, я тебя очень люблю и никому не отдам. Понимаешь, родная? Иначе считаю себя погибшим. Да, дорога мне любовь и необходима в службе, а позднее в жизни. Видишь, какие нелепости несёт т. Лизовета. Знаю её и с прошлого, поэтому не придаю большого значения. Помнишь шли из города и я тебе немножко рассказал. Это же была правда. Саня давал им разбежаться. Иногда и следовало. Любимая, обижаешься, что не пишу привета Капе . Иногда забываю, а в большинстве не хватает бумаги, не места на листе. Попрошу тебя передавай привет от меня ей и дома всегда. Что также опять разболтался Андрюшка? Придётся в последствии наказать, а то совсем из рук у тебя выбьется. Совсем перестал слушаться за вре-

мя моего отсутствия. Как ему нестыдно! А ведь давал слово небаловаться, Да? Еще раз передай мой наказ, слушаться. Иначе дело будет иметь со мной. Пускай тоже, чтобы не обижала морячку. Лирик, как же хорошо и приятно слышать о том, что были у нас и неплохо провели время. Я чувствовал 9го что за нас Саней подымут бокальчик. И не ошибся, так и вышло. Седульки начинают давать концерты, хотя удивляться не стоит. При мне были часто. Особенно в этом отличалась Татьяна. Извини, любимая приходится заканчивать. Время вышло.

Пока до свидания. Крепко тебя целую родная всю всю, а также сильно обнимаю твой Барколька.

Привет Капе, вашим и нашим.

Подчерк твой разбираю отлично.

Скорей пиши, жду с нетерпением.

Ещё раз до свидания, Лилёночек.

Спокойной ночи, родная!

15.1.63 23 часа

Лиля Коле, 02.02.1963 г.

Привет из Спасского!

2/II — 63 г.

Барколик здравствуй! Да, я немножко запоздала с ответом, ну а ты, вот уже который день я не получаю твоих писем, скажешь служба, а у меня работа, которая, как я напишу пониже взлетела на воздух. И уже предупреждаю заранее настроение паршивое, да к тому ещё болит голова вот уже четвёртый день.. Хорошо что я не одна а с Капой и Муськой — они моё утешение. Между прочим Муська меня целовала в носик ты не ревнуешь? Раньше ты не был ревнивым Ах, всё это ерунда. И так вначале отвечу

Одно с открытками и иллюстрацией, за неё большое спасибо, а вот открытки на которых города-герои я так и не поняла о чём они говорят и какое отношение имеют ко мне быть может они представляют набережную Балтийского моря, но в письмах ты не упомянул об этом. А теперь я немножко предоставляю воли своим мыслям и напишу о любви. Я прочитала статью в журнале “Работница” “Любовью дорожить умеете” Там одна девушка пишет, что “любви никакой нет И кто-то ещё смеет говорить о чистой любви! Где она? О любви рассуждают только глупенькие девчонки, да престарелые ханжи”.

И вот на это письмо откликнулись многие читатели, где пишут, что есть чистая и светлая любовь, рассказывая и приводя примеры из своей личной жизни. Любовь не позаимствуешь у кого-либо. Этой дорогой идёт, если так можно сказать, идёт каждый. И каждый сим

в меру глубины своего сердца, постигает великое чувство любви. Конечно встречаются подмены и сколько угодно, но в большинстве случаев, я думаю виноваты девочки, которые часто не задумываются, а какие последствия будут после легкомысленной любви, а теперь жалуются, что бросил, стал чужим

И, конечно, в результате они делают вывод что любви нет. Я возвращусь к твоей статье Действительно, Анатолий сделал благородный поступок и я думаю ему много стоило сделать это, взять Лиду с ребёнком, тем самым он её счастливой, вернул веру в любовь, но я всё-таки не верю, что они счастливы, её ошибка будет в любом удобном случае ей же горьким укором, ну и если бы он её не взял, она бы никогда уже не нашла счастья, которое было потеряно когда-то и я думаю очень легкомысленно ведут себя те девчонки, которые живут одним днём и не думают о будущем, а сейчас таких сколько угодно. К нам приезжала Инна — инспектор культуры и вот очень многое рассказывала о девочках и о их поведении с ребятами, мы с Капой были поражены вот живём здесь и ничего незнаем и не видим она говорит, например, если девчонка любит, то для того чтобы сохранить, удержать своего любимого, идёт на самое последнее, (не подумай этого обо мне) но разве этим можно удержать парня? Я думаю нет, что в данных то случаях чаще всего и бросают ребята девчонок, ты со мной согласен? Пожалуйста не делай выводов из тех слов что в скобках, что ваши письма мы читаем друг другу. Вот Барколька, всё что я хотела написать о любви, которая не терпит легкомыслия и за которую потом приходится горько расплачиваться. Мне, например, очень хочется верить в любовь, но для того, чтобы любить по настоящему, я думаю прежде всего надо иметь спутников этой большой любви, как: доброту, самоотверженность, чувство долга, уважение.

А теперь о своей работе, эта противная жаба хочет перевести клуб на общественность, молодёжь, конечно, не согласна, но я бы была очень довольна только в том случае если бы вообще уйти с этой работы. А теперь, если я и буду работать, так разве у меня будет какое желание, наоборот я принесу себе душевную боль, разочаруюсь окончательно в своих силах, и способность в них, разве будет после этого желание делать что-то с интересом, когда ты всё время чувствуешь, что ничего не делаешь ни на что не способна.

Правда это будет честь и хвала Майоровой и было бы очень хорошо, если её слова оправдались, она говорит клуб будет показательным, может быть, но вряд ли кто возьмётся взять на себя ответственность за какие-то 19 рб. Вот такие дела мой Барколька, не знаю что будет дальше. Ты пишешь чтоб я написала песню, но здесь её у меня нет,

дома спишу и вышлю. А Людиного ничего я не посылала и не могу объяснить появление в моём письме какой то ленточки.

Барколька ты слишком грубо выражаешься о поступках Витька и этого парня, мне лично нисколько не понравилось твоё желание кое что сделать им, пожалуйста не пиши больше такого, мы сами знаем что делаем и найдём расплату. Получила письмо от Сани, спрашивает “выясни и напиши почему молчит Капа?” Я ему ещё не ответила, да собственно что же выяснять, не пишет, значит считает нужным вот и всё. Приходила т. Лида, ей большое спасибо за порошки, которые мне очень помогли, что я смогу вот таким карявым почерком написать тебе.

Очень жду твоих писем милый Барколик. Ты почему-то ничего не пишешь о своих друзьях ведь я как-то спрашивала есть-ли у них девчонки это про Женьку и пишет-ли Юрке девчонка.

И так мне пора отдыхать

До свидания

С приветом твоя Лилик

Большой привет от Капы и вашей семьи.

Коля Лиле, 10.03.1963 г.

10.3.63 г. Привет из Лиепай!

Милая Лиличек, здравствуй! Наконец-то получил, столь долгожданное, твое письмо Беспредельно рад и благодарен. В этот раз я многое узнал и понял. Ты писала целую неделю, а я уж постараюсь за один выходной. Обижаешься на моё молчание и не хотела писать ещё неделю. На это я отвечу так: Я отлично знал, что тебе некогда, поэтому терпеливо, день за днем, ждал и всё-таки дождался. В свою очередь ты ждала вестей моих, но не дождалась. Лиличек, родная, мне как назло, тоже небыло времени писать. Наверно скажешь, сделал специально. Нет! Пришлось сдавать зачёт по электромеханике и кой-какие другие, более главные причины. Думаю, не станешь продолжать сердиться и поймёшь правильно. Всё-таки нахожусь на службе, а не в техникуме например

На следующей неделе нужно сдавать ещё более сложный экзамен, а летом пять государственных. Ну, конечно сдам и обязательно. Любимая поможет, да? Об этом хватит. Правда? Теперь ты спрашиваешь как провёл выбора. Об этом писал в предыдущем, т. ч. повторяться не стану. Узнал и о тебе, хотя представлял заранее. Учти, не имею в виду Генки или кого другого. Совершенно верно мне слышать такое противно, но пропускаю мимо ушей. Лиличек, я верю тебе, очень

верю и не думаю поколебать её. Я тебя очень люблю, а ты отвечаешь взаимно. Когда же любят взаимно и уверены друг в друге, сомнения не появляются. Помнишь однажды писала, что если девчѐнка любит она старается удержать парня и идёт на всё. Не удержать, если он не любит! Хочу привести из письма одной девушки в статье “Поэзия юной жизни” в газете “Комсомольская правда”. Её оскорбил и обманул молодой человек, да ещё заявил, что он оказал ей честь: она должна гордиться тем, что он обратил на неё внимание. Если он захочет, за ним побегут десятки других девушек. Может быть, потому и создаётся у некоторых молодых людей цинично-небрежное отношение к девушкам, что порой сами девушки не дорожат своим достоинством, своим девичьим добром, своей гордостью и честью. А так важно воспитывать это достоинство и гордость! Пусть юноша дорожит дружбой с девушкой, пусть он сам тоже оберегает её доброе имя. Как это нужно сейчас, когда на знамени нашем сияет слово — счастье! Всемогуща и обаятельна его сила. Мне просто жалко таких людей, которые утратили прекрасное чувство — любовь. Особенно, когда человек не испытал тех чудных мгновений, когда всем своим телом впервые ощущает чарующую прелесть жизни. Вчера вечером я смотрел два фильма подряд. Это “Иванна” и “Обманутые”. Знаешь ведь монахини не могут смотреть на молодых людей, тем более любить. Но вот случилось, что молодая монахиня полюбила учителя и он её тоже. Старые же стали следить и позднее заперли в часовне. Всё-таки одна из них уговаривает её бежать. Она сама раньше любила и имела сына, но война унесла, оторвала от неё счастье. Вспоминая прошлое она говорит: “Как хочется бежать на свидание, задышаться в него объятиях, прижаться к нему груди, пьянеть от счастья”. Любовь украшает жизнь, делает её светлой, счастливой, радостной.

Счастье. Это слово звучит громко, а ещё больше оно выражает. Нужно найти его и оберегать. Не стоит делать поспешных выводов, обманывать себя и других не узнавши человека открывать свою душу, сорить чувствами, мять и топтать любовь. Любовь — это букет красных роз в ярких солнечных лучах. Она не должна увядать никогда. Мне бы хотелось, чтоб ей обладали всех. Правда, Лилик? Уверен, поддержишь. Родная, ты пишешь много откровенностей, тёплых и нежных слов, т.е что есть на самом деле в твоём сердце. Спасибо. Но всё-таки небольшие опасения есть. Напрасно. Пойми дорогая одно, Барколька страстно и горячо любит тебя, Лиличек. Надеется как на самого себя, а мысли летят лишь к одной Почему же не можешь так долго понять очень простой истины. Я не способен обмануть тебя и кому-либо отдать. Нет и ещё раз нет. Остальное зависит от самой. Терпение есть, сила воли есть, любовь тоже, а значит и дождаться

можно. Четыре года не так-то велики. Уже пошёл четвертый месяц. Да может попаду на три года. Ещё не известно, но на учёбу приеду раньше всёравно. Время летит очень быстро. Очень, Лилик! Слышишь меня? Любимая, а знаешь чтобы было еслиб вдруг услышал, Лилёночек вышла замуж. Как бы тяжело переносил, совсем почувствовал бы одиночество, грусть и всё задуманное хорошее перечеркнулось. Начинай с начала, строй заново. Это не может случиться! Я не держу в мыслях. Лилечик только мой и ничей больше. Вместе мы будем всю жизнь. Надеюсь! Говоришь дома обижаются за редкие письма. Ну чтож будет время, стану писать чаще. А на ваше с Танюшкой письмо ответил давно. Они могут писать каждый день по десятку, а мне бывает и одного часто не написать. Передай, пусть не обижаются. Живу по старому. Всё хорошо. Деньги получил и уже постарался издержать. На умелые руки не долго.

Родная, говоришь не показали тебе письмо в котором не было приветов. Да, действительно не написал из таких соображений. Время у тебя горячее, дома почти не бываешь, а в Спасс я пишу и передал лично сам. Не обижайся, пожалуйста, ладно? Разреши, Лилик я тебя всю всю расцелую. Вижу уже не сердисься. Вот и хорошо. Пусть будет видеть Барколька на твоём милом лице улыбку, чем представлять злюшку. Хорошо? Пусть всегда будет счастье, пусть всегда будешь ты.

Милая моя, говоришь Санька пишет скучные письма. Согласен. Только бы отделаться. Получил недавно от него, но всё ещё не ответил и не хочется. Скучно, очень скучно. Пишу тебе письмо, а такая стоит сегодня замечательная погода и поэтому делается ещё радостней на душе. Светит яркое весеннее солнце. Небо чистое, чистое и цвета светло-голубого. Таит. На дорогах лужи, но вечером ещё подстывает и довольно крепко. Снегу осталось немного. Скоро стаит. Вот когда-то будем ходить на море и ходить на шлюпках. Здесь таится сила и здоровье. В увольнение не ходил, да и не хочется больше. Нечего делать, поверь мне. На этом закругляюсь. Пока до свидания. Крепко целую твой Барколька.

Привет всем родным и Капе.

Ещё раз целую, но уже всю. Жду с нетерпением.

Лиля Коле, 03.04.1963 г.

3/IV — 63 г.

Привет из Вологды!

Коля, здравствуй! В данное время нахожусь дома, только что проясвила новогоднюю плёнку, отпечатывать буду позднее, что-нибудь вышлю, если получится.

В фотографии фото ещё не получила.

Ходила сегодня в кино “Любовь в Симле” — индийское, очень занимательный фильм в II^x сериях. Колюнчик, письмо твоё получила, где ты затронул некоторые вопросы, на которые сейчас, выскажу свои мнения. Вот пишешь, что если больше ценишь, уважаешь девчонку, она смотрит на это иначе, выражает своё непостоянство, да, существует такая пословица, что “чем кота ты больше гладишь, тем он выше держит хвост”. Я знаю ты в какой-то степени может и меня имел в виду, но думаю в данный момент это ко мне не относится.

Моё личное мнение такое: по моему мы уже достаточно взрослые люди, чтобы расценивать те или иные поступки друг друга по серьёзному. Взаимность и уважение — основа основ хорошей дружбы, и в дальнейшем совместной жизни.

И потом ты пишешь, что приводит к плохим последствиям, если девчонка с кем-то другим, но продолжает писать всё такие же нежные письма, да, так бывает, дело в том, что либо ей жалко сразу обидеть бывшего друга, либо она находится в сомнительном положении, т.е. с кем остаться, но я лично презираю такое непостоянство, разве она любила, если через какой-то промежуток времени своего любимого променяла на другого. Ведь когда люди по настоящему любят, верят и ждут по моему в последствии это оценивается сполна, а когда они мечутся от одного (одной) к другому растрачивая любовь по мелочам, то хорошей любви и жизни я думаю быть не может, не говоря уже о счастье, и возникает потребность в совместной жизни, но не любовь. Коля — это мои личные соображения, и я хочу верить и ждать, кое кто мои убеждения считает временными, мол всё равно не дождёшься, но в конце концов как они понимают любовь, разве любовь терпит обман, непостоянство, какую-то выгоду, но мне ответят — так поступают многие проводила парня в армию, а через год — вышла замуж, да, и это не удивительно, но разве мало таких, которые действительно ждут, а если ждут, значит любят.

Вот я, например, восхищена поступком Марии Волконской, она, когда сослали её мужа в Сибирь, поехала за ним, а ведь она была аристократка, у неё было много поклонников, даже Пушкин писал в стихах о любви к ней и вот, лишившись благополучия, связей и всего

состояния, она едет в Сибирь, она действительно любила, недаром Некрасов пишет о ней в поэме “Русские женщины, о женах-декабристах в своём дневнике писал Достоевский, я думаю в наше время подобных Марии Волконской нашлось бы не много. Вот, пожалуй и все мои суждения о любви и дружбе на расстоянии.

Коля я недавно узнала, что девчонок берут в морфлот, думаю меня не возьмут, ведь берут сильных, ловких, смелых, крепких, а я не всеми качествами обладаю, жаль конечно, например боюсь пауков до ужаса, какой же тут моряк из меня.

Дома живут хорошо, школьники уже учатся после каникул, все здоровы. Большой привет от всех, желают отличных успехов во всём.

До свидания.

Крепко целую и обнимаю тебя Лиля.

Коля Лиле, 08.04.1963 г.

8.4.63. г

г. Лиепая

Лиличик милая, здравствуй! Сейчас выполняю обязанности кочегара. Ритмично гудят моторы, стрелки манометров застыли на нужных атмосферах, а Барколька пишет тебе письмо. В клубе уже наверное заканчивается кинофильм. Ох, да, сегодня понедельник и любимая может быть находиться в кругу своей семьи. Конечно, хорошо собраться всем вместе, поговорить, подвести итоги прошедшего дня, послушать радио, пластинки. Вот мне ещё порядочно не доведётся такого счастья

Лилик, я собираюсь, как можно скорее, попасть домой, а у тебя, наоборот, появляется желание служить в ВМФ. Признаюсь, прочитал и рассмеялся. Представь себе, что совсем не обязательно быть: ловким, смелым, здоровым и мужественным. Нет. На корабль так и так не попасть, а на берегу сойдёт. Посмотрел бы на тебя в морской форме. Пошла бы к тебе. И вот Шичёночек военнотруженица-сверхсрочник. Отдаёт честь, шагает строевым шагом, но поверь быстробнаедело. Всё-таки не гражданка. Откровенно говоря не предпочитаю тех девиц, которые идут в армию. Думаю хорошая девчонка не пойдёт, ей и дома довольно неплохо. По некоторым предположениям идут те, которым нечего терять и пройденный этап. Если не прошла, то пройдёт здесь. Вот этим я хочу ответить на твои не обдуманные слова. Это равносильно тому, как я собирался на Кубу. То моё решение было неосмысленное. Хорошо. Про армию говорить и собираться больше не будем. Если хочется поносить формы, то приеду в отпуск

удовлетворю желание. Да? Лиличек, я ещё раз хочу продолжить дискуссию о непостоянстве. Ты утверждаешь, что если девчёнка дружит уже с другим, а первому пишет любезные письма, но не хочет обидеть бывшего друга. Мне кажется, лучше сразу сказать нет, чем это сделать позднее. Парень надеется, что всё идет нормально, любимая ждёт. Но через какой-то промежуток времени получает: “Извини. Выхожу взамуж.” Вот это да. Провела вокруг пальца и крепко шуронула по мозгам. В большинстве случаев парень догадывается о её проделках заранее, но ждёт дальнейшего развития дела. Иногда, просто скажет, дорогая, давай не будем больше играть в прятки. Такой случай уже произошёл у моего друга. Он нарисовал ей красивое письмо и отправил. Через некоторое время приходит ответ. Чисто-сердечно призналась и просит прощения. Говорит в дальнейшем такого не повторится. Сейчас дела у них, кажется, налаживаются. Лилик, милая моя, я не хочу больше говорить о таких вещах. Мы верны друг другу и будем верны до конца. На нашем пути не сможет встать никто. Ведь взаимно любим друг друга а то что ты дождёшься будет оценено высоко. Я с тобой и только найду счастье в жизни, а быть счастливым совсем неплохо. Вот эта моя ближайшая цель, к которой я так стремлюсь. Поверь, тебе не придётся слышать такие слова: “Между нами всё кончено.” Выше изложенные слова сказаны от чистого сердца. Заканчивается моя вахта и закругляется тебе письмо. Высылаю фотку, смотри. Любимая, дела на моём фронте идут отлично. Завтра нужно идти фотографироваться, т.к мою физиономию помещают на доску почёта. Совсем неплохо. В эту субботу нужно сдать экзамен. Конечно сдам. Лилёчек поможет, да?

Вообщем всё в норме. Сегодня получил твоё письмо. Сердечно рад, но отвечу вероятно завтра т.к сегодня нужно писать Капе. До свидания, милая. Крепко целуем оба с Андреем. Пиши ответ ждём с нетерпением

Лиля Коле, 16.04.1963 г.

16/IV — 63 г.

Добрый день!

Милый Колюнчик, здравствуй! Очень благодарю тебя за милые, нежные письма. Их уже четыре, а я только отвечаю, но всё некогда было с этой паской. В воскресенье ходили с Капой домой, а дома знаешь ведь как хорошо, пришли родные, Володя, Надя, Римма да нас много всех собралось, было очень хорошо, спели, позаводили пластиночек, но только мне не хватало Баркольки, а знаешь, как

не хотелось идти обратно, ещё бы ничего, если б в двоём, а тут одной, правда, опять шли с Капой, преодолевая вдвоём все преграды, разлившиеся ручьи.

А когда пришли домой, то первым делом я произнесла: “Куда я попала!”. В комнате полный кардибалет. Веня справлял свой день рождения и, конечно, попиروвали на славу, на диване дрыхнет Юрка Смирнов, Юрашка лежит на нашей кровати, один Веня ходит, дым коромыслом, на столе чего только нету, на полу с вершок грязи натаскано, вобщем полный кошмар, а ведь пошли в город, то всё прибрали и вымыли. ну сразу уже не стали прибираться, было некогда, оставили до понедельника. А потом Веня мне подал твоё письмо с фотокарточкой и сразу же забыла обо всём и всех, со мной был только мой милый Колюнчик и больше никого я так была счастлива видеть тебя в форме, сразу же захотелось побыть с тобой, шагать вместе и танцевать в клубе и взоры присутствующих были бы прикованы к нам, а мы счастливые, незамечая никого, танцевали бы под любимую пластинку и вполголоса исполняли песенку “Люблю тебя” Вот так в моих мыслях какое-то время мы были вместе, а когда я снова взглянула на фото, то увидела всё ту же тройку подтянутых морячков. Вот гляжу на тебя и вижу, а ведь и правда Барколишник поправился с кашки, особенно заметно на фотокарточке, которую послал домой, я искренне приветствую твою поправку недаром мама говорила как-то, что ты попал на курорт в Сочи, зная, как трудно иногда приходилось здесь, вот увидит и тоже будет рада. И так, как я уже писала, в понедельник мы пошли в Кудрино.

У вас были все в сборе, быстро накрыли стол всякими явствами и мы, как самые желанные гости, были приглашены к столу. Угощались, выпивали и пили чай с клубничным вареньем, совсем неплохо, правда?

Опять шутили и смеялись над выражениями т. Лиды, говорили и о тебе, о том как быстро мог встать с постели, одется и т. Лида не успев ещё и повернуться, а она, кажется, единственный человек, который поворачивается быстро, ты уже брякал мутовками по крыльцу, ну разве не смешное выражение, да много других слов и выражений, которые мы могли только слушать, а запоминать и некогда было, потом пошли к А. М., опять угощения и смотрели концерт, правда, не большой, но что мне понравилось — это исполнение песни “И опять во дворе”, “Рушник” “Оренбургский пуховый платок” и “Матросский танец”, я бы хотела видеть моего Баркольку, так же лихо отстукивающего каблу ботиночками, у нас дома есть пластинка “Яблочко” и ты должен научиться плясать, ведь это не так трудно, научишься? Да, я немножко отвлеклась, ты может не поверишь, но это правда, мы ночевали в Кудрине, конечно, не по собственному жела-

нию, у меня, напр., спрятали пальто и я уже не могла уйти, пришлось остаться, а жених всё-равно не приснился невесте на на новом месте. Вот видишь, как мы хорошо погуляли, а утречком пошли на работу

Барколька я просто тебя расцелую получила сегодня два твоих письма, одно из которых меня очень обрадовало, вдоволь посмеялась, напр., над тем, где ты пишешь об Андрюшке и Маринке, вот ты хочешь чтоб был первым Андрюшка, а я Маринка, ну разве нельзя заказать сразу двоих, чтобы удовлетворить и твоё и моё желание, я знаю, что может это и глупо, но это единственный выход из положения, когда супруги расходятся в желаниях, а именно, кого иметь! Барколька, ты согласен со мной?

Например, у Капы с Саней близнецы, ничего не поделаешь по наследству. Капа воспитывает Маринку, а Саня Андрюшку, ну у менято по всей вероятности не могут быть близнецы не у моих и как я знаю не у твоих родителей, их не было.

Ты пишешь, что Андрейка всё такой же весёлый и шустрый, разве он никогда не грустит по маме? А вот мне без него скучно, очень скучно, если б был он со мной, я бы стала сравнивать все его черты, движения, выражения с твоими и даже характер, мне бы не пришлось тогда грустить, видя в нём папашу

У меня тоже сегодня без костей язык, пишу всякие глупости, даже как-то не вяжется появление Андрюшки с действительностью, не соответствует срок его появления, а впрочем, это не имеет значения, дело в том, что нам так легко его воспитывать, тем более мне, не требует лишних забот и хлопот, они полностью перешли на папашу, а если б действительно был у меня Андрейка, ох и трудно же было бы, хотя ты можешь сказать, помогли бы родители, нет, я бы не дала т. Лиде его воспитывать или помогать в воспитании, надеюсь ты догадался почему? Просто под влиянием нервных людей дети тоже бывают нервные.

Я например, всё время удивляюсь, как ты мог заслужить любовь со стороны т. Лиды, думаю надо быть идеальному человеку, чтобы спокойно переносить все скандалы, ссоры неприятности и находить подход к её характеру, я бы не смогла так, я знаю тебе было очень трудно видеть всё дурное и всё-таки набраться мужества перенести и заслужить только уважение, ты очень хороший Коля, как бы хотелось поговорить сейчас с тобой, но ведь в письме обо всём не переговоришь.

И вот прочитала второе письмо и очень расстроилась, я не могу представить как бы это два года я не получила никаких известий о любимом и самом дорогом мне человеке, это невозможно, ты просто решил меня испытать, да? Но ты пишешь, что так может случится. Хочешь, я на-

пишу сейчас. Недавно по радио слушала передачу “Двенадцать лет спустя” Двое встретились ещё до войны и кажется полюбили друг друга, но их разлучает война и вот они снова вместе как они были счастливы, но снова разлука и на этот раз очень долгая, но они, веря в их светлую любовь, били и убивали гадов и эту любовь пронесли через всю войну.

Это бы было чудесно, если б получилось так, но случайность заставляла друг друга мучиться и переживать, оба они получили известия о гибели друг друга, но продолжали любить и верить, а вдруг? И вот в 1956 г. он увидел снимок в журнале с Оли Это была она, он, правда, был знаком с другой, но увидев снимок, сказал ей, чтоб она ушла, так будет лучше. И он находит, только не Олю, а город, где она жила и каково было его состояние, когда ему сообщили что Оля погибла в результате случайного взрыва два месяца назад. Она тоже всё время любила его и носила с собой его фотографию, я слушала затаив дыхание, насколько была заворожена этим рассказом. Мысленно представила вместо Оли себя, а вместо его Баркольку и мне точно так же хотелось любить и беречь эту любовь и когда уже легла спать я до тонкости мысленно представила этот рассказ, превратив в действительность, о кристальной чистоте чувств этих двух людей и я твёрдо решила, что я бы пронесла свою любовь точно так же как эта Оля. Так вот слушай, я готова ждать и любить сколько угодно, но только знать что тебя также любят и не посмеют сделать, как говорится, подлости. Трудно, очень трудно но ведь перед тем как расстаться надолго, мы ещё должны встретиться, да? Впрочем я, кажется, всё сказала, делай так как тебе лучше и видней, только пожалуйста береги себя я очень хочу. Вот так мой милый Барколька, а всё-таки я очень переживаю, знай что я люблю тебя и также сильно жду нашей встречи.

Коля, разве ты не узнал с нами вместе Капу? вот здорово! Правда, можно бы не узнать и нас из-за неясности снимка, такой уж я фотограф, но как раз тогда был сильный ветер и шол снег, летом снимки лучше будут. А тебе еще не надоело получать мои фотки? Наверно никто из ребят не получил столько фотокарточек, сколько ты, да? может и в альбом скоро не поместятся.

Колюнчик, знаешь что, пожалуйста не сердись на моё глупое ехидство насчёт губ. Ты же прекрасно знал как я красила, хотя и стоит помада, но я не считаю нужным красить свои и так ещё красненькие губки, а на фотокарточке просто захотелось чтоб они вышли поярче. вот и все. Ну не сердись же больше? Коля, ты наверно устанешь читать мою петицию, я не виновата, что накопилось столько новостей и мыслей, слагающих эти новости в одно целое большущее письмо.

И так мне пора кончать, да чуть не упустила, это что, закрепляешь свои знания, выполняя обязанности кочегара, да? Во-первых, мне показалось странным, когда люди работают им некогда писать, тем более кочегаром, что даже листочки чистенькие. И от всей души поздравляю с блестящими успехами, молодец!

Очень крепко поцелую и обойму.

Большой привет от папы, мамы и всей нашей семьи, а также твоих родных

Капа скоро допишет тебе письмо жди.

И так до свидания.

Привет Андрейке и твоим близким друзьям

Крепко целую и обнимаю тебя

Морячка.

Муська принесла котёнка, не знаю что из него будет.

Лилия Коле, 02.09.1963 г.

2.9.63 г.

Здравствуй Коля!

Получила твоё письмо и спешу сразу же ответить. Ну почему же ты не получаешь моих писем? Барколька я, конечно, пишу не каждый день, а когда есть возможность и почему ты думаешь, что я уже свыклась к такому положению. Знаю, что не придёшь и не приласкаешь, не успокоишь в трудную минуту, но ведь эта причина не от нас зависит и следовательно приходится мириться с таким положением. Но мы можем писать друг другу всё и обо всём, что касается наших личных отношений и другие вопросы. Барколик я никак не пойму, как же вы плаваете на корабле, какой продолжительности бывают походы? Я спрашиваю это потому, что чуть не каждый день получаю твои письма.

А почему ты не хочешь идти в увольнение? Барколька ты хочешь услышать моё мнение о ревности. Понимаешь мне что-то не понравился этот диспут. Можно я спрошу тебя, ты обладаешь чувством ревности? По моему нет, так что моё мнение по этому поводу не придаст тебе ревности Я вполне согласна с тем что у тебя написано, действительно ревность должна толкать человека на хорошие поступки, но только не всегда так бывает. Если люди любят друг друга, то по моему ревность неизбежно всё равно как-то получается сама, хотя вида на это не показываешь. А если один любит, а другой мечется из стороны в сторону, то он просто не заслуживает ревности первого. Барколька, а что касается меня, то я почему-то не ревную тебя ни к какой

девчонке, потому что знаю ты мой и ни чейный. Понимаешь, просто не хочется говорить об этом, разве тебе нужна ревность?

Вобщем Барколик я не знаю может ревность зависит от темперамента людей. Вот я возьму своих родителей по моему у них никогда не было повода для ревности, потому что им никого больше не нужно было кроме друг друга. А это хорошо, когда ревнуют? Или ревнуют значит любят — я это слышала Барколька, а если ты необладаешь этим свойством, значит не любишь, выходит так? Тебе наверно интересно знать почему я так решила? Да хотябы из таких выражений как: “Я или он” Не знаю почему ты подумал, что это тогда помогло или вообще такая гордость помогает, наоборот, в противном случае принесёт вред, если так хочет она. И по моему гордость тут совершенно не при чём. Барколик наверно хватит об этом. Знаешь у меня сейчас настроение не хорошее и я могу что угодно написать. Так что лучше закончить

Барколька ну почему мне так трудно на работе и вообще здесь в Спасе Вот видишь, что все нет не все, а отдельные личности стараются всё как-то для себя, лишь бы им было лучше, изо всего извлеч пользу для себя, а не для других, ну разве можно здесь говорить о красоте души человеческой, вобщем Барколик ты ничего не понимаешь из моих слов.

Вобщем я кажется совершенно немогу или жить или работать на этой работе или вообще я не приспособлена к жизни. Одни неприятности, душевные переживания только потому что я не могу быть такой как другие Ну в школе всё хорошо, сегодня были уроки в 7^х классах, в 7^а очень хорошо прошол урок разучивали песню “Куба — любовь моя”, а в 7^б пришлось выгнать Кузю. В клубе готовим вечер, Лит монтаж пионерств.

О концерте ничего не вышло, приехать не могут, конечно, плохо, но ничего не поделаешь. Погода ужасно испортилась Моросит мелкий дождь.

Детишки живут хорошо. Правда сейчас стало плохо с белым хлебом, пекут белый чуть чуть побелее чёрного, да и этого мало, не знаю как папа будет без белого, ведь у него больной желудок. Ни сухарей ни пирожков, одни пряники и печенье, для нас, конечно, ничего страшного, можно и чёрный с маслом кушать. Вот у меня все новости.

От Андрейки и Маринки большой привет Маринка всю улыбаётся и наверно скоро скажет что-то вроде папы или мамы. На этом закончу.

До свидания. Крепко все целуем и обнимаем твои Лилик, М. и А. Барколик, думаю, что всё будет хорошо это я насчёт места в жизни.

Иногда так тяжело бывает, а делюсь я только с мамой, она, конечно, все понимает ну если я такая непутёвая родилась или я ещё

не привыкла к самостоятельной жизни или вообще я буду всегда такая Барколька не понимаю, что ты нашол во мне хорошего, ты будешь несчастен со мной, это пока моё личное мнение, но может потом я услышу и от кого-либо другого. Нет, не подумай пожалуйста, что этим на что-то намекаю просто мне трудно страшно даже самой такое о себе думать, но в данном положении я имею право себя осуждать. Может у меня не хватает силы воли и я ищу чьей-то поддержки, но ведь ты обладаешь и своим умо[м].

Ещё раз до свидания.

Коля Лиле, 04.09.1963 г.

4.9.63 г

Привет из Вологды!

Здравствуй милая Лиличек!

Сегодня снова стану проезжать через наш город, но вы не будете и знать, т.к я не дал телеграммы. Почему? У нашего старшего спрашивал, где поедем. Он ответил, что через Мурманск. Вот так и вышло. Сам же предполагал поездку через Вологду и не ошибся. Проеду наверное в 13⁰⁰ дня. Сойду на перрон, отправлю письма и мысленно представляю, что и любимая Лиличек находится рядом. Да, былоб отлично, если б ты пришла действительно. Хочется побыть вместе эти несколько минут, которые стоит поезд, но видимо не придётся.

Лиличек, вчера мы снова ходили на фильм “Неприкасаемая”. Вторая серия ещё лучше и нам очень понравилась. Многие женщины выходили с заплаканными глазами, т к фильм очень трогательный, правдивый. Даже у нас и до сих пор можно делать из него поучительные выводы многим родителям, у которых имеются неродные дети. Чем они виноваты, что лишились отца или матери? Разве можно к своему ребёнку относиться на много лучше, делать ему всевозможные поблажки. Нет и нет! Нужно воспитывать так, чтоб не чувствовалось никакой разницы. Не отравлять детский организм разными упрёками и колкостями, которые, как ржавчина, разъедают душу и впоследствии оставляют глубокий след. Ты наверное сразу спросишь, почему я об этом пишу. Да потому, что картина на меня оказала огромное влияние, заставила оглянуться назад Я не могу быть равнодушным, а поэтому поделился с тобой, моя родная. Ведь Барколька от любимой не имеет никаких тайн. А где же ты сегодня? Наверное, у Спасса, занята своей работой. Ну, Лилюнчик, улыбнись оттуда, пожелай счастливого пути своему страннику, который исколесил почти всю страну. Ничего не поделаешь, надо.

Ехать хорошо. Людей мало. Вот за месяц наездил тысяч 25. Много, да? А сколько ещё наплаваю.

На этом разреши закончить. До свидания. Передавай привет всем родным и Капе.

Пиши ответ по такому адресу: г. Северодвинск
в/ч 51288.

Никандров

Крепко целую и обнимаю твой Барколька.

Коля Лиле, 29.09.1963 г.

29.09.63 г.

г. Северодвинск.

Милая Лиличек, здравствуй!

Вот уже два дня не получаю твоих писем, а я жду с нетерпением ежедневно. Знаю, что ты сильно занята и писать каждый день не можешь, как это было в первые месяцы нашей разлуки. Ведь тогда приходилось трудно переносить одиночество, т.к. мы почти каждый день были вместе, а тут прекрасно знаешь, что я не приду очень долго. В данное время чуточку смирились с этим, но всё-таки в душе чего-то нехватает. На твоей работе нельзя грустить, а требуется быть весёлой, хотя иногда для этого нет никаких оснований. Правда? Прошла уже суббота и кончается воскресенье. Как всегда демонстрировали фильмы, а затем начинались танцы. В клуб собирается много молодёжи. Наверное, заглядывают и [неразб.]. Да, мне нравилось у Спасса. Может быть потому, что я полюбил тебя и желал быть всегда вместе. Когда же снова стану регулярно посещать этот сельский уголок культуры. Или к тому времени ты перейдешь на другую работу. Всё-равно, где бы ты не была, я всегда найду. Лиличек, как же живёт мой Андрейка? Как его встретила Маринка и хочет ли возвращаться назад? Мне думается, здесь ему куда лучше, чем жить под такой заботой и лаской мамы и сестры. Он отвык от нежностей. Ему по душе техника и море. Ничего. Мы с ним скоро вместе продолжим службу. Да да!

Лиличек, мы с тобой давно ничего не обсуждали. Так давай продолжим начатое сегодня. Когда люди любят друг друга, может ли быть ревность. Вообще-то этот вопрос можно рассматривать дважды и каждый раз доказать его правоту. Во-первых, если действительно верить друг другу и любить, то ревности быть не должно. Во-вторых; если любишь, то ты должны всячески её сохранять. Вот мне довелось прочитать такие строки. «Ревность — это такое же огромное чувство, что оно не может... не должно унижать человека. Оно

так же, как любовь... должно толкать человека на хорошее, чтобы он мог стать лучше, умнее, красивее, чем тот на кого его меняют.» Ревность — это «соль любви, но никогда её не нужно пересаливать, ибо в противном случае становится горька. С последними словами я согласен. Излишняя ревность приводит к печальным последствиям. Всётаки, мне кажется что былоб лучше, еслиб её не было совсем. Ведь что только не делается из-за этого чувства, иногда совсем нелепого. Любить, попросту высказывать свои мнения по данному вопросу. Хорошо? Теперь пару слова о себе. Жизнь и служба идёт нормально. В город ещё не ходил, да и не хочется. Вообщето проезжал. Кое-какие впечатления остались. Город ещё молодой и в данное время продолжает строиться. Дома, в основном, многоэтажные

Вот на этом закончу. До свидания

Крепко целую твой Барколька. Пиши ответ и передавай всем родным и Капе привет

Коля Лиле, 07.10.1963 г.

7.10.63 г.

г. Северодвинск.

Милая Лилюнчик, здравствуй. Спешу сообщить, что письмо твоё получил. Очень рад и благодарен. Разреши крепко крепко расцеловать. Говоришь, что пишешь в плохом расположении духа, но на изложении мыслей это не отражается. Я согласен с ответами, на поставленные мною вопросы, а вот разочаровываться жизнью не стоит. Как бы хотелось сейчас поговорить по душам. Ведь в письме всего изложить нельзя, а особенно трудно в том, что не имею логики и мастерства слова. Может быть, если б был Барколька на гражданке то таких вопросов мы и не затрагивали Лиличек, анализируя ревность, ты приводишь мои слова, которые произнёс в начале мая, когда приставал Вадька. Что мне оставалось тогда делать? Продолжать писать в том же духе и не приложить усилий для сохранения и упрочения нашей любви. Нет! Ведь человек может ошибаться, а самое главное его поправить, дать продумать суть дела. Знаешь, Лиличек, я не ревную тебя ни к кому из ребят, т к верю и надеюсь, что дождёшься. Ведь мы любим друг друга. Любим по настоящему Ещё Белинский писал — что человек не зверь и не ангел, он должен любить не животным и не платонически, а человечески. Человечески! Совершенно верно и истинная любовь — целомудрённое чувство, оно несёт в себе гуманные облагораживающие начала и не терпит бестактности, грубости... Ведь что бы в дальнейшем построить счастливую крепкую семью, нужно сейчас об том заботиться. Как?

Да очень просто. В дружбе ты познаёшь человека. Отчётливо представляешь все его качества Сопоставишь со своими и можно сделать соответствующие выводы. Но торопиться с этим нельзя ибо в последствии может принести большие неприятности себе и детям. Даже при общности мировоззрения и жизненных целей в семье не может быть полного счастья, если у супругов не воспитаны такие черты характера, как доброта, чуткость, тактичность, самообладание, самодисциплина и многие другие качества не позволяющие человеку захламлять душу житейскими мелочами и топить в них главное что соединило людей. Ещё многие люди не дорожат словом “невеста” Невеста – олицетворение чистоты, скромности, девичьей застенчивости, душевной окрылённости, светлой мечты Каким обаянием веет от этого слова И я думаю, не растеряла ли какая-то часть нашей молодёжи вот это светлое, полное глубокого внутреннего смысла представление о невесте. И не является ли это одной из причин неудачных браков. Кажется, я далеко зашёл. Ведь нужно ещё осветить другие вопросы, а особенно плохого настроения. Лиличек, мне очень просто понять твоё состояние, т.к прекрасно всё знаю ещё с прошлого года. Понимаешь, дорогая, вот оно и плохо, что каждый старается о себе о своём благополучии и шкуре. Где же тут моральный кодекс, которым должен руководствоваться каждый человек. Но этого ещё ненаблюдается. Милая, ты говоришь совершенно неприспособлена к жизни или работе. Ошибаешься и очень сильно. Такие мысли приходят иногда, когда имеешь неприятность Кажется вообще не знаю что, но когда подумаешь получше, а особенно кто-либо согреет ласковым словом. Это проходит и ты снова приобретаешь состоятельность а также прилив новых сил и чувств. Печально, что не могу продолжить дальше т к времени 23¹⁵ В следующий раз. А пока спокойной ночи. Ну спи, моя Лилёночек и ничего не бойся. Барколька море стережот. До свидания. Крепко целую твой Колька Привет Капе и всем родным.

Коля Лиле, 17.10.1963 г.

17.10.63 г.

Милая моя Лиличек, здравствуй!

Вчера получил твоё письмо, которому очень и очень рад. Ведь их давненько уже не было. Конечно, мне ясна причина задержки а по-этому ничего не оставалось, как ждать. Я прекрасно знал что оно скоро будет. Наконец, получил. Если б ты знала, какое чудесное настроение, какую душевную сладость доставляет каждое из них.

И кажется, как будто ты поговорил со своей любимой на самом деле, а не прочитал слова на листке бумаги. Правда, это почти одно и то же, но всё-таки лучше говорить устно и находиться рядом друг с другом. Лиличек, я чувствую мои слова на тебя тоже оказывают приятное воздействие. Это ещё раз подтверждает, что мы любим друг друга и верим в торжество мечты. У нас общие взгляды на жизнь, общая цель, а значит и общая дорога, которой мы пойдём её достигая. Везде и всюду будем чувствовать локоть друг друга, оказывать поддержку. Теоретически мы уже знаем, какими качествами должны обладать супруги, чтобы построить крепкую, счастливую семью. Их не так-то и много, но очень нужны. Я думаю у нас они есть. Правда? Лилик, тебе понравились мои рассуждения, которыми даже поделилась с мамашей. Ну, что же, я не возражаю, а руководствуюсь при изложении мыслей своей головой и кое-что нужное беру из других источников. Данное суждение было написано после анализа статьи в “Комсомольской правде” “Трудное счастье”, где как раз затрагивался этот вопрос. Слово счастье сейчас волнует широкие массы. Им желают называть себя многие, но не у всех получается. Вот почему часто редакции приходится отвечать на письма молодёжи через газету. В нашей стране не может и не должно быть несчастливых семей. Для этого есть все возможности.

Любимая, значит наши малыши чувствуют отлично. Хорошо! Надеюсь в конце октября Андрейка возвратиться назад. Теперь мы с ним будем жить и работать двое. Я думаю ему игрушки надоели а здесь их будет делать сам. Ты скоро в этом убедишься. Лилик, недавно я получил письмо от Сани. Говорит, скоро переедет на старое место и будет от меня недалеко. По дороге думает заехать в Вологду, т. ч. наверно увидите и его, а то всё меня да меня. Конечно, Барколька не отказался бы сколько угодно раз посетить свою милую, но теперь нужно ждать до отпуска. Там-то мы погуляем. Лиличек, вот ты говоришь, что Капа ведут с Саней дискуссии и одновременно встречается с Юркой. Я никак не могу представить одного. Как это можно работать на два фронта. Одному говорить да и второму тоже. Неужели за такой долгий промежуток времени нельзя было сделать решающего вывода... Ведь можно, правда? А что же думает Юрка. Неужели у него нет самолюбия Разве нельзя вопрос поставить ребром Мне кажется, нужно. Тут нельзя прикрываться любовью. Вероятно задашь вопрос. С Юркой она дружила долго. Теперь жалко его оставить в стороне. Затем между ними встал Саня, который парень что надо, но за последнее время спортил карактер. Его полюбила. По моему, если ты любишь человека, если веришь в него, то не может быть и речи о другой любви. Ладно, пусть как хотят. В заключении хочу

пару слов сказать о себе. Служба идёт отлично. Работы по самое горло. Сейчас ещё записали в общекорабельный кружок, который дает большие возможности на будущее. Уже от сюда можно запросто попасть в институт. Короче говоря твой Барколька начал быстро подниматься в верх. Пока доволен успехами.

Лиличек, говоришь Антонида Павловна передавала привет. Ну, что же, передай и ей. Когда-то был её учеником три года

Пока до свидания. Передавай привет родным и Капе. Крепко вас целую Коля. Пиши, жду с нетерпением.

Коля Лиле, 08.11.1963 г.

[Надпись на конверте. — Прим. Т.К.]

Ничего на свете мне
не страшно
Я пройду разлуку
через годы
Отгоню печаль и скуку
Ты своими письмами
развеешь лишнюю
Тревогу и ненастье

Как хорошо что мы
с тобою понимаем
друг друга сразу
Ничего нам таить не
нужно надо

8.11.63г

г. Северодвинск.

Любимая моя Лиличек, здравствуй!

Я пишу письмо. И хочу одно что бы поскорей оно дошло. Ждёт его всегда также, как меня. Милая, желанная моя. Да? Разгони у ней грусть, печаль скорей. Расскажи о буднях моряков. Часто ведь бывает море разделяет их от берегов своей водой. Но бывает тоже. Шторм встаёт на море. И швыряет крепко корабли. Если ты захочешь, ветер не упростишь. Лучше покорить его собой! Где бы ты не плавал, что бы ты не делал, а всегда влечёт тебя домой, к самой дорогой. Да, да! После некоторого перерыва я вновь записал лирическое вступление. Его нужно правильно читать, а именно делать ударения на последнем слоге рифмы

Милая Лиличек, Барколька давно не писал тебе писем, а поэтому сейчас постараюсь ответить на старые. Хорошо? Начну с первого. Лиличек, ты была не согласна на счёт лучшего разрешения семейного вопроса после Армии. Поясняю. Действительно, за годы разлуки почувствуем необходимость друг в друге, ещё сильнее будем любить друг друга, станем всегда вместе. Мы уже сейчас мечтаем и думаем о наших будущих детях, о их воспитании. Так неужели наши дискуссии ничего полезного, поучительного не дадут? Неужели эти слова обратятся в пустую болтовню? Думаю, нет. Совершенно согласен с тобой что всего предусмотреть нельзя

Конечно, станут иметь место свои специфические особенности воспитания и вообще жизни. Но главное-то должно быть старое — наши современные черты и планы.

По моему не говорил, что ты в чём-то торопишь меня. Совсем нет, да в данное время и торопиться бессмысленно. Ведь служба остаётся службой. Нам нужно торопить оставшиеся три года. Согласна? Далее спрашиваешь, что почему тогда будет легче квартиру. Во-первых за 3–4 года с жильём будет намного легче чем ранее. Ведь с каждым годом строиться и строиться всё более квартир Следовательно желающих будет меньше Во-вторых; на предприятии, где я возобновлю свою трудовую деятельность мой авторитет возрастет. Скажут, человек уже отслужил. Лиличек, ответь мне. Почему не кушают зелёный помидор, а дожидаются чтоб он покраснел, т.е созрел? Наверное, по тому, что он бывает вкусней спелый. Не такли, а? Также и тут. Человек возвращается с окончательно сформированным характером с твёрдыми убеждениями на жизнь. Например, флот даёт очень мно. Его можно назвать школой жизни. Теперь тебе не понятна сущность беседы с пареньком. Да он первый, который трезво смотрит на жизнь, который стоит за честность и справедливость, за семейное счастье. Например, девчénка встретила симпатично парня. Он ей нравится и даже полюбила. Как известно, для сохранения любви можно пойти на всё и она идёт. Она верит ему. В свою очередь тот видит и понимает её чувства, а далее забирает в свои руки и соблазняет. Та после некоторых колебаний решается. Через некоторое время он встречает другую девчénку и переходит на неё сторону

Значит эта осталась одна. Он забыл про нее. Забыл то, что давал обещания, что смял её гордость, что ранил душу доверчивой девушке. Пусть она нашла другого парня и вышла замуж. Он в последствии узнаёт и так пошли семейные скандалы и драмы. От сюда какое может быть счастье. Таких поступков сейчас очень много. Считают, если она не поддаётся, то это не девчénка. Так как же не назовёшь тут свинством. И я не знаю почему ты становишься на их сторону.

Барколик, сейчас нашло на меня лирическое настроение и я бы без конца писала эти нежные милые строки только для тебя Барколька. Сiju в школе, идут уроки, так тихо, а у меня свободный урок, вот и воспользовалась моментом. Коля, мне так понравилось твоё лирическое вступление. Неужели ты сам сам его написал? Тогда можно я поцелую тебя так, как тебе нравилось и разрешаю тебе поцеловать меня нежненько, удивительно, но это так когда я читала твои строчки, то чувствовала всю теплоту и нежность твоей ласки и невольно вспоминала те дни, когда ты был рядом со мной. И снова разлука. Успокаиваешь что не так и долго уж осталось до встречи. А для меня всё равно долго. И почему это письма станут приходить редко? Ну неужели так будешь загружен работой, что некогда будет черкнуть несколько слов? Я не верю!

Барколька ты опять напрашиваешься на дискуссию насчёт отношений между юношей и девушкой Откровенно говоря она мне не нравится. Ну пусть такие ребята будут свиньями, подлецами и пр. но что же думают девчонки, идя на сделку с такими ребятами, просто они теряют голову, надо же трезво смотреть на жизнь. Пусть это будет казаться счастьем, хоть и мимолётным, но зато впоследствии обратиться в несчастье и жизнь в таком случае может быть невыносимой. Вполне понятно отсюда и ссоры и различные драмы, а кто виноват, разве муж будет винить бывшего её любимого и называть его свиньёй, конечно, нет Барколик, ты не веришь, что без тебя я могу быть счастливой, может ты и прав, что я писала не в настроении. Я не понимаю, зачем нам такие дискуссии? Ты же прекрасно знаешь мои отношения к тебе. И очень бы не хотела тех причин, которые бы могли помешать нашим мечтам и планам и их осуществлению. Я знаю, что мой любимый не позволит ничего плохого по отношению ко мне и наши отношения какими были такими же и останутся чистыми, откровенными и всегда понятными друг для друга. Ты ведь тоже веришь в это и хочешь верить.

А наш Андрюшка и потом Маринка разве это плохая мечта, хотя мы уже в шутку имеем их на самом деле и я думаю Маринка не согласится иметь другого папу, а Андрюшка другую маму Быть может это всё ерунда и мелочь, но она наша и ничья больше Любимым свойственна романтика и выдумка и если она складывается из чистых отношений, то непременно найдёт место и в жизни. И очень даже хорошо, что мы мечтаем о будущем, где на первое место ставим любовь и взаимное уважение. Барколик благодарю тебя за откровенность, что мне не придётся завидовать другим. Почему-то так смело ты можешь сказать об этом. Ну хорошо, будем надеяться, что 49^й октябрь будет встречать вместе. Главное спокойствие — да?

Коля, письмо дописываю уже дома. В клубе сегодня кино “Каин — 18й” — очень смешной фильм. С Фаустом поссорилась, но знаю, что сегодня же найдёт причину примирения, он какой-то своеобразный парень, на танцы не ходит, живёт у Сироткиных, но это общество его не устраивает, так зачастую приходит к нам, иногда с т. Шурой рассуждает по душам. Погод сейчас плохая, дорогу развезло, но холодно.

На этом закончу.

До свидания. Крепко целую и обнимаю твоя Лилик
Скорей пиши ответ.

Лиля Коле, 20.06.1964 г.

Добрый день!

Здравствуй дорогой Барколик!

Во первых благодарю тебя за письмо и вообще за все письма, которые получаю сейчас куда чаще, чем до отпуска, или времени стало больше? Даже читаешь ранее присланные мной письма и находишь в них хорошее, мне самой даже понравились свои мысли, а ведь они были написаны от всей души и совсем просто. И действительно, мы должны ценить и уважать любовь друг друга, и беречь её. Ведь это такой бесценный дар в жизни, который даётся тебе один раз. И глупо поступают те девчонки, которые легкомысленно относятся к любви, ведь не каждому счастье улыбается несколько раз.

А потом и мечтают, вот как Галя Щукина, то к одному, то к другому, а чувства-то в результате тают.

Нет Барколик это такой трудный вопрос, как найти своё счастье? И каждый подходит к нему по своему.

Мы тут как-то с Лидией Васильевной беседовали о поведении ребят и девчонок, которых мы знаем, долго-долго сидели, целый вечер и удивлялись как это с такими развязными ребятами, напр., с Мариным, Калининым и др., ходят девчонки, или сами девицы такого поведения, по моему ни одна девушка, знающая себе цену, не пойдёт с таким парнем. Фаусту как-то я дала пощёчину, заслужил конечно, дак Вадька Калинин чуть не на дыбы встал что как это можно, да ты, Фауст тоже сдачу давай и полезло из него, убедить, конечно, мне его трудно, видимо Зоя, с которой он ходит позволяет себе подобное и боится лишней раз одёрнуть.

Передо мной статья, напечатанная в “Вологодском комсомольце” “Юноши, прислушайтесь!”

вот в ней говорится о поведении некоторых “бывалых” молодых

людей, которые, заметив в девушке возрастные перемены, начинают за ней “по-взрослому” ухаживать. И вместо светлого отношения позволяют хамство. И в результате ранят самолюбие девушек и как горьки бывают первые разочарования. Статья заканчивается словами: “Помните, что жизнь не даётся нам дважды и, чтобы занять вней достойное место, берегите здоровье и честь смолоду!

Барколик не подумай что чем то я хочу упрекнуть тебя, нет нет. Нам не по 17 лет и по взрослому должны относиться к тем или иным поступкам.

Коля ты знаешь, сейчас по радио исполняют чудесную песенку. такие слова:

Коло, коло, колокольчик

Колокольчик голубой

Ах Коля, Коля-Николаша } (2 р.)

На край света я с тобой

Так мне нравится это петь, может потому что в ней твоё имя или в ней есть смысл, какая признательность “На край света я с тобой”, одним словом мелодия и слова пришлись по душе

Коля, а сейчас я сделаю тебе небольшое замечание. Вот ты пишешь в письме: “Девушки и женщины нуждаются в ласках” Ну допустим нуждаются, а какое дело тебе до них, у тебя есть Лилёнок и мог бы написать, что Лилюнька наверное соскучилась по моим ласкам вот и всё, не задевая девушек, тем более женщин, или ты считаешь меня уже женщиной?

Вот Барколик такое замечание не сердись, я тоже не сержусь.

Вчера было кино “Когда уходит жена” Она ушла потому, что ей надоел мещанский уют, никакого разнообразия, она нигде не работала, т.к муж был инженером и получал приличную зарплату и даже стеснялся отпустить жену на работу.

И вот она уходит, как дальше складывается её жизнь неизвестно.

Любименький я на этом закончу.

Да пришло письмо от Шуры, пишет, что Валерка — сын, стал такой хулиган уже 8 месяцев ему, живут хорошо. Просит выслать сульфиду натрия для проявления плёнок, не знаю кто у них увлекается фотографированием.

И так до свидания

Привет от родных

Обнимаю и целую твоя Лилия

2

ПАМЯТЬ И ЛИТЕРАТУРА:
ОТ МЕДИАЛЬНОСТИ ТЕКСТА
К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОНТЕКСТАМ

ЛИТЕРАТУРА КАК МЕДИУМ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Астрид Эрл

УДК: 82.0+7.01.

Перевод с английского
Альбины Заверткиной
и Максима Шкиля
под редакцией
Ланы Беленькой,
Юлии Воробьевой,
Ирины Капитоновой
и Татьяны Кочневой.

Ключевые слова:
литературный медиум,
культурная память,
индивидуальная память.

Аннотация

Книга Астрид Эрл о культурной памяти была впервые опубликована на немецком языке в 2005 году под названием «Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung», что можно перевести как «Коллективная память и культура памяти. Введение». На английском языке книга вышла в 2011 году с более лаконичным названием «Memory in Culture», то есть «Память в культуре».

Одну из глав этой книги — «Литература как медиум культурной памяти» — Астрид Эрл предоставила для обсуждения посетителям международного круглого стола «Литература и / как память», организованного Кафедрой общей теории словесности МГУ 11 февраля 2022 года. Перевод этой главы мы и публикуем в настоящем издании с любезного разрешения автора.

Мы также выражаем благодарность Ирине Костичевой за возможность сверить перевод некоторых мест по немецкому оригинальному изданию.

Literature as a Medium of Cultural Memory

Prof. Astrid Erll

*Translated from English
by Albina Zavertkina
and Maksim Shkil,
edited by Lana Belenkaya,
Julia Vorobeva, Irina Kapitonova,
and Tatiana Kochneva.*

*Keywords:
literary medium, cultural
and individual memory.*

Abstract

Astrid Erll's book on cultural memory was first published in German in 2005 under the title “Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung”. The English issue of 2011 had a more concise title “Memory in Culture”.

Astrid Erll provided one of its chapters called “Literature as a medium of cultural memory” for discussion at the international round table “Literature and / or as Memory” by the Department of General Theory of Literature of the Moscow State University on February 11, 2022. The translation of this chapter is published in this edition with the courtesy of the author.

Moreover, we would like to express our gratitude to Irina Kosticheva for the given opportunity to check the translation according to the German original edition.

Erll A. Literature as a Medium of Cultural Memory // Memory in Culture. Translated by Sara B. Young. Palgrave Macmillan Memory Studies. 2011. P. 144–171.

Original German language edition: Erll A. Literatur als Medium des kollektiven Gedächtnisses // Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart: J.B Metzlersche Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 2005. S. 167–190.

Литература как медиум культурной памяти вездесуща: лирические поэмы, бульварные и исторические романы, фэнтези, романтические комедии, военные фильмы, мыльные оперы и цифровые истории — литература проявляет себя во всех жанрах и медиатехнологиях. Популярная и «тривиальная», канонизированная и «высокая» — литература служила и продолжает служить медиумом памяти. Она выполняет множество мнемических функций: участвует в воссоздании прошлого, передает образы истории, согласует расходящиеся друг с другом воспоминания, а также рефлексивирует о процессах и проблемах культурной памяти. Литература проникает в культурную память и резонирует в ней. Но каким образом переплетаются между собой культурная память и литература как ее символическая система? Чем медиум литературы отличается от не-литературных медиумов памяти? Как литературная репрезентация памяти отсылает к мнемическим контекстам и как эти контексты, в свою очередь, оказывают влияние на литературу и ее форму? Как литературный текст становится медиумом памяти? Какие мнемические функции он способен осуществить? И какие методологические инструменты мы можем использовать, чтобы изучать влияние литературы на культурную память?

VI.1 Литература как символическая форма культурной памяти

Литература — это независимая «символическая форма» [Cassirer 1994] культурной памяти, определенный «способ создания мира» [Goodman 1978], который, исходя из нашей перспективы, включает «создание памяти» (см. главу IV.2)¹. Литература — не единственная система знаков, она может быть поставлена в один ряд с другими символическими формами или символическими системами, такими как история, миф, религия, закон, наука. Между тем каковы специфические характеристики литературы как символической формы? Каким образом они соотносятся с культурной памятью?

Влияние литературы на память культуры основывается на сходствах и различиях, которые есть между литературой и процессами запоминания и забывания. Во-первых, сходства между литературой и памятью включают в себя возможность формирования

1. Мы сохранили отсылки к другим главам книги для тех, кто пожелает познакомиться с полным текстом книги на английском или немецком языке. — Прим. ред.

уплотненных, нагруженных смыслами «фигур памяти» и тенденцию к созданию смыслов через нарративизацию и жанровые паттерны. Подобные формообразующие процессы лежат в основе определяющей и литературу, и память способности к созданию миров. Во-вторых, литература отличается от других символических систем культурной памяти, таких как история, религия, миф, тем, что по меньшей мере с XVIII века, в котором сложилась современная система искусств, функционирование литературных текстов связывается с определенными привилегиями и ограничениями, предопределившими особый вклад литературы в культурную память.

VI.1.1 Литература и память: Точки пересечения

Память избирательна — из множества событий, процессов, людей и медиумов прошлого помнить можно лишь некоторые элементы. Как отметил Эрнст Кассирер, каждый акт запоминания — это «креативный и созидательный процесс. Недостаточно выхватывать изолированные данные из нашего прошлого опыта; в действительности, мы должны пере-собрать их, мы должны упорядочивать их и обобщать, собирая их в фокусе мысли» [Cassirer 1994: 51]. Выбранные элементы должны быть оформлены определенным образом, чтобы стать объектом памяти. Такие формирующие процессы можно найти во многих медиа и практиках памяти; и они обнаруживаются в литературе — на самом деле, в первую очередь. Далее я подчеркну три центральных точки пересечения между литературой и памятью. Первая — это «сгущение», особо значимое для создания идей о прошлом и их дальнейшей трансляции; вторая — «наррация» как встречающаяся повсюду структура создания значений; и третья — использование «жанров» как общекультурно доступных форматов репрезентации событий и опыта прошлого.

(а) Сгущение

Упоминание «сгущения» позволяет нам посмотреть на, пожалуй, главную характеристику литературы. В немецком языке понятие *Gedicht* (стихотворение) даже сохраняет лингвистическую связь с *Verdichtung* (сгущение). Одним из главных эффектов литературных форм, таких как метафора, аллегория, символизм и интертекстуальность, является соединение и взаимное наложение друг на друга разных семантических полей в очень маленьком пространстве.

В исследованиях памяти «сгущение» стало обозначать, по меньшей мере с публикации «Толкования сновидений» Зигмунда Фрейда [Freud 1900], сжатие нескольких сложных идей, чувств или изображений в один слитый или составной объект. В результате множество различных ассоциаций о прошлом накладывается на один сгущенный мнемический объект, и поэтому он поддается различным интерпретациям. Например, дата «9 ноября» вбирает в себя несколько значимых для немцев воспоминаний: открытие Берлинской стены, Ноябрьскую революцию 1918-го года, мюнхенский Пивной путч или путч Гитлера в 1923-м, и Хрустальную ночь (*Reichspogromnacht*) в 1938-м. В структуре, подобной палимпсесту, разные события и смыслы сливаются в память о весьма неоднозначном немецком прошлом.

Идею сгущения можно найти не только в психоаналитических подходах к памяти. Она же лежит в основании античной и средневековой *ars memoriae* (см. III.2.1) и столь же ясно выражена в более поздних теориях культуры памяти (*cultural remembrance; Erinnerungskultur*), от «формул патоса» Аби Варбурга до «*idée éroffée*» Мориса Хальбвакса, «топосов» Эрнста Курциуса, «мест памяти» (*lieu de mémoire*) Пьера Нора и «фигуры воспоминания» (*Erinnerungsfigur*) Яна Ассмана. Энн Ригни [Rigney 2005] показала, как разные воспоминания стремятся к «сближению и объединению» в одно место памяти. Наконец, сгущение — это основа тех глобальных «транснациональных символов» и «плавающих означающих», которые движутся сквозь время и пространство (см. главу III.1.6).

Как и литературные произведения, культурные воспоминания — это результат сгущения, и потому они требуют активного восприятия, интерпретации. Память о «Версале», например, обладает различными значениями в разных контекстах: до и после Первой мировой войны, во Франции и в Германии, среди пацифистов и реваншистов. «Прочтения» памяти — то, что последовательно создают социальные группы, при этом нередко оспаривая версии друг друга. Один из способов воссоздать подобные интерпретативные практики и таким образом пролить свет на динамику культурной памяти — это посмотреть на разные нарративы, которые развертывают сгущенные мнемонические объекты в нарративы значимых историй.

(b) Наррация

Культурная память основывается на нарративных процессах. Если быть точнее, каждое сознательное запоминание опыта и событий прошлого — индивидуальных и коллективных — сопровождается

ся соответствующими стратегиями, которые также фундаментально значимы для литературного нарратива. Анализируя литературные произведения, сторонники структуралистской нарратологии проводят принципиальное различие между парадигматическим аспектом выбора нарративных элементов и синтагматическим аспектом их комбинации. Такая дифференциация может оказаться полезной и при рассмотрении памяти: и индивидуальная, и коллективная память способны вбирать в себя лишь ограниченное количество информации. Из-за изобилия впечатлений, дат и фактов только некоторые элементы могут быть выбраны для кодирования и, соответственно, только они могут быть запомнены. Таким образом, то, что представляется важным (для настоящего), отдаляется от того, что кажется незначительным. Выбранные элементы, тем не менее, становятся осмысленными только в процессе комбинации, конструирующей темпоральный и каузальный порядки. Для каждого индивидуального элемента предопределено место в цепочке событий и, соответственно, конкретное значение. Итак, большая часть культурной памяти оказывается преобразованной в похожие структуры, а именно — в нарратив, который мы обнаруживаем во многих литературных произведениях. (Хотя также необходимо подчеркнуть что не *вся* литература, не *вся* память нарративны по своей сути. Визуальные, обонятельные и бессознательные воспоминания преимущественно считаются не-нарративными, хотя они могут стать сознательными и осмысленными посредством нарративизации).

Самой «нарративной» из всех индивидуальных систем памяти является автобиографическая память. Из множества разрозненных жизненных событий мы ретроспективно выбираем лишь часть осознанного опыта и превращаем его — при помощи нарративных структур — в связные, значимые истории жизни (см. главу III.3.2). Алейда Ассман переносит эти интуиции на уровень Культурной Памяти: нации, этнические и религиозные группы создают нарративы («мифы») для того, чтобы рассказать историю своего происхождения и подчеркнуть свою самобытность. Мнемические сообщества склонны помнить только те «элементы, которые связаны с конфигурацией истории» [Assmann 1999: 135]. Так же как нарративы автобиографической памяти, рассказ — или «главный нарратив» («master narrative») Культурной Памяти — основывается на «процессе выбора, связи и создания значения» [Assmann 1999: 137].

Нарративные структуры занимают особое место в каждой культуре памяти. Мы находим их в рассказах о жизни и анекдотах, в которые вслушиваются устные историки; и в паттернах устной традиции, на которых концентрируются антропологи. Главная функция

нарратива в культуре, согласно Йорну Рюзену, это «временная ориентация» — осмысленное связывание прошлого, настоящего и будущего (см. III.1.1; см. теорию Рикёра о времени и нарративе в главе VI.2). Нарративизация исторических событий и пре-нарративный опыт позволяют их интерпретировать. Даже особо плотно сгущенные и, вероятно, не-нарративные «места памяти» как правило плотно переплетены с рассказами, которые циркулируют в социальных контекстах и наделяют эти места изменяющимися значениями. Мир культурной памяти — это мир нарратива. (Но это не значит, что это мир вымысла, фикциональность — одна из привилегий литературы как символической системы, см. главу VI.2.).

(с) Жанр

Жанры — это конвенциональные форматы, которые мы используем для кодирования событий и опыта; репертуары жанровых конвенций сами по себе имеют память. Они принадлежат тому культурному знанию, которое индивиды приобретают посредством социализации и приобщения к культуре. Мы автоматически задействуем жанровые схемы (сохраненные в нашей семантической памяти), когда читаем литературные тексты — поэтому, например, мы ожидаем смерть в конце трагедии и свадьбу в конце комедии. Однако жанровая схема также является важным компонентом автобиографической памяти. Роман воспитания (*Bildungsroman*), приключенческий роман и духовная автобиография, например, предлагают модели индивидуального развития, к которым прибегают вспоминаящие, когда они хотят объяснить течение своих жизней [Brockmeier 2001]. Такие жанры памяти также являются существенной частью исторического воображения [Olick 1999]. На примере историографии XIX века Хейден Уайт [White 1973] показал, до какой степени выбор сюжетной структуры пре-формирует смысл, приписываемый историческому событию. Кодирование выбранных элементов в открытый, переходный или закрытый мотивы и их использование согласно тому, что Нортроп Фрай [Frye 1957] определил как архетипические нарративные формы романа, комедии, трагедии и сатиры — это различные стратегии исторического объяснения, которые Уайт больше ассоциировал со специфическими идеологическими предпосылками: анархическими, радикальными, консервативными и либеральными.

Поскольку литература — это место, где жанровые конвенции заявляют о себе наиболее отчетливо (и социально санкционированным путем), именно ей отведено решающее значение для распростране-

ния жанров памяти. Литература использует существующие паттерны, трансформирует их и повторно питает ими культуру памяти. Около 1800 года, например, процесс индивидуального интеллектуального и социального созревания нашел выражение в новом литературном жанре — в романе воспитания (*Bildungsroman*), и в свою очередь, его типичная сюжетная структура стала влиятельной культурной моделью, необходимой для понимания индивидуального взросления. Другие литературные жанры преимущественно были использованы для кодирования Культурной Памяти. Эпос, например, долгое время был ключевым паттерном, используемым для описания истории возникновения этнической группы, а также способом подчеркнуть ее уникальность. В Европе XIX века исторические романы стали доминирующим культурным жанром, они отражали движение истории и помогали формировать национальные идентичности. Пьер Нора [Nora 2001] показал, что в то же время воспоминания государственных деятелей были использованы в качестве репрезентативного примера французской идентичности и ценностей.

Кроме того, жанры — это способ преодоления трудностей, с которыми сталкивается культурная память. В необычных, сложных или опасных обстоятельствах писатели прибегают к традиционным и строго конвенциональным жанрам, чтобы представить знакомую и осмысленную схему репрезентации опыта, который в противном случае было бы сложно интерпретировать. Например, в художественных произведениях позднего XIX века об империи в Британии романские жанровые модели предлагали готовый формат, помогающий справляться с колониальными тревогами. В стихах и романах о Первой мировой войне среди всех жанровых моделей таким форматом была пастораль. Авторы прибегали к ней, чтобы выразить травматический опыт пребывания в окопах и представить образы мирного времени — тем самым они восстанавливали связь с литературной традицией [Fussell 1975]. По той же причине зарождение новых жанров можно также трактовать как ответ на определенные мнемические трудности. Так, в конце XX века постмодернистские интуиции конструктивистской природы истории и идентичности нашли подходящее выражение в жанре историографической метафизики [Nünning 1997].

VI.1.2 Литература и другие символические формы: Отличия

Поскольку литература и мнемические процессы имеют много общего, литература в особенности подходит на роль медиума культурной памяти. При этом произведения литературы не должны рассматриваться как медиумы иных символических форм, которые также играют роль в производстве культурной памяти — таких как хроники, историография, тексты законов, религиозные тексты, мифические сказки. В конструировании памяти литература как символическая форма проявляет себя иначе. Далее мы предлагаем четыре кратких описания ее отличительных характеристик: привилегии и ограничения фикциональности, интердискурсивность, поливалентность и обратимая фигура («reversible figure») производства / рефлексии.

(а) Привилегии и ограничения фикциональности

Одно из наиболее важных различий между литературой и другими символическими формами проистекает из фикционального статуса литературных произведений, которые Вольфганг Изер понимает как результат «фикционализирующих актов» (*fictionalising acts*) [Iser 1993]. В соответствии с феноменологической и антропологической теорией Изера, каждая художественная репрезентация основывается на двух формах пересечения границ: элементы внешней «реальности» повторяются в литературном тексте, но не просто ради них самих. В контексте вымышленного мира повторенная реальность становится знаком и берет на себя другие значения. С другой стороны, «воображаемое», которое, согласно Изеру, «стремится манифестировать себя в диффузной манере, в мимолетных впечатлениях, которые бросают вызов нашим попыткам закрепить его в конкретной и стабильной форме» [Iser 1993: 3], дано через его репрезентацию в медиуме вымысла, и поэтому достигает той определенности, которой оно раньше не имело. Здесь мы имеем дело с «двумя различными процессами... Воспроизведенная реальность создается для того, чтобы указать на “реальность” за пределами себя, в то время как воображаемое заключается в форму». В результате «экстратекстуальная реальность смешивается с воображаемым, а воображаемое сливается с реальностью» [Iser 1993: 3]. Через взаимодействие между реальным и воображаемым художественные тексты реструктурируют культурное восприятие. В современных сообществах негласный общественный договор ограничивает доступ мира воображаемого символической системой литературы. Воображаемые элементы,

правда, все же находят свой путь к памяти через религиозные и также, вероятно, историографические сочинения. Тем не менее, только в литературных текстах они одновременно маркируются и принимаются *как* воображаемые.

Как показал Ангар Нюннинг [Nünning 1997], сила литературы в культуре основывается на «фикциональных привилегиях». Вымышленные рассказчики, визуализация сознания, интеграция недоказанных и даже контрфактических элементов в репрезентацию прошлого и воображение альтернативных реальностей принадлежит к тем привилегиям, которыми пользуется символическая форма литературы. Именно эти привилегии позволяют провести различие между историческим вымыслом и историографией на уровне текста. Но в соответствии с «логикой литературы» [Hamburger 1957], фикциональный статус литературных произведений и, соответственно, их депрагматизация, приводят к некоторым ограничениям притязаний на референциальность, приверженность фактам и объективность [Cohn 1999]. В этом аспекте литературная репрезентация прошлого отличается от историографии. Столь же отлична она и от автобиографий и мемуаров, какими бы «литературными» они ни были. Именно в связи с культурой памяти мы находим сложные проявления того, что Филипп Лежён [Lejeune 1975] назвал «автобиографическим пактом».

(b) Интердискурсивность

Как показал Михаил Бахтин [Бахтин 1975]² в начале 1920-х годов, литературные произведения характеризуются «полифонией». Они отражают разные идиомы и дискурсы и сводят их вместе в пространстве одного текста. Бахтин подчеркивает, что «все языки разговоречия <...> являются специфическими точками зрения на мир, формами его словесного осмысления, особыми предметно-смысловыми и ценностными кругозорами. Как таковые все они могут быть сопоставлены, могут взаимно дополнять друг друга, могут противоречить друг другу, могут быть соотнесены диалогически» [Бахтин 1975: 104]. Репрезентируя разные способы говорения о прошлом (и памяти), литература дает голос эпистемологическим и идеологическим позициям, соединенным с этими языками. Таким образом, произведения литературы могут показывать и сопоставлять противоречивые воспоминания и создавать мнемическую мультипер-

2. Здесь и далее мы по возможности приводим тексты, доступные на русском языке. — Прим. ред.

спективу. Среди более специализированных дискурсов (таких как история, теология, экономика, законодательство) литература также действует как «реинтегративный интердискурс» [Link 1988], как медиум, который объединяет или же повторно соединяет многообразные дискретные выражений о прошлом одном пространстве.

(с) Поливалентность

В литературе как медиуме сгущение и сверхдетерминация³, лежащие в основе каждого процесса запоминания, дополняются таким образом, что литературная репрезентация прошлого, как правило, обнаруживает семантическую сложность, чуждую другим медиа культурной памяти. Весьма двусмысленные версии воспоминаний таким образом сохраняются в символической форме литературы [Eco 1989]; о «поливалентности» как литературной конвенции см. [Schmidt 1992]. Эстетические теории постулируют, что аффективный потенциал и сила искусства проистекают как раз из этой сложности, подчеркивающей специфическую роль литературы в культурной памяти.

(d) Производство / рефлексия памяти

Еще одна особенность литературы, и в действительности искусства в целом, это способность предложить (как бы это было сформулировано в теории систем) первый и второй порядки наблюдения за миром одновременно [Luhmann 2000]. С одной стороны, литература способна конструировать различные версии прошлого: устаревшие и подрывные, традиционные и новаторские. С другой стороны, произведения литературы зачастую обнажают процесс конструирования, делая его доступным наблюдению и вследствие этого — критике. Литературные произведения, подобно реверсивным фигурам, одновременно производят память и осмысляют ее.

3. Сверхдетерминация — это взаимообусловленность процессов и явлений. Это понятие используется для нередукционистского описания человеческого опыта и указывает на сосуществование многочисленных, комплексно связанных между собой структур. Сверхдетерминация дискурсивно противопоставлена функционалистическим идеям о существовании статичных гармоничных целых.

Изначально концепция сверхдетерминации была введена З. Фрейдом (1900) для описания множественности причин и интерпретаций сновидений. Осознанный человеком опыт рассматривался как потенциально подверженный влиянию неограниченного количества его повседневных переживаний, включая те события, которые уже невозможно вспомнить. Именно они, по мнению Фрейда, могут являться ключом к интерпретации конкретного содержания сна. — Прим. ред.

Есть разные нормы производства и осмысления памяти в литературе, характеризующие конкретные периоды или жанры. (История исторических романов служит наглядным примером изменчивости соотношений этих норм.)

Все вышеупомянутые отличительные характеристики литературы должны рассматриваться как «конвенции современной системы литературы» [Schmidt 1992]. Они могут принимать другие формы в более ранних исторических периодах или в не-западных контекстах. Учитывая эти ограничения, тем не менее необходимо помнить, что многое из того, что включается в представление об особом вкладе современной западной литературы в культурную память, основывается на взаимодействии литературных *сходств* с мнемическими процессами, с одной стороны, и их *расхождений* с конкурирующими медиа памяти — с другой. Определенно, литература — это только *один* из способов создания памяти наряду со многими другими. Методы ее работы сходны с теми приемами, к которым мы обращаемся, когда рассказываем повседневные истории, пишем историографии или даже создаем памятники. В то же время литература, из-за ее уникальных характеристик, предлагает репрезентации прошлого, которые значительно отличаются от других символических систем. Литература может привносить новые отличительные элементы в культуру памяти.

VI.2 Литературный текст и мнемонический контекст: мимесис

Как литература создает версии прошлого? Какие процессы должны быть рассмотрены при разговоре о том, как литература создает культурную память? Каковы отношения между литературным текстом и социокультурным контекстом запоминания и забывания? Одна из моделей, которая может помочь проиллюстрировать эти сложные взаимосвязи между литературой и культурной памятью, была разработана Полем Рикёром в его философском трактате о времени и нарративе «Время и рассказ» (*Temps et Récit*) [Рикёр 1988]. Рикёр исходит из предположения, что «время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [Рикёр 1988: 13]. Для того, чтобы проиллюстрировать динамику нарратива в процессе создания человеческого времени, он вводит модель «миметического круга». Рикёр отсылает к классическим концептам мимесиса, которые восходят к Аристотелю, и выделяет три уровня репрезентаций, которые он на-

зывает мимесис₁, мимесис₂ и мимесис₃. Для Рикёра литературное создание мира основано на динамическом процессе преобразования — на взаимодействии между «префигурациями» текста, отсылающими к уже существующему экстратекстуальному миру (мимесис₁); текстуальной конфигурации, с ее главной операцией построения сюжета, очевидным образом создающей вымышленный мир (мимесис₂); и «рефигурации» читателя (мимесис₃). Согласно такому подходу, литература оказывается активным, конструирующим процессом, в котором культурные системы значения, нарративных операций и восприятия распределены равнозначно, и в котором реальность не просто отражается, но «поэтически ре-фигурируется» [Рикёр 1988: 9] и «иконически приращивается» [Рикёр 1988: 101]. Текст и контексты, символический порядок экстратекстуальной реальности и вымышленных миров, созданные с помощью литературного медиума, образуют отношения взаимного влияния и изменения.

Немного перефразируя трехчастную модель Рикёра с целью рассмотрения литературы как медиума культурной памяти, мы можем выделить три аспекта мнемонического мимесиса:

- 1) префигурация литературного текста культурой памяти,
- 2) литературная конфигурация новых нарративов памяти,
- 3) их реконфигурация в рамках разных сообществ памяти.

VI.2.1 Мнемоническая префигурация: рисунок реальности культурной памяти

Рикёр утверждает, что наш опыт реальности символически преформлен, префигурирован. Культурные практики создают «концептуальную сеть», которая делает возможным «практическое понимание» [Рикёр 1988: 73]. Другими словами, культуры устанавливают символические порядки, которые, помимо прочих аспектов, включают значимые иерархии, необходимые для понимания темпоральных процессов. Вместе с этим комплексным, символически опосредованным «миром действия» наш опыт обладает «донарративной структурой» [Рикёр 1988: 91]. Рикёр подчеркивает, что каждый литературный текст соотносится с этим экстра-литературным миром. Идея мимесиса₁ подтверждает тот факт, что «сколь бы сильной в инновационном отношении ни была поэтическая композиция в поле нашего временного опыта, композиция интриги укореняется в предпонимании мира действия — его интеллигибельных структур, символических средств и временного характера» [Рикёр 1988: 68].

Рассматривать мнемонические префигурации — значит сфокусировать внимание на тех областях предпонимания, которые интересуют культурную память. Можно сказать, что именно в «текстуальном репертуаре» (термин Вольфганга Изера) литературные префигурации становятся более ощутимыми: структуры оси его парадигматического выбора указывают на то, из какого культурного поля текст черпает свои элементы. Литература может обращаться к материальному измерению культурной памяти (например, к историографии, мемориалам, фильмам о памяти, высказываниям о прошлом); к ее социальному измерению (например, к коммеморативным ритуалам, различным мнемоническим сообществам и институтам); к ее ментальному измерению (например, к ценностям и нормам, стереотипам и иным влиятельным схемам репрезентации прошлого). Она присваивает элементы из этих измерений, прибегая к интертекстуальным, интермедийальным и интердискурсивным отсылкам.

Литература заполняет нишу культурной памяти, поскольку она, как никакая другая символическая система, характеризуется своей способностью (скорее даже тенденцией) отсылать к забытым и вытесненным, а также к незамеченным, неосозанным и непреднамеренным аспектам наших взаимодействий с прошлым. Уже на уровне мимесиса₁ литература через отсылки, которые составляют текстуальный репертуар, актуализирует элементы, которые раньше не были — или не могли быть — восприняты, артикулированы или запомнены в социальной сфере. Через операции селекции литература может создавать новые архивы культурной памяти, удивляющие и никак иначе не доступные. Элементы из разных систем памяти и вещи, запомненные и забытые разными группами, объединяются в литературном тексте.

VI.2.2 Литературная конфигурация: создание фикционального нарратива памяти

Введение термина мимесис₂ позволяет Рикёру [Рикёр 1988: 66] описать «конкретный процесс, с помощью которого конфигурация текста осуществляет опосредование между префигурацией практического поля и его рефигурацией в восприятии произведения». Элементы, выбранные в рамках мимесиса₁, связываются синтагматически и складываются в конкретную историю. В экстратекстуальном мире элементы концептуальной системы могут существовать «в отношении интерсигнификации» [Рикёр 1988: 69], в то время как

в литературном тексте мы находим их вписанными в определенный темпоральный и каузальный порядок. В пределах нарративной структуры литературного текста каждый элемент получает свое место и тем самым — свое значение. «Этот переход от парадигматики к синтагматике, представляющий собой движение от мимесис₁ к мимесис₂, — результат конфигурирующей деятельности» [Рикёр 1988: 81]. Это также переход к вымыслу; выбранные элементы изменяют свой онтологический статус вместе с их конфигурацией в историю: «Вместе с мимесис₂ открывается царство “как если бы”» [Рикёр 1988: 79]. Поэтому литературный мимесис — это не просто *ре-презентация* реальности; на самом деле, конфигурация — это активный процесс создания реальности, так что термин «poiesis» оказывается более подходящим описанию [Рикёр 1988: 82].

Рикёр подчеркивает посредническую роль «сюжетостроения (*emplotment*) в миметическом процессе». Мимесис₂ — это место, где можно проследить «судьбу префигурированного времени вплоть до рефигурированного времени через посредничество конфигурированного времени» [Рикёр 1988: 67; курсив оригинала]. Конфигурация — ключевая роль литературы как медиума культурной памяти. На уровне конфигурации, где литературные произведения сводятся воедино, реальные и воображаемые практики запоминания и забывания переоформируются и реструктурируются. Переходя в литературный текст, элементы культурной памяти отделяются от оригинального контекста, чтобы встроиться иным образом — в различные нарративы памяти.

Не только сюжетостроение стоит рассматривать в качестве конфигуративных активностей, происходящих на уровне мимесиса₂. Другие литературные формы также вносят значительный вклад в создание фикциональных нарративов памяти: голос нарратора, перспектива, фокализация, литературный хронотоп (комбинация времени и пространства), метафоры, символы — это лишь некоторые значительные примеры и стратегии, вовлеченные в представление (*performance*) или постановку (*staging*) культурной памяти в литературе (см. также VI.2.4).

VI.2.3 Коллективная рефигурация: эффекты литературы в культуре памяти

Согласно Рикёру, процесс чтения осуществляет переход между мимесисом₂ и мимесисом₃ и завершает миметический круг. Мимесис₃ «знаменует собой взаимопересечение мира текста и мира <...> читателя» [Рикёр 1988: 87]. В процессе чтения вымысел вступает

в обновленную связь с миром действия. Результат — это не только читательская актуализация репрезентированного в литературе, но в то же время «иконическое приращение» [Рикёр 1988: 99] реальности. «Только при чтении динамизм конфигурации завершает свой ход. И вне чтения, в действии, совершенном под влиянием прочитанного, конфигурация текста трансформируется в реконфигурацию» [Ricoeur 1988: 159]. Смыслы, приписываемые читателями, влияют не только на их понимание текста. Помимо этого, литературные работы способны не только изменить восприятие реальности, но и в конце концов — через действия читателей, на которые также оказывают влияние литературные модели, — существующие культурные практики, а значит — саму реальность.

Одним из первых «действий», вытекающих из процесса рефигурации литературы как медиума памяти, является ориентация во времени. Нарративные структуры литературы формируют наше понимание последовательности и смысла событий и отношения между прошлым, настоящим и будущим. Другими словами, литература формирует культурную память не только путем создания форм и структур, но и, куда более очевидно, своим содержанием. Репрезентация исторических событий (таких как войны и революции), исторических личностей (короли и исследователи), мифов и воображаемых воспоминаний *может* воздействовать на читателей и *может* возвращаться через мимесис₃, мир действия, формируя, например, восприятие, знание и повседневную коммуникацию, приводящую к политическому действию; или пре-фигурируя дальнейшие репрезентации (именно так круг мнемонического мимесиса продолжает вращаться).

С точки зрения литературных эффектов на коллективном уровне памяти мимесис₃ должен быть рассмотрен как *коллективная* рефигурация, как социально разделяемые способы чтения. Есть два условия, при которых литературные произведения оказывают влияние на культурную память. Они должны быть рассмотрены *как* медиумы памяти и, соответственно, они должны быть прочитаны в широких слоях общества. «Эффективное присутствие» литературных текстов в культурной памяти обеспечивается публичными дебатами, а также списками бестселлеров, различными формами институционализации, такими как добавление в школьные или университетские учебные планы, цитирование в повседневной речи. Социальные институты могут пытаться контролировать, принуждать или сокращать коллективную рефигурацию литературных текстов — например, через их канонизацию. Политическая интервенция, такая как цензура или публикации, финансируемые государством, также должна быть

учтена. Помимо этого, значительную роль играют экономические факторы: процесс публикации и маркетинговые стратегии. Рассмотрение присвоений и интерпретаций литературных произведений следует начать с предположения о существовании мнемонических «интерпретативных сообществ» [Fish 1980]. Социальные группы соглашаются или не соглашаются на потенциальные рефигурации, определяют значение литературного текста для культурной памяти. Во всех этих социальных процессах власть — это фактор, который не может быть недооценен. Литературные тексты предлагают возможные интерпретации прошлого и обладают несколькими — частично установочными, частично подрывными, — нарративными потенциалами. То, как эти потенции актуализируются на социальной арене — это предмет переговоров и споров.

Согласно теории медиа, префигурация и рефигурация литературы могут быть рассмотрены с точки зрения того, какими способами произведения были пре-медиированы и ре-медиированы. Рефигурация манифестирует себя в процессах ре-медиаии, таких как интертекстуальность и различные формы интермедиаальных отсылок (адаптация, дигитализация и так далее). Пре-медиаию литературных текстов сложнее определить, но ключи к медиа-схеме, которая может пре-оформлять текст, можно обнаружить, рассматривая ранние медиа-репрезентации, которые отражают, например, схожие нарративные паттерны и риторические стратегии.

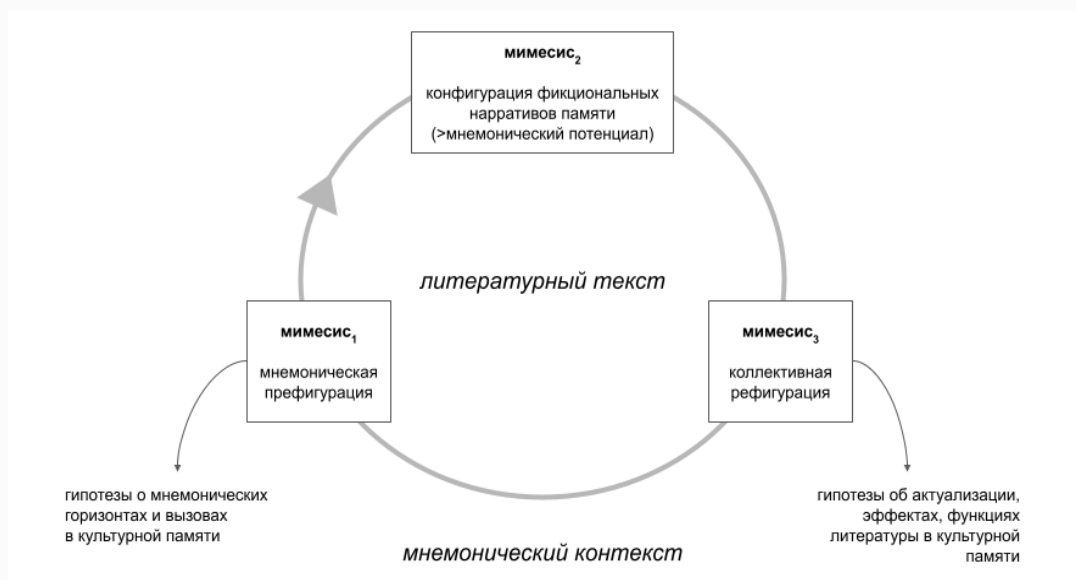

Схема VI.1 Три уровня мимесиса культурной памяти

Итак, литературные нарративы являются посредниками между пред-существующей культурой памяти с одной стороны и ее потенциальной реструктуризацией — с другой. Одновременно с процессами медиации создается двунаправленный обмен. Во-первых, обмен между культурной памятью и литературным текстом на уровне мимесиса₁. Литературный текст отсылает к содержанию и форме, а также к различным медиа и практикам памяти. Во-вторых, обмен происходит в противоположном направлении. На уровне мимесиса₃ (коллектива) восприятие может вести к «иконическому приращению» культурной памяти и к разделению восприятия, репрезентации и действия [Fish 1980].

VI.2.4 Нарратология культурной памяти?

Рикёр подчеркивает, что тем, кто интересуется семиотическим анализом текста, доступен только мимесис₂ и его конфигурации. Он указывает на то, что «наука о тексте может базироваться лишь на абстракции, каковой является мимесис₂, и рассматривать только внутренние законы литературного произведения безотносительно к верховью и низовью текста» [Рикёр 1988: 66]. Что нарратология, как наука о текстуальных нарративах, может привнести в понимание мнемонического измерения литературы? Каковы возможности, ограничения и ловушки нарратологии применительно к изучению культурной памяти?

Исходя из нарратологической перспективы, тотальность «внутренних законов» литературного текста может быть названа «нарративным потенциалом». Рой Зоммер определяет нарративный потенциал художественного текста как «предположение, обоснованное текстом, относительно возможных эффектов нарративных стратегий, которые структурируют и организуют его содержание и которые поэтому существенны для его значения» [Sommer 2000: 328]. Следовательно, нарративный потенциал — это сугубо текстуальная характеристика; ее следует отличать от существующих исторических воплощений, эффектов и функций литературного текста. Переформулируя в терминах рикёровской модели: анализ нарративного потенциала позволяет сформулировать *гипотезы* как о рефигурации текста, его реализации, эффектах и функциях в культуре (мимесис₃), так и о префигурациях, горизонтах, в пределах которых он производится и бросает им вызов (мимесис₁). Такие гипотезы, конечно, никогда точно не определяют пре- и рефигурации литературного текста, но в сочетании с надежными историческими зна-

ниями они обещают возможность полноценного проникновения в работу литературы в культуре. Отталкиваясь от этих предпосылок, мы можем говорить о мнемоническом потенциале литературного текста, материализуемого на уровне мимесиса² и способного предоставить ключи (*clues*) для понимания пре- и рефигурации текстов в культурной памяти.

В качестве своего вклада в нарратологию культурной памяти, используя военные повести, а также (пост)колониальные рассказы в качестве примеров, я представила понятие «риторики коллективной памяти» [Erl1 2003], [Erl1 2004], [Erl1 2006] — оно описывает такой мнемонический потенциал литературы, как способность передавать версии социально разделенного прошлого. Я определяю риторику коллективной памяти как ансамбль нарративных форм, которые вызывают процессы натурализации литературных текстов как медиумов памяти. Кроме того, я провожу различие между модальностями этой риторики.

Разные модальности запоминания тесно связаны с разными модальностями (нарративных) репрезентаций (см. главу IV.2). Изменения в самой форме репрезентации могут оказывать влияние на то, какую память о прошлом мы сохраняем. Далее я приведу некоторые примеры того, как такие мнемонические модусы формируются в медиуме литературного нарратива и определяют его. Вместе с тем, важно отметить, что ни одна формальная характеристика не может быть ответственной за возникновение определенной модальности. Напротив, нам нужно рассмотреть все кластеры нарративных особенностей, чье взаимодействие может приводить к определенному эффекту памяти. Конечно, невозможно предсказать, как рассказы будут интерпретированы настоящими читателями. Но определенные нарративные репрезентации, кажется, имеют сходство с различными модусами запоминания, таким образом, можно рискнуть и выдвинуть некоторые гипотезы о *потенциальной* власти (или эффектах) памяти форм литературных проявлений.

Литературные произведения репрезентируют прошлое в различных комбинациях экспериментальных, монументальных, антагонистических, историзирующих и рефлексивных модальностей. Некоторые нарративные формы участвуют в создании разных мнемонических модальностей — нарративные голоса (индивидуальный, авторский и коллективный голос [Lanser 1992]), формы ненадежного повествования, внутренние фокализации, условный реализм (*circumstantial realism*), метафоры памяти и литературные хронотопы. Следующие три примера показывают, как разные модальности могут создавать литературный текст:

- Эмпирическая модальность. Эта модальность складывается из литературных форм, которые представляют прошлое как прожитый опыт. Эмпирические модальности вызывают «живые воспоминания» современной истории, поколенческие или семейные воспоминания (это те формы культурного запоминания, которые Ян и Алейда Ассман относят к категории «коммуникативной памяти»). В противоположность этому, монументальные модальности представляют прошлое как мифическое (как часть «Культурной Памяти»), а историзированные модальности преподносят литературные события и людей как если бы они были объектами академической историографии. Тексты, в которых преобладает эмпирическая модальность, имеют склонность определять эпизодическо-автобиографические воспоминания свидетелей как главный источник коммуникативной памяти. Типичной формой этой модальности литературного запоминания являются «личные голоса», повествование от первого лица; интимное обращение к читателю, характерное для коммуникации лицом к лицу; использование более актуального настоящего времени; фокализация длинных пассажей на опыте «проявления собственного Я» для того, чтобы передавать воплощенный, кажущийся непосредственным опыт; условный реализм, очень детальная репрезентация повседневности прошлого (эффект реальности (*effect de réel*) становится эффектом памяти (*effect de mémoire*)); и, наконец, репрезентация будничных разговоров (социолекты, слэнг и так далее), способные передать лингвистическую специфику и изменчивость близкого прошлого. Литература о путешествиях также нередко прибегает к этим особенностям эмпирической модальности. Кроме того, так устроены и военные рассказы, представляющие «солдатские повести» [Hynes 1997], — это своеобразный «взгляд снизу». Многие рассказы о Холокосте используют сильные стороны эмпирической модальности (но также рефлексивно обнажают ограниченность опыта и его репрезентации).
- Антагонистическая модальность. Литературные формы, которые помогают продвигать одну из версий прошлого и отрицать другие, определяют антагонистическую модальность. Эта модальность запоминания склонна приносить в дискурс литературные работы, способные представлять различные групповые идентичности и их версии прошлого, например, феминистское и постколониальное письмо. Мы также находим это в имперских рассказах и политически ангажирован-

ной литературе (*littérature engagée*). Негативные стереотипы — наиболее очевидная техника учреждения антагонистической модальности. Более сложный прием — использование предвзятых перспективных структур: только воспоминания определенной группы представляются как правдивые, в то время как версии, артикулированные членами конфликтующих культур памяти, деконструируются как ложные. Сам факт существования различных «мы»-повествований может подчеркнуть истинность этого утверждения.

- Рефлексивная модальность. Как уже упоминалось в главе VI.1.2, литература всегда представляет читателям как первый, так и второй порядки наблюдения. Она создает иллюзию взгляда в прошлое и при этом, часто одновременно, выступает в качестве главного медиума критической рефлексии над подобными процессами репрезентации. Литература — это медиум, который одновременно создает память и наблюдает за этими создающими процессами со стороны. Значимые рефлексивные модальности состоят из нарративных форм, которые привлекают внимание к процессам и проблемам запоминания, например, через эксплицитные комментарии повествователя о работе памяти, метафоры памяти, сопоставление разных версий прошлого (нарративных или фокализованных), а также высоко экспрессивные нарративные формы (как инверсия хронологии в романах Курта Воннегута и Мартины Эмис). Большинству современных историографических метаповествований присущи сильные рефлексивные модальности.

Такой союз нарратологии и исследований в области культурной памяти становится возможным благодаря допущению, что литературные формы «семантизированы» [Nünning 1997]. Они не просто «сосуды», вмещающие содержание, напротив, они сами по себе несут смыслы. Тем не менее, культурная память также основана на том, что Меир Штернберг назвал «принципом Протея»: «в разных контекстах <...> одна и та же форма может выполнять различные функции и разные формы — одну и ту же функцию» [Sternberg 1982: 146]. Недвусмысленная корреляция между литературной формой и мнемонической функцией невозможна; это отношение никогда не будет стабильным. Например, повествование от первого лица может передавать аутентичность свидетельства в одном литературном тексте и в то же время подрывать надежность рассказанного прошлого в другом. Как формы культурного запоминания изменяются при переходе от одного исторического периода к следующему и от одного культур-

ного контекста к другому, так же меняются и формы их репрезентаций. Более того, нарративы литературной памяти не прикованы к письменным медиумам. Они могут проявлять себя как в устных, так и в визуальных, а также цифровых медиумах. Нарративы — это трансмедиаальный феномен [Ryan 2004]; поэтому культурная память способна путешествовать не только сквозь время и пространство, но также «через медиа», от романов к драмам и фильмам, к телесериалам и интернету. Тогда то, что нам нужно, это не универсальные рецепты, а гибкие категории нарратологии, чувствительные к контексту, которые рассматривают исторические и культурные вариации содержания, форм, медиа, практик и идеологий культурной памяти и в соответствии с этим настраивают свой нарратологический анализ (больше о культурной нарратологии [Erl 2005]; о политической нарратологии [Bal 2004]).

Поле литературных исследований, которое все больше переопределяет себя как часть культурных исследований медиа и показывает интердисциплинарную склонность к культурной истории, культурной социологии и теории медиа, нарратологии культурной памяти, представляет собой только лишь одну опцию, один методологический инструмент. Для исследования литературы как части культурной памяти он может идеально сочетаться с другими, контекстуализирующими подходами, которые сопровождают и обогащают текстоцентричный анализ. Такие широкие социальные и медийные перспективы будут представлены в следующей главе, в которой рассматривается вопрос о том, как литературные произведения могут стать эффективным медиумом культурой памяти.

VI.3 Литература как медиум коллективной и индивидуальной памяти

Аби Варбург утверждал, что все медиумы культурной памяти должны быть *актуализированы*, наполнены смыслом, чтобы раскрыть свой мнемонический потенциал и эффективно присутствовать в социальной среде. Это справедливо и для литературных произведений. Поэтому литература как носитель культурной памяти — это, прежде всего, феномен рецепции. Когда мы изучаем литературные произведения и задаемся вопросом о том, какие функции они выполняют в культурной памяти, необходимо начать с того, как они присваиваются читателями, с аспекта рефигурации.

На коллективном уровне литературные произведения могут выполнять все три функции медиумов культурной памяти (см. главу V.4).

Литература является средством хранения и передачи информации. Эти аспекты будут рассмотрены далее с использованием таких концепций, как «культурные тексты», «коллективные тексты» и «литературные посмертия». Литература также может служить медиа-сигналом: так, например, во время каждого года, посвященного Шекспиру, Гёте или Сервантесу, упоминание этих авторов и их произведений используется для пробуждения идей «великой» традиции и национальной идентичности среди людей из самых разных слоев общества — даже если упомянутые тексты многие из них никогда не читали. На индивидуальном уровне, на уровне нашей «*накопленной* памяти», литература оказывает большое влияние как медиа-рамка для запоминания. Литературные истории и их образцы представлены в наших семантической и эпизодической системах памяти. Они формируют знания, жизненный опыт и автобиографические воспоминания.

VI.3.1 Литература как хранитель информации: культурные тексты

Значимость литературы как средства коллективной памяти всегда являлась предметом обсуждения в дискуссиях о литературном каноне (см. главу III.2.3). Один из влиятельных подходов к канонизации был разработан Алейдой и Яном Ассманами, которые ввели термин «культурные тексты». Поскольку эта концепция способна помочь нам понять, как литературные произведения становятся носителями культурной памяти, «культурный текст» будет рассмотрен далее и послужит отправной точкой для дальнейших размышлений о литературе как носителе памяти.

Ян и Алейда Ассманы ввели понятие «культурный текст» в качестве прототипа «переработанных текстов» культурной памяти (см. главу II.4). Однако важно отметить, что этот термин не относится исключительно к литературе и не ограничивается письменными носителями. Устный рассказ, юридический документ, священное писание или политический трактат могут, в зависимости от определенных обстоятельств, обрести статус «культурного текста». Эта тенденция к нивелированию различий между объективациями различных символических систем и медиатехнологий проистекает из определения «текста», которое Ян и Алейда Ассманы, вслед за лингвистом Конрадом Элихом, понимают как «извлеченную коммуникацию» [Assmann 2006: 103]. Такое определение текста означает, что «решающее значение имеет не письменная форма, а акт хранения и передачи». Текст представляет собой сепарацию от непосред-

ственной речевой ситуации. Коммуникация посредством текстов означает, что «*непосредственная* ситуация соприсутствия заменяется “*расширенным* контекстом”». Тексты — это «речевые акты» в расширенном контексте; они соединяют отправителей и получателей сообщения через пространственные и временные границы [Assmann 2006]. При таком определении тексты действительно могут формироваться в различных медиумах и системах символов. Существуют, например, «устные тексты», такие как устно передаваемые мифы; но «не каждое высказывание является текстом» [Assmann 2006: 104].

То, что Алейда и Ян Ассман относят к «*культурным* текстам», на самом деле является «усилением» подобных текстов. Культурные тексты «обладают» особым нормативным и формирующим авторитетом для общества в целом [Assmann 2006: 104]. Культурные тексты независимы от медиумов и выражаются в устной, визуальной и письменной форме. Устное повествование, картина, ритуал или юридический документ могут взять на себя функцию культурного текста. Независимо от того, какие медиумы используются для хранения и передачи культурных текстов общества, согласно теории Алейды и Яна Ассманов, все они функционально эквивалентны; все они создают культурную идентичность и согласованность: «Все это может стать знаком, кодирующим общность. Важна не материальная оболочка, а функция и структура знака» [Ассман 2004: 149].

Что мы можем сказать о функционировании литературы как культурного текста? Как литературное произведение может превратиться в подобный нормативный и формирующий носитель информации? На эти вопросы отвечает эссе Алейды Ассман «Что такое культурные тексты?» [Assmann 1995]. Она отмечает, что «культурный текст» — это не литературный жанр, который можно определить по присущим ему характеристикам. Он, напротив, является основой восприятия. Ассман различает две «рамки восприятия», в которых тексты воспринимаются либо как «литературные», либо как «культурные» [Assmann 1995: 234]. Эти рамки характеризуются «различными подходами к потенциально идентичным текстам». Конкретное прочтение, или актуализация, таким образом, не могут быть выведены из каких-либо внутренних характеристик текста. Фактически они основаны на «решающем акте» читателя, который присваивает тексту либо статус «культурного», либо «литературного» [Assmann 1995: 234].

Из множества литературных произведений, которые создает и сохраняет общество, лишь немногие становятся избранными и относятся к «культурным», или, согласно терминологии Алейды Ассман, получают канонический статус. Такое присвоение статуса коренным образом меняет отношение к этим текстам. Попадая в основ-

ную область культурной памяти, они превращаются в нормативные и формообразующие и тем самым приобретают дополнительные семантические и прагматические измерения: они теперь кажутся воплощением — и используются для передачи — культурной, национальной или религиозной идентичности, а также общих ценностей и норм. Создавая «канон религиозных, национальных или образовательных текстов» [Assmann 1995: 241], общества описывают себя.

Алейда Ассман подчеркивает, что культурные тексты отличаются от литературных совершенно иной практикой чтения. Вместо одностороннего восприятия, эстетической дистанции и стремления к новизне, восприятие культурных текстов характеризуется «благоговением, повторным изучением, торжественностью» [Assmann 1995: 242]. Этот тип чтения основывается на уверенности читателя в том, что посредством акта чтения он или она становится частью мнемонического сообщества. Безусловная идентификация с тем, что, как предполагается, является посланием текста; желание приобрести — через чтение — знания о культурных истоках, идентичности, ценностях и нормах; поиск истины, — вот дальнейшие характеристики специфической практики чтения, связанной с культурным текстом. Учитывая это определение, неудивительно, что Алейда Ассман рассматривает Библию как «образцовый культурный текст» [Assmann 1995: 237].

Прочтение литературного произведения как культурного текста, похоже, подразумевает как ретроспективное уменьшение литературной неоднозначности, так и расширение культурного смысла. Публикация сочинения в качестве литературного текста маркирует его как *версию* реальности, которая не является однозначной или нормативной, а скорее обозначена как художественная, и поэтому допускает различные интерпретации. Это определено условность, но, во всяком случае, с момента развития современной системы искусства в XVIII веке это стало стандартной практикой. Тем не менее предпосылкой того, что литературный текст может быть прочитан как культурный, является то, что он должен быть одновременно упрощен и переопределен. Многозначность литературного текста рассеивается и уступает место единообразному посланию, а его изначальная историческая обусловленность теряется из виду. Однако с потерей своих «литературных» и исторических характеристик текст приобретает «культурную» глубину: Теперь считается, что он передает «обязательную, неизбежную и вневременную истину» [Assmann 1995: 242].

Культурный текст — это хранитель информации, или, точнее говоря: посредством восприятия «культурных текстов» литературные

тексты превращаются в медиумы культурной памяти. На протяжении веков сочинения Гомера, Вергилия, Овидия, Данте, Шекспира, Мильтона и Бенъяна были ключевыми компонентами инкультурации школьного или религиозного образования. Они были одновременно и носителями, и объектами культурной памяти: медиумы, которые «помнят что-то» о прошлом сообщества и запомнились как канонические произведения. Таким образом, они выполняли типичную двойную функцию медиумов культурной памяти (см. главу V.4.1).

VI.3.2 Литература как средство циркуляции: коллективные тексты и литературное посмертие

Как быть, однако, со всеми другими литературными текстами, не канонизированными, не воспринимаемыми как важный компонент «культуры»? Для того, чтобы полностью осознать роль литературы в социальном формировании памяти, мы должны дистанцироваться от предположения, что с культурной памятью связана только так называемая высокая литература. (Напротив, часто именно «популярная» или даже «тривиальная» литература использует ее мифические и символические ресурсы, как наглядно показывает пример фантастики). Литературные произведения любого происхождения и качества могут создавать и передавать образы прошлого — как в рамках культурной, так и в рамках коммуникативной памяти. Таким образом, понятие «коллективные тексты» призвано описать функцию литературы как средства распространения и формирования культурной памяти. Как и в случае с «культурными текстами» Яна и Алейды Ассманов, «коллективный текст» — это, прежде всего, феномен восприятия. Правда, в отличие от культурного текста, концепция коллективного текста указывает на такой способ чтения, при котором литературные произведения актуализируются не столько как ценные *объекты*, о которых нужно помнить, сколько как *носители* представлений о прошлом. Коллективные тексты создают, распространяют и формируют содержание культурной памяти.

Примеров коллективных текстов множество: исторические романы, такие как «Уэверли» Вальтера Скотта (1814), позволяли большой аудитории почувствовать ход истории; военные романы, например, «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка (1929), погружали читателей в атмосферу сражения; романы, подобные «Гордости и предубеждению» Джейн Остин (1813) или «Унесенным ветром» Маргарет Митчелл (1936), формировали представления о жизни определенных регионов в прошлом; «Сто лет одиночества»

Габриэля Гарсии Маркеса (1967) и «Дети полуночи» Салмана Рушди (1981) создавали представление у мировой аудитории об истории Южной Америки и Индии. Каждый из этих текстов является случаем распространения литературы через глобальные медиакультуры, часто в переводе, таким образом представляя собой то, что можно назвать «мировой литературой памяти» [Damrosch 2003]. Кроме того, большинство примеров — это случаи, когда текстовые и кинематографические версии одной и той же истории обеспечивали взаимную мнемоническую поддержку. Поскольку нарративам памяти свойственно пересекать границы медиумов, коллективный текст также является трансмедиальным феноменом.

Как же возникает феномен коллективных текстов? Парадоксально, но одним из важных условий для того, чтобы литературные произведения оказывали такое влияние на культурную память, является то, что читатели приписывают им некую референциальность. Вольфганг Браунгарт справедливо утверждает, что «лишение текста прав и возможностей через осознание его художественного статуса, очевидно, еще не полностью достигнуто. Это не является исключительно проблемой “логики вымысла” или (онто-)логического статуса вымысла и не может быть объяснено только обращением к форме и времени повествования, но также должно учитывать читательские привычки и желания» [Braungart 1996: 149]. Литературная теория вполне может показать, чем и как вымышленные миры отличаются от невымышленных репрезентаций. И это фундаментальное исследование действительно необходимо, если мы хотим обрести понимание специфических форм выражения и эпистемологических возможностей литературных текстов и противодействовать слишком простым постструктуралистским позициям, утверждающим, что все факты — вымысел, а любое повествование о прошлом — литература. Однако взгляд на реальные стратегии чтения эмпирических интерпретативных сообществ, судя по всему, подтверждает предположение о том, что онтологический разрыв между вымыслом и реальностью, постулируемый в теории, легко преодолевается на практике, и что литературные произведения явно формируют наши представления о реальности прошлого.

Литература нередко создается и воспринимается довольно прагматичными способами, и достаточно часто с позиции уточнения референциальных связей и устранения неоднозначности. Один из примеров — идеологические, дидактические и нормативные функции исторических романов, военной литературы и детских книг, а также свойственный им тон повествования «как это было на самом деле». Однако это не отменяет различий между системами символов.

Читатели не путают исторический роман с историографией, а элегию с панихидой. Напротив, можно увидеть, насколько деликатной темой в мнемонической практике является переход между системами символов, если учитывать социальное представление о том, как читатели относятся к автобиографии или автобиографическому письму. Как только «олитературирование» прожитой жизни переходит грань художественного вымысла, такие тексты, как правило, перестают восприниматься читателями как автобиографические. «Дело Вилькомирского», бурное обсуждение автобиографии якобы пережившего Холокост [Wilkomirski 1995], которая — вместе с личностью автора — вскоре была разоблачена как вымышленная, стало одним из лучших примеров непроницаемости границ, выстраиваемых социальной сферой между различными системами символов, несмотря на все сходства и пересечения.

Поэтому сила литературы как медиума обращения культурной памяти должна быть основана на откровенно парадоксальной практике чтения. Литературные произведения воспринимаются *как* литература, то есть (в соответствии со специфическими характеристиками этой системы символов) как поливалентные и междискурсивные формы репрезентации, которые могут также включать вымышленные элементы в свои версии прошлого. *В то же время* им приписывается определенная референтность. Это референциализирующее движение в процессе чтения, однако, направлено не на донарративную реальность прошлых событий (как это происходит при чтении историографических текстов), а скорее на горизонты смысла, создаваемые культурной памятью — и, таким образом, на «реальность», которая уже глубоко символически сгущена, повествовательно структурирована и преобразована жанровыми моделями. Что стоит на кону при чтении литературы как коллективных текстов, так это «истина» в соответствии с памятью. Коллективные тексты должны «вписываться», уметь резонировать со смысловыми горизонтами культуры памяти, ее (нарративными) схемами и существующими образами прошлого. На этих основаниях и создается «мнемоническая аутентичность». Именно поэтому видение прошлого Скотта могло оказывать такое большое влияние в историцистском девятнадцатом веке; повествования Ремарка о молодых людях на войне — во времена обостренного антагонизма поколений; магический реалистический образ индийской истории Рушди — в постмодернистскую эпоху; поддельная автобиография Вилькомирского — в эпоху, привыкшую к «фрагментарным» моделям в репрезентации Холокоста.

В этом отношении коллективные тексты возникают из «мультимедийных сетей» культурной памяти, вмешиваются в них и могут

быть поняты только в сочетании с ними (см. главу V.5.2). Приведем один пример: на рубеже нового тысячелетия тема бегства и изгнания немцев с восточных территорий в конце Второй мировой войны постепенно (заново) становилась темой общественного обсуждения в Германии — она проникала в политические дискуссии, газетные комментарии и телепередачи. Роман Гюнтера Грасса «Траектория краба» (2002) вошел в это растущее мнемоническое поле, придал ему форму и ясно выразил многое из того, что до этого времени могло казаться бесформенным и несвязанным, и, соответственно, получил в немецкой прессе статус «нарушителя табу». Как утверждала Кирстен Принц в связи с бурными дискуссиями после публикации романа Грасса, «граница между художественной и нехудожественной литературой здесь становится функциональной: литературные произведения с их ограниченной претензией на референциальность и депрагматизацию могут проверять определенные версии прошлого, социальная и политическая актуальность которых затем определяется в нехудожественном, то есть журналистском, дискурсе» [Prinz 2004: 193].

В то время как концепция «коллективных текстов» делает акцент на синхронных связях и обращении к культурной памяти через литературу, изучение «посмертной жизни литературы» (что напоминает исследования Аби Варбурга о посмертной жизни искусства) открывает диахроническую перспективу. В исследованиях памяти все большее место отводится историческим подходам к «жизни» и постоянному влиянию литературы на культуру памяти. Например, существуют исследования о «посмертии» романов Вальтера Скотта [Rigney 2004], [Rigney 2011], о более чем 300-летней истории «Путешествия Пилигрима» Бенъяна и его всемирном распространении [Hofmeyr 2004], о посмертии антиколониальных пророчеств в южноафриканской литературе и других медиумах [Wenzel 2009]. Такие исследования затрагивают основной процесс культуры запоминания: преемственность и актуализацию. И они свидетельствуют о том, что Энн Ригни [Rigney 2010: 17] назвала «особенностью искусства как формы коллективного вспоминания», а именно об их «временной запутанной комбинации “монументальности”» (то есть их стойкости) и «податливости» (то есть их «открытости для освоения другими»).

При реконструкции «социальной жизни» [Appadurai 1986] или «культурной биографии» литературного текста можно спросить, как — на протяжении длительных периодов времени, — его принимали, обсуждали, использовали, канонизировали, забывали, цензурировали и повторно использовали. Что заставляет одни литературные произведения обретать новую жизнь в меняющихся социальных

контекстах, в то время как другие исчезают и отправляются в архив? Эти вопросы можно рассматривать с социальной, медиальной и текстовой точек зрения — и, вероятно, лучшим решением будет сбалансировать все три для изучения феномена литературного посмертия.

Социальная перспектива подчеркивает активное присвоение художественного текста социальными субъектами. Насколько меняющиеся социальные формации — с их специфическими взглядами на историю и современные проблемы, их интересами и ожиданиями, дискурсами и практиками чтения, — принимают и реактуализуют литературу? Как меняется реакция на одно и то же литературное произведение от поколения к поколению? В частности, как показала Джессека Батто [Batteau 2009], социальная деятельность и общественная репутация знаковых голландских авторов, таких как Герард Реве, сильно изменилась за последние десятилетия вместе с трансформациями в голландском обществе, и это, в свою очередь, также изменило образы религиозного прошлого, которые передают их произведения.

Рассматривая «литературное посмертие» с точки зрения медиакультуры, необходимо обратить внимание на интермедиальные связи, которые поддерживают и сохраняют влияние определенных историй: интертекстуальные и интермедиальные отсылки, переписывание и адаптация, формы комментариев и перекрестных ссылок. Используя концепции пре-медиации и ре-медиации, я показываю, как нарративы и знаковые образы Сипайского восстания (колониальной войны в Северной Индии против британского правления) были предварительно сформированы историями и образами более ранних аналогичных событий (таких как Калькуттская «чёрная дыра» 1756 года), затем переосмыслились в колониальных и постколониальных контекстах с помощью всего спектра доступных медиа-технологий (от газетных статей до романов, фотографии, кино и Интернета), чтобы в итоге превратиться в посредников других историй и событий (таких как Амритсарская бойня в 1919 году, ностальгические постимперские романы 1950-х годов или современные дебаты о терроризме) [Erl 2007], [Erl 2009].

В более текстоцентричной перспективе возникает вопрос, существуют ли определенные свойства литературных произведений, которые делают их более «актуализируемыми», чем другие, в результате чего эти тексты продолжают перечитывать, переписывать, исправлять и обсуждать. Например, изучение долгого и насыщенного посмертия «Айвенго» Вальтера Скотта (1819), проведенное Энн Ригни [Rigney 2010: 215], показало, что постоянная привлекательность романа может быть объяснена сочетанием двух (на первый взгляд

противоречивых) характеристик его сюжета: как никакой другой, роман Вальтера Скотта, «Айвенго» одновременно «очень схематичен» и очень «противоречив». С одной стороны, он предлагает основную парадигму повествования, которую можно использовать в качестве модели «для работы с *другими* событиями»; с другой стороны, он держит читателей в недоумении и вовлекает их своим «дестабилизирующим напряжением между исходом истории и ее эмоциональной экономией». (О женском переписывании⁴ см. [Plate 2010]).

Общим для «культурных текстов», «коллективных текстов» и «литературных посмертий» является то, что они представляют собой *подходы* к изучению литературы как медиума культурной памяти; они понимаются как определенный взгляд на литературные тексты, и часто один и тот же текст потенциально может рассматриваться через все три призмы. Однако каждая из этих призм поднимает разные вопросы и дает разные ответы. Если «культурно-текстовый подход» рассматривает литературные произведения как медиумы информации и задается вопросом о социальных институтах, вовлеченных в сохранение и интерпретацию канонических, священных или классических текстов, то «коллективно-текстовый подход» более заинтересован во включении литературы (часто популярной) в текущие дискуссии о памяти, в ее живое изображение прошлого и в способы, которыми она формирует коллективные образы истории. Понятие «посмертия», наконец, переносит эти проблемы в диахроническое измерение. Оно предполагает постановку вопроса о продолжающемся влиянии некоторых литературных произведений, об их способности «жить дальше», оставаться востребованными и значимыми для читателей; и оно предполагает рассмотрение сложных социальных, текстовых и интермедиальных процессов, вовлеченных в эту динамику. Чтобы завершить обсуждение литературы как медиума памяти, в следующей главе будут рассмотрены психологические перспективы связи литературы и индивидуальной памяти.

4. Женское переписывание (*women's rewriting*) — это практика письма, при которой автор пересказывает известный сюжет мировой культуры через призму женского взгляда. Например, как это сделала Криста Вольф в романе «Кассандра». Женское переписывание активно изучает голландская исследовательница Лидеке Плейт (*Liedeke Plate*). — Прим. ред.

VI.3.3 Литература как медиальная рамка памяти

Может ли литература восприниматься как носитель индивидуальной памяти? С одной стороны, литература является частью семантической памяти каждого человека. Мы помним персонажей и сюжеты из прочитанных нами романов и просмотренных фильмов. Подобная индивидуальная актуализация является необходимым условием для тех видов социально разделяемых практик чтения, которые описаны выше с помощью понятий «культурные тексты» и «коллективные тексты» (и, конечно, она может противоречить социально доминирующим чтениям). С другой стороны — и это, возможно, более тревожно, — литература также выступает медиумом, который формирует эпизодическую память: то, как мы вспоминаем наш жизненный опыт.

Чтобы понять значение литературы для эпизодического запоминания, обратимся еще раз к анекдоту Мориса Хальбвакса о «прогулке по Лондону» (см. главу V.4.2). Хальбвакс не только акцентирует роль, которую играют различные социальные рамки и медиумы в его восприятии города; он также намекает на важность литературных моделей: «Многие впечатления во время моего первого визита в Лондон — Собор Святого Павла, Мэншн-Хауз, Стрэнд или Судебные инны — напомнили мне о романах Диккенса, прочитанных в детстве» [Halbwachs 1980: 23]. Здесь четко прослеживается сложная взаимосвязь литературы и памяти: впечатление от лондонского городского пейзажа напоминает посетителю о литературном произведении, а прочитанное в прошлом, в свою очередь, формирует его оценку города. Поскольку Хальбвакс интересуется социальными рамками памяти, он заключает: «Поэтому я совершил свою прогулку с Диккенсом» [Halbwachs 1980: 23]. Таким образом, подобно архитектору или художнику, (в то время давно скончавшийся) автор романа может образовать социальную группу с вспоминающим и служить виртуальным партнером по общению в социально разделяемом процессе создания индивидуальной памяти.

Литературоведу высказывания Хальбвакса могут показаться слишком расплывчатыми, а возможно, даже ошибочными. И, конечно, изображения Лондона в романах «Холодный дом» (1852), «Большие надежды» (1860–61) или «Оливер Твист» (1837–38) не являются точными и верифицируемыми представлениями о метрополии, которые мы ожидаем найти в исторических трактатах или на картах. Романы Диккенса — это художественные тексты, которые не имитируют реальность Лондона, а создают поэтические модели города. Приписывать реальному автору Чарльзу Диккенсу описание места

действия, вымышленные события, которые там происходят, или их смысл, в равной степени непропорционально. Нарратология утверждает, что вымышленные миры опосредуются вымышленными повествовательными инстанциями (которые могут быть крайне ненадежными). Но как могут вымышленные образы, переданные столь же вымышленным повествователем, повлиять на реальную ситуацию? Для Хальбвакса литература, очевидно, функционирует как медиум, из которого выводятся социальные рамки референции. Литература — это *cadre médial* (медиаальная рамка). Чтение литературных текстов, по-видимому, формирует индивидуальную память не меньше, чем социальное взаимодействие в группах или общение через другие, нехудожественные медиумы.

И действительно, многие недавние исследования показали, что литература играет ключевую роль в восприятии и запоминании индивидуального жизненного опыта. Это медиум, который пре-формирует нашу встречу с реальностью, а затем помогает преобразовать опыт в наши самые личные воспоминания. В своей книге «Интимная история убийств» [Bourke 1999] Джоанна Бурк приводит ряд примеров эффективности литературных и кинематографических репрезентаций войны. В частности, она сообщает, что во время вторжения на Гренаду в 1983 году американские солдаты играли вагнеровские оперы, подражая полковнику Килгору (Роберт Дюваль) — герою военного фильма «Апокалипсис сегодня» (1979), осуществлявшему вертолетные атаки под звуки «Полёта валькирий». Здесь мы находим, что жизнь подражает литературе, как сказал бы Оскар Уайльд. И в менее драматичных ситуациях повседневной жизни литература часто незаметно, но присутствует, например, когда мы страдаем от бремени работы, как Сизиф, ищем подходящего партнера, как Элизабет Беннет, уезжаем, теряемся и оказываемся в опасности, как Одиссей, ревнуем, как Отелло, или любимся цветущим весенним полем, как лирический герой Вордсворта. Гуру сценаристов Роберт Макки подчеркивает влияние литературных структур на то, как мы думаем о себе и своей жизни: «Большинство людей верят, что <...> они являются единственными активными действующими лицами своего собственного существования; что их существование протекает в непрерывном времени в рамках последовательной реальности, связанной случайностями; что в этой реальности события происходят по объяснимым и значимым причинам» [McKee 1997:62]. По словам Марка Тернера [Turner 1996], все мы обладаем фундаментально «литературным умом».

Ключ к влиянию литературы на индивидуальную память лежит в том, как она распространяет культурные схемы, и, вероятно, не слу-

чайно, что фундаментальная работа Бартлетта о культурных схемах была выполнена на примере литературных нарративов (см. главу III.3.1). Сегодня именно литература, передаваемая через средства массовой информации, играет важную роль в качестве источника этих схем. От фильмов и телесериалов до радиоспектаклей и ролевых игр в Интернете — литературные медиумы усваивают, воплощают, изменяют и передают схемы кодирования опыта. Таким образом, они укрепляют существующие структуры культурной схематизации и порождают новые; они предварительно формируют опыт (войны и революции, окончания школы и брака) и направляют воспоминания по определенным путям.

Функция литературы как средства формирования памяти и генератора культурных схем также изучалась в области социальной психологии и нейробиологии. К примеру, Харальд Вельцер [Welzer 2002] провел интервью с ветеранами Второй мировой войны и понял, что литературные модели, взятые из популярных фильмов о войне [Welzer 2002: 179] и художественной прозы (от Одиссеи до Карла Мая и сказок братьев Гримм) [Welzer 2002: 186], служат шаблонами для автобиографического воспоминания. Вельцер считает «весьма вероятным, что все мы добавили в свои истории жизни элементы и эпизоды, которые пережили другие — вымышленные или реальные люди, а не мы сами» [Welzer 2002: 169]. Он утверждает, что художественная литература, в частности, предоставляет «проверенные модели историй, которые доказали свою успешность, с помощью которых можно увлечь и взволновать своих слушателей» [Welzer 2002: 186]. Однако наше обращение к уже существующим историям, похоже, происходит неосознанно. Напротив, как правило, респонденты считали свои воспоминания довольно точным отображением прошлого опыта. На самом деле, ощущение подлинности наших автобиографических воспоминаний, как правило, поддерживается элементами, взятыми из литературных текстов. Используя литературные структуры, мы переписываем бессвязные события прошлого таким образом, что они правдоподобно следуют друг за другом, и поэтому кажутся особенно достоверными, вполне логичными, а значит, «реальными».

Один из интересных выводов о связи литературы, памяти и наших представлений о подлинности был сделан в области нейробиологических исследований. Вельцер замечает, «что нейронные пути обработки визуального представления и воображаемого наполнения настолько совпадают, что даже при воспоминании чисто воображаемых событий люди могут живо видеть их “перед глазами”» [Welzer 2002: 39]. Возможно, это объясняет, почему сгущенные образы, соз-

данные в литературных текстах, в памяти иногда невозможно отличить от того, что мы пережили лично. Как бы то ни было, с точки зрения исследований памяти литература явно оказывается «частью социальной, культурной и исторической интертекстуальной сети, распределенной памятью» [Welzer 2002: 187].

Осмысление «литературы как медиума культурной памяти» требует тщательной контекстуализации литературных произведений. Это означает представление литературы как части культуры памяти, вплетенной в ее социальные, медиальные и ментальные аспекты. Это также требует обращения к нюансам и в некоторой степени влечет за собой изменение основных предпосылок традиционной теории литературы, например, в том, что касается возможности четко разделить текст и контекст, (не)референтности литературы, реальных практик чтения (которые крайне нуждаются в тщательном изучении) или предполагаемой стабильности и неизменности литературных произведений. И здесь мы рискуем осознать, что литературное производство культурной памяти — это непрерывный процесс, который характеризуется динамичным взаимодействием текста и контекста, индивидуального и коллективного, социального и медиального.

Список литературы

1. [Ассман 2004] — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. [Бахтин 1975] — *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
3. [Рикёр 1988] — *Рикёр П.* Время и рассказ, Т. 1. Интрига и исторический рассказ. СПб.: Университетская книга, 1988.
4. [Appadurai 1986] — *Appadurai A.* The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
5. [Assmann 1995] — *Assmann A.* «Was sind kulturelle Texte?» / Ed. by Andreas Poltermann // *Literaturkanon — Medienereignis — kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung.* Berlin: Erich Schmidt, 1995. S. 232–244.
6. [Assmann 1999] — *Assmann A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. Munich: Beck, 1999.

7. [Assmann 2006] — *Assmann J.* Religion and Cultural Memory: Ten Studies / trans. R. Livingstone. Cultural Memory in the Present. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006.
8. [Bal 2004] — *Bal M.* Political Narratology, Critical Concepts in Literary and Cultural Studies. London: Routledge, 2004.
9. [Batteau 2009] — *Batteau J.* Literary Icons and the Religious Past in the Netherlands: Jan Wolkers and Gerard Reve / Ed. by Astrid Erll and Ann Rigney // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory.* Berlin and New York: de Gruyter, 2009. P. 229–244.
10. [Bourke 1999] — *Bourke J.* Intimate History Of Killing. New York: Basic Books, 1999.
11. [Braungart 1996] — *Braungart W.* Ritual und Literatur. Tübingen: Niemeyer, 1996.
12. [Brockmeier 2001] — *Brockmeier J.* Retrospective Teleology: From the End to the Beginning / Ed. by Jens Brockmeier and Donal Carbaugh // *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture.* Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 247–282.
13. [Cassirer 1994] — *Cassirer E.* An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. New Haven and London: Yale University Press, 1944.
14. [Cohn 1999] — *Cohn D.* The Distinction of Fiction. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
15. [Damrosch 2003] — *Damrosch D.* What Is World Literature? Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
16. [Eco 1989] — *Eco U.* The Open Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
17. [Erll 2003] — *Erll A.* Gedächtnisromane: Literatur über den Ersten Weltkrieg als Medium englischer und deutscher Erinnerungskulturen in den 1920er Jahren. Trier: WVT, 2003.
18. [Erll 2004] — *Erll A.* Reading Literature as Collective Texts: German and English War Novels of the 1920s as Media of Cultural and Communicative Memory / Ed. by Christoph Bode, Sebastian Domsch and Hans Sauer // *Anglistentag München 2003. Proceedings.* Trier: WVT, 2004. P. 335–353.
19. [Erll 2005] — *Erll A.* Cultural-Studies Approaches to Narrative / Ed. by David Herman, Manfred Jahn and Marie-Laure Ryan // *The Routledge Encyclopaedia of Narrative Theory.* London: Routledge, 2005. P. 88–93.
20. [Erll 2006] — *Erll A.* Re-writing as Re-visioning: Modes of Representing the «Indian Mutiny» in British Literature, 1857 to 2000 / Ed. by Astrid Erll and Ann Rigney // *Literature and the*

- Production of Cultural Memory, special issue of EJES. European Journal of English Studies, 2006. № 10 (2). P. 163–185.
- 21.[Erlл 2007] – *Erlл A.* Prämediation – Remediation. Repräsentationen des indischen Aufstands in imperialen und post-kolonialen Medienkulturen (von 1857 bis zur Gegenwart). Trier: WVT, 2007.
  - 22.[Erlл 2009] – *Erlл A.* Remembering across Time, Space and Cultures: Premediation, Remediation and the «Indian Mutiny» / Ed. by A. Erlл and A. Rigney // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory.* Berlin, New York: de Gruyter, 2009. P. 109–138.
  - 23.[Fish 1980] – *Fish S.* Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
  - 24.[Freud 1900] – *Freud S.* Die Traumdeutung. Leipzig, Vienna: Franz Deuticke, 1900.
  - 25.[Frye 1957] – *Frye N.* Anatomy of Criticism: Four Essays. Princeton, NJ and Oxford: Princeton University Press, 1957.
  - 26.[Fussell 1975] – *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1975.
  - 27.[Goodman 1978] – *Goodman N.* Ways of Worldmaking. Indianapolis, IN: Hackett, 1978.
  - 28.[Halbwachs 1980] – *Halbwachs M.* The Collective Memory, trans. F.J. Ditter, Jr. and V.Y. Ditter. New York: Harper & Row, 1980.
  - 29.[Hamburger 1957] – *Hamburger K.* The Logic of Literature, trans. Marilyn J. Rose. Bloomington: Indiana University Press, 1957.
  - 30.[Hofmeyr 2004] – *Hofmeyr I.* The Portable Bunyan: A Transnational History of the Pilgrim's Progress, Translation / Transnation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
  - 31.[Hynes 1997] – *Hynes S. L.* The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War. New York: Penguin, 1997.
  - 32.[Iser 1993] – *Iser W.* The Fictive and the Imaginary: Charting Literary Anthropology. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993. Originally published as *Das Fiktive und das Imaginäre. Perspektiven literarischer Anthropologie.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.
  - 33.[Lanser 1992] – *Lanser S.S.* Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.
  - 34.[Lejeune 1975] – *Lejeune P.* Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975.
  - 35.[Link 1988] – *Link J.* Literaturanalyse als Interdiskursanalyse. Am Beispiel des Ursprungs literarischer Symbolik in der Kollektivsymbolik / Ed. by Jürgen Fohrmann and Harro Müller //

- Diskurstheorien und Literaturwissenschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 284–307.
- 36.[Luhmann 2000] – *Luhmann N.* Art as a Social System, transl. E.M. Knodt. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
- 37.[McKee 1997] – *McKee R.* Story: Substance, Structure, Style and the Principles of Screenwriting. New York: Regan Books, 1997.
- 38.[Nora 2001] – *Nora P.* Memoirs of Men of State. From Commynes to de Gaulle / Ed. by P.N. // Rethinking France. Vol. 1: Les Lieux De Mémoire: The State. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 401–451.
- 39.[Nünning 1997] – *Nünning A.* Crossing Borders and Blurring Genres: Towards a Typology and Poetics of Postmodernist Historical Fiction in England since the 1960s // European Journal of English Studies, 1997. P. 217–238.
- 40.[Olick 1999] – *Olick J.K.* Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany // American Sociological Review, 1999. P. 381–402.
- 41.[Plate 2010] – *Plate L.* Transforming Memories in Contemporary Women's Rewriting. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- 42.[Prinz 2004] – *Prinz K.* «Mochte doch keiner was davon hören» – Günter Grass Im Krebsgang und das Feuilleton im Kontext aktueller Erinnerungsverhandlungen / Ed. by Astrid Erll and Ansgar Nünning // Kulturspezifität Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 179–194.
- 43.[Ricoeur 1984, 1985, 1988] – *Ricoeur P.* Time and Narrative, 3 vols. Chicago and London: University of Chicago Press, 1984, 1985, 1988.
- 44.[Rigney 2004] – *Rigney A.* Portable Monuments: Literature, Cultural Memory, and the Case of Jeanie Deans // Poetics Today, 2004. № 25 (2). P. 361–396.
- 45.[Rigney 2005] – *Rigney A.* Plenitude, Scarcity and the Circulation of Cultural Memory // Journal of European Studies. 2005. № 35 (1). P. 11–28.
- 46.[Rigney 2010] – *Rigney A.* The Many Afterlives of Ivanhoe / Ed. by Karin, Tilmans, Frank van Vree and J.M. Winter // Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 207–234.
- 47.[Rigney 2011] – *Rigney A.* Portable Monuments: The Afterlives of Walter Scott's Novels (in press), 2011.
- 48.[Ryan 2004] – *Ryan M.-L.* Narrative Across Media: The Languages of Storytelling. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.

- 49.[Schmidt 1992] – *Schmidt S.J.* Conventions and Literary Systems // Rules and Conventions: Literature, Philosophy, Social Theory / Ed. by M. Hjort. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1992. P. 215–249.
- 50.[Sommer 2000] – *Sommer R.* Funktionsgeschichten: Überlegungen zur Verwendung des Funktionsbegriffs in der Literaturwissenschaft und Anregungen zu seiner terminologischen Differenzierung. Literaturwissenschaftliches Jahrbuch, 2000. S. 319–341.
- 51.[Sternberg 1982] – *Sternberg M.* Proteus in Quotation-Land: Mimesis and the Forms of Reported Discourse // Poetics today, 1982. № 2. P. 107–156.
- 52.[Turner 1996] – *Turner M.* The Literary Mind. New York: Oxford University Press, 1996.
- 53.[Welzer 2002] – *Welzer H.* Das kommunikative Gedächtnis: Eine Theorie der Erinnerung. Munich: Beck, 2002.
- 54.[Wenzel 2009] – *Wenzel J.* Bulletproof: Afterlives of Anticolonial Prophecy in South Africa and Beyond. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.
- 55.[White 1973] – *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- 56.[Wilkomirski 1995] – *Wilkomirski B.* Fragments: Memories of a Wartime Childhood. Jüdischer Verlag, 1995.

Астрид Эрл

Франкфуртский университет
им. И.В. Гете,
Институт исследования
Англии и Америки
erll@em.uni-frankfurt.de

Prof. Astrid Erll

Goethe University Frankfurt,
Institute of English
and American Studies
erll@em.uni-frankfurt.de

**Альбина Александровна
Заверткина**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Санкт-Петербург),
Школа гуманитарных наук и
искусств, магистерская
программа «Глобальная
и региональная история»
albazav213@gmail.com

Albina Zavertkina

HSE University (Saint Petersburg),
School of Arts and Humanities,
MA programme in Global
and Regional History
albazav213@gmail.com

Максим Дмитриевич Шкиль

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет гуманитарных наук,
магистерская программа
«Медиевистика»
m.shkil1334@gmail.com

Maksim Shkil

HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
MA programme in Medieval Studies
m.shkil1334@gmail.com

«КОГДА УМИРАЮТ ЛЮДИ – ПОЮТ ПЕСНИ»: ПАМЯТЬ, НАРРАТИВ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Виктория Кукушкина

УДК: 1.13.130.2.

Ключевые слова:
«человек могущий»,
нарративная идентичность,
Поль Рикёр, индивидуальная
память, повествовательная
конфигурация,
интерсубъективность.

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения между памятью, нарративом и идентичностью в философии Поля Рикёра. Используя генерализирующий концепт «человека могущего», автор раскрывает их в контексте формирования «нарративной идентичности», обеспечивающей жизни телеологическую законченность и понимание собственного прошлого. Нарративная идентичность оказывается не только способом рефлексивного толкования себя, но и гарантом здоровых, ответственных отношений с Другим, в том числе в исторической перспективе. Тем самым можно проследить три уровня работы с памятью в процессе формирования нарративной идентичности: (а) уровень внутренней конфигурации памяти, (б) уровень самоинтерпретации, (в) уровень коллективных воспоминаний.

“When people die, songs are sung”: Memory, Narrative, Identity

Victoria Kukushkina

Keywords:
“capable human being”,
narrative identity, Paul Ricoeur,
individual memory, narrative
configuration, intersubjectivity.

Abstract

The article examines a mutual relationship between memory, narrative and identity in the philosophy of Paul Ricoeur. The author reveals them in the context of the formation of *narrative identity* that provides the life with a teleological finitude and understanding of the past using the generalizing concept of *capable human being*. Narrative identity is understood not only as a way of reflective self-interpretation, but also as a guarantor of healthy, responsible relationships with the Other (in the historical perspective as well). Thus, the need to consider memory within the framework of narrative identity can be traced at three levels: (a) the level of the internal configuration of memory, (b) the level of self-interpretation, (c) the level of collective memories.

Теории идентичности: «человек могущий»

Проблема конструирования идентичности, возможно, является центральной для философии вообще. Неслучайно три основных вопроса философии «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что я могу надеяться?» были объединены Кантом в одном-единственном: «что такое человек?». Само указание на разнообразие и противоречивость теорий субъективности может проиллюстрировать критическую сложность этой темы. Едва ли возможно однозначно говорить о безапелляционности имеющихся ответов, однако отметим, что есть одна черта, объединяющая множество антропологических проектов последнего столетия. Сформулировать ее можно следующим образом: вопрос «что такое человек?» все больше трансформируется в вопрос «кто я такой?». Чем ближе мы ко второй половине XX века, тем чаще звучат сомнения в достижимости объективного знания об абстрактной структуре идентичности, исключая чувственное и конкретное, индивидуальное и переменчивое. Кроме того, в процессе в дискурс включаются новые перспективы (например, *queer studies*, феминистическое движение, антипсихиатрия, инклюзивный подход, национальные и этнические особенности), выходящие за рамки сконструированной обществом нормативности, долгое время изолированные и стигматизированные, что существенно расширяет горизонт философской рефлексии. Отвечая на вопрос «кто я такой?», мы не стремимся в феноменологический «рай» интеллектуальной аскезы, а опираемся на собственное прошлое, вспоминаем факты и истории о себе. В художественном мире Роулинг Гарри Поттер был «мальчиком, который выжил»¹ — ответ рождается из того, что уже произошло с героем. И как он до конца следовал тому пути, который был уготован ему после первой встречи с Волан-де-Мортом, так же и мы, исходя из собственного опыта, стараемся по возможности согласовывать уже случившееся с тем, что мы ожидаем, руководствуясь нашими внутренними установками. Спросите Эрена Йегера, кто он такой, и он ответит: «Я тот, кто уничтожит всех титанов»². Такая теологическая направленность в будущее — также часть нашей персональной идентичности, обретающая свои контуры и обогащающаяся деталями, благодаря уже случившемуся. Два этих полюса соединяет настоящее, в котором прошлое может быть переосмыслено, а будущее переопределено. Тем не менее само наличие памяти и целеполагания (гр. *telos*) еще

1. См.: Дж. К. Роулинг. Серия романов о Гарри Поттере.

2. См.: Хадзимэ Исаёма. Атака титанов.

не гарантирует гармонию между темпоральными измерениями. Для этого необходим особый оформляющий принцип, позволяющий встроить разрозненные части в единую жизненную историю — нарратив. Для того, чтобы объединить память, нарратив и идентичность в одной, связанной цепочке, мы бы хотели обратиться к тому ответу, который дает французский философ Поль Рикёр на вечный вопрос философии «что такое человек?».

«Человек могущий» или «l'homme capable» — главный персонаж рикёровского проекта. Философ предлагает построить «герменевтику себя» (herméneutique du soi), основанную на четырех человеческих способностях. Приведем обобщающую цитату самого Рикёра:

«Я ввел понятие “человека могущего” в книге “Я сам как другой”, являющейся обобщением моих философских идей. Данное понятие я также, как и Мерло Понти, считаю основополагающим, символизирующим принцип способности человека на что-либо. Я попытался очертить четыре значительные сферы человеческих способностей. Во-первых, способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка: **“Я могу говорить”**. Во-вторых, способность вмешиваться в ход вещей посредством действий, усилий, если можно так выразиться, прокладывая свой путь в физическом мире: **“Я могу действовать”**. В-третьих, способность рассказывать о своей жизни и, следовательно, формировать свою собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях: **“Я могу рассказать о себе”**. В этом смысле я многим обязан Д. Локку, продемонстрировавшему в своей работе “Опыт о человеческом разумении” роль памяти в построении личностной идентичности. В-четвертых, способность быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть **быть вменяемым**» [Рикёр 2002: 15–16].

Размышления Рикёра о способностях, которые составляют феноменологию «человека могущего», выстроены вокруг четырех полюсов:

1. «я могу говорить»,
2. «я могу действовать»,
3. «я могу рассказывать о себе»,
4. «я несу ответственность».

Первая и третья способности обусловлены наличием у рикёровского субъекта сознания, вторая и четвертая — воли. Под первой способностью «я могу говорить» подразумевается не только и не столько повседневная речевая практика, сколько необходимость лингвистической основы. Сознание, мыслительный процесс, речь невозможны без языковой структуры, которая их обуславливает. Третья способность связана с особой повествовательной формой, позволяющей

субъекту упорядочивать собственный опыт, отталкиваясь от представления о самом себе. Вторая способность раскрывает деятельную сущность человека и связана с его телесностью, а четвертая подчеркивает укорененность субъекта в жизненном мире (нем. *Lebenswelt*), в его социально-политическом измерении. Отметим одновременную связь между описанными способностями и отсутствие иерархии между ними. «Все способности “человека могущего” для Рикёра “наивысшие”, поскольку определяют меру человеческого в человеке» [Вдовина 2015: 47]. Для того чтобы полноценно пройти путь становления и актуализации способностей, необходим комплексный подход, сохраняющий четыре характеристики. Однако Жан-Марк Тета обращает внимание на то, что третья способность выделяется среди остальных наличием возвратного местоимения «себя»: кто себя рассказывает? (*qui se raconte?*). «То есть только в этом вопросе явно присутствует вопрос о себе, поскольку рассказывать себя может только кто-то сам» [Тета 2012: 102]. Нечто похожее мы можем заметить и в рикёровской формулировке четвертой способности: «рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков». В этом смысле способность «быть вменяемым» — это итог первых трех «мочь». Рикёр указывает на такое прочтение: «Именно на такой тройственной основе — лингвистической, практической, повествовательной — конструируется этический субъект» [Рикёр 1995: 41].

Третья способность «я могу рассказывать о себе» конституируется направленностью на сам субъект, которой занимается рефлексивная философия в рикёровской трактовке «расколотого *cogito*»³ (*cogito brisé*). Речь идет об особом понимании рефлексивности, исключающей возможность самопрозрачности. Другими словами, субъект не полностью известен сам себе и этим обусловлена его внутренняя динамика, которая проявляется в противоречивости, конфликтах желаний, страхе перед самим собой и, главное, в способности меняться. Это обстоятельство подчеркивает особую сложность и авантюдность вопроса «кто я?», так как наш внутренний мир не дан нам непосредственно, в полном объеме. Рикёровский субъект не изолирован, на всех четырех уровнях он вписан в интересующие отношения: «...речь адресована тому, кто способен ответить, задать вопрос, вступить в разговор, в диалог; действие совершается вместе с другим, который может либо помочь, либо помешать; рассказ объединяет множество протагонистов в единой интриге; вменяемость делает “я” ответственным перед другими» [Вдовина 2015: 41]. Что сви-

3. Перевод Б.М. Скуратова по изданию [Рикёр 2008]. Также существует вариант «ущемленное *cogito*».

детельствует о постоянной направленности на Другого даже в рамках конструирования персональной идентичности и о значимости взаимного признания людей. Лучше всего это иллюстрируется названием работы Рикёра — «Я-сам как Другой»: «*Soi-même comme un autre* с самого начала имеет в виду, что самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубинной степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна, скорее, переходит в другую, если говорить на языке Гегеля» [Рикёр 2008: 18]. Кроме того, Другой здесь — фигура композитная, для Рикёра критически важна не только включенность человека в сообщество, но и в культуру, требующую от субъекта ее осмысления. Основная идея рикёровского проекта в том, чтобы сделать феноменологии «герменевтическую прививку». Герменевтика — обязательный путь, который рефлексия должна проделать для повторного присвоения своего бытия:

«...не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами: самопонимание в конечном счете совпадает с интерпретацией этих опосредующих терминов» [Рикёр 1995: 83].

В центре нашего внимания — вопрос о самопонимании субъекта, которое конструируется посредством интерпретации себя, а также окружающих его событий и культурных артефактов. «Человек могущий» обретает возможность сосуществовать с другими и полноценно воплощать свой потенциал только благодаря процессу самотолкования, который происходит не единожды, а постоянно возобновляется. В системе Рикёра он реализуется в плоскости «нарративной идентичности», то есть осуществляется через рассказывание историй и «чтение» собственной биографии.

Нарративная идентичность

Обратимся непосредственно к третьей способности: «я могу рассказывать о себе» и понятию «нарративная идентичность», введенному Рикёром в книге «Время и рассказ». В основе произведения — попытка осмыслить, каким образом темпоральность связана с устройством повествования. Таким образом, здесь соединяются две константы, возникающие при ответе на вопрос «кто я?», которые мы выделили с самого начала — время и нарратив:

«...время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [Рикёр 1998: 13].

Рикёр начинает с артикуляции феноменологии (или пред-феноменологии) времени, изложенной Августином в XI книге «Исповеди», и теории нарратива, представленной Аристотелем в «Поэтике». Августин, и вслед за ним и Рикёр, приходит к единственной инстанции, способной избежать апорий времени и обеспечить непротиворечивость теории темпоральности, — к душе, то есть к субъектности. Именно в ней хранятся впечатление от минувшего и чаяния, обращенные в будущее, а потому Августин заключает: время — это протяженность души (*distentio animi*). Августиновская концепция времени в полной мере раскрывается при продвижении между моментами множественного настоящего: пассивное *distentio* тройственного настоящего (настоящее прошедшего, настоящее настоящего, настоящее будущего) обязательно должно сочетаться с активным *intentio* человеческой души (память, внимание, ожидание). Так темпоральность раскрывается с субъективной, а не объективной стороны, что позволяет провести параллель с хайдеггеровским «Бытием и временем». Хайдеггер рассматривает индивидуальное время как экзистенциальное, другими словами, оно напрямую связано с проживаемыми событиями, оно человекомерно. Кроме того, только во временном измерении человек может обнаружить свою конечность, которая и придает смысл его существованию. Время для Хайдеггера — основа структуры бытия, а основное действующее лицо его философии — *Dasein*, воплощенный человек, живущий во времени, имеющий свою историю. У писателя Джулиана Барнса можно найти красивую метафору для описания этого явления: часы, повернутые циферблатом на внутреннюю сторону запястья. «Я твердо знаю одно: есть время объективное, а есть субъективное, которое ты носишь на внутренней стороне запястья — там, где пульс. И твое собственное, то есть истинное время, измеряется твоими отношениями с памятью» [Барнс 2017: 225]. Иными словами, субъективное время — это не последовательность монадических секунд, отсчитываемых стрелкой часов, это внутренний поток, который может менять скорость, «насыщенность», сплетаться в цепочку событий.

Перейдем к теории повествования Аристотеля, которую Рикёр расширяет до размышления о структуре любой нарративной конфигурации. Текст становится повествованием, когда в нем присутствует *mythos* — соединение (*synthesis*) свершившихся действий. *Mythos* Аристотеля переводят как «фабула» или «интрига», однако Рикёр подчеркивает, что речь идет не о результате соединения действий, а о самом интригообразовании. Только после завершения этого процесса складывается статическая структура фабулы, законченная и цельная. Интрига — особое интеллигибельное един-

ство, «совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю или, соответственно, история извлекается из событий» [Рикёр 1995: 63]. Больше всего Рикёра интересует построение фабулы трагедии (*mythos tragique*), ее он определяет как «требование согласия и допущение несогласия, которые, вплоть до завершения рассказа, ставят идентичность в опасное положение» [Рикёр 2008: 173]. Завязывание интриги предполагает упорядочивание событий в соответствии с правилами, позволяющими оформить фабулу трагического текста. Эта модель была названа Рикёром «несогласным согласием», и, по его мнению, это модель любого нарратива. Согласие — обобщающий термин, содержащий в себе три характеристики такой фабулы: полноту, целостность, освоенный объем. Эти три компонента, согласно «Поэтике», обеспечивают повествованию композиционное, содержательное и смысловое единство, структуру с началом, серединой и концом. Но в трагическое произведение на содержательном уровне обязательно встраивается несогласие — трагическая случайность, которая парадоксальным образом столь же необходима на структурном уровне, как и все остальные части композиции. Встраивание несогласия обеспечивает сложную внутреннюю диалектику, которая постоянно требует реактуализации понимания.

Не любая теория нарратива требует наличия субъекта, однако для Рикёра это необходимое условие именно из-за способности помнить.

«Актуальность этой темы обусловлена тем, что повествование, рассказ позволяют установить связь с опытом времени, поскольку рассказ разворачивается во времени и повествует о событиях, происходящих во времени, о персонажах, живущих во времени. В соотношении времени и повествования присутствует опосредующее звено — память. С одной стороны, память — это хранительница времени: мы уверены в том, что нечто произошло до того, как мы об этом рассказываем, именно потому, что мы об этом вспоминаем. С другой стороны, память нуждается в языке как средстве выражения, в повествовании. Следовательно, память выполняет функцию свидетельства о событиях, произошедших во времени, а повествование позволяет структурировать память» [Рикёр 2004: 8].

Время трансцендентально по своей сути, оно не является содержательным компонентом воспоминаний, но всегда — условием их возможности, специальной шкалой. Темпоральность неотделима от самого содержания опыта, а опыт поддается осмыслению и структурируется с помощью нарратива. Рассказ — это истинная форма временного опыта, то есть «способ», каким время представлено

для субъекта. Таким образом, опыт, который может обрести форму нарратива, — как литература, так и история, поэтому во «Времени и рассказе» Рикёр анализирует и «фикционализацию истории», и «историзацию фикции». Если историография, работая с разными видами памяти, восстанавливает в тексте события как реально имеющие место, то литературное произведение строится на вымысле, хотя обладает своей особой достоверностью настолько, что мы готовы воспринимать сюжетные события так, словно они происходили в нашем мире, но не в его историческом измерении (здесь можно упомянуть семантику возможных миров). «Разница здесь заключается в том, что художественный вымысел сообщает о том, чего еще нет, история — о том, чего уже нет» [Вдовина 2009: 367].

В своем большом труде «Память, история, забвение» Рикёр отдельно останавливается на различиях между историей и фикцией. Один из аспектов истории, который отличает ее от любого вымышленного дискурса, состоит в том, что она основана на реальных свидетельствах, достоверность которых мы можем подтвердить и опровергнуть при помощи инструментов исторической критики, в том числе документальных свидетельств, эго-документов и архивных материалов.

«В этом и заключается основная связь между памятью и историей: поскольку свидетельство мыслится как форма “декларативной памяти”, поскольку свидетельствовать — значит и переводить на язык воспоминание о том, что с нами произошло, и свидетельствовать, что описываемое событие действительно имело место, таким образом, память, видимо, является одним из драгоценных источников, из которых исходит достоверность исторических свидетельств»⁴ [Boutet 2019: 74].

Однако именно с ней связаны самые большие трудности: призрачная граница между воспоминаниями и воображением, намеренная фальсификация, непреднамеренный самообман, когнитивные искажения и многое другое.

Память есть опыт «поймки» прошлого, удержанного в сетях прерывистого потока, представленного временным сознанием, и, несмотря на изначальную данность, требует осознанного подхода и частого пересмотра. Эта особенность характерна для всего рикёров-

4. «Voilà où se situe d'ailleurs la principale connexion entre la mémoire et l'histoire: parce que le témoignage est conçu comme une guise de la “mémoire déclarative”, dans la mesure où témoigner, c'est à la fois traduire en langage le souvenir de ce qui nous est arrivé et attester que l'événement relaté s'est véritablement déroulé ainsi, la mémoire apparaît comme une des sources précieuses d'où est issue la véracité des récits historiques» [Перевод мой. — В.К.].

ского проекта: четыре способности «человека могущего» не данность, а путь. Рикёр отказывается давать человеку статичное определение, и само наличие способности еще не гарантирует ее полноценную реализацию. При рождении мы находимся только в самом начале пути воплощения человеческого в нашей жизни через эти четыре сферы. Заиклившись на одной интерпретации случившихся событий, отказавшись от переосмысления воспоминаний, человек рискует «застрять» в прошлом и причинить вред не только себе, но и окружающим. Для того чтобы лучше понять прошлое и превратить его в ресурс для новых переживаний и будущих ожиданий, необходимо учитывать диалогическую природу памяти. В первую очередь — это необходимый диалог с самим собой, раскрытие инаковости внутри себя. Во вторую — с полифонией Другого извне: с ближайшими родственниками и друзьями, с обществом, с культурой в целом. Это напоминает нам, что истина не едина, раскрываема во множественности перспектив и, следовательно, хрупка.

Структура трех мимесисов: конфигурация памяти

Из-за указанных трудностей Рикёр очень осторожно подходит к тематике воспоминаний. «Память, история, забвение» изобилует оговорками, связанными с когнитивными и идеологическими особенностями этого дискурса. Однако, как указывает Рудольф Буте, «его работа содержит достаточно указаний, позволяющих нам понять взаимоотношения, объединяющие память и нарратив»⁵ [Boutet 2019: 83]. В первую очередь, это возможность внутренней конфигурации памяти, которая реализуется повествовательным образом. Фабула, которая, по Аристотелю, является мимесисом действия, понимается Рикёром в трех смыслах и характеризует субъективный опыт восприятия нарратива.

«Далее я буду различать по крайней мере три смысла термина мимесис: это отсылка к обыденному предпониманию, которое мы имеем о сфере действия, вхождение в царство поэтического вымысла и, наконец, новая конфигурация предпонятой сферы действия при помощи вымысла. Именно в последнем смысле миметическая функция интриги сближается с метафорической референцией» [Рикёр 1998: 9].

Рикёр подробно разбирает цепочку из этих трех смыслов мимесиса.

5. «Son œuvre contient suffisamment d'indications pour nous permettre de concevoir la relation de réciprocité qui unit mémoire et récit» [Перевод мой. — В.К.].

Мимесис-I характеризуется накоплением моментов прошлого, сбором рабочего материала, который будет обработан в дальнейшем. Поэтому Мимесис-I лучше всего соотносится с изначальным аристотелевским смыслом этого слова: собранный материал уже обладает потенциалом для выстраивания интриги, то есть является пред-фигурацией. Уровень Мимесиса-I сложно определить, ведь это перспектива безучастного наблюдения, протоколирования, цепочка актов восприятия. Воспринятые и прожитые фрагменты прошлого — это, скорее, машинный сбор информации, однако на практике мы едва ли можем обратиться с Мимесису-I изолированно.

Мимесис-II является конфигурацией, точкой сборки «несогласного согласия», где мы имеем дело не только с накопленными разрозненными действиями, расположенными последовательно, словно перечисленными через запятую, но и с новым, зарождающимся смыслом прочтения частей как единого целого, мира поэтического произведения. Так устанавливаются логические связи между разрозненными событиями, возникает структура.

«Предметом анализа здесь является конкретный процесс, с помощью которого конфигурация текста осуществляет опосредование между префигурацией практического поля и его рефигурацией в восприятии произведения» [Рикёр 1998: 66–67].

Именно на этом этапе и начинается обработка материала, проясняется интрига и расстановка сил.

Мимесис-III уже имеет дело с фигурами автора и читателя и представляет собой рефигурацию реальности нарратива в его жизни. Истоки Мимесиса-III имплицитно содержатся в аристотелевском катарсисе. Такая трансценденция поэтического мира является конечной точкой и целью как самого нарратива, который должен быть прочитан, так и чтения, преобразующего идентичность: «Именно посредством чтения мир, обозначаемый текстом, видится иначе и обретает ту интеллигибельность, которой ему до этого не хватало» [Тета 2012: 106]. Рикёр обращается к понятию Франсуа Дагонье «иконическое приращение», где целое не равно сумме частей, а обретает свой особенный смысл, свое измерение, не сводимое к обобщению составных элементов. В результате рефигурации нарратив обретает собственное, качественно новое значение.

Воспоминания, таким образом, не состоят из мысленного воспроизведения неподвижных образов и фактических данных, а, скорее, находят свое воплощение в припоминании набора движущихся элементов, которые необходимо упорядочить. Когда мы прокручиваем

их в голове, то чаще всего восстанавливаем их уже в форме рассказа. Процесс вспоминания события, как подтверждает опыт, равнозначен его пересказу. И, напротив, история так часто сопровождает наши воспоминания именно потому, что без соответствующей нарративизации они лишились бы связности и смысла, необходимых для их воспроизведения. Только нарративная конфигурация и рефигурация способны объединить в связную ткань такие разнообразные элементы, как субъективные намерения, социальные обстоятельства, эмоциональные состояния, причинно-следственные связи и т.д., чтобы обеспечить «конгруэнтность глубоко разнородных аспектов прошлого» [Boutet 2019: 79]. Нарративная рефигурация играет столь существенную роль, поскольку именно она определяет смысл воспоминаний для их носителя, придавая им цельность и внутреннее единство, хотя и возникает постфактум.

***Ipse* и *idem*: динамика самоинтерпретации**

В книге «Я-сам как другой» нарративная идентичность рассматривается в контексте дискурса о системах идентификации вообще. Именно здесь Рикёр приводит два латинских определительных местоимения — *idem* и *ipse*, указывая на то, что оба этих слова являются аналогами слова «идентичный», но обозначают разные вещи. Разницу значений можно проиллюстрировать возникающей антиномией и семантической двусмысленностью понятия «идентичность», ведь оно одновременно указывает на незыблемость основы личности и на постоянные физические и духовные изменения, которые человек претерпевает в разные периоды своей жизни.

Idem (mêmeté), определяет идентичность как тождественность или самождественность, одинаковость, и ее главным свойством будет неизменность, постоянство. «*Idem*» — «это синоним в “высшей степени сходного”, “аналогичного”. “Тот же самый” (“*même*”), или “один и тот же”, включает в себе некую форму неизменности во времени. Противоположностью являются слова “различный”, “изменяющийся»

Ipse (ipsété) — иная модель идентичности, которая, наоборот, имеет временной характер, однако она тоже гарантирует некоторое парадоксальное постоянство, благодаря тому, что является обещанием себе и окружающим. «Индивид тождественен самому себе. Противоположностью здесь могут служить слова “другой”, “иной”. Это второе значение включает в себе лишь определение непрерывности, устойчи-

[Рикёр 1995: 19]. Рикёр связывает эту самождественность с характером личности, с биологической основой, с «генетической формулой индивида, неизменной от зачатия до смерти» [Рикёр 2004: 229], то есть с некоторой перманентной субстанцией.

Постоянство во времени, характерное для *idem*, — дескриптивное. Оно совпадает с человеческим характером, понимаемым как «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самождественного» [Рикёр 2008: 148]. Иначе говоря, характер — совокупность длительных предрасположенностей, по которым мы идентифицируем индивида как того же самого. Человек на протяжении жизни меняется, обретая новые характеристики, но как только новое, изначально иное крепко вписывается в субъектность, оно по прошествии времени становится естественно ассоциируемым с индивидом. Именно так устроено появление новых привычек. На этом уровне, когда характер, не заложенный изначально биологически, превращается в тождественность *idem*, происходит то, что Рикёр называет «покрытие *ipse* посредством *idem*» [Рикёр 2008: 151].

Постоянство во времени, характерное для *ipse*, — символическое, эмблематическое. Здесь появляется образ обещания. Оно соответствует «верности своему слову», это сам акт сохранения Я. Идентичность *ipse*, возникающая благодаря этой верности, — истинная форма субъективности, которая, как пишет Рикёр, находится в одном поле с экзистенциалами и экзистенциальным у Хайдеггера, то есть оказывается порожденной бытием-к-смерти. Если *idem* базируется в первую очередь на прошлом, то *ipse* — это взгляд в будущее, хайдеггеровский проект бытия, обещание сохранить свою идентичность в пространстве неопределенного будущего. Самость — это «вызов, брошенный времени», это «отрицание изменений» [Рикёр 2008: 154].

Значения напрямую связаны: *idem* постоянно подготавливает почву для дальнейшего хода *ipse*, а нарративная идентичность, которая находится между *ipse* и *idem*, обеспечивает возможность «покрытия». Пока субъект не признает собственную субъектность, то есть не присвоит себе свое же прошлое, движение вперед невозможно. Поэтому важна согласованность целого (связной жизненной истории) и частей (воспоминаний), обеспечивающая подчинение воспоминаний человека той истории, которую он сочиняет на протяжении своей жизни.

«Но что есть воспоминание? Это не только способность воскрешать в памяти определенные изолированные события, но и способность образовывать осмысленные последовательности, упорядоченные связи. Короче говоря, это способность придавать собственному существованию форму истории, фрагментом которой является изолированное воспоминание. Именно нарративная структура этих “жизненных историй” превращает “случившееся” в “историю о случившемся”»⁶ [Riccœur 2008: 85].

Во «Времени и рассказе» и «Я-сам как другой» Рикёр обращается к «Человеку без свойств» Роберта Музиля, чтобы продемонстрировать, что даже в темном сумраке «ночи личной идентичности», когда речь идет об утрате субъектности, небытие не есть ничто, о котором нечего сказать (на это недвусмысленно намекает объем романа), а скорее тотальная нагота вопроса «кто я?» [Рикёр 2008: 201]. Кроме того, опыт Музиля позволяет перейти к следующему шагу, который совершает субъект, погруженный в мир смыслов и значений культуры. «Человек без свойств» — это попытка автора справиться с вопросом «кто я?» с помощью своего произведения, провоцирующая читателя на аналогичное размышление. Так, чтение как практика оказывается важнейшим инструментом пробуждения динамики между идентичностями *idem* и *ipse*, способным вывести нас в сферу действия. Читатель применяет свой опыт чтения к той реальности, в которой он существует, что ведет к изменению, трансгрессии повседневного, то есть к рефигурации. А прочтение собственных действий всегда неразрывно связано с видением себя как персонажа, с чтением Я.

«Литература помогает ему осознать свое прошлое как тот способ, которым он пытался осуществить свой проект и который он сегодня понимает как смысловой горизонт, ориентирующий его будущие действия. Процесс чтения научает его “артикулировать повествование ретроспективно и проспективно” (SA: 193)⁷, обнаружить, что забота, т.е. стремление бытия-человеком к своему как можно более собственному будущему, выражается в поиске повествовательного единства жизни. Ибо “в каком-то смысле [повествование] рассказывает лишь заботу” (там же). Единство жизни может быть только предвосхищено (см.: SA: 206)» [Тера 2012: 116].

6. «*Mais qu'est-ce que se souvenir? Ce n'est pas seulement pouvoir évoquer certains événements isolés, mais devenir capable de former des séquences significatives, des connexions ordonnées. En bref, c'est pouvoir donner à sa propre existence la forme d'une histoire dont un souvenir isolé n'est qu'un fragment. C'est la structure narrative de ces 'histoires de vie' qui, d'un 'cas,' fait une 'histoire de cas'» [Перевод мой. — В.К.]*

7. Сокращение от «*Soi-même comme un autre*».

Понять себя — значит понять себя перед текстом и через текст, получить от него условия нового «я» по отношению к тому «я», которое к чтению привело. Нарративная идентичность вмещает в себя одновременно и обращение к прошлому, и взгляд в будущее. Обращение интеллигибельной интриги на самого себя, нарратизация своей субъектности, позволяющая ретроспективно интерпретировать свой опыт, структурировать свою память и сформировать или даже сформулировать предполагаемый план на будущее, продуцирует нарративную идентичность, благодаря чему жизнь становится более «читаемой».

Забвение, молчание, конечность: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

«Человек могущий» — это проект человека, который имеет возможность рассказывать о себе и действовать от собственного лица. Подчеркнем особенности рикёровского отношения к памяти. Во-первых, субъективные воспоминания о событии принадлежат исключительно самому субъекту. Исследователь Дэвид Дж. Лейхтер описывает индивидуальную память через метафору коробки с сувенирами — «то, в чем хранятся очень личные артефакты и связанные с ними чувства» [Leichter 2012: 115]. Эта метафора подчеркивает, что воспоминания не могут передаваться от одного человека к другому, не теряя при этом часть своего первоначального значения.

Во-вторых, память помогает сохранять личность с течением времени. Рикёровский «человек могущий» существует в темпоральном измерении через постоянную самоинтерпретацию, балансируя между постоянством характера и личностными изменениями. Кроме того, можно выделить экзистенциальный характер этой динамики, а именно антропологию желания быть, которая составляет экзистенциальную основу его мышления: человек становится «способным», если чувствует, проживает собственную жизнь и реализует себя через действия, речь, он рассказывает истории и несет ответственность [Revault d'Allonnes 2011]. Возникает проблематика свободы и заботы, сближающаяся с хайдеггеровским Dasein. Такой способ рассмотрения субъекта предоставляет ему возможность быть вписанным в пространство реального, «воплощенного существования», где учитывается и личная перспектива человеческого бытия, и уровень телесного бытия, и эволюция индивида на протяжении его жизненного пути, и социально-политические особенности, и морально-этическое измерение — с выходом на интересующий

ный уровень. «Не стоит останавливаться на двойном соотношении: “я” — “ты”, нужно идти дальше в направлении тройного соотношения: “я” — “ты” — “третий”, или “любой”» [Рикёр 1995: 42].

В-третьих, память помогает ориентироваться во времени. Именно посредством памяти и только через память мы можем проживать прошлое. Как на уровне персональной идентичности в диалектике *ipse* и *idem*, так и на интересубъективном уровне возможна динамика и взаимоопределение — речь о соотношении индивидуальной и коллективной памяти. В книге «Память, история, забвение» Рикёр комментирует позицию, которую занимает Морис Хальбвакс в своем знаменитом эссе о коллективной памяти. Рикёр соглашается с главным тезисом Хальбвакса: рассмотрение памяти как солипсической, одиночной способности никак не объясняет социальные опосредования и оставляет их за скобками. Наша память видоизменяется, корректируется, иногда даже опровергается. Воспоминания детства, вероятно, больше всего подвержены модификациям, но не только они склонны к такой лабильности. Память, как и повествование, в высшей степени избирательна, и в то же время легко поддается манипуляции. Комментируя Хальбвакса, Рикёр пишет:

«Основная идея в том, что человек вспоминает не один, а с помощью воспоминаний других. Кроме того, наши воспоминания очень часто заимствованы из рассказов, полученных от других. Наконец, и это, пожалуй, ключевой момент, наши воспоминания оформлены как коллективные нарративы, которые подкрепляются памятливыми датами, публичными празднованиями, связанными со значительными событиями, от которых зависел ход истории групп, к которым мы принадлежим»⁸ [Boutet 2019: 82].

Пока человек жив, у него всегда есть возможность изменить историю своей жизни, ведь он является ее автором. Однако утрата индивидуального нарратива свидетельствует о неспособности присвоить собственное прошлое, а значит — видеть возможности для собственного существования в будущем. В словарном запасе узников концлагерей существовал такой термин, как «мусульманин» (Muselmann):

8. «Le fait majeur est que l'on ne se souvient pas seul mais avec l'aide des souvenirs d'autrui. En outre nos prétendus souvenirs sont bien souvent empruntés à des récits reçus d'autrui. Enfin, et c'est peut-être le plus décisif, nos souvenirs sont encadrés dans des récits collectifs, eux-mêmes renforcés par des commémorations, célébrations publiques, portant sur des événements marquants dont a dépendu le cours de l'histoire des groupes auxquels nous appartenons» [Перевод мой. — В.К.].

«Им называли ослабевшего, обреченного на смерть заключенного, испытывающего полное безразличие к окружающему миру и самому себе при абсолютной утрате норм культурного существования и опустошения внутренней жизни» [Попова 2015: 373].

Такое состояние нельзя назвать человеческим, это выживание на физическом уровне при деградации всего остального. Такое «голое существование» воплощается в забвении, потере собственной истории, в молчании и невозможности свидетельствовать. Молчание — категория, противопоставленная нарративной идентичности, способности рассказывать о себе. Так выстраивается цепочка: идентичность, нарратив, память. Выпадение любого элемента способно разрушить связь: «Проблема, таким образом, переносится с уровня непрочности памяти на уровень непрочности идентичности» [Рикёр 2004: 119]. Тем не менее невозможность артикулировать собственный опыт, структурировать его как нарратив познается в разной степени каждым живущим индивидом. Эта тема, отраженная в тютчевском «Silentium!», актуальна для любого человека, пытающегося выразить собственное переживание, используя чуждую ему структуру — язык. Поэтому можно сказать, что именно борьбе с молчанием и с забвением посвящена любая человеческая жизнь, а слово — всегда начало всего.

Взаимодействие идентичностей *idem* и *ipse* и структура тройного мимесиса распространяется и на коллективную память, где нарратизация прошлого выступает необходимым фундаментом для проекта будущего. Мы подчеркиваем, что интерсубъективное существование реализуется как бытие, опосредованное культурой, чужими рассказами и историями. Рикёр предлагает проект диалогического коллектива, в котором каждый отдельный индивид не исчезает, а наоборот, занимает активную позицию. **Способность рассказывать истории, сохранять, передавать память о других и о себе формирует горизонт нашего совместного существования. Потеря и забвение всегда отражается на ощущении субъектности как одного индивида, так и сообщества. Мы не раз подчеркивали связь рикёровского проекта с экзистенциальным, который выстраивается через осознание собственной конечности. Борьба со временем в конечном итоге — это всегда борьба со смертью. У Велимира Хлебникова есть очень точное стихотворение [Хлебников 1986: 75; курсив мой — В.К.]:**

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

Как Жан-Марк Тета отметил наличие возвратного местоимения «себя» в третьей способности Поля Рикёра в качестве ее специфики, так же и мы задержим взгляд на местоимении в третьей строке этого стихотворения, представляющего собой загадку. Подробный филологический разбор был сделан Олегом Лекмановым [Лекманов 2016], и предложенный им финальный вариант мы бы хотели привести в качестве заключения нашего рассуждения:

Когда умирают кони — они дышат,
Когда умирают травы — они сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — то другие люди поют об умерших песни.
Когда поют песни — люди не умирают.

Список источников

1. [Барнс 2017] — *Барнс Дж.* Предчувствие конца. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. 224 с.
2. [Рикёр 1995] — *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М.: Academia, 1995. 159 с.
3. [Рикёр 1998] — *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
4. [Рикёр 2002] — *Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
5. [Рикёр 2004] — *Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
6. [Рикёр 2008] — *Рикёр П.* Я-сам как другой / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
7. [Хлебников 1986] — *Хлебников В.* Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
8. [Ricoeur 2008] — *Ricoeur P.* Psychanalyse et herméneutique // *Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse.* / Textes rassemblés et préparés par Catherine Goldenstein et Jean-Louis Schlegel avec le concours de Mireille Delbraccio. Paris: Éditions du Seuil, 2008. P. 73–104.

Список литературы

1. [Вдовина 2009] — *Вдовина И.С.* Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+, 2009. 400 с.
2. [Вдовина 2015] — *Вдовина И.С.* Поль Рикёр: что может человек // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация / Под ред. Блауберг И.И., Вдовина И.С. М.: Канон+, 2015. С. 32–47.
3. [Лекманов 2016] — *Лекманов О.* Как читать Хлебникова // *Arzamas*. 28.09.2016. URL: [link](#) (дата обращения 10.01.2022).
4. [Попова 2015] — *Попова О.В.* Долг памяти и кризис свидетельства: Поль Рикёр и Примо Леви // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация / ред. Блауберг И.И., Вдовина И.С. М.: Канон+, 2015. С. 364–375.
5. [Тета 2012] — *Тета Ж.-М.* Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // *Социологическое обозрение*. 2012. № 11 (2). С. 100–121.
6. [Boutet 2019] — *Boutet R.* Les guises de la mémoire personnelle: Du souvenir-image à la mémoire-récit // *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*. 2019. Vol. 10. № 1. P. 73–87.
7. [Leichter 2012] — *Leichter D.J.* Collective Identity and Collective Memory in the Philosophy of Paul Ricœur // *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*. 2012. Vol. 3. № 1. P. 114–131.
8. [Revault d'Allonnes 2011] — *Revault d'Allonnes M.* Paul Ricœur ou l'approbation d'exister // *Le Portique [En ligne]*. 2011. № 26.

Виктория Александровна
Кукушкина
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет гуманитарных наук,
образовательная программа
«Философия»
curstance@gmail.com

Victoria Kukushkina
HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
BA programme in Philosophy
curstance@gmail.com

ЧТО ЗА ПАМЯТЬ В ЭТОМ ТЕЛЕ? ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА И ЕЕ РОМАН «ТЕЛО»

Алина Турыгина

УДК: 82+821.161.1.

Ключевые слова:
русское зарубежье,
воспоминание, незамеченное
поколение, женская проза,
телесность.

Аннотация

Пересоздание техник письма и использование памяти как художественного приема — главные инструменты самоосознания, столь важного для писателей младшего поколения эмигрантов. В романе Екатерины Бакуниной «Тело» героиня ищет свое «я», обращаясь к воспоминаниям, с их помощью последовательно «пересобирая» свою жизнь. Эти воспоминания принадлежат не столько буквальному прошлому героини, сколько отдельному пространству с нелинейным течением времени. Е. Бакунина предпринимает попытку создания «женского» дискурса, в основе которого лежит телесность. Но сама жизнь женщины в эмиграции влечет к утрате индивидуальности. Определило ли это судьбу романа, находящегося на грани забвения? Или он задает проблематику, время которой тогда еще не пришло?

What Kind of Memory is There in That Body? Ekaterina Bakunina and her Novel “The Body”

Alina Turygina

*Keywords:
Russian diaspora, memory,
reminiscence, unnoticed generation,
women's prose, corporeality.*

Abstract

Recreating writing approaches and using memory as an artistic technique are the main tools of self-awareness, which is so important for writers of the younger generation of emigrants. In the novel *The Body* written by Ekaterina Bakunina the heroine searches for *herself* by turning to the memories and using them to consistently reassemble her life. These memories belong not to the heroine's literal past but to a separate space with a non-linear flow of time. E. Bakunina makes an attempt to create a *female* discourse based on corporeality. But the very life of a woman in exile leads to the loss of her individuality. Has it determined the fate of the novel being on the verge of oblivion? Or did it introduce a problem, the time of which had not yet come?

*...оказывается, что память живого существа
прежде всего указывает на силу его действия на вещи
и является ее ментальным выражением*
Анри Бергсон, «Материя и память»

телесность — это жизнь
Татьяна Замировская, «Смерти.net»

Хорхе Луис Борхес называет историю о поиске третьим из четырех возможных в искусстве сюжетов. «В прошлом любое начинание завершилось удачей. Один герой похищал в итоге золотые яблоки, другому в итоге удавалось захватить Грааль. Теперь [в XX веке — А.Т.] поиски обречены на провал» [Борхес. 2002]. История русской литературы за рубежом — тоже история поиска. Поиска идентичности, который в каком-то смысле действительно обречен на провал: вернуться к дореволюционной России, жизни русского писателя, какой она была в XIX веке, невозможно. Эмигранты вынуждены изобретать другие пути.

Настоящая статья посвящена тексту, принадлежащему литературе молодого поколения русской диаспоры и сегодня почти забытому, — роману Екатерины Бакуниной «Тело». Недооцененный как современниками, так и литературоведами более позднего времени, этот роман, с одной стороны, является примером использования памяти как литературного приема, свойственного всей русской эмигрантской литературе первой волны. С другой стороны, как показано в статье, Е. Бакунина создает оригинальную временную организацию романа, которая до сих пор оставалась незамеченной. Кроме того, роман Е. Бакуниной, который принимает участие в обсуждении телесности, женского тела, сексуальности и женского дискурса, противостоящего большому «мужскому» дискурсу, особенно актуален сейчас, во времена, когда каноны постоянно переписываются и пересматриваются.

«Отправляясь на Итаку, молись, чтобы путь был длинным», — так в переводе Геннадия Шмакова звучит первая строка стихотворения «Итака» (1910) новогреческого модерниста Константиноса Кавафиса [Кавафис. 2000]. В истории о возвращении домой Одиссея сам путь (в переложении К. Кавафиса) важнее, чем факт возвращения. Поиск идентичности как процесс оказывается важнее ее обретения — так же и в применении «автоматического письма» имеет значение сам процесс письма, а не его результат. А путь к обретению идентичности — это ли не история возвращения домой — возвращения к себе самому?

Само слово «возвращение» обладает семантикой как пространственной (завершение круга, «(воз)вращать»), так и временной (повторение, преодоление разрыва во времени) [Рыбальченко 2007: 58]. Это задает рамки эмигрантского дискурса. Метафизическое возвращение выражается в реконструкции времени и пространства в художественном произведении. Эмигрантская литература, таким образом, часто повествует о жизни в дореволюционной России или же об эмигрантском быте в сравнении с ней. Подобное движение вперед через движение назад становится распространенным приемом в литературе русского зарубежья, один из главных инструментов которого — воспоминание.

«Русская эмиграция как место памяти»¹

Переосмысление представлений о памяти в XX веке (возможно, под воздействием постоянной угрозы утраты) привело к восприятию ее как средства художественного изображения сознания сначала в европейской модернистской литературе, а потом и в литературе русского зарубежья межвоенных десятилетий (1920–1940). Этот переход от литературы вымысла к литературе факта по-разному осмысляется писателями и философами национальных культур, однако сам результат осмысления представляется уже транснациональным феноменом².

Особое значение память приобрела в эмиграции как последняя возможность сохранить дореволюционную Россию, продолжать традицию, находя опору если не в родной земле, то в памяти, запечатлевшей ее, — такова миссия русской эмиграции по Ивану Бунину [Бунин. 1924]. Возможно, уникальность опыта, с одной стороны, и неизбежное *вспоминание* России, с другой стороны, и привели к распространенности личных повествований от «человеческого документа» до мемуаров в русской эмиграции³.

«О русской эмиграции в Париже между революцией и Второй мировой войной теперь написано много», — отмечает один из иссле-

1. «Русская эмиграция как место памяти» — название научно-исследовательского семинара Виктора Михайловича Димитриева, НИУ ВШЭ СПб, 2021 год.

2. См. феноменологическое осмысление памяти Полем Рикёром, в котором, в частности, воображение и воспоминание представляются как инструменты одного процесса — стремления к верному изображению: [Рикёр 2004].

3. О жанре «человеческого документа» (ключевое для перехода к литературе факта в русском зарубежье) см.: [Яковлева 2012].

дователей первой волны русской эмиграции Марк Раев, сравнивая количество научных работ о русском зарубежье в начале XXI века с последней четвертью XX, когда он сам изучал «русский Париж» [Раев 2002]. К настоящему моменту написано еще больше, однако эти тексты носят скорее обобщающий и историко-культурологический характер (см. [Демидова 2003b], [Каспэ 2005], [Рубинс 2017]). Многим малоизвестным авторам, чаще всего «младоэмигрантам», в таких монографиях посвящены одна-две страницы.

Миф о «незамеченности» младшего поколения русской эмиграции деконструирован не раз: Леонид Ливак анализирует представление об изолированности эмигрантской литературы от европейской и прослеживает влияние французских модернистов на писателей «незамеченного поколения» [Livak 2003]⁴; Ирина Каспэ освещает механизмы формирования поколенческой модели [Каспэ 2005]; Анник Морар переосмысляет риторику младоэмигрантов как вполне сознательный «отрыв от корней» [Morard 2010]; Мария Рубинс характеризует эмигрантскую литературу как транснациональную в контексте «как русского, так и не-русского Монпарнаса» [Рубинс 2017: 17]. Однако среди якобы незамеченных есть и «вдвойне незамеченные» писатели, не признанные современниками и отвергнутые «традиционным литературоведением» [Каспэ 2005: 11]: Владимир Варшавский, Василий Яновский, Юрий Терапиано, Юрий Фельзен, Екатерина Бакунина и другие. К этим писателями термин «незамеченные» применим не только с опорой на современность литераторов, но и в диахронической перспективе. Хотя «незамеченность» их сугубо индивидуальная.

В. Варшавский, В. Яновский и Ю. Терапиано вошли в историю литературы как авторы документальных текстов о быте русского зарубежья — заметок, эссе, мемуаров, воспоминаний. Эти нарративы связаны с памятью напрямую, они нарочито отдаляются от художественной литературы. Их цель — сохранить и передать то, что однажды было настоящим. Тем не менее именно на примере подобных квази-документальных материалов становится заметно, как «память, сведенная к воспоминанию, идет по следам воображения» [Рикёр 2004: 23].

Ни Ю. Фельзен, ни Е. Бакунина не оставили мемуаров. Использование форм личного повествования в их творчестве соответствовало другой тенденции европейского искусства XX века — восприятию ху-

4. Термин «Незамеченное поколение» предложен Владимиром Варшавским в одноименной книге, вышедшей после Второй мировой войны в Нью-Йорке: «не вполне мемуары, не вполне историческая хроника, совсем не исследование, скорее ретроспективный манифест» [Каспэ 2005: 6].

дожественного произведения как способа самопознания (см. [Kandel 2014]). Автоориентированность искусства стала попыткой формирования идентичности в мире, стремящемся к концу для европейского модернизма или уже пережившим подобную катастрофу с точки зрения эмигрантов⁵.

Кризис романа в конце XIX и начале XX веков в литературе русского зарубежья преобразовался еще и в кризис вымысла. «Существует только документ, только факт духовной жизни. Частное письмо, дневник и стенограмма наилучший способ его выражения» [Поплавский, 2009: 47]. «Человеческий документ» в русском зарубежье в первую очередь не жанр, а «литературная программа», направленная на репрезентацию частного опыта, как пишет Б. Поплавский (см. [Яковлева 2012: 6]). Переосмысление фикциональности, дискуссии о ее избыточности привели писателей русской эмиграции к обращению к памяти вместо (или скорее *в понимании*) воображения при создании художественных произведений.

Этому только способствовала особая связь двух граней литературного процесса — «писателей» и «читателей», причем в русском зарубежье большинство могло произвольно заменять один модус отношения с художественными текстами другим. Такие условия дают возможность в некотором смысле возродиться функции «рассказчика» по Вальтеру Беньямину, которая в процессе развития литературы была утрачена [Беньямин 2004]. В. Беньямин выстраивает бинарную оппозицию между современным рассказчиком — романистом, и архаичным — «сказителем». Отношения рассказчика с материалом, человеческой жизнью В. Беньямин репрезентирует как ремесленные. Тогда задача рассказчика-ремесленника — в обработке предоставленного материала. Превосходство же архаичного рассказчика над романистом — единство обстоятельств, уже объединяющих рассказчика и слушателя, а также уверенность «сказителя» в том, как именно слушающие воспримут, проинтерпретируют услышанное, в то время как романист не способен предугадать степень и форму читательского сотворчества.

В русском зарубежье о единстве интерпретации речь также не идет, но единство обстоятельств, условий жизни в эмиграции привносит в читательское восприятие неизбежный элемент чтения романа о самом себе. Так, «читательский интерес к правдивым повествованиям из “реальной жизни” подстегнул развитие всевозможных документальных форм письма» [Рубинс 2017: 27].

5. Об ощущении приближения апокалипсиса в европейском модернизме см., например, [Kermode 2000]. Русская революция как апокалипсис преподносится и в вышеупомянутой речи И. Бунина «Миссия русской эмиграции».

«Тело» Екатерины Бакуниной. Взгляд на расстоянии

Екатерина Васильевна Бакунина (1889, Царское Село — 1976, Китли, Англия) уехала в Париж после Гражданской войны в 1923 году. До эмиграции Е. Бакунина сотрудничала с разными журналами, занималась переводами; в Париже стала секретарем редакции журнала «Числа», главной литературной сцены писателей младшего поколения эмиграции⁶. Там были опубликованы первые стихотворения, рецензии, статьи Е. Бакуниной, а также роман «Тело» (1933).

«Это исповедь русской парижанки, переживающей одиночество в семье, утрату привычного уклада, беспросветность обыденного существования» [Грякалова 2002]. Но кроме того, это попытка осмыслить, осознать и воспроизвести свою жизнь на фоне «ужасов быта» [Каспэ 2005: 133]. Героиня вспоминает свою жизнь, отмечая вехи своей биографии изменениями в собственном теле.

Скука и «девичья любознательность» привели к случайной связи с известным певцом. Героиня забеременела, и певцу пришлось стать ее мужем [Бакунина. 2001: 247]. В эмиграции ее семья — муж и дочь Вера — живет бедно; муж работает, дочь (непонятное матери существо, которое нужно любить; девушка, выросшая скорее парижанкой, чем эмигранткой) ходит в лицей. Сама героиня днями хлопочет по дому, ходит на базар, совершая «унизительные покупки <...> с бюджетом в десять франков» [Цетлин. 1933: 455], готовит обед и смотрит на соседней, вспоминая свое прошлое, только бы оставить побольше работы (шитья) на вечер, чтобы не лечь в постель «одновременно с мужем» [Бакунина. 2001: 260].

Она не хочет иметь детей, но ее тело «создано для воспроизведения жизни» — этот конфликт сознания и тела роман и пытается разрешить [Бакунина. 2001: 269]. После одного аборта героиня теряет много крови, попадает в больницу и встречается с доктором, первым любовником, о котором узнает читатель. Доктор становится ей другом, но тело равнодушно к избранному скорее разумом, если не случаем, человеку. Рассказчица вспоминает отдых в Крыму и бурный роман с англичанином, на этот раз не такой «душевный» («верная и меткая формула — отдаваться за чью-то душевность» [Фельзен. 1933: 218]), как с доктором. Физическое влечение заполняет отно-

6. Ср.: «Издание соединило в себе высокую эстетику дореволюционных журнальных традиций с новым исканием в русской литературе» [Летаева 2003: 1]. Борис Поплавский пишет: «Такие люди, как Шаршун, Фельзен, Бакунина, суть не обещания, а результаты “серьезного отношения к делу”, и все они благодаря своему индивидуальному искусству нигде не могли начать печататься, кроме “Чисел”, ибо русское ухо настолько не привыкло к уважению к личному опыту, что их вещи внушали просто недоумение “среднему русскому редактору”» [Поплавский. 1934: 209].

шения героев, они познают друг друга практически на ощупь; у них нет иного общего языка: она не знает английский, англичанин проносит только ломаные фразы на французском и немецком.

Снова рынок, изнуряющие хлопоты на кухне, стирка и шитье пробуждают воспоминания о дореволюционной поре, о России, но внутренний монолог обрывается — Вера возвращается из лица. Однако поток сознания уже не остановить, и героиня вдруг понимает, «находит» себя как женщину. Ее прозрению вторит улыбка солнца «над взлохмаченной, побитой, вымокшей и вымытой старой землей» [Бакунина. 2001: 317].

Роман Е. Бакуниной «Тело», написанный в соответствии с модернизированными в 1930-е годы канонами исповеди во французской литературе, «эмигрантскими критиками был воспринят как уникальный “человеческий документ”» [Каспэ 2005: 133], даже несмотря на то, что в самом начале романа писательница акцентировала внимание читателя на художественности, а не автобиографичности произведения: «То, что я пишу от первого лица, вовсе не значит, что я пишу о себе» [Бакунина. 2001: 246].

И все же роман Е. Бакуниной представляется «свидетельством об одиночестве и непонимании», «формой написания собственной истории», что отвечает критериям именно «человеческого документа» [Яковлева 2006: 390]. С точки зрения феминистских и постколониальных исследований это можно назвать противостоянием традиционному, «мужскому» дискурсу национальной словесности с помощью его же средств. «Человеческий документ», провозглашенный Б. Поплавским, становится для Е. Бакуниной формой литературы факта, которая намеренно используется для создания литературы вымысла, хотя сюжет и разворачивается в условиях эмигрантского быта. Последнее можно рассматривать и как приверженность реализму девятнадцатого века, желание писать то, о чем знаешь, а не только следование тенденциям эмигрантской литературы. «Мне кажется, единственный критерий — совестливая правда. (Конечно, не фотографичность, не автобиографичность, а преломление сквозь личность)», — пишет Е. Бакунина в одном из недавно опубликованных писем Николаю Евреину [Маричик-Сиоли 2022: 15].

С другой стороны, Е. Бакунина анализирует темы телесности, сексуальности, материнства в свете «женского взгляда», противопоставляя его «male gaze» и как бы переписывая известный «мужской» роман европейского модернизма. Роман «Тело» был обвинен современниками в избыточном влиянии на него произведений Дэвида Лоуренса, и особенно «Любовника леди Чаттерлей». Д. Лоуренс и его творчество в модернизме осмысливается как поворот искусства

к познанию себя и своей сексуальности [Bell 2001: 182]. Е. Бакунина берет за основу этот опыт применения художественного текста как инструмента самопознания и соединяет его с опытом эмигрантского быта в попытке выразить женский голос в эмигрантской литературе.

В условиях «многоуровневой маргинальности» [Демидова 2003а: 14] писательница связывает «типовую» женскую судьбу с утратой идентичности, индивидуальности [Рубинс 2017: 285]: «Мое “я” потеряно и заменено образом женщины, вылепленной по типовому образцу. В этой женщине я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся — свое. А нахожу чужое, сходное с другими» [Бакунина. 2001: 245]. Для восстановления субъективного «я» «в прозе Бакуниной намечен двусторонний процесс <...>: с одной стороны, ее героини пытаются обрести контроль над своим телом, а с другой — выразить свой уникальный опыт путем наррации» [Рубинс 2017: 285]. Подобная наррация в романе «Тело» — попытка размотать «клубок воспоминаний» в стремлении создать сложную нарративную структуру, релевантную многоуровневым отношениям женщины с ее телом.

Тело в искусстве рубежа веков и после него

С концом XIX века заканчивается и пуританская эпоха викторианской культуры, однако тема телесности все еще остается табуированной. В литературе одними из первых попыток преодолеть запрет на телесное оказываются именно модернистские романы: работы вышеупомянутого Дэвида Лоуренса или *magnum opus* Джеймса Джойса «Улисс». Как пишет переводчик «Улисса» на русский язык Сергей Хоружий, «стихия телесности, телесной жизни — сквозная и настойчивая тема “Улисса”, одна из специфических его тем» [Хоружий 1994].

Осмысление именно женского тела начинается скорее в изобразительном искусстве. Эрик Кандел, описывая развитие психоанализа, представляет обширный анализ Вены как центра максимального сближения научного и художественного подходов к восприятию реальности [Kandel 2014]. В одно время с Зигмундом Фрейдом венские художники, ярчайшие среди которых — Густав Климт и Эгон Шиле, пытались с помощью искусства познать внутренний мир человека. Однако если Г. Климт в изображении женщин и женской психологии концентрировался на идее «вечной женственности» (см. [Gabelmann 2011]), то Э. Шиле стремился в первую очередь познать женскую сексуальность в различных ее проявлениях. И то, и другое — снова примеры «male gaze», объективации женского тела, тем не менее Э. Кандел подчеркивает важность самой попытки осмысления «женского».

Кроме того, женское тело нарочито эстетизируется в исполнительском искусстве. После реформации танца Айседорой Дункан — снятие строгих рамок, возможность выражать чувства и эмоции, — тело освобождается в танце [Волошин 1988: 394]. Как пишет об этом Максимилиан Волошин, «самое некрасивое тело вспыхивает вдохновением в экстазе танца» [Волошин 1988: 395], но вот то, о чем он умалчивает: эта магия длится, только пока длится танец, только в это время проявляется его магическая способность к преобразению тела и духа. Однако после танца тело возвращается к своему обыденному, отвергаемому состоянию. В таком состоянии находится и тело героини романа Е. Бакуниной, которое она с первых страниц отвергает: «С каким остервенением я сорвала бы эту стареющую кожу, выбросила груди, колышущиеся при ходьбе, вырвала ненавистные, не такие, как хочу, глаза» [Бакунина. 2001: 246].

Е. Бакунина нарочно изображает женское тело антиэстетично, стремясь преодолеть дискурс, в котором женское тело существует, только пока оно красиво. В то же время Е. Бакунина пытается в какой-то степени десексуализировать женское тело, рассказать и «другую часть истории». В картинной галерее Э. Шиле едва ли найдется портрет несексуализированной женщины, хотя на его портретах героини переживают широкий спектр эмоций.

Героине «Тела» неприятен физический контакт с мужем настолько, что отрешение от процесса достигает высшей точки, и тип наррации меняется с повествования от первого лица на рассказ от третьего:

«Если же у меня нет работы и я ложусь в постель одновременно с мужем <...>, то наступает неизбежное <...>. Муж робко пододвигается, кладет голову на плечо *жены* <...>.

Женщина лежит не двигаясь. <...>

Она терпит. *Она* стерпела» [Бакунина. 2001: 260–261].

Отстранение героини от самой себя акцентируется и лексически: «я» (ядро самоосознания) — «жена» (набор социальных ролей) — «женщина» (одна, но все еще социальная роль) — «она» (биологический пол).

Возвращение к «я» происходит только после того, как муж «виновато отвалился на свой край кровати» [Бакунина. 2001: 260–261], а героиня начинает погружаться в воспоминания и анализировать их.

«Тело»: сложная конфигурация темпоральности

В XX веке «воспоминание полностью превратилось в свою собственную тщательную реконструкцию» [Нора 1999: 29] и в таком виде стало почти неизменным художественным приемом в литературе младоземigrants. Пересоздание воспоминаний в «человеческом документе» — это и пересоздание себя, поиск идентичности посредством письма после катастрофы краха и потери.

И. Каспэ «целое поколение незамеченных» называет «территорией непрочитанных смыслов» [Каспэ 2005: 6]. Ключевая функция воспоминаний как приема, создающего нарративную конструкцию, в «Теле» не замечается, не прочитывается даже современниками (только Ю. Фельзен отмечает «диспропорцию между настоящим и прошедшим», но воспринимает это как стилистические пометки начинающего писателя [Фельзен. 1933: 218]). Внимание читателей привлекают «скандальные» сексуальные подробности личной жизни героини и изображение эмигрантского быта наподобие «романа из эмигрантской жизни»⁷. Фокус именно на этих аспектах повествования можно описать как искусственную попытку сделать роман более современным, чем он есть, и позволить интерпретировать его в рамках концепции «человеческого документа».

В интерпретации И. Каспэ биография героини «Тела» «представляет собой последовательную победу неумолимых обстоятельств над нереализованными возможностями. Эти возможности переносятся в область воспоминаний...» [Каспэ 2005: 133], но эти воспоминания не однородны. Осознание себя начинается с осознания тела и всего, что с ним происходило в течение жизни героини.

Обращение к памяти в «телесном» нарративе Е. Бакуниной не означает растворения героини в собственном прошлом. Повествование о теле и о том, что с ним случилось — воспоминания, рассказанные в настоящем времени. Тогда заявление героини о себе как о человеке, живущем «воспоминанием о прошлом и мечтой о будущем, которого не будет», для которого «настоящее не существует» [Бакунина. 2001: 246], представляется парадоксальным — если рассматривать роман в рамках линейной концепции времени.

Е. Бакунина же задает многоуровневую темпоральность (см. [Черепанова 2021]): один уровень составляет реальность героини — неудовлетворительные отношения с мужчинами, материнство, к которому она, кажется, не способна; другой уровень — насыщенные воспоми-

7. «Роман из эмигрантской жизни» — подзаголовок и авторское определение жанра дебютного романа Н. Берберовой «Последние и первые» (1930).

нения. Примечательно, что в конце романа эта многоуровневость почти схлопывается: «Музыка, свобода, нагота, красота — в каком-то *другом плане*, куда я никогда не вознесусь» [Бакунина. 2001: 316]. Но тогда, по мысли Е. Бакуниной, героиня перестанет быть женщиной, превратится в бесполое существо: «я скоро должна буду перейти на положение добровольного кастрата» [Бакунина. 2001: 316].

Тело героини действительно живет в романе только в настоящем моменте, который, тем не менее, не принадлежит плану реальности повествования. Эта возведенная в абсолют телесность, с одной стороны, представляется читателю почти «материализацией», разрывом романтической дистанции между действием и процессом наррации, которая обычно поддерживается в русском языке повествованием в прошедшем времени (возможно, поэтому Г. Адамович назвал постельные сцены в романе Е. Бакуниной «ужасными» [Адамович. 2007: 220]). С другой стороны, возникает «ситуация коммуникативного сбоя»: «литературный текст начинает производить впечатление игры без правил, искренность оказывается невозможно отличить от иронии, а самопародию — от стилистической неловкости» [Каспэ 2005: 133]. Метафоры блеска океана, войны, урагана, огня и другие в эпизодах постельных сцен кажутся и стилистическими неловкостями, и иронией над романтизацией секса в «типичных женских романах», но также иллюстрируют всю нелепость этих метафор, являющихся частью «большого [мужского — А.Т.] национального канона» [Демидова 2003а].

По Е. Бакуниной, «женское» может быть осознано только путем принятия телесных аспектов, сложность и многообразие которых иллюстрируют трудность и даже невыгодность женского существования: «Совершенно ясно, что многое недоступно мне только потому, что я женщина» [Бакунина. 2001: 426].

Трагедия эмигрантского быта

Примечательно, что имя героини — Елена — читатель узнает только после того, как она осознаёт и даже принимает свое тело. Она перестает наблюдать, пристально следить за своим телом, и повествование наполняется чередой воспоминаний в стиле М. Пруста:

«Позеленевший кран и медный стержень у плиты для угля побуждают меня тереть их <...> до такого блеска, что мне... <...> ...вспоминаются медные поручни на яхте, навсегда отошедшей в невозвратное» [Бакунина. 2001: 300–301];

«Железная плита в пять минут раскаливается, как времянка в товарном вагоне. <...> ...вспоминаю перегон в таком вагоне вместе с тифозными, на мешках с крупой и мукой, от которых зависела жизнь Веры» [Бакунина. 2001: 302].

Грязная вода напоминает пену в фонтане, парижский парк — лес в России, размышление о смерти — всех ушедших близких. Но черед ностальгических воспоминаний обрывается воспоминанием «о щелоке, который остался от прошлой стирки в выварке» [Бакунина. 2001: 309]. Поиск идентичности прерывается, разрушается бытом.

Как пишет М. Рубинс, «функция литературы сводится, по ее мнению, к тому, чтобы как-то осознать “смысл рождения” и “насилие смерти”» [Рубинс 2017: 40]. Размотанный клубок воспоминаний обнажает женщину — такую же, как и все остальные: «Я должна жить как все, потому что ничем не отличаюсь от всех» [Бакунина. 2001: 316]. Поиск индивидуальности сменяется покорностью судьбе эмигрантки: «Не надо думать о том, что есть лучшее. Смирение... Терпение...» [Бакунина. 2001: 316]. Сказанные в самом начале романа слова здесь не повторяются, но *напоминаются*: «Я из России, перевернувшейся вверх дном» [Бакунина. 2001: 246]. Эта строка показывает с самого начала — бытие эмигранта представляет собой что-то неизбежно неправильное, «перевернувшееся вверх дном»; но продолжения у этой фразы нет, так же как нет другого выбора, кроме покорности. Эмигрантство, по Е. Бакуниной, само по себе лишает части индивидуальности, смиряет с неизбежным роком, крайняя степень которого — смерть: «что мы погибаем — очевидно» [Бакунина. 2001: 255].

Память, особенно для эмигрантов, задает отдельную, почти литературную реальность, для которой границы, законы, а главное, темпоральность определяет сам писатель. Е. Бакунина *переворачивает идею о возможности найти или пересоздать собственное «я» с помощью воспоминаний, приводя свою героиню не к новому началу жизни, а к добровольному и полному размыванию, стиранию своего «я»* — роман заканчивается «улыбкой солнца» после страшного ливня с грохотом, треском, свистом. Однако радуги в этом пейзаже нет, как нет и продолжения ни жизни, ни истории ни в прошлое, ни в будущее.

Е. Бакунина, в отличие от известных писательниц-эмигранток Нины Берберовой и Ирины Одоевцевой, не опубликовала мемуары, позволившие бы вписать себя в историю и память литературы. Ее романы — скорее попытка создать язык, новый дискурс для «женского», нежели очередной автобиографический «человеческий документ». Тематика романа — телесность и сексуальные практики, традиционно табуированные в русской литературе, — в глазах современников

Бакуниной удовлетворяет скорее идеологический (феминистский), чем художественный запрос. Нарративная техника, сконцентрированная на дискурсивных деталях, осталась незамеченной, а потому для эмигрантов ее произведения оказываются шокирующими, но не актуальными⁸.

Собрание сочинений Е. Бакуниной со стихотворениями, рецензиями, рассказами и статьями так и не вышло, а романы (всего два, чуть больше трехсот страниц в сумме) двадцать лет не переиздавались в России. В научных работах, посвященных писателям-эмигрантам, Е. Бакунина упоминается мельком как пример общих тенденций⁹, или только в сносках и примечаниях¹⁰, а ее романы не найти ни в одной городской библиотеке Санкт-Петербурга. Пропадает ли постепенно литературное наследие Е. Бакуниной и других младоземигрантов? Провалилась ли попытка поиска женской идентичности через хрустальную работу с многоуровневостью, неочевидной сложностью «женского»? Постигла ли судьба героини самого автора или, обращаясь к воспоминаниям, прошлому, Е. Бакунина смотрела в будущее и предопределила проблематику, ставшую теперь актуальной? И возможен ли новый поворот в восприятии литературы памяти, когда, наряду с историей, она все чаще воспринимается как литература вымысла?

8. Дискуссия о современности и актуальности сопровождает писателей русского зарубежья не только на протяжении межвоенных десятилетий, но и в течение всей эмиграции, см., например [Демидова 2003b]. Возможно, романы Е. Бакуниной опередили свое время и актуальными они могут стать именно сейчас, почти век спустя.

9. Ср.: поиск идентичности посредством текста в [Рубинс 2017: 64].

10. Самый частый сюжет упоминания Е. Бакуниной — роман «Тело» как один из поводов к полемике между Г. Адамовичем и В. Ходасевичем о литературном статусе «человеческого документа».

Список источников

1. [Адамович. 2007] — *Адамович Г.В.* Человеческий документ // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки: В 5 кн. Кн. 2 («Последние новости»: 1932–1933) / Подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2007. С. 215–222.
2. [Бакунина. 2001] — *Бакунина Е.В.* Любовь к шестерым. Тело. М.: Гелеос, 2001. С. 246–309.
3. [Борхес. 2002] — *Борхес Х.Л.* Четыре цикла / Пер. с исп. В. Кулагина-Ярцева. URL: [link](#) (дата обращения: 02.01.2022).
4. [Бунин. 1924] — *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции. URL: [link](#) (дата обращения: 16.07.2022).
5. [Кавафис. 2000] — *Кавафис К.* Итака / Пер. Г. Шмакова, ред. И. Бродского // Русская Кавафиана. В трех частях / Сост. С.Б. Ильинской. М.: ОГИ, 2000. С. 264.
6. [Поплавский. 1934] — *Поплавский Б.Ю.* Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204–209.
7. [Поплавский. 2009] — *Поплавский Б.Ю.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Поплавский Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. М.: Книжница, 2009. С. 45–50.
8. [Фельзен. 1933] — *Фельзен Ю.* Екатерина Бакунина. Тело // Числа. 1933. № 9. С. 217–218.
9. [Цетлин. 1933] — *Цетлин М.О.* Екатерина Бакунина. Тело // Современные записки. 1933. № 53. С. 454–456.

Список литературы

1. [Беньямин 2004] — *Беньямин В.* Рассказчик // Беньямин В. Маски времени. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 383–418.
2. [Волошин 1988] — *Волошин М.А.* Лики творчества. Ленинград: Издательство «Наука», 1988. 848 с.
3. [Демидова 2003a] — *Демидова О.Р.* Женская проза и большой канон литературы русского зарубежья // Мы: Женская проза русской эмиграции. СПб., 2003. С. 3–18.
4. [Демидова 2003b] — *Демидова О.Р.* Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья / Под ред. К.Н. Петрова. СПб: Издательство «Гиперион», 2003. 294 с.
5. [Каспэ 2005] — *Каспэ И.М.* Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛО, 2005. 192 с.

6. [Летаева 2003] — *Летаева Н.В.* Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа». Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. М.: 2003.
7. [Маричик-Сиоли 2022] — *Маричик-Сиоли Ю.А.* Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреинову (1931–1934). История «маленькой» писательницы // Литературный факт, 2022. № 3 (25). С. 8–24.
8. [Нора 1999] — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пер. с франц. Д. Хапаевой // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
9. [Грякалова 2002] — *Грякалова Н.* Бакунина Екатерина Васильевна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 156.
10. [Раев 2002] — *Раев М.* Елена Менегальдо. Русские в Париже 1919–1939 // Новый журнал. 2002. № 227. URL: [link](#) (дата обращения: 02.01.2022).
11. [Рикёр 2004] — *Рикёр П.* Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
12. [Рубинс 2017] — *Рубинс М.О.* Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
13. [Рыбальченко 2007] — *Рыбальченко Т.Л.* Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 58–82.
14. [Хоружий 1994] — *Хоружий С.С.* «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Улисс: роман (часть III) / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: Знак, 1994. С. 363–605. Цит. по эл. публикации. URL: [link](#) (дата обращения: 16.07.2022).
15. [Черепанова 2021] — *Черепанова Е.* Темпоральный поворот: случай Майнотга // Логос. 2021. Т. 31. № 6. С. 193–216.
16. [Яковлева 2006] — *Яковлева Н.* «Человеческий документ» (Материал к истории понятия) // История и повествование / Сб. статей под ред. Г. Обатнина, П. Песонена. М.: НЛО, 2006. С. 372–426.
17. [Яковлева 2012] — *Яковлева Н.* «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки: Helsinki University Print, 2012. 208 с.
18. [Bell 2001] — *Bell M.* Lawrence and modernism // The Cambridge Companion to D.H. Lawrence / Ed. by A. Fernihough. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 179–196.

- 19.[Gabelmann 2011] — *Gabelmann A.* Gustav Klimt und das ewig Weibliche. Berlin: Hatje Cantz Verlag, 2011. 128 S.
- 20.[Kandel 2014] — *Kandel E.R.* Das Zeitalter der Erkenntnis: die Erforschung des Unbewussten in Kunst, Geist und Gehirn von der Wiener Moderne bis heute. München: Pantheon, 2014. 703 S.
- 21.[Kermode 2000] — *Kermode F.* The Sense on an Ending: Studies in the Theory of Fiction. Oxford: Oxford University Press, 2000. 206 p.
- 22.[Livak 2003] — *Livak L.* How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. 316 p.
- 23.[Morard 2010] — *Morard A.* De l'émigré au déraciné: la "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne: L'Age d'homme, 2010.

Алина Игоревна Турыгина
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Санкт-Петербург),
Школа гуманитарных наук
и искусств, бакалаврская
программа «Филология»
aiturygina@gmail.com

Alina Turygina
HSE University (Saint-Petersburg),
School of Arts and Humanities,
BA Programme in Philology
aiturygina@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА НОСТАЛЬГИИ НА НАРРАТИВ В РАССКАЗАХ Т. КАПОТЕ «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДНОМ РОЖДЕСТВЕ» И «ОДНО РОЖДЕСТВО»

Мария Дремина

УДК: 8+82.

Ключевые слова:
ностальгия, нарратив,
писатель Т. Капоте,
рассказ «Воспоминания
об одном Рождестве»,
рассказ «Одно Рождество».

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния феномена ностальгии на нарратив в рассказах Трумена Капоте «Воспоминания об одном Рождестве» и «Одно Рождество». Рассмотрена история термина, который используется в своем широком значении как культурное явление, связанное с тоской по прошлому. Выявлены характерные черты и функции ностальгического нарратива. Легитимность восприятия творчества Капоте в перспективе ностальгии подкреплена соответствием фактов биографии писателя и сюжетов рассказов.

The Impact of the Phenomenon of Nostalgia on the Narrative in T. Capote's Stories “A Christmas Memory” and “One Christmas”

Maria Dremina

*Keywords:
nostalgia, narrative,
writer T. Capote, “A Christmas
Memory”, “One Christmas”.*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the influence of the phenomenon of nostalgia on the narrative in T. Capote's stories *A Christmas Memory* and *One Christmas*. The history of the term is taken in its general meaning as a cultural phenomenon that is associated with longing for the past. Furthermore, the characteristic features and functions of the nostalgic narrative are revealed. The legitimacy of the perception of T. Capote's work in the perspective of nostalgia is supported by the correspondence between the facts of the writer's biography and the plots of the stories.

Сегодня термин «ностальгия» активно используется для описания нарративных тенденций, сложившихся в сферах культуры, политики, литературы и моды. В этом контексте отметим, что речь идет о его широком значении, поскольку первоначальное определение ностальгии относилось к узкой области медицины.

Слово «ностальгия» происходит от двух греческих корней: *nostos* — возвращение на родину и *algos* — боль, печаль [Routledge 2016: 4]. Своим появлением, однако, оно не обязано философам Древней Греции. Первое упоминание ностальгии датируется 1688 годом, когда медик Иоганн Хофер опубликовал работу под названием «Медицинская диссертация. Ностальгия или тоска по дому» («*Dissertatio Medica De Nostalgia, Oder Heimwehe*»). В ней это явление описывается как болезнь, имеющая психические и физические симптомы. По мнению Хофера, причина недуга состоит в специфической способности мозга генерировать образы, связанные с воспоминаниями о доме и родине [Landwehr 2018: 254]. Они вызывают сильное уныние, бессонницу, учащенное сердцебиение, потерю аппетита. Действие болезни Хофер рассматривает главным образом на примере своих соотечественников — швейцарских наемных солдат, которые сражались вдалеке от родных Альп [Routledge 2016: 4]. Как утверждает медик, различные аудиальные и гастрономические триггеры вызывали у солдат неудержимое желание вернуться домой. Сильные переживания якобы оборачивались патологиями мозга, сердца и других органов [Routledge 2016: 4]. Отношение современников Хофера к феномену ностальгии было двояким: она расценивалась и как признак наивысшего патриотизма, и как слабость — непродуктивное использование времени, отсутствие мужественности в чрезвычайной ситуации. С течением времени эта болезнь была переведена учеными в число неизлечимых: им так и не удалось найти физический источник ностальгии в теле человека, и даже возвращение на родину перестало помогать страждущим. Изучение феномена перешло из медицинской сферы в культурную [Бойм 2019: 37].

Впоследствии термин утратил свою первоначальную связь с медициной, исследователи стали наблюдать семантический сдвиг: как пишет Тобиас Беккер, на рубеже 1960–1970-х годов фокус сместился с концепта дома и родины, ностальгия перестала считаться диагнозом и стала обозначать навязчивую тоску по прошлому в целом [Becker 2018: 237]. Так, например, в «Кратком Оксфордском словаре» 1951 года этот феномен характеризуется как «тоска по дому», а в издании 1964 года она впервые называется «сентиментальной тоской по некоторому периоду прошлого» [Becker 2018: 239]. В новом дискурсе ностальгия рассматривалась как широко распростра-

ненное культурное явление, затронувшее не только Швейцарию, но и другие страны, такие как Франция и Испания [Becker 2018: 237].

Аарон Сантессо полагает, что актуальное определение термина может быть связано с глубоко личной тоской по прошлому. Ностальгия, по его мнению, относится к стандартным эмоциям наравне с гневом или печалью [Santesso 2006: 13]. Это слово стало своего рода обобщающим для всех форм сентиментальной устремленности к прошлому: оно ассоциируется и с обликом изменившегося со времен детства родного района, и с уже не доступными запахами и вкусами, и с другими образами ушедшего [Santesso 2006: 15]. Исследователь отмечает, что любое определение феномена неизбежно будет расплывчатым, поскольку объекты ностальгии у всех разные: кто-то скучает по деревенскому детству, а кто-то — по юности, проведенной в городе [Santesso 2006: 24]. О роли индивидуального восприятия пишет также Клэй Раутледж: одним людям свойственно ностальгировать интенсивнее и чаще, чем другим, и, кроме того, это состояние провоцируется разными раздражителями [Routledge 2016: 100–101]. Сантессо называет два «слагаемых» феномена: сильное влечение к прошлому и его идеализацию, которую он выделяет как нечто особенно значимое для исследуемого нами типа нарратива, поскольку не всякое обращение к прошедшему можно назвать ностальгией [Santesso 2006: 16]. «Произведение может быть обращено к прошлому; оно по-настоящему ностальгично только в том случае, если былое в нем идеализированно», — пишет исследователь [Santesso 2006: 16]. Именно эта черта является важным критерием, позволяющим установить границы понятия.

По мнению Светланы Бойм, семантический сдвиг в дискуссии о ностальгии связан в первую очередь с историческими изменениями и новым ощущением времени и пространства: эпоха модерна сделала опыт взаимодействия с ними более индивидуальным и творческим, допустив сосуществование разных их интерпретаций [Бойм 2019: 37]. Ностальгия не замыкается на тоске по определенному месту — она связана с влечением к конкретному периоду, вопреки его неповторимости [Бойм 2019: 22].

Бойм выделяет две тенденции ностальгии: «реставрирующую» и «рефлексирующую» [Бойм 2019: 23]. Первая основывается на идее возвращения к истокам и убеждении в их истинности. Желание восстановить прошлое воспринимается приверженцами реставрации всерьез. Как пишет исследовательница,

«...такая ностальгия характеризует национальные и националистические возрождения по всему свету, которые участвуют в антимодернистском ми-

фотворчестве — создании истории посредством возвращения к национальным символам и мифам, а иногда и путем обмена конспирологическими теориями заговора» [Бойм 2019: 104].

Реставрирующую ностальгию, ориентированную на коллективную память, часто используют в политических дискурсах как средство формирования национального самосознания. О наличии политического компонента в феномене ностальгии также пишут Аким Ландвер и Аарон Сантессо [Landwehr 2018: 264]; [Santesso 2006: 39]. Для «реставраторов» прошлое имеет решающее значение для настоящего, представляет собой идеальную модель, подлежащую воспроизведению. Так, ностальгически-реставрирующим можно назвать слоган предвыборной кампании Дональда Трампа в 2016 году: «Make America Great Again». Этот лозунг напрямую обращен к концепции некой великой и идеальной страны, которая якобы существовала в прошлом; его создатели обещают скорое воссоединение с ней, взывая к ностальгическим чувствам избирателей.

Потенциал реставрирующей ностальгии был также задействован корпорациями, она активно функционирует в сфере маркетинга. Так, Гэри Кросс в своем исследовании приводит в качестве примера корпорацию-гиганта «Disney», построившую свой бизнес на постоянном взаимодействии не только с детьми, но и с ностальгирующими взрослыми, которые тоже посещают «Диснейленды» — парки аттракционов, где оживают любимые с детства герои [Cross 2015: 4–5]. Майкл Двайер начинает свою книгу с рассуждения об обложке журнала «Esquire» 1986 года, на которой сравниваются культовый образ звезды 1950-х годов Мэрилин Монро и стиль певицы Мадонны, утверждая, что все новое — это хорошо забытое старое [Dwyer 2015: 1]. Именно 1950-е годы, когда Америка переживала экономический подъем, стали идеализировать и называть «золотыми» по аналогии с античным мифом, что стало одной из причин, по которой ими вдохновлялась развлекательная индустрия 1970-х и 1980-х годов. Использование в современной популярной культуре узнаваемых образов прошлого с целью удовлетворить потребности тоскующей по ним аудитории также может считаться одним из проявлений реставрирующей ностальгии.

Рефлексирующая ностальгия, напротив, связана с осознанием дистанции между событиями разных временных отрезков и размышлением о ней. Для этой тенденции характерно личное ощущение времени. Ей свойственно «лелеять разрозненные осколки памяти», она «более ориентирована на индивидуальный нарратив, который основан на смаковании деталей и памятных знаков» [Бойм

2019: 118]. Например, Кросс пишет, что в эпоху быстрого потребления тоска по прошлому часто реализуется в формах персонального обладания и презервации, например, в феномене коллекционирования артефактов детства: игрушек, журналов, аудио- или видеокассет и т.д. [Cross 2015: 6]. Если реставрирующая тенденция тяготеет к серьезности, то рефлексирующая может быть ироничной. Два типа ностальгии могут связываться с одними и теми же символами и триггерами, но создавать разные нарративы. Первая заполняет пробелы в памяти, вторая сконцентрирована на самом процессе припоминания. Рефлексирующая тенденция лишена претензий на восстановление утерянного, она «очарована дистанцией» и создает повествование о связи времен [Бойм 2019: 119]. Благодаря этому субъект, подверженный рефлексирующей ностальгии и размышляющий об идеальном утраченном прошлом, понимает, что возникающие в его сознании образы — это плод воображения (несмотря на то что тоска по ним вполне реальна, как и поступки, совершенные под ее влиянием).

Возвращаясь к определению термина, отметим, что Бойм описывает феномен при помощи метафоры: «Ностальгия — это чувство утраты и смещения, но кроме того — это роман с собственной фантазией» [Бойм 2019: 15]. Таким образом исследовательница подчеркивает важную мысль: ностальгия часто существует в сегодняшнем дне, представляя собой тоску не «по идеальному прошлому, а по настоящему совершенному времени и его упущенному потенциалу» [Бойм 2019: 64]. Указывая на фантазийную составляющую ностальгии, Бойм имеет в виду, что при высокой степени идеализации прошлого возвращение в ностальгическом воспоминании и, как следствие, нарративе происходит лишь в воображении субъекта. Прошлое конструируется здесь и сейчас, в состоянии ностальгического очарования, его реальность отступает на второй план. Как пишут Малькольм Чейз и Кристофер Шоу, «феномен рассказывает нам о настоящем, фальсифицируя прошлое» [Chase, Shaw 1989: 1]. Так, ностальгирующий субъект взаимодействует с образами, на самом деле никогда не существовавшими в том виде, в котором он их воспроизводит. Проходя через призму ностальгии, факты и образы претерпевают изменения и приобретают новые оттенки. Этот процесс имеет свои закономерности, мы можем их выявить, рассмотрев тексты художественных произведений, созданные под воздействием ностальгии.

Творчество американского писателя Трумена Капоте представляется перспективным материалом для иллюстрации влияния феномена на нарратив, поскольку оно, по мнению исследователей, является ностальгическим по своей сути [Nance 1973: 79]. Как утверждает

Хелен Гарсон, большинство работ Капоте содержат автобиографические элементы [Garson 1980: 63]. Наиболее насыщенными с этой точки зрения представляются рассказы «Воспоминания об одном Рождестве» («A Christmas Memory», 1956 г.) и «Одно Рождество» («One Christmas», 1982 г.), оба отражают биографию автора, главным образом его детство.

«Воспоминания об одном Рождестве» содержит ностальгические нотки уже в самом названии. Уильям Нэнс характеризует его как рассказ в жанре нон-фикшн [Nance 1973: 78], а Кеннет Рид видит в нем смесь художественного вымысла и автобиографии [Reed 1981: 64]. В этом произведении автор вспоминает время, когда воспитывался у родственников, живших в штате Алабама. Биографы единодушны в изложении событий, которые привели к такому положению. Писатель родился в Новом Орлеане, штат Луизиана. Его родителями были семнадцатилетняя Лилли Мэй Фолк и коммивояжер Аркулус Персонс [Clarke 1988: 4–7]. Их брак был несчастлив; как утверждал сам Капоте, его мать вышла замуж только для того, чтобы сбежать из своего родного города Монровилля [Garson 1980: 2]. По воспоминаниям одной из теток Капоте Мари Рудисилл, урожденной Эдны Мари Фолк, Лилли Мэй не хотела ребенка и даже задумывалась об аборте [Rudisill 1983: 88]. Она была слишком юна, чтобы быть матерью, часто оставляла младенца одного, а когда тот подрос, даже запирала его в чулане, уходя по своим делам [Moates 1989: 27]. Родители развелись, когда мальчику было четыре года, мать оставила сына родственникам и уехала в Нью-Йорк [Garson 1980: 2]. Пока Лилли Мэй занималась укреплением своего положения в высших кругах светского общества, будущий писатель жил в большом доме с незамужними родственницами, холостым дядей и двумя служанками [Rudisill 1983: 12]. Мать Трумена снова вышла замуж, однако не торопилась забирать сына [Garson 1980: 2]. Лишь когда тому исполнилось 10 лет, второй муж Лилли Мэй, Джозеф Капоте усыновил Трумена и дал ему свою фамилию [Rudisill 1983: 18]. Он пытался сблизиться с пасынком, не жалея для него денег, однако теплых взаимоотношений у них так и не сложилось [Moates 1989: 33].

Центральный женский образ в рассказе «Воспоминания об одном Рождестве» прямо соотносится с родственницей Капоте Нэнни Рамбли Фолк, жившей с ним в Монровилле. Ее семейным прозвищем было Сук («Sook»), и она была лучшей подругой маленького Трумена, который впоследствии запечатлеет ее и в других своих произведениях, таких как «Луговая Арфа» («The Grass Harp»), «Гость на Дне благодарения» («A Thanksgiving Visitor») и «Одно Рождество» («One Christmas») [Rudisill 1983: 44]. Как пишет Гарсон, в «Воспомина-

ниях об одном Рождестве» ярче всего отразилась «способность Капоте сочетать комедию, ностальгию и детское ощущение трагичности»; эта работа «более откровенно автобиографична, чем все остальное, им написанное» [Garson 1980: 97]. Через десять лет после публикации этого рассказа писатель сам подчеркнул это, выбрав свое детское фото, на котором он запечатлен вместе с Нэнни Рамбли Фолк, для обложки переиздания в 1966 году (илл.1) [Garson 1980: 97].

В рассказе Капоте описывает внешность Сук:

«У окна кухни стоит женщина с коротко остриженными седыми волосами. На ней теннисные туфли и растянутый серый свитер поверх летнего ситцевого платья. Она маленькая и быстрая, словно бентамская курочка, но после долгой болезни, перенесенной еще в молодости, ее плечи жалостно сгорблены» [Capote 2004: 213].

Это описание вполне соответствует действительности: о болезни Сук и ее последствиях пишут исследователи жизни писателя. Так, например, в книге Марианны Моутс упоминается, что из-за недуга женщина практически облысела, он также повлиял на ее когнитивные способности: по умственному и эмоциональному развитию она оставалась на уровне ребенка [Moates 1989: 29–30]. «Да она и сейчас ребенок», — пишет Капоте в рассказе [Capote 2004: 213]. В этой детскости Сук и крылась, возможно, причина их крепкой связи и взаимопонимания с маленьким Труменом.

Сам он появляется в рассказе под прозвищем «Бадди» («Дружок»), которое Сук дала ему в честь своего друга детства [Capote 2004: 213–214]. Как пишет автор, на момент повествования ему было около семи лет, а его подруге около шестидесяти, однако относились к ним одинаково неласково: «В доме живут и другие люди, родственники; и хотя они имеют власть над нами и часто заставляют нас плакать, мы, в целом, не очень-то их замечаем» [Capote 2004: 213]. В книге Моутс сказано и об этом: сестры не слишком уважали Сук, часто относились к ней, как к прислуге. Она занималась домашними делами, приготовлением пищи, ухаживала за родными, когда те болели [Moates 1989: 43]. Сук никогда не должна была спорить с сестрами, даже если те грубили ей после тяжелого рабочего дня, и молча переносила все оскорбления. Так, Моутс пишет о следующем случае: Дженни отругала Сук за то, что та дала детям кофе, и назвала ее «глупой старухой». Глаза Сук наполнились слезами, но она молча покинула комнату, чтобы избежать скандала [Moates 1989: 43–44]. В «Воспоминаниях об одном Рождестве» есть аналогичный эпизод: родственницы отчитывают Сук за то, что та угостила Бадди остат-

Илл. 1. Маленький Капоте и Сук [Plimpton 1997: foldout page].

ками виски, и ей остается только убежать к себе в комнату и плакать в подушку [Capote 2004: 220]. Сук никогда не платили за работу по дому, она также не получила своей части наследства [Moates 1989: 47].

У Трумена и Сук были совместные занятия. По воспоминаниям тети Капоте, на каждый месяц года у двух друзей находился свой ритуал [Rudisill 1983: 96]. Один из них, а именно выпечку рождественских кексов, писатель изображает в «Воспоминаниях об одном Рождестве». К этому событию Сук и Бадди готовились целый год: сперва нужно было скопить денег, а затем сделать покупки [Capote 2004: 216]. За одним из ингредиентов друзья отправляются к мистеру Джонсу по прозвищу «Ха-Ха» [Capote 2004: 217]. Он — реальное лицо, индеец Викторио, у которого можно было купить бутылку самогонного виски даже во времена сухого закона; он никогда не брал с Сук плату, а лишь просил прислать ему парочку ее пирогов [Rudisill 1983: 99–100]. Эту же пожелание мистер «Ха-ха» озвучивает и в рассказе [Capote 2004: 218]. В канун Рождества друзья также мастерят елочные украшения и обмениваются самодельными подарками; они хотели бы исполнить заветные желания друг друга (Бадди мечтает о велосипеде, а его подружка — о фунте вишни в шоколаде), но денег на это у них нет [Capote 2004: 222–223]. Сук и Бадди мастерят друг другу воздушных змеев; о том, что друзья действительно ча-

сто занимались рукоделием зимними вечерами и любили делать именно такие игрушки, вспоминает тетя писателя [Rudisill 1983: 95]. У Сук и Бадди есть спутник — маленький черно-белый терьер Квини (Queenie); эта собака также возникает в рассказе «Одно Рождество» (илл. 2). Трумен подобрал Квини на улице и настоял, чтобы щенка оставили дома. Питомец полюбил Сук и повсюду ее сопровождал [Moates 1989: 43]. Описание смерти собаки в тексте правдиво, как и другие детали: ее действительно убила копытом соседская лошадь [Rudisill 1983: 175]. В конце рассказа друзья разлучают, и Бадди отправляется учиться в военную школу, что также соотносится с известными фактам биографии Трумена Капоте [Rudisill 1983: 17]; [Garson 1980: 3]; [Moates 1989: 51].

Образ Сук возникает и в рассказе «Одно Рождество». В нем она выступает в роли заботливого наставника: читает Бадди книги и целует его на ночь, знает, какими словами убедить его поехать к отцу в Новый Орлеан на празднование Рождества. Сук идет на хитрость, пообещав, что там он увидит снег, хотя прекрасно знает, что южнее Алабамы снега не бывает [Capote 2004: 288]. Она была очень набожна [Moates 1989: 43], что также отразилось на ребенке: он искренне верит в Иисуса и Санта-Клауса, поэтому сильно разочаровывается при виде отца, раскладывающего подарки под елкой. Однако Сук удаётся убедить своего друга в том, что «каждый из нас — Санта-Клаус», и что отец заслуживает прощения и любви [Capote 2004: 297]. Сук была настоящей моральной опорой маленького Трумена: когда мать звонила и, рыдая, жаловалась своему брошенному сыну, говоря, что у нее больше нет ни денег, ни мужа, он тоже плакал, и тогда именно Сук обнимала и успокаивала его [Moates 1989: 45]. Как свидетельству-

Илл. 2. Капоте держит на руках Квини [Moates 1989: foldout page].

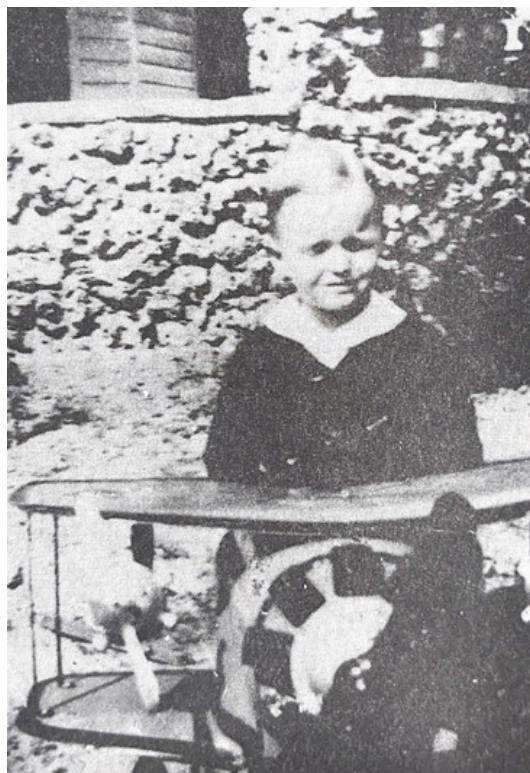
ет Моутс, «Сук посвятила себя тому, чтобы пытаться делать Трумена счастливым. <...> Она была центром его мира» [Moates 1989: 45]. Не удивительно, что ее образ весьма значим для творчества Капоте.

Центральная тема рассказа «Одно Рождество» — взаимоотношения Трумена с родителями. Писатель сразу развеивает сомнения в достоверности текста, начиная повествование с «краткого автобиографического пролога», в котором рассказывает их печальную историю и объясняет, почему он оказался в Алабаме. «Годы шли, и я редко видел родителей», — пишет Капоте [Capote 2004: 287]. Моутс отмечает, что Трумен был оторван от них не только физически смысле, но и эмоционально [Moates 1989: 32]. Родители редко навещали сына в Монровилле, а после того, как Трумен перебрался в военную школу на севере, встречи с отцом прекратились вовсе, зато мать стала появляться в жизни сына чуть чаще [Moates 1989: 32]. Капоте описывает один из ее визитов в рассказе «Одно Рождество». Этот эпизод служит мета-воспоминанием о поездке к отцу, встроеным в текст. Мать приезжает в школу и в разговоре с сыном обвиняет бывшего мужа в том, что тот «разбил, искалечил» ее, поскольку она была слишком молода, чтобы быть матерью, и теперь больше не может (или не хочет) иметь детей [Capote 2004: 293]. Ее слова о том, что появление мальчика на свет было нежеланным и разрушительным, болезненно отозвались в его душе: «Я старался не слушать, потому что, говоря, что мое рождение уничтожило ее, она уничтожала меня» [Capote 2004: 293]. Лилли Мэй считала своего первого супруга альфонсом, хотя она сама уехала в Нью-Йорк на поиски богатого мужа. Ей удалось выйти за Джозефа Капоте, который оплачивал учебу ее сына, а также «квартиру в Саттон-плейс и соболиные шубы» [Capote 2004: 292]. В рассказе Капоте пишет, что мать отравилась снотворным [Capote 2004: 296]. Это обстоятельство тоже реально: с воспоминания о похоронах Лилли Мэй начинается своя книга о детстве Капоте Мари Рудисилл [Rudisill 1983: 11]. О том, что мать писателя покончила с собой, когда ее сыну было двадцать девять лет, сообщают также Хелен Гарсон и Джеральд Кларк [Garson 1980: 9]; [Clarke 1988: 251].

Большая часть рассказа «Одно Рождество» посвящена отцу Трумена — Аркулусу Персонсу. Капоте подчеркивает, что в его поведении было много неуместного и наигранного. Он пытался вести себя так, словно всегда был рядом с сыном: «И самое худшее, без усталости он тискал меня, целовал и хвастливо рассказывал обо мне всем подряд» [Capote 2004: 290]. Ему хочется, чтобы сын обнял его, поцеловал, сказал, что любит, но такой простой и бесхитростный ребенок, как Бадди, не может имитировать искренние чувства. Отец для него — чужой человек, не принимавший участия в его жизни.

Первая встреча Бадди с отцом описана так: «Как только я вышел из автобуса, какой-то человек внезапно схватил меня на руки так, что у меня захватило дух» [Capote 2004: 288–289].

Трумен мало знал своего отца. По замечанию биографов, этой проблеме писатель посвятил роман «Другие голоса, другие комнаты» («Other Voices, Other Rooms») [Clarke 1988: 150]. Сам Капоте отзывался об этом так: «Я вдруг осознал, что это символизировало мой собственный поиск отца <...> — отца, которого, по сути дела, не существовало» [Plimpton 1997: 80]. В рассказе «Одно Рождество» попытка быть хорошим папой оборачивается непредвиденными тратами. Сын застаёт отца, пока тот раскладывает подарки под елкой, и теперь родитель вынужден купить Бадди два подарка — и от себя, и от Санты. Выбор падает на безумно дорогой игрушечный самолет, и отцу приходится исполнить это желание [Capote 2004: 295]. Отметим, что у маленького Трумена действительно была такая игрушка (илл. 3). Писатель рассказывал несколько версий того, как она у него появилась. По одной из них, работники лесопилки Монровилля подарили ему аэроплан в знак признательности за то, что он нарисовал их портреты и прочел им несколько стихотворений. Однако, по свидетельствам тети Капоте, игрушку Трумен привез из Нового Орлеана, куда ездил с матерью, хотя в рассказе Бадди отправляют

Илл. 3. Капоте в игрушечном самолете [Moates 1989: foldout page].

к отцу одного. В книге Моутс ставится под сомнение утверждение, что аэроплан купил кто-либо из родителей — оба были бедны в то время [Moates 1989: 98]. Трумен не желал говорить правду и придумал еще одну фантастическую историю. По его словам, в аэропорту Нового Орлеана стояла банка с драже; угадавший точное количество конфет получал приз — тот самый аэроплан. Как отмечается у Моутс, описание аэропорта совпадало с реальностью, поэтому можно верить в то, что писатель действительно был там [Moates 1989: 99]. Далее в фантазии мать Капоте флиртowała с пилотом, и тот разрешил мальчику сесть за штурвал. В полете Трумен якобы спас экипаж и пассажиров, совершив нужный маневр в критический момент; за это пилот подсказал ему точное количество драже и помог выиграть желанную игрушку [Moates 1989: 100].

Таким образом, можно видеть, что в своих произведениях Капоте обращается к реальным воспоминаниям. Используя терминологию Бойм, мы охарактеризуем ностальгические тенденции в творчестве писателя как рефлексирующие. Обращаясь к своей индивидуальной истории, Капоте выстраивает нарратив о связи прошлого и настоящего. Писатель осознает произошедшие за долгие годы изменения, анализирует последствия некоторых решений. Ощущение дистанции в ностальгическом нарративе Капоте возникает благодаря ремаркам о будущем персонажей (своего рода спойлерам). Так, в рассказе «Воспоминания об одном Рождестве» автор прямо намекает на то, что произойдет в будущем с Квини, когда та еще жива: «...[чтобы зарыть обглоданную кость], Квини убежала [на лужайку за домом], (где следующей зимой зарюют ее саму)» [Capote 2004: 224]. На протяжении всего рассказа Капоте использует модальность настоящего времени, погружая читателя в атмосферу воспоминания, поэтому такие вставки с информацией о будущем особенно бросаются в глаза. Графически они выделены при помощи скобок. В «Одном Рождестве» автор использует модальность прошедшего времени, однако оставляет «сообщения» о будущем. Так, он упоминает, что мечтал о пневматическом пистолете, и сопровождает это дополнением в скобках:

«(Годы спустя, когда я все-таки получил пневматический пистолет, я подстрелил пересмешника и куропатку, и никогда не смогу забыть, какое испытал горе и раскаяние; я больше никого не убивал и каждую пойманную рыбу бросал обратно в воду)» [Capote 2004: 289].

Аналогичным образом Капоте сообщает о судьбе своих родителей в эпизоде, когда нетрезвый отец восклицает, что ему и его бывшей жене следовало покончить с собой: «(На самом деле отец так и

не совершил самоубийство, зато это сделала мать: тридцать лет назад она отравилась снотворным)» [Capote 2004: 296]. Подчеркивается дистанция между самими событиями и их припоминанием; создается образ автора, оглядывающегося на свою жизнь с позиции человека, который на себе испытал все то, о чем рассказывает читателю.

Восстановить картину прошлого писателю помогают различные сенсорные образы: звуки, запахи, вкусы и тактильные ощущения. Раутледж, Ландвер и Кросс характеризуют их как триггеры, запускающие ностальгические процессы в сознании человека [Routledge 2016: 25]; [Landwehr 2018: 251]; [Cross 2015: 5]. Бойм отмечает, что именно их швейцарские ученые рассматривали как основные возбудители «эпидемии» ностальгии: «...Мамины домашние супы, жирное деревенское молоко и народные мелодии альпийских долин были напрямую ответственны за возникновение ностальгических позывов у швейцарских солдат» [Бойм 2019: 32].

Рассказы Капоте щедро наполнены сенсорно привлекательными образами. В «Воспоминаниях об одном Рождестве» призывы представить то или иное ощущение или пространство помогают их восприятию: «Вообразите кухню в одном из просторных старых домов провинциального городка» [Capote 2004: 213]. Интересен с точки зрения сенсорного восприятия эпизод с поеданием pekanовых орехов:

«Треск! Веселый хруст, ломаются скорлупки, раздаются обрывки миниатюрного грома, растет золотой холмик сладких маслянистых ядрышек в чаше из матового стекла» [Capote 2004: 214–215].

Капоте описывает совокупность звука, цвета, текстуры и вкуса. Он также красочно и подробно изображает обеды и ужины, вкус и аромат любимых блюд. Недаром процесс приготовления рождественских кексов занимает центральное место в сюжете ностальгического рассказа, он тоже ассоциируется у писателя с яркими вкусами и ароматами:

«Крутятся венчики, кружатся ложки в мисках с маслом и сахаром, ваниль подслащивает воздух, имбирь приправляет его; тающие, щекочущие нос запахи пропитывают кухню, наполняют дом, уносятся в мир клубами дыма из трубы» [Capote 2004: 218].

В рассказе «Одно Рождество» тоже фигурируют яркие гастрономические впечатления, однако приятными их назвать нельзя:

«А эти новоорлеанские рестораны! Я никогда не забуду свою первую устрицу, это был какой-то кошмар, соскользнувший по моему горлу: прошли годы, прежде чем я снова к ним притронулся» [Capote 2004: 290].

Капоте также вспоминает мучительные ощущения от ношения обуви, поскольку дома в Алабаме он привык ходить босиком:

«Это была настоящая пытка — таскаться по улицам Нового Орлеана в этих туго зашнурованных, чертовски жарких и тяжелых, как свинец, ботинках» [Capote 2004: 290].

Жаркая обувь становится метафорой душевного переживания от встречи с отцом:

«Я думал, что если сниму свои тяжелые городские ботинки, этих чудовищных мучителей, то это облегчит мои страдания. Я снял их, но загадочная боль не оставила меня. В некотором смысле она так и не прошла; не пройдет никогда» [Capote 2004: 296].

Итак, выразительные сенсорные образы можно назвать одной из характерных черт ностальгического нарратива Трумена Капоте.

Как утверждают Чип Хиз и Дэн Хиз, память по своей сути избирательна, следовательно, одни моменты могут быть значительно более значительными, чем другие и лучше запоминаться [Хиз, Хиз 2018: 21]. Большая часть событий благополучно забывается, остается лишь общее впечатление. В нем, однако, можно «нащупать» отдельные элементы, которые служат зацепками, помогающими восстановить нарратив. Они обычно подлежат запоминанию или заучиванию, среди них выделим названия, адреса, тексты песен и стихотворений, рецепты и тому подобное. Так, Капоте помнит весь список ингредиентов для рождественских кексов:

«вишни и лимоны, имбирь и ваниль, и консервированный гавайский ананас, цукаты, и изюм, и грецкие орехи, и виски, и много-много муки, масла, множество яиц, специй, пряностей...» [Capote 2004: 215].

Он цитирует в рассказах тексты песен: той, которую они с Сук распевали на кухне, и той, которую он поет про себя, чтобы отвлечься от неприятного разговора с матерью [Capote 2004: 219–220, 293]. Отметим, что Раутледж называет музыку одним из самых распространенных ностальгических триггеров [Routledge 2016: 39–40]. Капоте помнит название марки кофе, которое они с Сук придумали, чтобы выиграть конкурс и получить денежный приз [Capote 2004: 215].

Однако наряду с точными деталями в ностальгическом нарративе могут встречаться обобщения и даже преувеличения. Амбивалентная в своей сущности, ностальгия как обостряет, так и сглаживает индивидуальные черты. Это происходит оттого, что память стремится к избирательности, идеализации и фальсификации. Так, в рассказе «Одно Рождество» Капоте пишет, что его отправили к отцу в Новый Орлеан на автобусе одного, снабдив лишь запиской с именем и адресом [Capote 2004: 288]. На самом деле Трумен совершил это путешествие с матерью на поезде [Moates 1989: 99]. Возможно, автор подменяет факты сознательно, чтобы метафорически подчеркнуть эмоциональную оторванность от родителей и отсутствие поддержки с их стороны. Как пишет Рид, мотив семейной разобщенности и разлада в творчестве Капоте явно имеет автобиографическое происхождение [Reed 1981: 127].

Как было отмечено ранее, Сантессо утверждает, что для ностальгического нарратива исключительно важна идеализация: именно она отличает его от любого другого обращения к прошлому [Santesso 2006: 16]. Ярким примером может служить образ Сук, которому писатель придал отчасти мученические черты. В реальности родственница Капоте отличалась от созданного им персонажа. «Несмотря на то, что Трумен создал идиллический портрет Сук в своих произведениях, на самом деле она была другой», — пишет Моутс [Moates 1989: 29]. По воспоминаниям других родственников, в те годы, когда Трумен жил с Сук, она вела практически отшельнический образ жизни: пряталась от незнакомцев и никогда не покидала границы участка [Moates 1989: 29]. Женщина редко открывала окна в своей спальне, отчего там стоял дурной запах, когда служанка пыталась проветрить помещение, она встречала упорный протест [Rudisill 1983: 95]. Отшельничество не мешало, однако, их теплым взаимоотношениям с Труменом, ведь Сук много заботилась о нем и была его лучшим другом. Не отменяет это и того, что она действительно обладала талантом к рукоделию и готовке, была набожна и умела искренне сочувствовать. Подробности ее поведения призваны не опровергнуть позитивную характеристику, а лишь показать, что, в отличие от своего идеального образа, она была реальным человеком со своими достоинствами и недостатками.

Нельзя, впрочем, сказать, что ностальгическое творчество Капоте сплошь состоит из позитивной идеализации. Так, рассказ «Одно Рождество» полон болезненных впечатлений от поступков родителей и негативных сенсорных ощущений. Значит ли это, что нарратив в этом произведении не может называться ностальгическим? Раутледж свидетельствует о том, что феномен затрагивает как радостные,

так и печальные воспоминания [Routledge 2016: 6]. Капоте может ностальгировать и по сладким пирогам, и по мерзким устрицам: и то, и другое отсылает его в детство, закрепляет связь между нынешним и прошлым посредством присваивания воспоминания, укоренения его в сетке памяти и эмоций. Раутледж отмечает, что ностальгия обычно вызывает позитивные эмоции и может быть состоянием, в которое погружаются сознательно [Routledge 2016: 6]. Как показали исследования, рассматриваемое явление укрепляет чувство социальной принадлежности, помогает отследить личностный рост и справиться со стрессом [Routledge 2016: 52; 69; 85]. Исследователи феномена также предполагают, что ностальгия помогает справиться с психологическими травмами посредством рефлексии [Routledge 2016: 6]. Происходит своего рода проговаривание проблемы и делается шаг к принятию и прощению. Например, рассказ «Одно Рождество» заканчивается на трогательной ноте: после смерти отца сын находит в его столе свою детскую открытку с наивным признанием в любви к папе, которую тот хранил все эти годы [Capote 2004: 297]. Реконструируемое ностальгическое воспоминание может также выступать попыткой переосмыслить негативные эпизоды из прошлого. В «Воспоминаниях об одном Рождестве» Сук умирает вскоре после переезда своего друга в военную школу, и Бадди понимает это раньше, чем получает известие из дома: он вдруг чувствует, что потерял «невосполнимую часть» себя, словно оборвалась бечевка и улетел воздушный змей, подобный тем, которых они так любили запускать вместе [Capote 2004: 226]. Чувство утраты вписывается в ностальгический дискурс, но еще существеннее то, что этот рассказ представляется попыткой Капоте мысленно восстановить связь с близким человеком. Дело в том, что родственники писателя не могли принять его профессию и образ жизни. Хотя в детстве они и любили его сильнее, чем родная мать, мальчик вырос и стал самостоятельным мужчиной, которого они отвергли. Наиболее болезненно Капоте воспринимал разрыв с Сук [Moates 1989: 38–39]. И Бадди, и Трумен потеряли лучшего друга в ее лице. Именно эту потерю писатель и пытается пережить, рисуя сцену осознания смерти в рассказе.

Итак, ностальгический нарратив — это такой тип повествования, в котором ностальгическая оптика определяет принципы организации поэтики текста и формирует ряд выразительных особенностей. В рассмотренных нами рассказах Капоте это ремарки о будущем, яркие сенсорные образы, как позитивные, так и негативные, высокая степень идеализации, сочетание конкретики и обобщения.

В качестве перспективных направлений исследования отметим возможность проанализировать, как функционирует ностальгия

в других произведениях Капоте. Также представляется вероятным применить описанную модель ностальгического повествования для рассмотрения текстов других авторов. В таком случае будет интересно узнать, чем отличаются их ностальгические нарративы и соблюдаются ли в текстах описанные в статье закономерности.

Список источников

1. [Capote 2004] — *Capote T.* The Complete Stories of Truman Capote. New York: Random House, 2004. 320 p.

Список литературы

1. [Бойм 2019] — *Бойм С.* Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 671 с.
2. [Хиз, Хиз 2018] — *Хиз Ч., Хиз Д.* Сила момента. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 288 с.
3. [Becker 2018] — *Becker T.* The Meanings of Nostalgia: Genealogy and Critique // *History and Theory*. 2018. Vol. 57. № 2. P. 234–250.
4. [Chase, Shaw 1989] — *Chase M., Shaw C.* The Dimensions of Nostalgia // *The Imagined Past: History and Nostalgia* / Ed. by C. Shaw and M. Chase. Manchester; New York: Manchester University press, 1989. P. 1–17.
5. [Clarke 1988] — *Clarke G.* Capote: A Biography. New York; London; Toronto: Simon, Schuster, 1988. 631 p.
6. [Cross 2015] — *Cross G.* Consumed Nostalgia: Memory in the Age of Fast Capitalism. New York: Columbia University press, 2015. 297 p.
7. [Dwyer 2015] — *Dwyer M.D.* Back to the Fifties: Nostalgia, Hollywood Film & Popular Music of the Seventies & Eighties. New York: Oxford University Press, 2015. 216 p.
8. [Garson 1980] — *Garson H.S.* Truman Capote. New York: Ungar, 1980. 210 p.
9. [Landwehr 2018] — *Landwehr A.* Nostalgia and The Turbulence of Times // *History and Theory*. 2018. Vol. 57. № 2. P. 251–268.
10. [Moates 1989] — *Moates M.M.* A Bridge of Childhood: Truman Capote's Southern Years. New York: Holt, 1989. 240 p.
11. [Nance 1973] — *Nance W.L.* The Worlds of Truman Capote. London: Calder & Boyars, 1973. 256 p.
12. [Plimpton 1997] — *Plimpton G.* Truman Capote: In Which Various Friends, Enemies, acquaintances, and detractors recall his turbulent career. London: Doubleday, 1997. 498 p.

- 13.[Reed 1981] – *Reed K.T.* Truman Capote. Boston: Twayne Publishers, 1981. 145 p.
- 14.[Routledge 2016] – *Routledge C.* Nostalgia: A Psychological Resource. New York: Routledge, 2016. 149 p.
- 15.[Rudisill 1983] – *Rudisill M.* Truman Capote: The story of his bizarre and exotic boyhood by an aunt who helped raise him. New York: Morrow, 1983. 251 p.
- 16.[Santesso 2006] – *Santesso A.* A Careful Longing: The Poetics and Problems of Nostalgia. Newark: University of Delaware Press, 2006. 221 p.

Мария Валентиновна Дремина
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет гуманитарных наук,
ОП «Филология»
mvdremina@edu.hse.ru

Maria Dremina
HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
BA programme in Philology
mvdremina@edu.hse.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА: ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Анна Матвеева

УДК: 8+82+821+821.16.

Ключевые слова:
литературная репутация,
коллективная память,
Фаддей Булгарин.

Аннотация

В статье предпринимается попытка выяснить причины, по которым Фаддей Булгарин остался в памяти общества как отрицательный персонаж. Поскольку формирование литературной репутации связано с механизмами образования коллективной памяти, этот кейс был проанализирован через призму *memory studies*. В результате изучения ряда работ, в частности «Литературной биографии в историко-культурном контексте» Ю.М. Лотмана, было сделано следующее предположение: заслуги Булгарина не были зафиксированы в коллективной памяти, поскольку из-за дихотомического характера ее формирования литератор закрепился как антипод А.С. Пушкина. Это свойство культурной памяти является механизмом установки общественных норм; соответственно, Пушкин выдвигается как пример поведения, а Булгарин — как антипример.

The Literary Reputation of Thaddeus Bulgarin: Factors of its Formation

Anna Matveeva

Keywords:
literary reputation,
collective memory,
Thaddeus Bulgarin.

Abstract

The author of the article aims to find the reasons why Thaddeus Bulgarin remained a negative personality in the memory of society. Since the development of a literary reputation is associated with the mechanisms of collective memory formation, this case was analyzed through a lens of memory studies. Having researched several sources such as *Literary Biography in Historical and Cultural Context* by Y. Lotman, we made the assumption: Bulgarin's contribution did not remain in the collective memory, since the later is a dichotomous formation, and, therefore, he was recorded as the antipode of A. Pushkin. Such a feature of the collective memory is a key factor for setting social norms; thus, while Pushkin is viewed as a good example of behavior, Bulgarin's role model is considered to be negative.

То, каким писатель остается в памяти общества, очень мало зависит от него самого. Процесс создания образа автора не так легко контролировать, из-за чего его литературная репутация, складывающаяся в различных сообществах, бывает довольно несправедливой. О такой особенности ее формирования пишет в своей работе Юрий Лотман [Лотман 1992]. Исследователь утверждает, что литературная биография опирается скорее на мифы, нежели на факты из жизни автора [Лотман 1992: 367]. Лотман также отмечает, что для литературного сообщества 1840-х годов «биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество», поскольку личность автора в то время стала залогом доверия к тексту. Таким образом, эта тенденция обязывала писателей реализовывать и в жизни то, что они «проповедовали» в искусстве [Лотман 1992: 374].

Несправедливость формирования литературной репутации можно увидеть на примере Ф.В. Булгарина. Сейчас может быть довольно непросто убедить человека, который знает о существовании этого автора, что он не был плохим писателем и дурным человеком. В этой статье будут рассмотрены причины, по которым литературная репутация Булгарина сформировалась таким образом, что писатель остался в коллективной памяти общества конца XIX — начала XX веков как отрицательная фигура [Рейтблат 2016: 5], несмотря на свои заслуги перед русской словесностью. Много об этом уже было сказано в статье Абрама Рейтблата [Рейтблат 2016], которая стала отправной точкой предпринятого исследования. Мы попробуем развить тезисы этой работы, а также осмыслить особенности формирования литературной репутации Булгарина с позиций *memory studies*.

Неоднозначность фигуры Фаддея Булгарина

Репутация Булгарина была двоякой: успешный издатель и писатель, но в то же время доносчик, если не сказать предатель. Литературный мир наполнился слухами о нем, его презирали; и такое отношение современников наложило отпечаток на последующее восприятие фигуры Булгарина [Рейтблат 2016: 3]. Впрочем, как это часто бывает, одни слухи не имели под собой оснований, а другие — искажали факты. Все это обусловило создание вокруг писателя негативного ореола, закрепившегося в памяти современников автора и следующих поколений. Таким образом, в литературной репутации Булгарина не осталось места для его достижений в качестве писателя, поскольку их затмили подробности частной жизни. Например,

в кулуарах литературных салонов современники нередко называли Булгарина предателем, перебежавшим на сторону Наполеона во время войны 1812 года [Рейтблат 2016: 6]. Подробно этот слух рассматривает Абрам Рейтблат [Рейтблат 2016], описывая некоторые аспекты неоднозначных мест биографии литератора и пытаясь объективно оценить его фигуру. Так, Рейтблат комментирует историю военной службы Булгарина следующим образом. Действительно, в 1806 году писатель присоединяется к армии в войне против французов, однако в 1812 году он сражается уже на стороне Наполеона. Этот факт, на первый взгляд, говорит о том, что писателя заботило не общее дело, а скорее свой корыстный интерес, но произошедшему есть и другое объяснение. Дело в том, что во время Тильзитского мира на территории современной Польши было создано Варшавское герцогство под покровительством Наполеона. Это давало полякам надежду на восстановление своей страны. Это естественно, что Булгарин стал воевать на благо своего отечества, поскольку был патриотом. При этом писатель, вопреки слухам, разошедшимся по литературному сообществу, не предавал Россию, так как состоял в армии Наполеона, когда Российская империя и Франция были союзниками [Рейтблат 2016: 6].

Неоднозначен с точки зрения морали и самый «темный» и, вероятно, самый известный факт биографии Булгарина — его сотрудничество с Третьим отделением. Правление Николая I, в частности его политика в отношении цензуры, представляло угрозу для литературной и тем более для издательской деятельности, которой увлекался Булгарин. Чтобы не потерять возможность заниматься своим делом, писатель решил приспособиться к ситуации в стране, оповещая императора о том, что происходит в литературном сообществе. И хотя Булгарин действительно подготавливал докладные записки на различные темы (например, о распространении социалистических идей в России, о взглядах выпускников Царскосельского лицея и членов «Арзамаса», о роли «австрийской интриги» в подготовке декабристского восстания и т.д.), Рейтблат отмечает, что литератор не называл конкретных имен. Обычно Булгарин придерживался темы записки, не говоря об отношении к власти или политических взглядах той или иной личности [Рейтблат 2016: 9].

Эти и другие факты биографии Булгарина, которые часто являлись лишь слухами, затмили память о том, что он сделал для русской литературы. Кратко перечислим его заслуги. Во-первых, он ввел новые жанры, такие как авантюрный плутовской и фантастический романы; во-вторых, начал издавать первую негосударственную газету с политическим разделом [Рейтблат 2016: 5]; в-третьих,

Булгарин основал русскую беллетристику, нацеливаясь в своей литературной деятельности на массового читателя и отбросив ориентацию на дворянский эстетизм и аристократичность [Долгих, Пучкова 2021: 14], [Васильева 2008: 54].

Роль анекдотов и эпиграмм в формировании литературной репутации Фаддея Булгарина

Негативной мифологизации Булгарина, помимо неоднозначности его биографии, способствовало также большое количество анекдотов и эпиграмм о нем. Юрий Лотман отмечает, что литературная биография раньше зачастую складывалась из послужного списка и анекдота [Лотман 1992: 373]. Ни первый, ни второй фактор не может представить Булгарина в выгодном свете. Сложную ситуацию с его военной службой и характеристику, которую давали этой части биографии писателя его современники, мы уже отмечали выше, а теперь рассмотрим влияние анекдотов и эпиграмм о Булгарине на его литературную репутацию. Известен такой анекдот из литературного быта, объединивший в себе фигуры подлинного писателя и его антипода: «А.С. Пушкину предлагали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он отказался, говоря: “Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь”» [Курганов, Охотин 1990: 217].

Изначально цель анекдота — «объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели» [Кошанский 1832: 65–66]. В случае с Булгариным анекдот обычно демонстрирует не добродетель, а пороки. К характеристикам анекдота, как отмечает Ефим Курганов, также относится установка на историчность [Курганов 1995: 21]. Конечно, основой анекдота часто становится невероятный случай, однако ориентация на достоверность в этих текстах все равно сохраняется. Такую установку на историчность, характерную для этого жанра, следует воспринимать не буквально, а как отпечаток нравов и привычек эпохи, ее быта в анекдоте [Курганов 1995: 36].

В приведенном выше примере завязку составляет тот факт, что Булгарин написал исторический роман. Действительно, он создал большое количество произведений этого жанра (например, романы «Мазепа», «Дмитрий-Самозванец», «Эстерка»). При этом в анекдоте также подразумевается, что романы Булгарина написаны плохо — потому Пушкин и не надеется, что сможет их прочитать. Установка на историчность анекдота и объяснение характера героя и его произведений способствуют тому, что человек, который мало знает о Булгарине и слышит приведенный выше анекдот, начинает задумываться

о том, насколько качественно в действительности пишет этот литератор. Анекдоты так или иначе создают вокруг своих героев определенный ореол, а поскольку в случае Булгарина большая часть этих историй показывала его отрицательные качества, то и фигура этого писателя начала восприниматься как негативная. Тем не менее в основе анекдотов всегда лежат стереотипы, так как для их существования необходимо, чтобы как можно бóльшая аудитория смогла понять их и оценить [Миндадзе 2005]. Именно из-за этого такие истории являются в первую очередь следствием негативного восприятия Булгарина, а не его причиной. Однако неизбежная циркуляция анекдотов в обществе способствует формированию определенного отношения к героям этих историй [Миндадзе 2005]. Поэтому весьма вероятно, что анекдоты все же повлияли на литературную репутацию Булгарина, закрепив за ним сложившийся образ.

Помимо анекдотов, о Булгарине писали множество эпиграмм. Оба жанра были популярны в пушкинскую эпоху [Курганов 1995: 20]. Кроме того, фигура этого автора хорошо вписывалась в тематику таких текстов начала XIX века. Именно в это время русская эпиграмма сосредотачивалась не на выявлении нравственных пороков общества и отдельных личностей, а на изобличении литераторов, лишенных эстетического вкуса [Леонов 2006: 11]. Так произошло и в случае с Булгариным: эпиграммы на него в первую очередь утверждают эстетическую несостоятельность его произведений, хотя в то же время обличают пороки души писателя (лицемерие, трусость, подхалимство и др.). Например, в следующей эпиграмме Евгения Баратынского литературная деятельность Булгарина описывается как «марание листа», которой кроме несовершенств на формальном уровне присущи также «чепуха и враки» в содержательном плане:

Он точно, он бесспорно,
Фиглярин журналист,
Марающий задорно
Свой оглашенный лист.
А это что за дура? —
Ведь истина, ей-ей!
Давно ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьём наведена,
Занятиям мараки
Мешать пришла она
[Баратынский 1827: 5].

Булгарин становился героем эпиграмм за авторством не только Пушкина и Баратынского, но и Лермонтова, Вяземского, Некрасова и др. Их произведения входят в литературный канон, а потому кажется естественным, что их эпиграммы способствовали закреплению отрицательного образа Булгарина в коллективной памяти.

Литературные анекдоты в каком-то смысле принадлежат фольклорной традиции. Тем не менее они имеют авторов, а значит, как и эпиграммы, все же являются частью литературы. К функциям последней относится закрепление тех или иных фактов в памяти сообществ через трансляцию прошлого в форме нарратива [Нечаева 2020]. Существование анекдотов и эпиграмм с акцентом на отрицательных характеристиках Фаддея Булгарина закрепляет его в историческом нарративе как человека низких моральных принципов, ведь подобные малые формы становятся известны следующим поколениям, а произведения, восхваляющие Булгарина, практически не дошли до потомков.

Влияние дихотомической структуры коллективной памяти на литературную репутацию Фаддея Булгарина

Понятие «коллективная память» очень важно для рассмотрения феномена литературной репутации. Соотнесенность этих двух категорий отмечает Лотман в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)». Он говорит, что все биографии объединяет одно и то же: они фиксируются в коллективной памяти общества [Лотман 1992: 365]. В итоге литературная репутация (или литературная биография) становится одной из составляющих коллективной памяти, что позволяет сделать вывод, что у этих категорий должны быть схожие механизмы формирования. Рассмотрим один из них, наиболее важный для кейса Булгарина.

Морис Хальбвакс отмечает следующую черту образования коллективной памяти: прежде чем сложиться определенным образом в общественном сознании, она проходит через призму простых дихотомий, в результате чего образы прошлого делятся на «сакральные» (образцы для подражания) и «профанные» (дурной пример) [Хальбвакс 2007: 233]. Это значит, что события закрепляются в коллективной памяти так, чтобы их можно было использовать как источник нравственной рефлексии, в результате которой поколения смогут

извлекать уроки из прошлого [Трубина 2009: 905]. То есть коллективная память становится одной из основ социального порядка, подкрепляя определенные общественные нормы.

О схожем принципе пишет и Лотман, отмечая, что общество сохраняет только память о нормах, которые всегда безличны (при этом само следование им не сохраняется в коллективной памяти), однако нарушители этих норм не забываются [Лотман 1992: 367]. Иными словами, запоминаются лишь люди, отличающиеся «“необычным” поведением, нарушающие [общественную] норму» [Лотман 1992: 367]. Литературная деятельность Булгарина, respectable издателя, писателя и журналиста, не нарушала современную ему норму, а потому и не оставила заметного следа. Однако Булгарин нарушал моральные принципы в своей частной жизни (перебежничество на войне, доносы на коллег и т.п.) — именно благодаря этим поступкам, а не литературным свершениям, он и остался в коллективной памяти.

При рассмотрении кейса Булгарина, конечно, можно изучить современную автору критику его произведений¹ и сделать вывод, что творчество этого писателя не отличалось мастерством слога. Получается, что он в любом случае не попал бы в канон, даже если его биография была бы безупречна с этической стороны. Однако в качестве аргумента против такого осмысления формирования литературной репутации нам хотелось бы привести интеллектуальный диалог, произошедший в 1820-х годах между Пушкиным и «московскими юношами», и в том числе обсуждение последними проблемы гениальности. Наталья Мазур пишет, что главным «чужим» кандидатом на эту роль для круга «Московского вестника» был Пушкин, однако они были недовольны деятельностью будущего «гения русской поэзии» по нескольким причинам и отказывались называть его таковым [Мазур 2001]. Во-первых, в своем творчестве Пушкин в основном не преследовал дидактических целей, тогда как «московские юноши» считали, что воспитание читателя — это одна из важнейших функций литературы [Мазур 2001]. Во-вторых, Пушкин не был образцом поведения, а этическое совершенство личности литератора было важным критерием для определения его как «гения» в концепции круга «Московского вестника» [Мазур 2001].

1. Приведем несколько примеров: В.А. Жуковский: «У него есть что-то похожее на слог и, однако, нет слога, есть что-то похожее и на талант, хотя нет таланта» [Киреевский 1861: 23]; А.С. Пушкин: «Фаддей Венедиктович, кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как Выжигин в различных изменениях, <...> [даже] собственные записки и нравственные статейки — все сбивается на тот же самый предмет»; вероятно, П.А. Вяземский: «Такие или подобные нравственно-сатирические обвинения бывали, однако ж, у нас, и именно в статьях г. Булгарина. Большая часть из них писана была, как по всему видно, на скорую руку, для наполнения пустого места в журнале» [Федотова 2001: 454–456].

Тем не менее, как мы знаем, этот спор не повлиял на признание Пушкина. Вероятно, этого не случилось потому, что «московские юноши» не имели значительного влияния в литературной среде.

В то же время, несмотря на непризнание кругом «Московского вестника», сам Пушкин, полемику с которым вел Булгарин, имел огромное влияние не только на современный ему литературный процесс, но и на всю последующую русскую литературу. Пушкина уже при жизни называли гением [Рейтблат 2001: 53] и образывали вокруг него культ личности [Щеголев 1930: 184–195]². Именно поэтому, как нам кажется, у Булгарина не получилось преодолеть его критику и остаться в коллективной памяти писателем, много сделавшим для русской литературы.

Пушкин, оказавшись в самом центре литературного канона, поспособствовал тому, чтобы сохранилась память и о его окружении. Из-за того, что Фаддей Булгарин опосредованно оказался в каноне как его соперник, это стало самой важной характеристикой оппонента «гения русской поэзии», а его деятельность оказалась забыта. Таким образом получилось, что из-за фигуры Пушкина фокус с литературной идентичности Булгарина сместился на его частную жизнь. Кроме того, поскольку первый из них воспринимается человеком, выросшим в русской культуре, как авторитет, то естественно, что в сознании этого человека будет далее выстраиваться бинарная оппозиция между Пушкиным и Булгариным. «Враг» Пушкина автоматически считается плохим человеком, ведь он идет против «солнца русской поэзии».

Методологически этот феномен можно обосновать склонностью коллективной памяти к дихотомическому запоминанию, о котором пишет Хальбвакс [Хальбвакс 2007: 321]. Пушкин в этом случае выступает как пример поведения для общественности — честный борец за свободу, готовый защищать свое отечество и своих сограждан. Булгарин же в этой бинарной оппозиции выдвигается как антипример — трусливый, двуличный эгоист, для которого ничего не стоит совершить предательство, если речь идет о его собственной выгоде.

Подведем итоги. Катализатором отрицательной литературной репутации Булгарина стала неоднозначность фактов, из которых состоит его биография, что и дало возможность оппонентам литератора негативно интерпретировать его деятельность.

2. При этом формированию именно такой литературной репутации этого автора способствовали следующие факторы: поддержка литературных сообществ и власти, успешная продажа его произведений, вызывающее поведение писателя и проч. [Рейтблат 2001: 69].

В результате догадки переросли в анекдоты и эпиграммы, которые, в свою очередь, позволили, во-первых, закрепить негативную литературную репутацию Булгарина в современном ему литературном сообществе, а во-вторых, сохранить в коллективной памяти и, соответственно, донести до потомков идею о Булгарине как об антигерое русского литературного процесса.

Несмотря на то что Булгарин мог и не быть злодеем как таковым, существует большая вероятность, что мы не сможем объективно оценить его фигуру. Мы не узнаем, каким человеком он был на самом деле: как утверждает историк Павел Уваров, понять человека нам помогают не пачки документов о нем и не информация, в них содержащаяся, — мы постигаем человека неожиданно, схватив в позе или фразе то, «чего не могли уловить в многочисленных прежних наблюдениях» [Уваров 2000: 19].

Список литературы

1. [Баратынский 1827] — *Баратынский Е.А.* Журналист Фиглярин и Истина // Московский Телеграф. 1827. № 15. С. 5.
2. [Васильева 2008] — *Васильева С.В.* Театрально-критическая деятельность Ф.В. Булгарина в газете «Северная пчела» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 63. С. 54–57.
3. [Долгих, Пучкова 2021] — *Долгих А.Н., Пучкова Е.И.* Ф.В. Булгарин и рождение «массовой культуры» в России: к постановке вопроса // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 3. С. 7–16.
4. [Киреевский 1861] — *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.: Типография П. Бахметева, 1861. 318 с.
5. [Кошанский 1832] — *Кошанский Н.Ф.* Частная реторика. СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1832. 152 с.
6. [Курганов 1995] — *Курганов Е.И.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Дис. ... канд. филол. наук. Хельсинки, 1995. 278 с.
7. [Курганов, Охотин 1990] — *Курганов Е.И., Охотин Н.Г.* Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М.: Художественная литература, 1990. 270 с.
8. [Леонов 2006] — *Леонов И.С.* Поэтика русской эпиграммы XVIII — начала XIX веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.
9. [Лотман 1992] — *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 365–376.

- 10.[Мазур 2001] — *Мазур Н.Н.* Пушкин и «московские юноши»: во-круг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Сост. и ред. Дэвид М. Беттеа, А.Л. Осповат, Н.Г. Охотин и др. М.: ОГИ, 2001. С. 54–105. Цит. по эл. публикации. URL: [link](#) (дата обращения: 16.10.2021).
- 11.[Миндадзе 2005] — *Миндадзе И.* Коллективная память и само-бытность группы // Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office. South Caucasus Region. 15.01.2005. URL: [link](#) (дата обращения: 02.01.2022).
- 12.[Нечаева 2020] — *Нечаева А.А.* Теоретико-методологические под-ходы к анализу коллективной памяти в мемори стадииз // Дискурс. 2020. № 3. С. 46–63.
- 13.[Рейтблат 2001] — *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пуш-кинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
- 14.[Рейтблат 2016] — *Рейтблат А.И.* Видок Фиглярин (История од-ной литературной репутации) // Рейтблат А.И. Фаддей Венедик-тович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 3–15.
- 15.[Трубина 2009] — *Трубина Е.Г.* Множественная травма // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 901–911.
- 16.[Уваров 2000] — *Уваров П.Ю.* Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // «Казус»: индивидуальное и уникальное в истории. 2000. № 3. С. 15–32.
- 17.[Федотова 2001] — *Федотова С.Б.* Примечания к статьям «Литера-турной газеты» и «Северных цветов» // Пушкин в прижизнен-ной критике, 1828–1830. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2001. С. 454–456.
- 18.[Хальбвакс 2007] — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 19.[Щеголев 1930] — *Щеголев П.* Обожатели Пушкина // Московский пушкинист. 1930. № 2. С. 184–195.

Анна Николаевна Матвеева
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет гуманитарных наук,
образовательная программа
«Филология»
biodegr8able@gmail.com

Anna Matveeva
HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
BA programme in Philology
biodegr8able@gmail.com

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ ТОЛКИНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Лариса Бекасова

УДК: 82+821.111.

Ключевые слова:

Толкин, Властелин колец, Хоббит,
переводчики, Рахманова,
Грузберг, Муравьев,
реконструкция жизненного мира.

Аннотация

Статья посвящена изучению социальных и культурных условий, побудивших отечественных переводчиков 1970-х — начала 1980-х годов приступить к работе над переводом текстов Дж.Р.Р. Толкина, и истории развития их переводческих стратегий. Посредством анализа опубликованных источников и организации интервью с участниками событий и их близкими автор статьи реконструирует жизненные миры первых переводчиков Толкина на русский язык — Н.Л. Рахмановой, А.А. Грузберга и В.С. Муравьева. Феноменологическая дескрипция жизненных миров позволяет ответить на вопросы об основных мотивах и условиях перевода ими произведений «Властелин колец» и «Хоббит», а также служит ключом к пониманию места творчества Дж.Р.Р. Толкина в их жизни.

First Translations of Tolkien's Writings into the Russian Language: Socio-Cultural Contexts

Larisa Bekasova

Keywords:
*Tolkien, Lord of the Rings,
The Hobbit, translators,
Rakhmanova, Gruzberg, Muravyov,
life-world reconstruction.*

Abstract

The article deals with the social and cultural conditions that prompted Russian translators of the 1970s and the early 1980s to begin working on translation of J.R.R. Tolkien's texts, and with the history of the development of their translation strategies. The author of the article reconstructs the life-worlds of Tolkien's first translators into Russian—N.L. Rakhmanova, A.A. Gruzberg and V.S. Muravyov—by analyzing published sources and organizing interviews with the participants of the events and their relatives. A phenomenological description of the life-worlds allows us to answer questions about the main motives and conditions of translating the works *The Lord of the Rings* and *The Hobbit*, as well as performs a key factor for understanding the place of J.R.R. Tolkien's work in the lives of translators.

Переводы¹ являются той формой воспроизведения творчества Дж.Р.Р. Толкина, которая позволила русскоязычному читателю познакомиться с его произведениями, при этом именно ранние переводы заложили определенные переводческие тренды. Интересно, что практически в одно и то же время, в рамках полутора десятилетий, с конца 1960-х по начало 1980-х годов, разные, совершенно не связанные друг с другом люди, — Зинаида Анатольевна Бобырь, Наталия Леонидовна Рахманова, Александр Абрамович Грузберг, а также Владимир Сергеевич Муравьев и Андрей Андреевич Кистяковский, — заинтересовались творчеством малоизвестного в те годы в СССР автора Дж.Р.Р. Толкина. Важным является также характер каждого перевода: текст не был заказным и переводился по личной инициативе авторов. Этот внутренний всплеск интереса к Дж.Р.Р. Толкину и его книгам нам и предстоит проанализировать.

Феноменологическая дескрипция «жизненных миров» первых переводчиков Дж.Р.Р. Толкина на русский язык — Н.Л. Рахмановой, А.А. Грузберга и В.С. Муравьева — позволит проследить процесс формирования образа Дж.Р.Р. Толкина в отечественной переводческой среде в исследуемый период, выявить мотивы перевода его текстов и определить влияние социокультурной ситуации в СССР в 1970-е годы на решение взяться за перевод.

Концепт «жизненного мира», предложенный Э. Гуссерлем, имеет довольно широкое значение и охватывает различные сферы человеческой жизни. Наиболее общее его значение, которого мы и будем придерживаться в этой статье, было сформулировано Я. Слининым:

«Жизненный мир — это мир людей и предметов, непосредственно окружающих меня в течение всей моей жизни. Это моя семья, мой город с его ландшафтами и людьми, моя страна и т.д. Это мир моих личных убеждений, интересов, вкусов, дел и привычек» [Слинин 2006: 6–7].

Важно учитывать, что при работе с этой концепцией большую роль играет не только приближенная к человеку реальность, но и внешняя среда, которая хоть и находится в отдалении, но оставляет след в его мире. Иными словами, «жизненный мир» людей включает в себя и политические реалии, и мировоззренческие проблемы — все,

1. Мне бы очень хотелось поблагодарить тех людей, без которых этого исследования бы не было. Светлана Панич — замечательная переводчица, которая помогает мне своими мудрыми советами. Алексей Каменских — мой научный руководитель, который занимается многими достойными вещами помимо преподавания. Мария Чепайтите — переводчица и писатель, которая отнеслась ко мне и моему исследованию со всей душой. Константин Пирожков — новый друг и мудрый советник в моих начинаниях. И, конечно, Наталия Рахманова, Александр Грузберг и Алексей Муравьев, которые любезно согласились побеседовать со мной.

что становится значимым для исследуемых переводчиков. Каждая из этих категорий имеет свои специфические черты и необходима для конструирования «жизненного мира» того или иного человека.

Нельзя сказать, что эта тема совершенно не исследована. Так, мы можем отметить удачный подход, использованный М. Хукером в монографии «Толкин русскими глазами» [Хукер 2003]. Автор исследует условия создания переводов «Хоббита» и «Властелина колец», влияние истории, культуры России, а также взгляды переводчиков на их тексты. Для изучения социокультурного влияния советских реалий автор комбинирует использование материалов интервью с текстологическим анализом содержания книг. В своих работах Н.Г. Семенова и А.О. Ермоленко рассматривают содержательную часть переводов и различия в подходах авторов [Семенова 2010]; [Ермоленко 2019]. Восприятию переводных произведений читателями посвятила статью И.А. Сергиенко [Сергиенко 2010], а рецепцию творчества Дж.Р.Р. Толкина широко рассматривает в своей диссертации Э.В. Шустова [Шустова 2017]. Тем не менее в каждом случае внимание автора уделено в большей степени влиянию исторического и культурного контекста на смысл произведения или переводческую стратегию, личность самого переводчика при этом несколько уходит на задний план.

Мы рассчитываем, что дескрипция «жизненных миров» позволит нам ответить на следующие вопросы:

- Как формировался и изменялся образ Толкина в отечественной переводческой среде в интересующий нас период?
- Чем определялся выбор каждым из переводчиков тех или иных работ Толкина и какой смысл вкладывал каждый автор в свою работу?

Источниковая база исследования состоит из эго-документов, включающих воспоминания переводчиков, мемуары их близких друзей и родственников. Отдельную категорию источников представляют интервью, которые можно условно разделить на две основных группы:

1. архив опубликованных интервью, находящихся в свободном доступе [Витковский, Хананашвили 2004]; [Муравьев, Калашникова 2001], [Муравьев и др. 2012]; [Рахманова, Артеменко 2021]; [Трауберг, Шведов 1998];
2. материалы взятых исследователем интервью с Наталией Леонидовной Рахмановой, Александром Абрамовичем Грузбергсом, с дочерью Н.Л. Трауберг — Марией Виргилевной Чепайтите, а также с сыном В.С. Муравьева — Алексеем Владимировичем Муравьевым.

Специфика исследования заключается в привлечении достаточного разнородного спектра источников для реконструкции «жизненных миров» выбранных авторов. С помощью интервью мы анализируем позиции авторов и одновременно с этим стараемся поместить их в контекст литературного мира того времени.

Обратимся к истории появления в СССР первых переводов Дж.Р.Р. Толкина на русский язык. Нам известны личности пяти авторов, ставших «первопроходцами» в области отечественной переводной толкинистики: Зинаида Бобырь создала переложение «Повесть о кольце» (1966 г.)², Наталия Рахманова перевела книгу «Хоббит» (1976 г.)³, Александр Грузберг написал самиздатовский «Властелин колец» (ок. 1977 г.)⁴, Владимир Муравьев и Андрей Кистяковский перевели первый том под названием «Хранители» (ок. 1976–1980 гг.)⁵. Несмотря на то, что З.А. Бобырь перевела большое количество фантастической литературы в советские годы, сейчас ее фигура малоизвестна, сведений о ее личности практически не сохранилось. Ввиду отсутствия источников здесь мы не будем подробно рассматривать ее личность.

Для того, чтобы понять, что побудило людей из разных городов и принадлежащих к разным переводческим средам переводить произведения Дж.Р.Р. Толкина, нужно выделить некоторые обстоятельства, которые необходимо принимать в расчет при анализе.

Начать стоит с распространенного заблуждения о том, что имя Дж.Р.Р. Толкина было абсолютно неизвестно в советском обществе. Уже в 1957 г. в выпуске библиографического указателя под названием «Художественная литература Англии 1955» была выпущена заметка о публикации в 1955 г. книги «Возвращение короля» под авторством Дж.Р.Р. Толкина [Левидова 1957: 113–114]. Несмотря на это, большого интереса к автору в СССР не возникало вплоть до 1960–1970-х годов.

Чтобы объяснить это явление, следует остановиться на общей картине распространения текстов Дж.Р.Р. Толкина на Западе. Известно, что в 1960–1970-е годы США и Западная Европа пере-

2. *Работу над рукописью перевода «Хоббита» З. Бобырь закончила в 1966 г; рукопись распространялась в машинописных копиях; первая типографская публикация перевода см.: Толкин Дж.Р.Р. Повесть о кольце. М.: Интерпринт, 1990. 488 с.*

3. *Толкин, Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Л.: Детская литература, 1976. 256 с.*

4. *Работу над рукописью перевода «Властелина колец» А. Грузберг закончил примерно в 1977 г; рукопись распространялась в машинописных копиях; первая типографская публикация перевода см.: Толкин, Дж.Р.Р. Властелин колец. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 1024 с.*

5. *Работу над рукописью перевода «Властелин колец» В. Муравьев и А. Кистяковский закончили примерно в 1980 г; первая типографская публикация перевода см.: Толкиен, Дж.Р.Р. Хранители. М.: Детская литература, 1982. 336 с.*

живают «толкиновский бум», во многом совпавший с многочисленными протестными движениями среди молодежи, которая стремилась найти в его произведениях отсылки к современным реалиям [Домбровский, Хазанов 2020: 125–126]. Этот феномен проявляется в резком повышении популярности произведений «Властелин колец» и «Хоббит», появлении рефлексии на творчество Дж.Р.Р. Толкина в музыке и кинематографе, а также переводов его произведений на европейские языки (португальский – 1962 г., испанский – 1964 г., датский – 1968 г., итальянский – 1967 г., французский – 1969 г., немецкий – 1971 г.⁶) [Гайдаржи 2001].

Личность Дж.Р.Р. Толкина на Западе в эти годы приобрела массовую известность, а популярность чтения его книг и распространяющееся по миру появление переводов к 1970-м годам коснулась территории СССР и стран, находившихся в советской сфере влияния. В 1969 г. отрывок седьмой главы книги «Хоббит» на русском языке был опубликован в журнале «Англия» [Толкин 1969] с предисловием, содержащим информацию об авторе произведения и его академических заслугах [Летам 1969]. Это издание охватывало довольно широкую аудиторию и распространялось в 83 городах на территории всего Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и Перми [Белов 2001].

Следующее упоминание Дж.Р.Р. Толкина в отечественной научной литературе относится к 1972 г. Его имя, пусть и в несколько искаженном виде (Д. Толкайен), появилось на страницах Краткой литературной энциклопедии в разделе «Фантастика» [Нудельман 1972: 887–895]. А уже в 1974 г. учебное пособие «Зарубежная детская литература» включает в содержание раздел, посвященный писателю [Черняевская 1974: 60]. В 1975 г. в сборнике английских сказок публикуется еще один отрывок «Хоббита», но в этот раз на английском языке и с небольшим искажением фамилии автора (Tolkein) [Tolkein 1975: 311]. Появляются первые исследовательские работы, посвященные творчеству Дж.Р.Р. Толкина: С.Л. Кошелев защищает дипломную работу по переводу «Властелина колец» на русский язык [Кошелев 1975].

На фоне этих событий начинается активная деятельность по переводу Дж.Р.Р. Толкина на языки стран соцлагеря, а позднее и народов СССР. Впервые перевод произведения Дж.Р.Р. Толкина был напечатан в Чехословакии в 1973 г., это было издание «Хоббита» на словацком языке, а в 1978 г. появился перевод на чешский язык. В 1975 г.

6. 2-е издание с исправленными именами. 1-е опубликовано в 1957 г.: Tolkien J.R.R. *Kleiner Hobbit und der grosse Zauberer*. Recklinghausen: Paulus-Verlag, 1957. 350 s.

на территории Югославии появилось сербское издание, а первый русский перевод под авторством Н.Л. Рахмановой вышел в свет в 1976 г. Спустя год, в 1977 г., «Хоббит» был переведен в Эстонской ССР.

Эта информация опровергает тезис о том, что Дж.Р.Р. Толкин и его работы были абсолютно неизвестны в советском пространстве. Он не был знаком широкому кругу читателей, однако представители интеллигенции имели достаточно возможностей встретить имя автора в справочной литературе.

Вернемся к вопросу о том, как три независимых друг от друга переводчика пришли к решению переводить одного и того же автора. В чем уникальность этого феномена? Авторы жили в трех разных городах: Н. Рахманова — в Ленинграде, А. Грузберг — в Перми, В. Муравьев — в Москве. Они были незнакомы друг с другом, а круги их общения не были связаны и не пересекались между собой. Из причастности к разным культурным полям, обусловленным географическим разделением, следует разница в подходе к переводу. Иными словами, все три автора принадлежат к разным переводческим школам (под этим понятием подразумевается совокупность определенных переводческих принципов, присущих той или иной стратегии перевода, как то: московская и ленинградская школы переводов).

Н. Рахманову можно смело отнести к ленинградской школе перевода. В 1950-е годы она обучалась у видных представителей этой школы — Ивана Лихачева, Александра Энгельке, Эльги Линецкой, Татьяны Гнедич [Рахманова 2023: 319]. Переводческих принципов, которые легли в основу перевода «Хоббита», было довольно немного. Отвечая на вопрос об этом, Н. Рахманова отмечает следующее: 1) она переводит в меру знания английского и владения русским языком (что ей представляется не менее важным); 2) руководствуется интуицией [Рахманова 2004]. А главное правило, которого она старалась придерживаться в ходе работы над «Хоббитом», — избегать «русификации» текста, и в особенности имен персонажей [Рахманова 2004]. Как известно, ленинградская школа была одной из самых свободных, при этом ее последователи никогда не забывали, что «переводчик — не столько тот, кто знает языки, сколько тот, кто ведет себя как переводчик», а потому не пытается добавлять в авторский текст собственные мысли и соображения [Яснов 2010].

А. Грузберг никогда не посещал переводческие кружки и обучался искусству перевода самостоятельно. При детальном рассмотрении можно предположить, что его перевод относится к формализму в том смысле, который вкладывал в это слово И. Кашкин — его суть заключается в намеренном копировании подлинника [Кашкин 1954: 193]. В более широком смысле можно отнести переводческий стиль

А. Грузберга к буквализму. Согласно М.Л. Гаспарову, смысл такого перевода «...не обеднять подлинник применительно к привычкам читателя, а обогащать привычки читателя применительно к подлиннику» [Гаспаров 1971: 108–109]. Вот некоторые переводческие принципы, которые установил А. Грузберг для перевода романа «Властелин колец»: 1) перевод должен быть максимально близким к тексту; 2) все имена необходимо сохранить в их оригинальном написании; 3) в тексте нельзя ничего пропускать и упускать [Грузберг, Хукер 2002].

Определить принадлежность В. Муравьева к той или иной школе довольно сложно из-за отсутствия необходимых источников. Известно, что в Москве он проходил обучение в переводческом кружке Марии Лорие, с подходом которой, тем не менее, был не согласен [Муравьев и др. 2012]. Все описанные им «правила» перевода относятся к более позднему периоду жизни, однако вполне могли сформироваться уже в молодости: 1) перевод должен быть конгениален тексту оригинала; 2) если адекватность требует замены понятия в тексте, нужно без колебаний сделать это; 3) необходимо ответственно подходить к поиску словесно-художественного фона для каждого произведения [Муравьев, Калашникова 2001]. Если анализировать стиль В. Муравьева, то можно найти сходства с принципом реалистического перевода по И. Кашкину [Азов, Гусейнов 2013: 99]. Сын переводчика, Алексей Муравьев, подтверждает, что его отец «в определенной степени старался ориентироваться на Кашкинскую школу перевода» [Муравьев 2023: 345].

Интересно, что согласно теории А. Азова всех переводчиков позднесоветского периода должна объединять принадлежность к одной тенденции, господствующей в 1960-е годы, — стремлению адаптировать текст под советское культурное пространство; ориентации на «свое» (стремление соответствовать вкусам и привычкам читателей), а не «чужое» (стремление передать художественные особенности языка оригинала) [Азов, Гусейнов 2013: 16]. Однако полностью соответствуют данной логике только принципы В. Муравьева. Н. Рахманова и А. Грузберг в большей степени стараются сохранить английский дух оригинального произведения. Тем не менее неосознанно Н. Рахманова все же адаптирует текст, что видно на примере использования ею привычных русскому читателю выражений со словом «Бог», отсутствующих в оригинале [Хукер 2003: 76].

Несмотря на физическую и ментальную удаленность друг от друга, каждый из этих переводчиков, независимо от других, принял решение взяться за перевод книги Дж.Р.Р. Толкина. Неслучайный характер этого совпадения можно обосновать, если провести параллели между авторами и продемонстрировать сходства между ними.

1) Все три переводчика принадлежат к одной профессиональной группе. Первое и самое очевидное сходство — это филологическое образование. Еще одна особенность — интерес к иностранной литературе (в особенности английской). Все трое переводят преимущественно с английского языка и так или иначе взаимодействуют с Западом.

Повесть «Хоббит» летом 1974 года Н. Рахмановой предложил прочитать писатель Игорь Ефимов⁷, которому эту книгу привезли его зарубежные знакомые [Рахманова 2004]. Кроме того, в ее круг входили люди, интересующиеся зарубежной литературой как с профессиональной, так и с любительской точки зрения. Возможно, что переводчица могла слышать имя Дж.Р.Р. Толкина от них или же самостоятельно встречать его в отечественных публикациях.

А. Грузберг, с детства увлекавшийся чтением и коллекционированием словарей и энциклопедий, интересовался их зарубежными изданиями [Грузберг 2012] и, вероятно, тоже мог косвенно познакомиться с Дж.Р.Р. Толкином, увидев его имя в одной из справочных книг. Кроме того, его жена ездила в командировки за рубеж, откуда вполне могла привозить не только книги, но и информацию о популярных английских писателях.

Известно, что круг общения В. Муравьева был достаточно широк и во многом состоял из переводчиков и литературных деятелей, а подобные личности часто обладали информацией о доминирующих в западной литературе тенденциях. Существует также вероятность знакомства В. Муравьева с отрывком повести «Хоббит», опубликованным в журнале «Англия». Алексей Муравьев подтверждает тот факт, что его отец был знаком с личностью английского писателя еще до того, как к нему впервые попала книга «Властелин колец», — перевод романа был вполне естественным ходом, «*учитывая, что Дж.Р.Р. Толкин тоже был католик и человек, близкий к тем персонажам, которые интересовали отца*» [Муравьев 2023: 347].

2) В каждом случае инициатива перевода принадлежала автору и не являлась заказом редактора. Сами по себе издательства не были заинтересованы в выходе в печать произведений малоизвестного в СССР писателя Дж.Р.Р. Толкина. Более того, зачастую редакции ничего не знали о его существовании [Грузберг 2023].

Н. Рахманова начала работу над переводом «Хоббита» в середине 1970-х годов, вскоре после его прочтения. Переводчица сразу поня-

7. Игорь Маркович Ефимов (1937–2020) — автор детской литературы, публицист, философ и издатель. Его перу принадлежат произведения «Таврический сад», «Неверная», «Архивы Страшного Суда» и др.

ла, что *«детям это будет интересно и полезно»* [Рахманова 2023: 325], поэтому она отнесла пару переведенных глав редактору издательства «Детская литература», и они были восприняты одобрительно.

А. Грузберг, прочитав «Властелина колец», захотел познакомиться с книгой своих детей, потому и решился взяться за перевод довольно сложного и объемного текста романа [Грузберг 2023]. Важно отметить, что Александр Абрамович начал переводить книгу исключительно для распространения в кругу близких ему людей: по его словам, текст не предназначался для широкой публики [Хананашвили 2003: 3–4].

Изначально В. Муравьев и А. Кистяковский переводили книгу до того, как был заключен договор с одним из издательств, но *«они уже знали, что это будет напечатано»* [Муравьев 2023: 350]. Переводчики долго и настойчиво вели переговоры с издательством «Детская литература», которое в итоге согласилось выпустить сокращенный вариант первой книги [Витковский, Хананашвили 2004].

3) Наконец, мы можем предположить, что *каждый переводчик так или иначе транслирует в своем тексте политический манифест, который является отражением его жизненного мира*. Все они пережили печальный опыт взаимодействия с советским режимом. Этот опыт впоследствии наложил и несколько видоизменил восприятие произведений Дж.Р.Р. Толкина переводчиками.

Так, многие близкие и друзья Н. Рахмановой пострадали от действий правительства СССР: в 1946 г. из-за постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» подвергся репрессиям ее отец, Л. Рахманов⁸; учителя-переводчики — И. Лихачев, А. Энгельке, Э. Линецкая, Т. Гнедич — сами прошли ГУЛАГ; в 1964 г. был осужден близкий друг семьи Иосиф Бродский, в 1982 г. — Константин Азадовский⁹; из-за своих антисоветских убеждений сталкивался с проблемами и Яков Гордин¹⁰, муж переводчицы [Рахманова 2023]. В подобной ситуации вполне понятны причины, по которым Н. Рахманова относилась неодобрительно как к правительству СССР, так и к ситуации в стране в целом: *«Нас не устраивала лживая пропаганда, цензура, вмешатель-*

8. Леонид Николаевич Рахманов (1908–1988) — писатель, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент. До 1946 г. член редколлегии журнала «Ленинград».

9. Константин Маркович Азадовский (1941–н.д.) — филолог, литературовед. Отрицательно относился к политике, проводимой Советским союзом, и открыто заявлял об этом, в результате чего в 1982 г. был осужден по сфабрикованному обвинению и отправлен в лагерь.

10. Яков Аркадьевич Гордин (1935–н.д.) — писатель, историк, публицист и редактор. Имел четкие антисоветские взгляды и оставлял подписи в поддержку Иосифа Бродского, Андрея Синявского и Юрия Даниэля, Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, чем и привлек внимание соответствующих органов.

ство партийных органов в культурную жизнь» [Рахманова 2023: 319]. В этом вопросе мы вынуждены не согласиться с М. Хукером, который утверждает, что Н. Рахманова по политическим соображениям умышленно изъяла из текста «Хоббита» слово «Запад» [Хукер 2003: 63]. Действительно, мы можем видеть, что переводчица во многих случаях избегает упоминания этого географического понятия, однако, скорее всего, делает это подсознательно, или, как она сама говорит о своем методе перевода, — «руководствуясь интуицией». Отражение «жизненного мира» Н. Рахмановой и ее несогласие с советской реальностью, в которой она вынуждена существовать, проявляется скорее в ее отношении к тексту, нежели в самом тексте. Она увидела в «Хоббите» идею осознания ценности так называемого «маленького человека»: *«Толкин сумел показать, как человеческая доброта, порядочность, любовь к самым, казалось бы, простым ценностям <...> в минуты испытаний оказываются сильнее, чем воинский героизм» [Рахманова 2023: 324].* Подобная точка зрения не взялась из ниоткуда: это своего рода проекция собственного «жизненного мира» переводчицы. Однако мы все же можем наблюдать его влияние и в тексте перевода. В одном из отрывков «Хоббита» Н. Рахманова переводит нейтральное выражение об «обновлении мира» с позитивной эмоциональной окрашенностью, используя фразу «мир изменится к лучшему» [Толкин 1976: 239], что транслирует ее собственные надежды на будущее.

Университетские преподаватели играли большую роль в формировании личности А. Грузберга. Их взгляды и тяжелая судьба нашли свое отражение в его мировоззрении. Его научный руководитель Е.О. Преображенская¹¹ была сослана в Томскую область за хранение коллекции книг «реакционных авторов» [Грузберг 2010]. Другого преподавателя, Л.С. Гордона¹², не раз арестовывали и отправляли отбывать наказание в лагерях по надуманным обвинениям [Грузберг 2011]. Похожая судьба была у И.А. Смирин¹³ — близкого друга

11. Екатерина Осиповна Преображенская (1904–1984) — филолог, переводчица, руководитель кафедры иностранных языков историко-филологического факультета Пермского университета.

12. Лев Семенович Гордон (1901–1973) — историк и литературовед, с 1957 г. по 1967 г. доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Пермского педагогического института. Долгое время жил и работал за границей, из-за чего при возвращении в СССР подвергся репрессиям и в 1926 г. был приговорен к трем годам ссылки на Урал. В 1933 г. арестован как участник контрреволюционной организации и вновь приговорен к трем годам лагерей. В 1950 г. по обвинению во «враждебной деятельности против советской власти» он был приговорен к десяти годам лагерей, откуда был освобожден досрочно в 1955 г.

13. Израиль Абрамович Смирин (1925–1993) — литературовед, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Пермского государственного пединститута. С 1964 г. работал в Алма-Атинском университете, откуда был уволен из-за хранения самиздата.

А. Грузберга, уволенного с работы за распространение самиздата [Грузберг 2011]. Несмотря на это, сам Грузберг не был активным противником советского строя, хотя и относился к проводимой СССР политике «не слишком положительно» [Грузберг 2023: 307]; он никогда не ставил своей целью противостояние советскому режиму. Беря во внимание буквалистский подход А. Грузберга к переводу, мы не можем заметить прямого отражения его жизненных взглядов в переведенном им тексте произведения. Как и в случае с Н. Рахмановой, это влияние более заметно в отношении к оригиналу и его смыслу. А. Грузберг утверждает, что «Властелин колец» рассказывает о борьбе добра и зла, при этом отмечая «неблагонадежный» характер текста, «потому что при желании в тексте Толкина, конечно же, можно увидеть это [политический подтекст. — Л.Б.]. Там есть идущие с востока злые, с которыми запад борется» [Грузберг 2023: 309]. Интерес представляет выбор в переводе слов, имеющих определенный оттенок для восприятия советского человека, например, возможная аналогия с правящей партией при переводе «the Ruling Ring» как «Правящее Кольцо» [Хукер 2003: 177]. Сравнение нуждается в уточнении, так как до конца 1980-х в легальном советском контексте о КПСС как о «правящей партии» не говорили и не писали, однако в антисоветском самиздате такое выражение по отношению к ней вполне могло употребляться.

Обстановка, в которой жил и рос В. Муравьев, очень сильно сказалась на восприятии им «Властелина колец», ставшего своего рода «книгой надежды в безнадежности» [Трауберг 2006: 105]. Его мать вторым браком выходит замуж за филолога Е.М. Мелетинского¹⁴ и становится женой «врага народа» [Фильштинский 2005]. Бабушка живет в деревне в довольно тяжелых условиях, дядя погибает в лагерях. Все это дурно сказывается на репутации семьи, из-за чего В. Муравьева и его младшего брата не признают в школе и относятся к ним с пренебрежением [Трауберг 2021: 281]. Третьим мужем И. Муравьевой становится известный философ Г.С. Померанц¹⁵, также прошедший лагеря. С самого детства В. Муравьев растет в среде «антисоветчиков», позднее он входит в круги общения перевод-

14. Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005) — филолог и историк культуры, основатель исследовательской школы теоретической фольклористики. В 1949 г. был арестован в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и реабилитирован осенью 1954 г.. Состоял в браке с Ириной Муравьевой в период с 1949 г. по 1955 г.

15. Григорий Соломонович Померанц (1918–2013) — писатель, культуролог и философ, участник диссидентского движения. В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности и отправлен в лагеря, был реабилитирован в 1956 г. Состоял в браке с Ириной Муравьевой в период с 1956 г. до 1959 г.

чицы Н.Л. Трауберг¹⁶ и А.А. Ахматовой, где разделяют его нелюбовь к Советскому Союзу: «*На Муравьеве негде было печати ставить в смысле неблагонадежности*» [Чепайтите 2023: 342]. Когда В. Муравьев и А. Кистяковский прочли «Властелина колец», они увидели в книге воинственный посыл, восприняли ее сквозь призму советского строя [Трауберг, Шведов 1998]. В. Муравьев был твердо уверен в своем видении произведения и впоследствии стремился вложить свои взгляды в перевод, сделать книгу своего рода прокламацией бунта против жестокого режима [Трауберг 2000]. Наиболее ярко это отражено в тексте более позднего перевода третьего тома, например, посредством использования в речи сторонников зла характерной лексики и жаргона чекистов:

«Сударь, сударь, одумайтесь. Согласно личному приказу Генералиссимуса вы обязаны немедля и без малейшего сопротивления проследовать под нашим конвоем в Приречье, где будете сданы с рук на руки охранцам. Когда Генералиссимус вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово. И если вы не хотите провести остаток жизни в Исправнорах, то мой вам совет — прикусите языки» [Толкиен 1992: 314–315].

Показательным является также отмеченный М. Хукером фаталистический характер перевода [Хукер 2003: 132], который мог быть обусловлен тяжелой жизнью самого В. Муравьева.

Нельзя оставить без внимания вопрос о личных смыслах, которые переводчики вкладывали в собственный труд, и мотивах, которые побудили их переводить конкретные тексты Дж.Р.Р. Толкина. Так, «Хоббит» сразу понравился Н. Рахмановой, и это первое впечатление стало решающим для принятия решения о переводе его на русский язык. По словам самой переводчицы, причина была совершенно простой — Н. Рахманова просто захотела сделать это, «*и было логично предложить ее [книгу — Л.Б.] издательству, чтобы ее могли читать*» [Рахманова 2023: 324].

Аналогичным образом А. Грузберг, только начав чтение романа «Властелин колец», сразу понял, что перед ним не простая фантастическая история, что «Властелин колец» — это настоящая, «*большая*» литература, выдающееся произведение, «*не меньшая литература, чем у нас Толстой*» [Грузберг 2023: 315]. В этом романе заключена глубокая жизненная философия о вечном противостоянии добра

16. Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) — переводчица, редактор и эссеист. Автор советских самиздатовских переводов христианских авторов (Г.К. Честертон, К.С. Льюиса), учредитель российского Честертонского общества. Активно занималась просветительством и не одобряла политику Советского Союза.

и зла: «...Толкин очень мудро говорит о том, что добро без зла не существует, если бы не было зла, не было бы и добра» [Грузберг 2023: 315]. При этом А. Грузберг не утверждает, что эта смысловая линия является в романе ведущей, признавая, что каждый может трактовать произведение по-своему: «Но, конечно, дело не в этой философии, можно эту книжку читать как сказку увлекательную, приключенческую...» [Грузберг 2023: 315]. Так как перевод делался в первую очередь для его детей, автор стремился передать свое видение произведения и сделал акцент на том, что при чтении произвело впечатление именно на него, — на точность проработки вымышленного мира, который «кажется реальней нашего» [Грузберг, Хукер 2002].

«Властелин колец» для В. Муравьева — это «рыцарственное сопротивление антихристу, которое для него отчасти было связано с сопротивлением советской власти и всему, что было с ней связано» [Муравьев 2023: 348–349]. Кроме того, ему в какой-то степени был близок образ одного из главных героев — Арагорна, который практически в одиночестве и в изгнаничестве вынужден вести свою борьбу. На последующее решение В. Муравьева взяться за перевод «Властелина колец» повлиял целый ряд факторов: 1) ему казалось, что это то индустриальное направление в литературе, которое нужно поддерживать; 2) это была большая и важная литературная работа; 3) они с А. Кистяковским договорились переводить «Властелина колец», а потом поступил и заказ от издательства [Муравьев 2023]. В те годы в СССР практически не существовало фэнтезийной литературы, а произведение Дж.Р.Р. Толкина не только было классикой этого жанра, но и воодушевляло читателей, в особенности подростков. Переводчики считали важным посыл книги, заключенный в борьбе добра со злом: В. Муравьев и А. Кистяковский «видели в этой борьбе проекцию той борьбы, которую они вели в своей жизни с тем, что они вкладывали в понятие советской власти» [Муравьев 2023: 351].

Итак, хотя подходы к переводу каждого из авторов отличаются, мы можем увидеть некоторые черты сходства между переводчиками в их биографиях и личностных качествах. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что они во многом воспринимали окружающую их действительность в едином ключе. Наиболее яркой общей чертой являются их диссидентские взгляды, которые в той или иной степени присущи каждому автору. Несмотря на то, что только В. Муравьев являлся открытым противником и неприятелем советского режима, Н. Рахманова и А. Грузберг тоже с неодобрением относились к политике, проводимой СССР. Это во многом объясняет присутствие политических коннотаций в тексте их переводов или наличие в произведениях намеков на советскую действительность.

Как отмечает сама Н. Рахманова: «Думаю, что в семидесятые годы Толкин интересовал тех переводчиков, для которых партийная идеология была чужда» [Рахманова 2023: 325].

Творчество Дж.Р.Р. Толкина оказалось отдушиной для советских интеллигентов: они увидели в его книгах аллюзию на современные реалии и умело поместили их в перевод. Редакторы издательств и политическая верхушка зачастую не видели этого «молчаливого протеста» в переводных произведениях, однако посыл доходил до тех читателей, которые были в состоянии распознать его.

Интересно, что Дж.Р.Р. Толкин не был единственным автором, чьи произведения выступали в качестве источника для культурного диссидентства: среди таких писателей можно назвать имена Г.К. Честертона, К.С. Льюиса и многих других.

Если проследить переводческий путь каждого из авторов, можно понять, что выбор ими произведений также соответствовал определенной логике. Дальнейшее изучение этого вопроса позволит понять, в чем переводчики видели противостояние режиму и возможно ли существование неполитического диссидентства.

Список источников

1. [Витковский, Хананашвили 2004] — *Витковский Е., Хананашвили А.* Интервью для Арды-на-куличках // Архивы Минас-Тирита. 11.05.2004. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
2. [Грузберг 2010] — *Грузберг А.А.* Хочется вспоминать учителей... // Филолог. 2010. № 12. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
3. [Грузберг 2011] — *Грузберг А.А.* Лев Семенович Гордон // Филолог. 2011. № 14. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
4. [Грузберг 2023] — *Грузберг А.А.* Интервью. С. 304–317 наст. изд.
5. [Грузберг, Хукер 2002] — *Грузберг А.А., Хукер М.* «Мне нравится переводить» // Филолог. № 1. 2002. URL: [link](#) (дата обращения: 05.05.2021).
6. [Муравьев 2023] — *Муравьев А.В.* Интервью. С. 344–351 наст. изд.
7. [Муравьев и др. 2012] — *Муравьев В.С., Муравьев А.В., Калашникова Е.* Толкин оставил подробные рекомендации, что и как переводить // Нескучный сад. 2012. № 1. С. 74–79. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
8. [Муравьев, Калашникова 2001] — *Муравьев В.С. Калашникова Е.* Нет хороших и плохих переводчиков, есть удачные и неудачные переводы // Русский Журнал. 04.06.2001. URL: [link](#) (дата обращения: 14.04.2021).

9. [Рахманова 2004]—*Рахманова Н.Л.* «Воспоминания» // Архивы Минас-Тирита. 2004. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
10. [Рахманова 2023]—*Рахманова Н.Л.* Интервью. С. 318–325 наст. изд.
11. [Рахманова, Артеменко 2021]—*Рахманова Н.Л., Артеменко Г.* Кто научил Бильбо говорить по-русски // Новая газета. 19.01.2021. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
12. [Трауберг 2000]—*Трауберг Н.Л.* Толкин и непротивление // Архив материалов Круглого стола «Профессор Толкин и его наследие» в РГГУ. 22.04.2000. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
13. [Трауберг 2006]—*Трауберг Н.Л.* Невидимая кошка // Сборник статей. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 304 с.
14. [Трауберг 2021]—*Трауберг Н.Л.* Сама жизнь. Изд-е 2-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 440 с.
15. [Трауберг, Шведов 1998]—*Трауберг Н.Л., Шведов Г.* Толкин прямо прыгал от негодования // Вечерняя Москва. 22.06–5.07.1998. URL: [link](#) (дата обращения 24.04.2021).
16. [Чепайтите 2023]—*Чепайтите М.* Интервью. С. 326–343 наст. изд.

Список литературы

1. [Азов, Гусейнов 2013]—*Азов А.Г. Гусейнов Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.
2. [Белов 2001]—*Белов И.* Дж.Р.Р. Толкиен в СССР: 1969–1989 г.г. (Библиография с комментариями и подробностями) // Архивы Минас-Тирита. 2001. URL: [link](#) (дата обращения: 04.12.2021).
3. [Гайдаржи 2001]—*Гайдаржи П.* Ф.А.О. по переводам и переводчикам Дж.Р.Р. Толкина // *Tolkien.su*. 2001. URL: [link](#) (дата обращения: 28.12.2021).
4. [Гаспаров 1971]—*Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сборник 8-й. М.: Советский писатель, 1971. С. 88–128.
5. [Грузберг 2012]—*Грузберг А.А.* Словари иностранных слов. Статья вторая // *Филолог*. 2012. № 19. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
6. [Домбровский, Хазанов 2020]—*Домбровский П.А., Хазанов О.В.* Миф Дж. Р.Р. Толкина в мировоззренческих концепциях контркультуры западного общества в 1960–1970-х гг. // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. №3. С. 124–133.

7. [Ермоленко 2019]—*Ермоленко А.О.* Сравнительный анализ переводов повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» с английского языка на русский. Реферат дипломной работы. Беларусский государственный университет, 2019. URL: [link](#) (дата обращения: 23.06.2022).
8. [Кашкин 1954]—*Кашкин И.А.* О реализме в советском художественном переводе // Дружба народов. 1954. № 4. С. 188–199.
9. [Кошелев 1975]—*Кошелев С.Л.* Дипломная работа, Московский государственный институт иностранных языков им. М. Тореза, 1975.
- 10.[Левидова 1957]—*Левидова И.М.* Художественная литература Англии 1955 // Художественная литература и литературоведение Англии. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати зарубежных стран в 1955 г. / Сост. гл. библиограф ВГБИЛ И.М. Левидова. М.: Б. и., 1957. С. 113–114.
- 11.[Летам 1969]—*Летам Ф.* Любимые детские книги // Англия. 1969. № 2 (30). С. 22–29.
- 12.[Нудельман 1972]—*Нудельман Р.И.* Фантастика // Краткая литературная энциклопедия в 7 т. Т. 7. 1972. С. 887–895.
- 13.[Семенова 2010]—*Семенова Н.Г.* Текстуальная зависимость переводов одного произведения в условиях их неофициального и анонимного бытования (к истории двух русских переводов эпопеи Дж. Толкина «The Lord of the Rings») // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2010. № 9. С. 87–102.
- 14.[Сергиенко 2010]—*Сергиенко И.А.* И вела я жизнь цивильную, как вдруг...: история прочтения романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» в России (1970–2000-е гг.) // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 187. С. 138–161.
- 15.[Слинин 2006]—*Слинин Я.А.* Э. Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Э. Гуссерль. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006. С. 5–46.
- 16.[Толкиен 1992]—*Толкиен Дж.Р.Р.* Возвращенье Государя // Властелин Колец. В 3 т. Т. 3. М.: Радуга, 1992. 352 с.
- 17.[Толкин 1969]—*Толкин Дж.Р.Р.* Хоббит (отрывок из романа) // Англия. 1969. № 2 (30). С. 30–40.
- 18.[Толкин 1976]—*Толкин Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. с англ. Н. Рахмановой. Л.: Детская литература, 1976. 256 с.
- 19.[Фильштинский 2005]—*Фильштинский И.М.* Глазами друга (Елеазар Моисеевич Мелетинский, 1918–2005) // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: [link](#) (дата обращения 27.05.2023).

- 20.[Хананашвили 2003] — *Хананашвили А.* Как это начиналось: Толкин в переводах Грузберга // Палантир: журнал Толкиновского общества Санкт-Петербурга. 2003. № 38. С. 3–16.
- 21.[Хукер 2003] — *Хукер М.* Толкин русскими глазами. М.: ТТТ, СПб: ТО, 2003. 302 с.
- 22.[Черняевская 1974] — *Черняевская И.С.* Зарубежная детская литература. М.: «Просвещение», 1974. 478 с.
- 23.[Шустова 2017] — *Шустова Э.В.* Рецепция творчества Дж.Р.Р. Толкиена в России на рубеже XX–XXI веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2017.
- 24.[Яснгов 2010] — *Яснгов М.* «Хранитель чужого наследства...» Заметки о ленинградской (петербургской) школе художественного перевода // Иностранная литература. 2010. № 12. URL: [link](#) (дата обращения: 05.07.2022).
- 25.[Tolkein 1975] — *Tolkein J.* An Unexpected Party (From “The Hobbit”) // Once Upon a Time...: English Fairy Tale. Moscow: Progress Publishers, 1975. P. 209–230.

АЛЕКСАНДР АБРАМОВИЧ ГРУЗБЕРГ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 24 февраля 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

Личная информация

Не могли бы Вы немного рассказать о том времени, когда Вы только переехали в Пермь, чтобы поступать в университет? Ваши ощущения, переживания?

Это был не первый раз, когда я приезжал в Пермь. Я был в Перми и раньше. Когда я приехал в Пермь... Ну что, я был очень удивлен. Я приехал в июле из Одессы, меня встречала тетя в пальто. В июле. Я был потрясен. После Одессы, где было очень жарко.

Ну и, в общем, город показался мне большой деревней, потому что за исключением центральной части, несколько небольшой, все остальное были частные дома.

В первый же день мы с тетей пошли на рынок, и этот рынок размещался там, где сейчас находится Политехнический институт. Там был центральный рынок, и вокруг были сплошные частные дома. Вообще такое впечатление большой деревни. И как-то все было непривычно.

Но привыкал недолго, я молодой был, 17–18 лет, тогда-то легко привыкаешь. Я пришел к тете, и дядя, ее муж, сказал: «Нет, прежде всего ты пойдешь в баню», — и объяснил, как мне идти в баню. Они жили в доме на углу Ленина и улицы, где сейчас находится госпиталь ветеранов войны, вот там они жили. Оттуда мне пришлось идти, он мне объяснил, на набережную Камы, в конце Комсомольского проспекта была баня. Ну вот, непривычно, конечно, было, но потом я довольно быстро привык, и с тех пор вот уже (это было в 1955 году) почти больше 60 лет я живу в Перми.

На второй год Вы начали жить в общежитии.

Да, через год после этого я начал жить в общежитии.

Сильно ли это повлияло на Вас?

Ну, конечно-конечно. Мне вообще нравилось жить в общежитии. Я жил с ребятами, с которыми подружился. Они были не филологами, между прочим, они были историки. И я знаю, что с ними стало, я с ними контактировал потом.

Но мне было очень тяжело в общежитии, потому что я не приспособлен был к общежитию, так как у меня режим совершенно другой. Я привык очень рано вставать и очень рано ложиться, а в общежитии это невозможно.

Ну, в общем, как-то прожил, на 4 курсе только переехал к жене после свадьбы.

В одном из интервью Вы рассказываете об эпизоде с Библией, когда Вам все-таки удалось добиться ее выдачи в библиотеке. Если Вы упоминаете об этом, можно предположить, что данный случай был для Вас значимым. Ее прочтение как-то повлияло на Вас?

Нет, в этом смысле нет. Мне Библия была интересна как книга, которую тогда трудно было достать, как редкая книга, вот это мне было интересно. Что касается ее содержания, то мне было содержание ее интересно прежде всего потому, что оно отражено во всем мировом искусстве: в литературе, в живописи, в музыке, везде.

Библия оказала огромное влияние на русский язык. Там сотни библиографических идиом библейских, типа «вавилонское столпотворение». И вот это мне было особенно интересно. И я об этом рассказывал, когда уже стал преподавателем, стал рассказывать студентам, и меня предупреждали: «Смотрите, это опасно, это же Библия. Не надо рассказывать студентам о Библии». Было такое.

Были ли Вы верующим до этого или, может быть, стали таковым после?

Нет.

На страницах «Филолога» Вы много говорите о своих учителях, о том, какое влияние они оказали на Вас. Наверняка, кроме преподавателей были и такие люди, которых можно назвать «особенными». Не могли бы Вы рассказать о них и об их влиянии на Вашу жизнь?

На меня большое влияние оказала жена. Вот мы с ней совершенно разные люди. Совершенно разные по характеру, по привычкам, по воспитанию — по всему. Мы совершенно разные люди. Она дочь неграмотной крестьянки. Очень способная, очень талантливая. И она, можно сказать, меня во многом «обработала», сформировала.

А что касается других, то вот те, о ком я рассказывал, других нет. Вот, Гордон, Смирин — эти мои старшие друзья, можно сказать, они на меня очень большое влияние оказали. А другие... Я просто не знаю, кто еще. Я очень дружу со своими однокурсниками, с теми, кто до сих пор жив, поддерживаю с ними контакты. Больше-то у меня особых контактов нет.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг Вас в 1970-е годы? Может быть, о Лукашине, Зарипове...

Вот эти люди: и Лукашин, и Зарипов, ну там еще и Филенко, и Нина Горланова, и другие. Вот тот круг — это люди, которые, с одной стороны, любили книги (мы каждое воскресенье встречались на рынке, там, где продавали, где меняли книги), с другой стороны, это люди почти все, которые очень любили фантастику, ну и, так сказать, родственные души. Вот это был мой круг в 70-е годы.

Вы являлись членом клуба книголюбов...

Да.

...из которого впоследствии вырос КЛФ «Рифей»...

Нет, «Рифей» вырос не из клуба книголюбов. О каком клубе книголюбов Вы говорите?

В одной из статей (если я не ошибаюсь) газеты «Звезда» сказано, что «Рифей» появился как ответвление клуба книголюбов.

Нет, это неправильно сказано. Клуба книголюбов как такового, в общем говоря, и не было. Я организовал такой клуб при книжном магазине. Вот тут, рядом с нами, находится дом, и вот в этом доме был большой книжный магазин. Сейчас на месте этого книжного магазина шесть разных торговых предприятий. А был один магазин, книжный. И вот в этом магазине я организовал клуб. Магазин назывался «Поиск», по-моему. И вот, я там организовал клуб, и больше десяти лет я этим клубом руководил. Но он не имеет абсолютно никакого отношения к клубу «Рифей». Просто там мы встречались раз в месяц, и я готовил вечера, приглашал людей, выступали там многие. И за это продавали хорошие книги.

Клуб «Рифей» — это совсем другая история. Это фантасты, энтузиасты фантастики, вот они организовали этот клуб. Не было никакого другого клуба, из которого он бы вырос.

В чем был основной смысл деятельности клуба? Была ли у его членов какая-то «великая цель»?

Ну как, да нет, конечно. Никакой высшей цели не было. Просто собирались, как бы сказать, единомышленники, люди, которые любят фантастику. В основном это была молодежь. Эти молодые люди... Впоследствии очень многие из них стали писателями-фантастами, стали журналистами. Они все прошли через эту вот библиотеку [оглядывает книжные стеллажи], они все читали здесь книги. Я Вам потом покажу, это только часть библиотеки, малая часть. И вот, мы с ними говорили о фантастике, обменивались впечатлениями. Фантастики было мало и ее трудно

было достать, поэтому давали друг другу читать. Такой был клуб, хороший.

Как Вы относились к правительству СССР? И какой Вы видели обстановку в стране в 1960–70-е годы?

Конечно, в 60–70-е годы я видел правительство СССР совсем не так, как я вижу его сейчас. Это естественно. Но должен Вам сказать, что я с самой молодости хорошо знал истинную суть нашего строя. Я знал это. Знал о репрессиях, знал о преследованиях. Я это хорошо знал. Я, между прочим, даже это не скрывал, потому что я разговаривал со своими однокурсниками, ну не очень активно, конечно, я не был активным противником советской власти, но я знал ее суть. Поэтому я в общем относился к ней не слишком положительно.

Социокультурные реалии

С конца 70-х годов Вы начали переводить для самиздата. А было ли распространено чтение самиздата в кругу Ваших друзей или в семье?

Конечно, было. Я начинал с того, что я читал те произведения, которые у нас не печатались. Я читал их в машинописи, в рукописях. Вот мои старшие товарищи давали мне читать. Я помню, что я писал дипломную работу и я очень дружил со своим руководителем, с Ксенией Александровной Фёдоровой. И вот я вечером приходил к ней и читал ей стихи наизусть. И читал стихи наизусть, вот, скажем, стихотворение Слуцкого, был такой замечательный поэт. И у него было стихотворение: *«Мы все ходили под Богом, / У Бога под самым боком»*. Это о Сталине стихотворение, написанное тогда же. Я читал наизусть это стихотворение, и она спрашивала: *«Где Вы это взяли? Оно же не напечатано»*.

То есть я читал... довольно много читал. Особенно это относится к фантастике, ведь были такие фантастические произведения наших авторов, которые были запрещены у нас, которые не печатались. Стругацкие: *«Гадкие лебеди»*, *«Сказка о тройке»* — эти произведения Стругацких у нас не издавались, а я их читал, потому что они были в самиздате, в самиздате они ко мне приходили, и я их читал. Так что я самиздат давно знаю.

Как Вы думаете, верно ли, что интерес к некоторым авторам, книги которых распространялись в самиздате, был обусловлен недоступностью их книг в официальных источниках?

Наверное, это отчасти правильно. Если бы был свободный доступ ко всем авторам, наверное, предпочтения были

несколько другие. Ну, знаете, запретный плод сладок. Это всегда так. Вот сейчас я считаю Солженицына не очень хорошим писателем, не очень настоящим писателем, в том числе и его знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ». Это же не художественное произведение. Но тогда я с огромным рвением разыскивал его, когда оно было запрещено, я нашел его и читал.

Какое отношение в советские годы было к переводчикам «легальным» и самиздатовским?

Я не считал себя переводчиком. Я до сих пор практически не считаю себя переводчиком профессиональным. Я переводчик-любитель. Никакого образования у меня нет специального. Я самоучка-переводчик.

В одной из своих статей Алла Хананашвили (она в Израиле живет, я встретился и познакомился с ней там) она написала: «...это любительский перевод. Но ведь любительский приходит от слова “любить”!».

В советское время существовал довольно узкий круг переводчиков, профессиональных переводчиков. Они были членами Союза писателей обязательно, они хорошо зарабатывали, за переводы хорошо платили. И там существовала страшная конкуренция, они никого к себе не подпускали, они старались себе взять как можно больше работы. Их было немного, и попасть туда было практически невозможно. Я это знал, и когда я переводил, у меня даже мысли не возникало, что перевод мог быть опубликован, это просто невозможно.

Я работал для собственного удовольствия; для того, чтобы дети у меня прочли. Вот они первые в нашей стране читатели Толкина на русском языке, мои дети. Для этого я работал, складывал в стол, давал друзьям, знакомым читать, в общем, все это уходило в самиздат, я это уже не контролировал, но о том, чтобы стать профессиональным переводчиком, я не думал, даже мысли такой в голове не было.

С другой стороны, что касается самиздатовских переводчиков, то я никого из них не знал вообще. Я работал один, я никого не знал, ни с кем не контактировал, ну, косвенно, конечно, через кого-то выходили мои переводы к кому-то, но я никого не знал. Так что я не знаю, как жили самиздатовские переводчики, я знаю, как я жил.

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обоснование 10-летнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина Колец» В. Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Как Вы думаете, что подразумевалось под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков в те годы?

Я думаю, что не из-за неблагонадежности переводчиков, а из-за неблагонадежности текста. Потому что при желании в тексте Толкина, конечно же, можно увидеть это. Там есть идущие с востока злые, с которыми запад борется. Восток — это зло, помните все эти сражения. Так истолковывали, конечно, поэтому я думаю так.

Я Вам расскажу эпизод, наверное, Вы читали о нем, я о нем часто рассказываю. В 1976 году, когда я уже перевел Толкина, — Толкин умер в 1973 году, в 1976 году он уже был всемирно известный писатель, — я был по делам в Москве, у меня там был знакомый, друг мой старший, работавший в институте русского языка. Он повел меня обедать в Дом ученых, там сравнительно недалеко, на [ул.] Волхонке старая дворянская усадьба. Там была прекрасная столовая, мы туда ходили обедать. И там мы познакомились с одним человеком, этот человек только что защитил докторскую диссертацию по философии. Мы сидели, обедали, и этот человек говорит: *«Вот я люблю, я перевожу. Когда я встречаю хороший рассказ по-английски, я его перевожу и отношу в редакцию журнала “Химия и Жизнь”, — был такой замечательный журнал, — я встретил рассказ какого-то совершенно неизвестного мне писателя, Толкина, и я его перевел и принес в редакцию. Там прочитали — понравилось. И сказали: “А мы не можем напечатать.” — “Почему?” — “А мы не знаем, кто это такой. Может, это антисоветский писатель. Вот узнайте, кто он такой, скажите нам, и мы тогда, может быть, напечатает. Особенно хорошо, если он уже умер, тогда он точно о нас ничего плохого не скажет”».*

1976 год, всемирно известный писатель. А у нас ничего о нем не было известно. Вот такая была обстановка, такой был железный занавес.

О переводческой деятельности

Идею о переводческой деятельности для самиздата Вам подал Раис Зарипов. Он же периодически приносил Вам научную фантастику для перевода?

Нет, книгу для перевода он мне привез только самую первую, Берроуза. А потом я уже сам добывал. Жена мне привезла, она работала в Индии, оттуда привезла несколько книг фантастики. Потом я уже сам добывал тексты, это было очень трудно, но я вот добывал их.

А Раис... У него не было возможности добывать тексты. Одна книжка ему попала, вот он и попросил меня ее перевести.

На тот момент он уже активно участвовал в самиздатовской деятельности?

Я об этом не знал, он очень активно участвовал. Вот, посмотрите [указывает на огромную стопку], видите, там лежат книги. Это и есть самиздат.

Вчера девочка из Турина у меня спросила: «А где можно, а в какой библиотеке можно увидеть эти самиздатовские книги?» — «Да ни в какой библиотеке...» — «А может быть, Вы их сфотографируете? Обложки, иллюстрации, выходные данные?» — «Вы не понимаете, о чем говорите».

Давайте я Вам лучше покажу [достает самиздатовское издание Толкина]. Вот, это работа Раиса, он печатал на машинке, переплетал и отправлял. И это уходило в народ. А мне он отдавал один экземпляр.

Вот, видите, этот стеллаж [указывает на огромный книжный шкаф размером в длину и высоту целой стены], это все мои переводы. Причем некоторые издания уже даже сюда не входят [лежат отдельной стопкой].

Какую цель преследовал Раис Зарипов, организуя свою «подпольную» библиотеку? Он делал это ради благих побуждений или преследовал личную выгоду?

Он был любитель книг, любитель фантастики и детективов. У него не было никаких политических целей. Его интересовали только книги. Настоящие книги невозможно было достать, было очень трудно, и он сам себе делал книги. Он был рабочим, практически не образованным, но очень страстным любителем книг. Вся его жизнь в этом была.

Как ему удалось организовать самиздатовское производство?

Я плохо это себе представляю, потому что это было очень опасное занятие. Но я знаю, что в Ленинграде находился своего рода центр по изготовлению этих самых самиздатовских книг, именно фантастики. Некий Климов возглавлял этот центр. Причем я с трудом себе это представляю, это было не просто так, потому что в советское время иметь дополнительно квартиру, которая используется как склад этих изданий и как рабочий офис, — это было невозможно без ведома соответствующих организаций. Видимо, все-таки знали.

Но это было большое предприятие, были контакты во всех городах, повсюду были у него переводчики свои, вот так, как с Раисом. Раис присылал ему экземпляры того, что мы делали (я же много для него переводил), а он присылал в ответ то, что он получал из других городов. И так это развивалось.

Я знаю, что потом этот Климов, уже в 90-е годы, когда отменили цензуру и можно было все издавать, он издал несколько моих переводов под своими именем и фамилией.

Вы знаете, тогда было такое пиратство невероятное, очень много моих переводов выходило не только без моего ведома, просто под другими фамилиями. Я приехал в одно издательство в Москве... Они все, эти издательства, возникали и исчезали, возникали и исчезали, немножко заработали денег — и всё... Вот там и издали мой перевод, я приехал к издателю, он такой молодой человек, очень бойкий, и говорит: *«Вот, у нас новые книжки вышли»*. Я беру, смотрю — автор Баллард, английский писатель. И один из романов в моем переводе, а написан совершенно другой автор. *«Слушайте, да это мой перевод»*. — *«Да?! Ну ладно»*, — полез в карман, достал пачку денег. — *«Вот Вам гонорар за него»*.

В одном из интервью Вы говорите о том, что свои переводы Вы передавали Раису Зарипову для дальнейшего распространения в самиздате. Значит, Вы и сами предлагали Раису свои переводы, а не только лишь получали заказы от него. А все ли Ваши переводы он принимал или от каких-то отказывался?

Конечно, все. Он, так сказать, доверял моему вкусу.

Наверное, Вы были у него единственным источником переводов?

Да.

А каких еще авторов Вы переводили до Толкина?

Очень многих. Ну, первая книжка, которую я перевел, — это был Берроуз. Берроуз — это, конечно, не самый мой любимый автор, но вот это была первая книга. После Толкина я перевел еще несколько своеобразных книг. Был такой писатель, Дилэни, американский автор, у него роман «Вавилон-17», вот этот роман я перевел. Он меня заинтересовал, потому что там речь идет об искусственном языке. Такая вот лингвистическая основа, и очень сложный для перевода роман. Был такой автор, Аврам Дэвидсон, американский, я перевел его роман «Рорк». До Толкина я переводил Азимова «Лакки Старр», ну и много-много...

Почему именно английская литература? У Вас никогда не появлялось желания научиться читать и на других языках?

Конечно, желание было, но возможности просто не было. Я слишком был занят вот этими делами. Я немножко знаю немецкий язык, я понимаю, когда говорят по-немецки, могу прочитать несложный текст, но это не знание, конечно, языка. Я, к сожалению, ограничен только английским языком.

Ведь мы все учились понемногу. Я учил в школе английский язык, я учил в вузе английский язык, везде получал пятерки. Конечно, я не знал английского языка... Кто из выпускников вуза знает английский язык? Никто не знает, это же совсем другой уровень знаний.

Первое время мне пришлось очень тяжело, первую книжку я переводил полгода. Сейчас я такую книжку переведу за две недели. Опыт приходит со временем, но я практически все свободное время этому посвящал, поэтому у меня очень большой словарный запас. Но у меня разрыв между знанием письменной речи и устной. Я читаю без затруднения любой текст, а говорить почти не могу, мне очень трудно говорить по-английски. Бывает, я встречаюсь с иностранцами, нужно говорить по-английски, я говорю им: *«Пожалуйста, говорите медленнее, a little slowly, I don't understand you»*. Когда медленно говорят, я начинаю понимать и пытаюсь ответить. Притом у меня возникают совершенно невероятные ошибки.

Мой сын, он же у меня в Америке живет, когда он еще сдавал экзамены, он познакомился в поезде с американкой, которая была учительницей в Москве. Она работала не в посольстве, она учила детей посольских работников. У нее там была квартира, она ее снимала. Мой сын меня с ней познакомил, и я у нее остановился, две недели там прожил. И когда я уходил, я хотел ее поблагодарить... *«Thank you for your...»* — я забыл, как будет гостеприимство, я сказал — *...for your hostility»*. Она так смеялась, я спутал hostility и hospitality.

Что вдохновляло Вас на перевод той или иной литературы и в чем Вы видели смысл своей деятельности?

Мне было просто интересно. Я рассматривал текст на английском языке как своего рода задачу, как зашифрованный текст — я должен его расшифровать. Мне нравилось это занятие, и я этим занимался с удовольствием.

Я же иногда переводил с листа. Если я читал книжку, которая мне очень понравилась, которую я по тем или иным причинам не мог или не хотел переводить, а мне хотелось бы, чтобы ее моя жена прочла. Мне очень понравился роман Фаулза «Волхв», замечательный роман, вообще писатель великолепный, великий. Большой роман, я его прочитал, мне очень понравился. И я сказал: *«Люся, я тебе прочту эту книжку»*. И мы с ней около месяца каждый день... Я ей прямо с листа переводил этот текст, и весь роман прочитал ей.

Не мешала ли официальная работа в ПГПУ в 70–80-е годы Вашей переводческой деятельности?

Я работал в вузе с 66-го года в штате, а с 62-го внештатно. Я почти сразу после окончания университета работал в школе и потом в вузе начал работать. И больше 50 лет я там проработал.

Как Вам удавалось совмещать переводческую деятельность и официальную работу?

Очень просто. Я почти не тратил времени на преподавательскую работу. Преподаватель ведь, он идет на занятия... Ну, у нас ведь большая нагрузка: «*Илюша, у тебя какая нагрузка?*» — «*Большая нагрузка! Две лекции в неделю!*» — две лекции в неделю, он профессор американского университета. Ну, у меня, конечно, было гораздо больше занятий, но я к ним не готовился, я все знал заранее. Я был человек очень начитанный, потому почти не готовился к занятиям. Приходил, проводил занятие, и у меня оставалось очень много свободного времени. И вот это свободное время я уделял переводам.

О Толкине

Как, в сравнении друг с другом, в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

Не знаю. Откуда мне это знать?

Я оригинальные тексты Толкина в Советском Союзе вообще не видел. Единственный экземпляр, который я видел, — это тот, по которому я переводил. Это был экземпляр из библиотеки иностранной литературы. Там я нашел этот трехтомник, совершенно не зная, кто такой Толкин, прочитал первые несколько страниц, понял, что это совершенно другой уровень литературы. Скопировал, там была фотолаборатория, они мне сфотографировали.

Потом я видел еще одно издание Толкина, был магазин стран народной книги, стран народной демократии в Москве, и там я видел трехтомник Толкина, но на венгерском языке, на котором я, конечно, читать не мог. В следующий раз я увидел Толкина, когда приехал к Илюше [сыну — прим. ред.] в Америку в гости, и мы с ним пошли в магазин. Там стояли целые полки изданий Толкина.

В каких кругах приобретали известность Ваши самиздатовские переводы Толкина?

Вы знаете, я знаю, что этот перевод очень широко разошелся по стране, его все читали. Все, во всяком случае, любители такой литературы, все читали, поэтому все люди более или менее пожилые, они другие переводы не принимают. Трудно психологически перестроиться под другой перевод, я понимаю. Я бывал в разных городах: в Москве, в Ленинграде, в гостях у любителей фантастики, и я видел, что стоят на полке вот эти томики переплетенные. Я смотрел,

а это мой перевод. Я, конечно, никому не говорил, что это мой перевод, но я видел, что они там стоят.

Когда у нас, у первых в Перми, появился свой персональный компьютер, потому что жена работала за границей, она могла его привезти (но он был куплен здесь), и когда мы стали его осваивать, мы обнаружили, что там в памяти записан текст перевода «Властелина колец», это был мой перевод, кто-то его туда внес.

Я знаю, что этот перевод был распространен чрезвычайно широко, но кто был этот автор, никто не знал. Только потом с большим трудом Хукер выяснил, кто переводчик.

До Хукера никто даже не подозревал?

Нет.

В ответах Марку Хукеру Вы говорите, что ничего не знали о Толкине, работая над переводом «Властелина колец», а данное произведение обнаружили случайно при очередном посещении Библиотеки иностранной литературы. Когда Вы узнали о личности Толкина и какое отношение у Вас было к нему после этого?

Ну, я всегда считал его великим писателем, тем более когда узнал о нем. Понимаете, Юля [дочь — прим. ред.], которая была очень увлечена Толкином (и сын у меня тоже, они с детства влюбились в Толкина), Юля тогда только готовилась стать журналистом, она ходила в редакцию, была такая молодежная газета «Молодая гвардия», там собирали школьников. И она написала маленькую статью, которую назвала «Фродо жив». А сюда приехал, как-то собирались тут фантасты из разных городов, и приехал из Москвы известный критик Гаков (Ковальчук его настоящая фамилия, Михаил Андреевич). И я ему показал эту статью, он ею заинтересовался, забрал, выяснилось, что это первое в нашей стране печатное сообщение о Толкине в газете. Он отправил эту статью в музей Толкина, в первом издательстве в Англии, которое первым напечатало Толкина и владеет правами на его издания. Вот там организован большой музей, они там всё собирают про Толкина. Послали туда эту статью, и Юлька получила бандероль с благодарственным письмом от этой редакции, и там была биография Толкина на английском языке с дарственной надписью Кристофера [Толкина — прим. ред.].

Странно, что такой большой писатель... Я смотрел еще тогда... В 1976 году я смотрю, такая серия выпускается — Великие писатели XX века, английская серия. 1 том — Томас Манн, 2 том — Фолкнер, 3 том — Толкин.

«Властелин колец» понравился Вам уже при первом прочтении, Вы сразу поняли, что это серьезная литература. Вы даже решили, что это произведение просто необходимо

к прочтению Вашим детям, что, по сути, и стало причиной перевода. Скажите, пожалуйста, в чем лично для Вас заключается философия данной книги?

Вообще говоря, это сказка. Как и все сказки, она рассказывает о борьбе добра и зла. Это вечная борьба, и Толкин очень мудро говорит о том, что добро без зла не существует, если бы не было зла, не было бы и добра. А это взаимосвязанные понятия, и они друг на друга действуют обязательно. Это глубокая, очень глубокая философия, жизненная. И хорошо, если бы ее поняли. Но, конечно, дело не в этой философии. Можно эту книжку читать как сказку увлекательную, приключенческую, из которой американцы сделали такие замечательные фильмы. Но это вообще большая литература, это не меньшая литература, чем, скажем, у нас Толстой.

Как Вы поняли, что эта книга — «серьезная литература»? Почему так необходима к прочтению?

А это очень просто. Надо прочитать — и поймешь. Я не знаю, как это я понял. Ну как Вы понимаете, когда читаете книгу, что это великая книга? Это же не определишь, нет алгоритма.

Вы прочли «Хоббита» несколько позднее, чем «Властелин колец». Скажите, какое впечатление у Вас было от этой книги?

Это совершенно другой уровень читателя. Хоббит написан для ребенка, это детская сказка. А «Властелин колец» совсем не детское произведение, это произведение для взрослых, поэтому они разные.

А что насчет «Сильмариллиона»?

Это очень сложное произведение, очень трудное. Это не совсем художественное, я бы сказал, произведение. Это интересно для любителей Толкина, конечно, там огромное количество сюжетов, и я всегда удивлялся, почему кинематографисты не хватаются, там же основания для десятков фильмов, таких же как «Хоббит» и «Властелин колец». Потом я узнал, что дело в правах. Не продают права на «Сильмариллион», или как-то ведутся переговоры, но все никак... Так, вообще-то, богатейшая по сюжетам книга. Ее было очень трудно переводить, самый трудный текст Толкина.

Намного позже Вы перевели эти два произведения по просьбе издательства...

Нет, ни в коем случае! Толкина я переводил *не* по просьбе издательства. Вот «Хоббита» я перевел по просьбе издательства екатеринбургского, а «Сильмариллион» — по своей инициативе, мне хотелось, я и перевел. Я не думал, что его издадут, его и не издали до сих пор, мой перевод.

О переводах Толкина

Знакомы ли Вы лично с кем-либо из переводчиков Толкина на русский язык?

Нет, ни с кем не знаком. И не хочу с ними знакомиться.

Вы, конечно же, знаете о книге Марка Хукера и, вероятнее всего, читали ее. Не кажется ли Вам, что М. Хукер в своей аналитике немного «перегибает палку», политизируя все, что можно и нельзя? Я говорю в первую очередь о моментах с такими выражениями, как алое знамя / красное знамя, Запад и Восток, написанные где-то с заглавной, где-то с прописной буквы, а также чересчур пристальное внимание к слову «план».

Конечно! Он всюду ищет влияние КГБ и преследования переводчиков и Толкина, это правда. Но он американец, что ж. Я туда прилетел, сидит пожилой человек, поговорили по-английски. Он спросил, откуда я, слышит, что я с акцентом говорю. «Россия». — «*Your Putin — сукин сын!*» Это типичное отношение американцев: «*Son of a bitch!*»

Действительно ли переводчики тех лет читали тексты Толкина исключительно через призму советских реалий и партийной идеологии? Или, может быть, это встречалось лишь в виде редких исключений?

Я думаю, что вряд ли. Для этого нужны слишком большие умственные затраты.

Дополнительные вопросы

С появлением интернета Ваши переводы начали появляться в свободном доступе. Вас это как-то задело?

Нет, я к этому привык. Вот если бы я сюда поставил все пиратские издания моих переводов, их было бы вдвое больше. Ну просто издатели могли даже и не знать, кто был переводчиком, но издавать. Естественно, им было выгодно ничего не платить.

Ваша дочь Юлия, она переводила стихи к «Властелину колец». Сколько ей было?

Она была школьницей, старшие классы, 16–17 лет.

Она уже знала английский язык?

Она училась в 7 школе, и она, да, знала английский и сейчас до сих пор владеет, хорошо говорит по-английски, читает.

С тех пор как она прочла «Властелина колец», она стала поклонницей Толкина?

Да.

Подобного эффекта вы хотели добиться, когда переводили Толкина для детей?

Нет, я об этом не думал. Я просто увидел, что это хорошая книжка, интересная, хорошо подействует на детей. Я хотел, чтобы они прочли, и они прочли.

Ваш сын тоже увлекся Толкином?

Да, он тоже любит Толкина, конечно. Но он уже американец, он уже говорит по-английски очень хорошо, и летает по всему миру, и читает лекции на английском языке. Он сюда приехал, его попросили выступить в университете, и говорит: *«Знаешь, мне трудно по-русски лекции читать»*. Терминология совсем иная.

НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА РАХМАНОВА

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой в апреле 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

Личная информация

Кто из родственников оказал на становление Вашей личности наибольшее влияние? Как повлияла на Вас кинематографическая среда, частью которой Ваша семья стала благодаря деятельности отца?

Если говорить о «становлении личности», то наибольшее влияние оказал, безусловно, отец. Кинематографическая среда никак не вторгалась в нашу жизнь.

Вы верующая? И являлись ли Вы таковой в советские годы?

Я с уважением отношусь к учению Христа, но не могу считать себя верующей в полном смысле слова. Так было в советское время и теперь.

С чего началась Ваша любовь к литературе и что впоследствии побудило Вас поступать именно на филологический факультет?

С малолетства меня окружали книги, и естественно было их полюбить. Очень рано отец начал читать мне вслух хорошую литературу. Например, Диккенса, Конан Дойля. Он читал мне поэтов: Хармса, Введенского. Уже потом я полюбила Мандельштама, Цветаеву, Блока. Моими любимыми писателями в отрочестве были Диккенс, Стивенсон. Любила «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта, обожала пьесы Островского, потом пьесы Евгения Шварца, который был другом моего отца.

В детстве дома со мной занималась французским моя тетушка, в школе мне нравились уроки немецкого, который преподавала симпатичная пожилая учительница. Я и сама попробовала переводить какую-то немецкую сказку. Поэтому мне естественно было пойти на филологический факультет. Я хотела изучать какой-нибудь из скандинавских языков, так как мне очень понравились романы нескольких скандинавских писателей, в частности, Сигрид Унсет.

Но в том году не было приема на скандинавское отделение, и я поступила на английское. И не пожалела.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о круге, который сложился вокруг Вас в 70-е годы? Имеется в виду, в первую очередь, социальное окружение. Были ли Ваши близкие друзья поэтами, переводчиками, режиссерами и т.п.? Состояли ли Вы в каких-либо клубах или общественных организациях?

Начинать надо раньше, так как многие знакомства начались еще в конце пятидесятых. Поскольку отец руководил литературным объединением, из которого вышли многие известные писатели, то я хорошо знала Александра Володина, Виктора Конецкого, Виктора Голявкина, Андрея Битова.

С конца пятидесятых я посещала семинары при Союзе писателей, которыми руководили блестящие мастера перевода: Лев Васильевич Хвостенко, Иван Алексеевич Лихачев, Эльга Львовна Линецкая. Тогда завязались дружбы с молодыми переводчиками, продлившиеся и в 70-е годы, а с некоторыми длящиеся и сейчас.

В 1963 году я вышла замуж за Якова Аркадьевича Гордина и к моим знакомым присоединились его друзья-поэты: Виктор Сошнора, Иосиф Бродский, Александр Кушнер. Поскольку он с середины 60-х до середины 70-х много работал для театров, то я была хорошо знакома с режиссерами Вадимом Голиковым, главным режиссером Театра Комедии, руководителем Лен. ТЮЗа Корогодским, Петром Фоменко, Львом Додиныным. Это было очень интересное окружение. С Александром Кушнером и Львом Додиныным мы дружим и сейчас. Остальных уже нет в живых.

Как я уже сказала, я посещала переводческие семинары, а потом с 1967 года стала членом Союза писателей.

Социокультурные реалии

Как Вы относились к правительству СССР? И как оценивали обстановку в стране в 60–70-е годы?

Я, как и мои друзья, оценивали обстановку в стране и вообще политическую систему негативно. Нас не устраивала лживая пропаганда, цензура, вмешательство партийных органов в культурную жизнь.

Я хорошо помнила, каким неприятностям подвергся мой отец после постановления 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»... Он был членом редколлегии «Ленинграда».

Мне была отвратительна память о шельмовании Зощенко и Ахматовой, которых мы любили и уважали. И вообще была жива в 1960–70-е года память и о репрессиях, и о «борьбе с космополитизмом». Как я писала, мои учителя-переводчики сами прошли ГУЛАГ. Ведь 1960–70-е годы не существовали сами по себе. Они были продолжением предшествующих десятилетий.

А в эти года меня лично коснулись события, которые не могли прибавить уважения к правительству и системе вообще. Был ошельмован и осужден в 1964 году наш с мужем близкий друг Иосиф Бродский. Были большие неприятности у моего мужа, подписывавшего письма с протестом против политических процессов. У наших друзей в 1970-е годы были обыски. Некоторые из них — например, прекрасный переводчик Константин Азадовский был осужден в 1982 году по сфабрикованному обвинению.

Я не хотела бы вернуться в те времена.

Было ли в кругу Ваших друзей или в семье распространено чтение самиздата? Если да, то откуда поступала запрещенная литература и какой она была по своему содержанию? Не возникало ли у Вас позднее мыслей о переводе чего-то, что было запрещено в СССР?

Разумеется, самиздат играл немалую роль и в жизни моих родителей, и в жизни моей семьи. Например, у отца был самиздатский экземпляр «Реквиема» Ахматовой. У него были рукописные и машинописные экземпляры книг Мандельштама и Гумилева, тогда запрещенных.

Были совсем парадоксальные ситуации. Например, ходил в самиздате переведенный очень известной переводчицей Калашниковой роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» об испанской войне. Роман был запрещен в СССР.

Очень важен был «тамиздат» — запрещенные в СССР книги, изданные на Западе. Мы читали в «тамиздате» «Доктора Живаго» Пастернака, книги Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ» в том числе, книги Оруэлла. За хранение этой литературы можно было получить тюремный срок. Книги эти привозили иностранные ученые, студенты, аспиранты. Конечно, рисковавшие. Так, наш итальянский друг, аспирант-славист, привез нам собрание сочинений Мандельштама, изданное в Америке. Это была огромная ценность.

Нет, желания переводить такую литературу не возникало.

Как Вы думаете, верно ли, что интерес к некоторым авторам, книги которых распространялись в самиздате, был обусловлен их недоступностью в официальных источниках?

Отчасти — да, это бывало. Но главным образом интересовало содержание, а не политическая репутация.

В 1971 году Вы перевели рассказ Г.К. Честертон «Чудо Полумесяца». Откуда пришла идея переводить этого автора и кто был заказчиком? Мне казалось, что в те годы Честертон входил в число нежелательных для публикации писателей (и поэтов) Н. Трауберг переводила его исключительно для самиздата).

Вы ошибаетесь. Честертон много переводили еще в 1920-е годы. Были переведены его детективные сборники и главные романы. Все это стояло на полках у моего отца, и я читала это с детства. Под запретом были его религиозно-философские сочинения. Ими и занималась по преимуществу Наталия Трауберг. Но она составляла и некоторые публиковавшиеся сборники.

Я перевела несколько рассказов Честертон. Сборники выходили преимущественно в издательстве «Художественная литература».

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обоснование 10-летнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина Колец» В. Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Как Вы думаете, что подразумевалось под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков в те годы?

Да, переводчикам, заподозренным в «идеологической неблагонадежности», дорога в печать была закрыта. Получить обвинение в «идеологической неблагонадежности» было просто — слишком тесные контакты с иностранцами, зарубежная переписка, участие в любых протестах, например, подписи против политических процессов, против вторжения в Чехословакию в 1968 году. Какие-нибудь прослушанные телефонные разговоры. Дружба с гонимыми писателями. И так далее.

Насколько мне известно, Вы поступили именно на английский факультет по совершенной случайности, а не по собственному желанию. Впоследствии появилась ли у Вас любовь к английской литературе и к Англии в целом? Или Вам все же ближе культура иных стран?

Как я уже писала, желание поступить на скандинавское отделение было не очень продумано. Просто мне понравился прочитанный тогда роман Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса». Но поскольку приема в этот год на скандинавское отделение не было, то я вполне охотно поступила на английское отделение.

Именно англичан я читала и любила с детства, после того как отец прочел мне часть «Посмертных записок Пиквикского клуба» Диккенса. А дальше я уже читала сама. Мне было лет одиннадцать-двенадцать. Читала я Коллинза, Стерна. А чего стоит Стивенсон... Вот и Честертон стоял на полках у отца. Я читала его в разные периоды. Так что именно английская литература была мне ближе других великих европейских литератур.

Идею о переводческой деятельности Вам подал Иван Ефремов. Он же и присылал Вам научную фантастику для перевода. Насколько симпатичны Вам самой как переводчику и как читателю были жанры фантастика и появившееся позднее фэнтези? Откуда приходили заказы на переводы в более поздние годы? Вы брались за все переводы, которые Вам предлагали, или же переводили произведения «выборочно»?

С середины пятидесятых, с начала «оттепели», в нашей стране началось увлечение хорошей научной фантастикой. Это тоже был симптом раскрепощения. Основная литература была американская. Именно там работали знаменитые фантасты. Иван Антонович Ефремов, крупный ученый-палеонтолог, и сам начал писать научно-фантастические рассказы, потом и большие вещи. И, естественно, он хотел, чтобы я переводила научную фантастику, чтобы знакомить нашего читателя с лучшими образцами. И я переводила Айзека Азимова, Клиффорда Саймака, первоклассных писателей. В начале 60-х Ефремов прислал мне роман известного американского фантаста Чэда Оливера «Ветер времени». Он вышел в моем переводе в 1965 году. Дело было не только в рекомендации Ивана Антоновича. Я с детства с увлечением читала Жюль Верна.

Но я не собиралась заниматься только научной фантастикой. Одновременно я переводила классику. Первой большой работой такого рода был роман Вальтера Скотта «Приключения Найджела» для собрания сочинений. Я переводила половину романа. Была такая практика, чтобы обеспечить работой больше переводчиков. Разумеется, в том случае, если это были большие романы. Издательство «Художественная литература» в это время выпускало много собраний сочинений западной классики в новых переводах. И я стала регулярно получать работу такого рода. Я переводила для собрания сочинений Шекспира, Бернарда Шоу.

К фэнтези я была равнодушна, пока не встретила с таким замечательным образцом жанра, как «Хоббит» Толкина.

Зная возможности и вкусы, мои и коллег, издательства предлагали хорошую литературу. Мы и сами делали встречные предложения.

Что вдохновляло (и продолжает вдохновлять) Вас на перевод той или иной литературы и в чем Вы видите смысл своей деятельности?

Любовь к хорошей литературе и желание знакомить с ней читателя. Кроме того, это и профессия, то есть способ зарабатывать на жизнь.

Как начало семейной жизни повлияло на Вашу переводческую деятельность?

Когда родился сын, работать стало, конечно же, сложнее. Но тем не менее я работала регулярно.

Были ли Вы официально трудоустроены в 60–80-е годы?

Официальным трудоустройством было членство в Союзе писателей. Но там не платили зарплаты. Был период, когда мой муж оказался в «черном списке», что лишало возможности публиковаться, и я поступила на службу переводчиком в НИИ экспериментальной медицины, поскольку художественные переводы не были регулярным заработком. Мне это было привычно, поскольку с 1953 по самое начало 60-х я работала на той же должности в Научно-исследовательском ботаническом институте.

Как в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

О распространении текстов Толкина ничего сказать не могу. Но могу утверждать, что в ленинградских переводческих кругах Толкин был в 70-е годы неизвестен. «Хоббита», которого летом 1974 года мне предложил почитать наш приятель писатель Игорь Ефимов, привез кто-то из его зарубежных знакомых. Судя по сведениям Марка Хукера, Толкина тогда уже знали московские переводчики. Но их явно интересовала трилогия. В постсоветской России, в том числе и в провинции, «Хоббита» стали переводить только в конце 80–90-х. Очевидно, толчком было издание книги в 1976 году в моем переводе¹.

Прочитав в начале 1970-х годов «Хоббита», Вы решили познакомиться с личностью автора. Какое отношение у Вас было лично к Толкину, когда Вы узнали о нем больше?

С личностью Толкина сколько-нибудь подробно я познакомилась позже. В период работы над «Хоббитом» я, побывав в Публичной библиотеке, узнала самое необходимое. Позже мне привезли из Англии книгу-альбом, посвященную Толкину, его про-

1. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит. М.: Детская литература, 1976. 254 с.

фессиональной деятельности, его изучению кельтского фольклора. Там были его фотографии: очень симпатичный, типичный английский джентльмен, профессор. Но глубоко ни его биографию, ни его научную деятельность я не изучала.

В своих воспоминаниях Вы говорите о том, что «Хоббит» понравился Вам сразу после первого прочтения. Скажите, пожалуйста, в чем Вы видите философию данного произведения?

Да, мне он действительно очень пришелся по душе... Я не рассматривала книгу с философской точки зрения. Меня подкупил ее человеческий нравственный смысл. Толкин сумел показать, как человеческая доброта, порядочность, любовь к самым, казалось бы, простым ценностям — любовь к своему дому, например, — в минуты испытаний оказываются сильнее, чем воинский героизм. Это было непривычно для советских представлений с установкой на подвиг. И книга стала так популярна еще и потому, что люди — и дети, и взрослые — к тому времени уже устали от проповеди героизма. Можно сказать, что представления Толкина оказались близки к лучшим традициям русской классики — осознанию ценности так называемого «маленького человека». К тому же это просто увлекательное чтение.

Когда Вы сели за перевод «Хоббита», Вы делали это в первую очередь для себя. Но что побудило Вас отнести рукопись в издательство для дальнейшей печати? Тяжело ли было переводить Толкина?

Прежде всего мне просто захотелось [эту книгу] перевести. И было логично предложить ее издательству, чтобы ее могли читать. Тем более, что я предложила ее издательству «Детская литература». Было понятно, что детям это будет интересно и полезно.

Не могу сказать, что это была легкая работа. Простые на первый взгляд тексты переводить по-своему трудно. Нужно уловить настроение, авторский ритм. Иначе получится нечто примитивное. Текст Толкина при кажущейся простоте совсем не прост.

Вы прочли «Властелина колец» несколько позднее, чем «Хоббита». Скажите, какое впечатление у Вас было от этой книги? Почему Вы не захотели переводить «Властелина колец»?

Я читала первую часть трилогии. И поняла, что это не мое. Это огромная философская притча. Это не мой жанр.

О переводах Толкина

Знакомы ли Вы лично с кем-либо из переводчиков Толкина на русский язык?

Нет, не знакома.

Не могли бы Вы дать небольшой комментарий по поводу аналитики Вашего перевода Марком Хукером? Я знаю, что Вы уже давали прекрасный ответ на его субъективную критику некоторых моментов в «Хоббите».

Не кажется ли Вам, что М. Хукер в своей аналитике немного «перегибает палку», политизируя все, что можно и нельзя? Я говорю в первую очередь о моментах с такими выражениями, как алое знамя / красное знамя, Запад и Восток, написанные где-то с заглавной, где-то с прописной буквы, а также чересчур пристальное внимание к слову «план». Действительно ли находились такие переводчики в те годы, которые читали тексты Толкина исключительно через призму советских реалий и партийной идеологии?

Книга Хукера очень специальна и подробна. То, что он пишет о моем переводе, для меня лестно. Но я согласна с Вами — он предлагает слишком примитивное толкование мировидения Толкина. Оно, конечно же, не сводится к изображению реалий холодной войны и реального политического противостояния Востока и Запада. Конечно, это грандиозная и сложная картина борьбы Добра и Зла. Хотя просматривается и фашизм, и нацизм, и тоталитаризм разного рода. Но это не примитивная политология.

Думаю, что в 70-е годы Толкин интересовал тех переводчиков, для которых партийная идеология была чужда.

МАРИЯ ВИРГИЛЕВНА ЧЕПАЙТИТЕ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 16 марта 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

О Наталье Леонидовне Трауберг

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг Натальи Леонидовны Трауберг в 70-е годы?

В начале 70-х она возвращается из Вильнюса после развода с моим отцом. Круг общения — Владимир Муравьев, Сергей Аверинцев, круг общения отца Александра Меня, сам Александр Меня в большой доле. Другие, например, Роберт Минлос — но это тоже круг А. Меня. Там было огромное количество друзей. А из близких интеллектуальных друзей — это именно Владимир Муравьев, Сергей Аверинцев и Николай Котрелёв. Это самые близкие.

Любовь Натальи Леонидовны к английской литературе берет свое начало в детские годы. Можно ли сказать, что из этого вытекает некая романтизация образа Англии в более поздние годы? И какой именно Англии, современной или исторической?

Романтизация Англии была у нее всегда, это берет начало именно в ранние годы и те годы после войны, когда она стала много читать по-английски. Это берет начало в Честертоне, который сам романтически представляет Англию. Честертон ей достался в наследство от отца, потому что он был любимым писателем Леонида Захаровича. Огромное количество на это ссылок есть и в «Самой жизни»¹, и на сайте trauberg.com.

Какой след оставила в жизни Н.Л. [Трауберг]² первая поездка в Англию в 1967 году?

Ну след такой, что, во-первых, она там вела себя совершенно невменяемо. Повез ее дед, сделав ради любимой дочери некоторый финт ушами, ведь на самом деле он должен был ехать с женой. Тогда делались такие поездки кинематографистов

1. Трауберг Н.Л. *Сама жизнь*. 2-е изд. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 440 с.

2. Здесь и далее в квадратных скобках примечания редактора.

за рубеж, в основном это были партийные или КГБ-шники, но иногда и признанные, успешные люди, которым от Союза разрешали ехать в поездку.

В поездке надо было, конечно, соблюдать всяческую дисциплину КГБ-шную, но дед записался с женой и было понятно, что это старшее поколение — пуганое, перебитое и так далее. А в последний момент он сделал этот финт ушами (потому что он был веселый человек) — сказал, что жена заболела. Может, она и на самом деле заболела, но я думаю, что он просто хотел вывезти маму, потому что для нее эта поездка была осуществлением всех ее мечт.

И он взял дочку с собой в группу киношников, где надо было себя вести прилично. А она повела себя ужасно: удрала к секретарю Честертона, которая была еще жива, не помню, как ее зовут, она с ней встречалась. Еще удрала от группы встречаться с такой Камиллой Грей — это была замечательная английская искусствовед, которая потом вышла замуж за друга родителей, Олега Прокофьева, и ее отношения с Советским Союзом были крайне напряженными. Одним словом, сколько мама там сделала всего того, чего нельзя — это описать невозможно.

Потом она все время рассказывала про секретаршу Честертонна, с которой встречалась, но не говорила о том, что в семье было за ее побеги от группы, что говорил дед. Для нас, детей, главным было, что мама привезла фигурки, чтобы запекать в пудинг на Рождество, и папа их честно запек — помню слоника и колокол. О семейной истории на самом деле ничего, кроме эмоций, рассказать не получается. Но все равно рассказываешь. Потом, конечно, мамина поездка была невероятным событием для всех родительских друзей, потому что никто из смертных (их поколение, конечно) в Англии не был.

Насколько симпатичны Н.Л. [Трауберг] как переводчику и как читателю были жанры фантастики и появившегося позднее фэнтези?

Абсолютно несимпатичны, она этого не любила. Иногда читала Станислава Лема, потому что его любил и дружил с ним мой отец. Ей такая литература не нравилась. Она говорила, что к этому относится как к греческим мифам. Античную мифологию она не любила, вот и фантастику и фэнтези тоже не любила. Книги Толкина и Льюиса она воспринимала не как фантазии, а как притчи на евангельские темы.

Поэтому она, например, любила «Мерзейшую мощь» из космической трилогии К.С. Льюиса. Она начало, первые две книги, как-то не очень воспринимала, ей Аверинцев сказал прочитать «За пределы безмолвной планеты» и «Переландру», но она их не полюби-

ла. Ей понравилась заземленная третья часть, «Мерзейшая мощь», которую она и перевела для самиздата.

В жизни Н.Л. [Трауберг] были люди, которых она называла «особенными». При этом «самыми особенными» в своих воспоминаниях она называет Томаса Венцлову и Владимира Муравьева. Почему именно они? И как сильно эти люди повлияли на жизнь Натальи Леонидовны?

Это совершенно разные отношения. Томас Венцлова — тот человек из литовцев, к которому она была больше всего близка интеллектуально. У нее всегда была проблема, что людей, которые знают столько, сколько она, мало. И поэтому ей приходилось быть все время в роли лектора. Мама очень много рассказывала, не раз в 60-е годы вела лектории для знакомых об истории литературы, католичестве, богословии и т.д. Я на этом выросла: мама сидит, говорит, вокруг сидят люди и даже записывают. У меня есть копии этих записей про историю Церкви, кто-то ее как лектора записывал в 60-е годы (при этом сокращенно, и сейчас, к сожалению, ничего разобрать нельзя).

Поэтому и был выбран Томас Венцлова, который мог и ей что-то рассказать, потому что он много читал и не менее много думал. И при этом был поэтом. Так они до конца жизни и разговаривали... Томас уехал в 1977 году, а вернулся в 1988 году, т.е. он исчез на десять лет, был только в письмах. Это одна история, кого она выбрала в друзья в Вильнюсе, когда вышла замуж за моего отца. Остальные вильнюсцы были скорее в стиле польского Славомира Мрожека. Она там дружила с Пранасом Моркусом, Юозасом Тумялисом. Юозас Тумялис тоже был очень образованный, но он был не «игручий». А она очень ценила «игручестъ ума», как она это так называла. «Игручим» был Аверинцев, «игручим» был Томас Венцлова, а вот Владимир Муравьев — это совершенно другая история.

Наверное, можно где-то найти, когда она познакомилась с Ириной Муравьевой. Скорее всего, когда все возвращались из лагерей, она появилась и стала маминой старшей подругой. Мама тогда очень искала эту «игручестъ» и юмор в людях, у Ирины все это было, и мама ее очень любила. У Ирины были двое сыновей, которые были гораздо моложе мамы, для нее как бы мальчишки — Володя и Лёдик. Она подружилась и с ними, а потом, через несколько лет, она вышла замуж за человека, который был их ровесником. Отец моложе матери на девять лет. И тем самым братья, особенно Володя, который был филолог и интересовался тем же, что и она, стали как бы ей равными. После ранней смерти Ирины Муравьевой Володя стал главным из маминых друзей в Москве. У мамы с Володей были непростые

отношения: они и дружили, и сильно друг друга мучили. Мама для него была старшей подругой, в некотором смысле такой Беатриче; сначала он с ней согласовывал все, что было в его жизни, творчестве и всякое, потом их отношения были разными. <...>

Но он на самом деле был именно интеллектуальным ее другом, умным, как и Томас, но очень сильно русским. Так что Вы правильно называли главных, но у них корни совершенно разные, откуда они в маминой жизни появились. С Муравьевым дружба была сложная, а Томас очень ее поддерживал, я особенно хорошо это вижу сейчас, поскольку Вы правильное время выбрали, когда спрашивать. Сейчас я расшифровываю мамину переписку советского времени с Томасом и делаю к ним комментарии вместе с адресатом. И вижу, какой у нее круг, очень четко видно, кто главный.

Каких людей в жизни Н.Л. [Трауберг] можно называть учителями, на которых она равнялась или, может, хотела бы быть похожей?

Вот тут загадка. У нее были учителя в Ленинградском университете, которых она очень уважала, но она сама была всегда ни на кого не похожей. Она, во-первых, никогда не училась в школе, как Аверинцев, и это у них с Аверинцевым было общее, роднящее. Уже после войны, когда она попала в университет, а она попала еще в не разогнанный университет и училась у каких-то невероятных личностей. Это тоже надо смотреть по ее воспоминаниям, тогда это были для нее авторитеты. А потом она вышла в такое одинокое плавание. Из старших друзей, к которым она с пиететом обращается — та же Ирина Муравьева, например, но это человеческие вещи, а не ученические.

Как у верующего человека, у нее всегда были учителя-священники, к которым она обращалась с пиететом, в том числе и Александр Мень, который ее помоложе. Но и он обращался к ней с пиететом, так что тут тоже непонятно. Она очень много ему дала, и для его книг, и для всего. Литовский священник Станислав Добровольский тоже для нее был моральным авторитетом.

А в смысле интеллектуального авторитета — не знаю, это всё авторы книг... Фома Аквинский! Фома Аквинский ее авторитет. Хотела ли она быть на него похожей? Нет, не хотела. Хотя все время говорила, что ест тоже много и скоро тоже станет толстой, как Фома Аквинский.

Никакие Анны Ахматовы и те, кем увлекался ее круг, маму совершенно не интересовали по простой причине — это были знакомые ее родителей. Это просто человеческий фактор — никакого обмира-

ния от того, что ты видишь поэта Серебряного века, у мамы не происходило.

И, конечно, очень важным нравственным авторитетом, о чем мама много где говорит, была ее няня, простая крестьянка Гликерия Яковлевна, умершая в блокаду.

В своих воспоминаниях Н.Л. [Трауберг] употребляет следующие слова: «боюсь людей искусства». Что это могло означать и с чем связана эта «боязнь»?

Людей искусства она боялась исключительно потому, что сама, как я только что сказала, была из круга искусства. Киношники со всеми общались. Боялась она людей искусства как человек верующий и думающий, что искусство очень провоцирует гордыню. И поэтому она, например, сознательно не стала писателем, хотя писала очень много, у меня много ее самиздата, стихов и эссе. Писала она замечательно, но она не разрешала себе писать, и решила для себя, что будет просто переводить те книги, которые хочет. Это было связано не только с цензурой (поскольку никто бы не выпустил то, что она пишет), но и с тем, что она может не пережить вот этого порога ожидания славы. Она видела, как это бывает болезненно, какие бывают страшные обиды и какие поражения может получить человек, который пошел по этому пути. Она часто говорила об опасности этого пути и о том, что христианину он вообще еще втройне опаснее. Это все можно найти, она много об этом пишет. Потому она и боялась — поскольку это огромное искушение.

Как Вы думаете, что имеет в виду Н.Л. [Трауберг], говоря о том, что ей «несимпатична любая история», отвечая на вопрос о том, симпатична ли ей история России?

Потому что она, как девушка нервная, всегда содрогалась от всех ужасов и кошмаров истории, в том числе и в истории Церкви. Инквизиция была просто ее личным несчастьем. Она содрогалась от ужасов, которые есть в истории любой страны, а знала она историю как никто. Именно это и имеется в виду: что любая история очень жестока и поэтому ей она несимпатична.

О переводческой деятельности и самиздате

Было ли в кругу Н.Л. [Трауберг] распространено чтение самиздата? Откуда поступала запрещенная литература и какой она была по своему содержанию? Запечатлелись ли в Вашей памяти какие-то примечательные моменты, связанные с этим?

Ну, как оно могло быть не распространено, если они сами его издавали. Вся моя жизнь прошла в самиздате. Я родилась на самиздатских книжках, которые печатал мой папа, и мама в самиздате была вплоть до перестройки, потому что отец Александр Мень попросил ее участвовать во всяких религиозных самиздатских изданиях. А когда она вернулась из Вильнюса в Москву, это было просто ее постоянным занятием, существованием. Ей приносили какие-то книги, она из них выбирала, что перевести, или сама искала книги. Это была фабрика такая у отца Александра в 70-х. А до этого дома у нас была игра моих папы и мамы в свободу, которая хотя бы дома, но есть. Это были тонны машинописи, но, к сожалению, очень мало из этого сохранилось. А перевод любимых авторов, которых нельзя напечатать, было одним из любимых занятий у всех: у Томаса Венцловы, у мамы, у многих. В маминой жизни самиздат начался с Григория Померанца, именно когда был женат на Ирине Муравьевой, это короткий срок, когда они вместе делали самиздат, делились им. Куча людей была задействована, и это все шло наравне с лекциями о всяком умственном. Такая просветительская деятельность, для них она была нужна как воздух. «Что еще напечатать? Что мы будем еще переводить? А вот давай это, давай этого...». Это ее достояние.

Откуда поступала запрещенная литература? Все друг другу носили, кто что-то найдет, у кого-то была возможность в закрытые фонды входить, в Литве была прекрасная возможность присылать книги из Польши. По-польски было выпущено очень много всего, чего не было по-русски. Мама не знала польского, об этих книгах рассказывали литовцы, была возможность через Польшу присылать какие-то полезные новинки. Я бы не сказала, что это были запрещенные книги, запрещенной была политическая литература, а другое просто не доходило, неоткуда было узнать, что эти книги существуют.

Мои родители не были диссидентами, это надо сразу сказать. Диссидентом позднее, в 70-х, стал Томас Венцлова, который вошел в Литовскую Хельсинскую группу перед отъездом. Но родители дружили с диссидентами, много общались с ними, и ему было понятно, что сами они тоже ненавидят советскую власть. Нет, именно что — не ненавидят, а как-то вынуждены в ней находиться и поэтому образом жизни создают нравственное сопротивление, не ввязываясь в советскую жизнь. И что будут плодить свое творчество — вот это они делали замечательно.

Диссидентством как борьбой с советской властью они не занимались. Маме даже не предлагали быть подписантом, потому что она не работала на службе. Тогда диссидентом можно было стать нечаянно: работаешь в каком-нибудь институте и по рукам идут подписные

письма против советской власти, и человек если не подписывается, чувствует себя подлецом, а если подписывается — его выгоняют с работы. Это была такая нравственная дилемма абсолютно для всех интеллигентов в 70-е годы. Подписывались, чтобы остаться приличным человеком, а потом лишались работы и после этого чаще всего уезжали. Никто моей маме не предлагал подписываться, поскольку она просто состояла в переводческой секции в Союзе писателей, и поэтому ей не надо было решать эту дилемму.

Она очень уважала диссидентов, но сама считала, что, если бы ее вызвали в КГБ, она не знает, как бы себя вела. Поэтому очень легко прощала всех, кто не выдержал допросов и т.д. Ну и с христианской точки зрения тоже.

Н.Л. [Трауберг] говорит о том, что начала свою самиздатовскую деятельность с простых подарков личных переводов друзьям. Какой смысл она придавала этим подаркам?

Просветительский, исключительно просветительский. Порадовать ближнего тем, что он может, не зная языков, увидеть, что есть прекрасного в мире. Все время плодила переводы, всех радовала. Смысл — обрадовать, и чтобы узнали, что вот какой-то умный человек о чем-то важное рассказал.

И что вдохновляло Н.Л. [Трауберг] на перевод той или иной литературы для самиздата?

Личное совпадение с автором, т.е. когда она понимала, что это ей интересно, она считала, что это надо переводить друзьям. Все очень просто.

Расскажите, пожалуйста, о «Ёлочке».

Оно стало очень знаменитым (постфактум) благодаря тому, что там вышла первая книжка стихов Томаса Венцловы по-литовски. Это в Вильнюсе. Я думаю, на мамином сайте есть про это, или посмотрите в «Домашних тетрадах». Я там в комментариях провела расследование. Я записывала за Пранасом Моркусом, Томасом Венцловой и мамой, папа у меня не помнит, он вытесняет эти годы, какие самиздатские книжки вышли именно в «Ёлочке».

«Ёлочка» — это короткий период, примерно 1958–1963 максимум, надо посмотреть, я не доверяю своей памяти, особенно в числах. Но я представляю себе, где это происходило: выпускали и в Москве, и в Вильнюсе. В московских книжках участвовал Григорий Померанц.

Я составила перечень того, что совпадает у всех рассказчиков, например, точно в «Ёлочке» выпустили в мамином переводе пьесу Ионеско. Но одни мне сказали, что переведен был «Носорог», другие — что переведен «Урок». И все настаивают на своем, возможен вариант, что мама перевела и «Носорога», и «Урок» — не знаю. Сей-

час я кстати нашла, уже сама не помню какая пьеса — «Носорог» или «Урок» — хранится в главном литературном архиве. Может быть, мама отнесла перевод в какой-то советский журнал, и он попал потом в ЦГАЛИ.

Известно, что самиздатские переводы Н.Л. [Трауберг] время от времени печатал Владимир Муравьев. Какой была его роль в этом процессе?

Поскольку я Вам сказала об отношениях Муравьева и мамы — да, Владимир Муравьев мог печатать все, что делала мама, но, кроме того, это перепечатывали еще энное количество людей. Огромное количество людей перепечатывали ее самиздат. Так что его роль — как близкого друга, мамина роль — как советницы при переводе Честертона и Толкина, и, вообще-то, о чем только они не советовались. Они были переводчиками двух разных школ, и поэтому это тоже обсуждалось. Мама не была согласна с его стилем перевода, он не согласен с ее стилем, это известно. Об этом, по-моему, говорил или писал его сын, Алексей Муравьев. Поэтому они и советовались, и спорили, и так далее. А самиздат просто все перепечатывали, у кого была машинка, так что его роль такая же, как у всех.

Влияние христианства

Насколько сильным было влияние отца А. Меня на переводимую Н.Л. [Трауберг] литературу? Давал ли он ей какие-то рекомендации или их интересы в большей степени совпадали, как, например, это было с Честертоном и Льюисом?

Могу сказать, что Льюиса она получила как раз от отца Александра. Также, по-моему, от него она получила Саймона Тагуэлла, это надо посмотреть. То есть ему кто-то присылал книги обходными путями по-английски. Он умел читать на всех языках, но все языки знал плохо. Мама всегда подчеркивала, что он гениально прочитывает любую книгу — быстро проворачивает, на любом языке, и делает вывод, надо это нам в самиздате или не надо. Он был невероятно способным человеком. И при этом он еще соображал, прочитывая, кому из переводчиков это будет близко. Он старался давать книги тем переводчикам, которым они должны понравиться. И с мамой он всегда точно попадал, потому что они были очень близкие люди.

Честертон возник у мамы совершенно не от отца Александра Меня, а наоборот, отец Александр читал ее Честертон в самиздате раньше, чем они познакомились.

В интервью Сергея Бычкова журналу «Новый мир» за 2010 год говорится о том, что Сергей Сергеевич Аверинцев называл Н.Л. [Трауберг] «филологом-миссионером».

Да, она и была филолог-миссионер.

В чем сама Наталья Леонидовна видела смысл своей деятельности, ради чего она переводила?

Это я уже сказала. Филолог-миссионер — очень красиво.

Известно, что в 70-е годы некоторые представители интеллигенции массово начали обращаться к церкви. Однако Н.Л. [Трауберг] отмечает, что многие из них вступили в ряды верующих совсем не ради веры, а ради получения доступа к новым знаниям, выраженным в многочисленных изданиях «запрещенной» литературы (например, Льюиса, Честертона). Верно ли утверждение о том, что интерес к этим авторам был обусловлен их недоступностью в официальных источниках?

Нет. Интерес к христианству возник в некотором смысле как сопротивление окружающей действительности. Интерес к данным авторам был не из-за того, что они были запрещены, это скорее можно сказать о каком-нибудь тамиздате о политике, тоже очень любопытная тема. А вот христианскую литературу они читали, потому что хотели понять... Поскольку они были неофитами, в отличие от мамы и отца Александра, и они хотели понять про Бога и про веру. Это было очень трудно в практически выжженной коммунизмом земле. На самом деле очень трудно. Поэтому Литва, в которой Советская власть наступила в 1944 году, казалась совсем другой, там можно было встретить очень многих людей, которые не боялись сказать, что они верующие. И они по-настоящему верили и не считали это ничем особенным, в то время это было огромным отличием.

Да, интеллигенция пошла в церковь. Часто это была еврейская интеллигенция, но она была и техническая, и филологи, разные люди, и они пошли в церковь, ничего о ней не зная, как вот в такое сопротивление бессмысленности. И мама в своем любимом облике лектора и миссионера-филолога тут же заняла какое-то очень важное место во всех интеллигентских кругах. Потому что у нее можно было обо всем спросить: и про историю Церкви, и про католичество, и о разнице христианских конфессий, и о любом Ватиканском соборе. Был живой человек, который все это знал. Это было невероятно, и ею тогда пользовался не только круг религиозных диссидентов, но пользовалась и русская православная Патриархия, например. Маме заказывали переводить «L'Osservatore Romano» — ватиканскую

газету — потому что им надо было знать, о чем думает враг-католик. Она единственная знала, как термины католические звучат по-русски. Это была ее уникальная особенность, которую все использовали. Поэтому да, она была невероятный просветитель.

А пришедшие в церковь искали любой клочок бумаги, на котором кто-нибудь несоветский написал о Боге, о нравственности. Это было очень важно, это было по-человечески важно, поэтому я не думаю, что если бы Льюиса вдруг напечатали (сойдя с ума) в советской прессе, то на него не накинулись бы. Нет, сама ситуация была обусловлена тем, что была несвобода, и поэтому они пошли в церковь. Они воцерковились от мерзости существования, а все эти книги были возможностью вдохнуть воздух. И мама этот воздух поставляла центнерами.

Действительно ли находились люди, для которых «Властелин колец» послужил одним из первых толчков к христианству? Известны ли Вам случаи подобного обращения в христианство после прочтения Толкина? И во что в дальнейшем вырастала подобная вера?

Нет... Я не знаю таких людей. Я представляю себе, что такое могло быть от книг — например, сказки Нарнии читались как апология христианства. Сказки такие и есть, хотя автор это зашифровал, а русские читатели, наоборот, только это и видели. Льюис писал, понимая, что церковь в Англии уже не так уважаема, поэтому ему хотелось так написать, чтобы это было не о церкви, не о Боге, а по-другому.

А советский человек различал что-то похожее на разговор с Богом в любой книге. Это от нищеты духовной, отсутствия такой литературы и от отчаяния. Если кто-то к христианству пришел от Толкина, не слышала, но почему бы и нет.

Это упоминается при докладе Н.Л. [Трауберг] как ответ одного из зрителей в зале: «Вы сказали, что неявная проповедь Толкина в “Властелине колец” успеха не имела. Мне же кажется, что я знаю по крайней мере несколько человек, для которых “В.К.” послужил одним из первых толчков к христианству», — филологический доклад «Толкин и непротивление».

Да, вспомнила, я видела мамины слова про это. Если она имеет в виду Муравьева, то он к отцу Александру не пошел, он решил уйти в католичество, и Толкин для него был необычайно важен. Была долгая история — Владимир Муравьев и католичество. В том числе эта история задела и Венедикта Ерофеева, который тоже крестился в католичество, тут виновата, конечно, и мама, кроме

их образования и любимых книг. Тут два фактора — их образование и мама. Но как-то они потом от этого избавились, насколько я знаю.

А тут Толкин... Эту историю с Толкином я не очень знаю, я тогда росла в Вильнюсе с отцом. В эти годы, 70-е, я только иногда приезжала в Москву, и не помню, о чем они беседовали. Я вижу отголоски этого в маминых письмах, в переписке с Томасом Венцловой. Не могу уверенно говорить, просто не знаю, кого она имеет в виду. Кто-то из окружения Муравьева, а может, кто-то более молодой, потому что за ним появился целый хвост из более молодых, которые как раз и были первыми почитателями Толкина.

Где Н.Л. [Трауберг] была официально трудоустроена в 70–80-е годы?

Ну вот, как я Вам уже говорила — нигде, слава тебе господи!

Бывало ли такое, что она отказывалась от какого-либо «легального» заказа, и почему?

От легального заказа она могла не отказываться по очень простой причине: она славилась как безотказная, брала все переводы с испанского и португальского. Ее очень уважали, она считалась одним из самых лучших переводчиков, поэтому у нее всегда были заказы испанских и португальских авторов. Ее любили в издательствах за невредность и давали ей на перевод на самом деле симпатичные книги. Она переводила более-менее не просоветские книги, в которых не было пропаганды, агитации против религии или еще чего-нибудь. У нее были любимые авторы из заказанных: она с удовольствием переводила Камило Хосе Селу, Анну Марию Матуте, она их очень полюбила. Были какие-то проходные книги, которые она переводила, просто чтобы семью кормить. Она зарабатывала в моем детстве больше, чем мой отец.

Отец (гений в некотором смысле), будучи литовцем, переводил с литовского на русский, не родной язык. Переводил на русский и с польского, вот Лема переводил, также переводил книги на литовский язык с английского и польского. Он первым перевел на литовский «Винни Пуха» [в 1958 году — прим. Л.Б.], тогда они с мамой и познакомились, когда он, студент Литературного института, переводил «Винни Пуха». Работали оба как волы, оба абсолютные трудоголики, мама — сидя, лежа, стоя, не знаю как, все время своим ровненьким почерком, чаще всего зеленой ручкой, переводила километры и успевала еще и лекции читать, и в самиздат переводить, и все что хотите.

У нее не было проблем с работой, потому что она, во-первых, все выполняла вовремя, во-вторых, ее переводы были блестящие, и поэ-

тому она в некотором смысле могла выбирать. Она состояла в Союзе писателей с какого-то неприличного возраста, очень раннего. Благодаря этому мои родители, например, получили квартиру в Вильнюсе, когда мне было года три. Потому что, когда она переехала в Вильнюс, ее стаж в Союзе писателей (а стаж автоматически перевелся из московского на вильнюсский) был один из самых больших, хотя лет ей было не так уж много. Потом в Москве она спасала диссидентов, чтобы их не осудили за тунеядство, взяв их в секретари, — как у члена Союза писателей, у нее мог быть секретарь.

Но она никогда не зависела ни от каких структур, кроме единственного раза, когда после окончания университета она преподавала в Ленинградском педагогическом институте, это было распределение. После чего из-за космополитизма отца ее оттуда выкинули. Она уехала в Москву, родители так решили, чтобы она лучше жила в Москве, подальше от несчастий отца, и ее по знакомству устроили в военный институт иностранных языков. До сих пор за ней какой-то шлейф идет, что там не могли работать не стукачи, это смешно — ее на самом деле по благу устроили военных учить испанскому. Это было спасением — работа какое-то время, хотя она ужасно боялась этого военного института, потому что там была абсолютная казарма. Как раз работая там, после смерти Сталина она услышала по радио, что освободили врачей-убийц. И после этого, когда уже стало пахнуть «оттепелью», она из института ушла и нигде больше «на службе» никогда не работала.

От легального заказа мама могла отказаться из-за чего-нибудь неприличного в книге или очень жестокого. Но неприличного и так не было, это все вырезали. Вот сейчас у меня меня попросили восстановить 20 страниц из «Города и псов» Марио Варгаса Льосы. Спрашивают: *«Эти страницы не были напечатаны, наверняка они переведены мамой, осталась ли у меня рукопись?»* — *«Да ничего у меня не осталось, потому что мама все уничтожила!»* Только она переводила книгу — она уничтожила рукопись перевода.

О Толкине

Н.Л. [Трауберг] в одном из интервью говорит, что впервые прочла Толкина в 1970 году, когда в СССР его «читало человека три». Кто и когда познакомил Наталью Леонидовну с творчеством Толкина?

Сейчас я попробую по поисковику у себя поискать. Мне кажется, что в неопубликованных еще письмах Томаса и мамы

как раз есть упоминания Толкина. Но, может, и не получится, т.к. они всё зашифровывали в письмах. Поэтому если сама фамилия Толкин не упоминается, то это найти можно будет только потом, когда я буду всё разбирать. К этим письмам должен быть огромный комментарий, одно издательство, кстати, уже обалдело от количества сносок и отказалось. Я теперь думаю, может, выпустить эту переписку как пьесу: сначала действующие лица, их предыстория, потом набор стихотворений, на которые они всё время вставляют внутренние цитаты, потом набор книг, которые, как им, безусловно, кажется, знает каждый, и они постоянно на эти книги ссылаются. Очень красиво оба пишут, но понять почти ничего нельзя.

Так, смотрим. Ну, к сожалению, на Толкина ничего не вылезает. Мы с Томасом Венцловой сейчас в работе, закончим в мае³, насколько я помню, что-то было.

[Одно из писем] я Вам прочитаю для примера, как мама разговаривает в письме с Томасом Венцловой, имея в виду цензуру. Он только что эмигрировал, она сидит в Москве.

«Из мира науки: в признаках брака не все точно. Начнем с того, что христианство, действительно, рекомендует б) и д), и даже просто б) (как вы знаете, до ~ Тридентского собора на д) почти и чихали, возлагая надежды на “знакомые знают” и прочее давление среды, а заодно и совести, а если ее нет — традиции, точнее — механического повторения, Man'a). Но в том-то и штука, что рекомендует христианство б), а ловит на а) и даже на каком угодно знаке “беру на себя жизнь этого человека”. Есть такой знак — хлоп! — и ты связан не на жизнь, а навеки; хотя в раю и не женятся».

Дальше не буду читать, потому что у Вас перекосятся мозг. Поэтому, я вот сейчас смотрю, 7-я сноска — на Муравьева. Это письмо 1977 года.

Кто-то, а кто?.. *«...Живет теоретически в том доме, где теперь живет не к ночи быть помянут Муравьев».* Вот, пожалуйста.

И вот Ирина Муравьева где-то тоже есть. А вот тут Томас пишет, что он с Гришей Померанцем что-то делают, уже на расстоянии, это уже конец 1988 года.

Да. Ничего не могу сказать. Не все восстановимо. Ну, я Вам говорю, что не знаю, какая это была книга, но повсюду они находили христианские аллегории.

Тем более мама очень много рассказывала об общении Толкина и Льюиса, о клубе «Инклингов» и так далее. Это она очень хорошо

3. Интервью проводилось зимой 2021 года. В мае 2021 года М. Чепайтите и Т. Венцлова закончили работу над книгой под рабочим названием «Божественная Натали», в которую вошла переписка Натальи Леонидовны и Томаса за период с 1977 по 1988 год, а также развернутые комментарии составителей. К моменту публикации этого материала книга пока не издана.

знала, и это путали с другими ее рассказами. Для нее они были близки нравственным императивом, который тогда был в СССР абсолютно запрещен. Вот против чего они боролись, против этого запрета. И в любом чихе свободного мира, где был нравственный императив, они видели христианство.

Откуда приходили иностранные произведения и где можно было их прочитать? Как, в сравнении друг с другом, в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

Н.Л. [Трауберг] много говорит о том, что Толкин, в одном ряду с Льюисом и Уильямсом, были для нее «духовным спасением». Однако сам Толкин, говоря о своих произведениях, отмечал, что никаких христианских аллегорий в свои тексты не закладывал. Почему Н.Л. [Трауберг] читала Толкина сквозь призму Льюиса, видя в книгах первого христианские аллегории? Какое место в одном ряду с Льюисом занимал Толкин и почему Наталья Леонидовна считала его «духовным спасением»?

«Духовным спасением»... Вы знаете, это она говорит, наверное, все-таки я не могу смириться, в каком-то выступлении про Толкина, да? Тогда надо добавить, что мама еще была и вежливым человеком, это я должна сразу обговорить. Если шла речь о Толкине, то что же она должна была сказать людям, которые его любят и которые всерьез считают, что он гений и тому подобное? Конечно, она должна была сказать хорошие слова. Но в моем представлении никаким таким безумным и крайне важным авторитетом Толкин для нее не был.

Таким авторитетом какое-то время был Льюис, в котором она, переводя практически все его главные трактаты (или попросив кого-то перевести для самиздата), разочаровалась. А Толкина она читала... нет, она его даже читала с трудом. Да, конечно, она его прочитала, но поверьте — то, что она о нем говорит хорошо, это ее вежливость. Представьте себе, просят тебя рассказать о его книгах, и ты понимаешь, что да, в то время, когда я его читала, он что, не давал мне глоток воздуха и не был полным противопоставлением тому кошмару, в котором мы жили? Да, был. И на этой волне она сумела приобрести любителей Толкина.

Я думаю, что это так, потому что в семье, например, Толкин был «муравьевским» писателем. Я могу сказать, что Льюис был ее, а Толкин — муравьевским. И у него была компания такая именно толкиновская, а мама в ней не была.

Зато она очень любила вот эту Инклинговскую дружбу, безумно любила. И она очень любила Уильямса, она считала его книги

очень трогательными и даже, по-моему, сподвигла кого-то на первые переводы его книг. Он был как раз осмысленно христианским, в отличие от этих двоих: Льюис метался как сумасшедший, Толкин вообще считал, что все под вопросом. Не знаю, что она тогда про них читала и где можно было тогда про них прочесть, но для нее именно эта дружба совершенно разных людей, которых объединяют духовные беседы и для которых тот самый императив абсолютно неоспорим, то есть это как данность — такая картина, что где-то сидят три мужчины, пьют пиво, едят курицу (она сама это очень любила) и рассуждают о духовном — для нее было образом Рая. Это факт.

То есть Толкин скорее любим ею как время Инклингов. Потому что не любила она Толкина, не считала его главным. Потом она совсем растерялась, когда началась вокруг него свистопляска. Она к нему очень хорошо относилась, но вот так говорить, что он для нее кто-то особенный, я считаю, что все это ее вежливость.

О переводах Толкина

Наталья Леонидовна в своих воспоминаниях часто говорит о Толкине, известно, что она познакомилась с его творчеством раньше, чем с творчеством Льюиса. Но при этом за всю свою жизнь она ни разу не переводила его книги. Как часто Н.Л. [Трауберг] упоминала Толкина в реальной жизни? Владимир Муравьев, который видел во «Властелине колец» аллегорию «противостояния добра и зла», с большим рвением принялся за перевод, а Наталья Леонидовна, которая трепетно относилась к религиозной составляющей произведения, говорила, что «не смеет прикоснуться» к переводу Толкина⁴. Что стояло за этим «не смеет»?

Не смеет прикоснуться — это она говорила. Кроме того, что первым прикоснулся Муравьев, а она старалась с ним не спорить, когда он говорил, как надо переводить. Она считала, что переводить Толкина очень трудно.

Не его одного — например, ее последним любимым писателем, когда она к концу жизни успокоилась и перестала быть лектором, был Вудхауз. Она его очень любила, но рассказов о Берти Вустере никогда не переводила — говорила, что для нее это слишком сложно. Были тексты, которые она считала, что не будет «распутывать», потому что перед тем, как переводить какую-то книгу, она делала

4. Витковский Е.В. Интервью для Арды-На-Куличках 11 мая 2004 г. URL: [link](#) (06.01.2022).

огромную работу именно по тому, как она написана и можно ли передать это по-русски. То есть каждый раз надо было находить какое-то решение. И Толкина она не брала, считала, что не ее.

Для самиздата она старалась переводить то, что у нее само собой идет, они все так делали, кстати. Каждый находил себе подобного, потому что это ведь не заказ, ты переводишь по любви. Вот к Толкину, именно к его языку, такой любви не было, она понимала, что любой перевод начинается с языка, нужно найти ключ, как он звучит по-русски. Но для него она не хотела этого ключа находить, может быть, не потому, что не любила, а просто считала, что для нее это слишком сложно. Он слишком чужой. Вот это я точно знаю, что в смысле языка он был чужой, конечно, она решала и не такие сложные задачи, но тут она не захотела.

А кроме того, я думаю, это еще и потому, что когда кто-то из переводчиков первым брался переводить какого-то писателя, то соваться уже считалось не очень приличным. Людей было много, которые занимались переводами в самиздат, и у каждого были свои какие-то любимые авторы. Они ими обменивались, пересказывали друг другу про своих любимых.

Тут вот в письмах Томасу Венцлове я вижу, как она «Мерзейшую мощь» просит достать за границей и прислать. По ее словам, это увлечение Аверинцева, Сережа принес книжку, и ей хочется еще что-то прочитать. Но она так же часто просит Томаса прислать какую-нибудь книгу о святой Терезе, про которую ей очень хочется перевести. То есть на самом деле книги, которые она просит у Томаса, чтобы он прислал из Америки, совершенно разные. Ее очень интересовали книги и о вере, и об истории, то есть ее многое интересовало. При этом иногда она считала, что книгу можно в серии «Памятников литературы» напечатать, а иногда она явно просила для перевода в самиздате.

О противостоянии добра и зла в переводе Муравьева.

Ну да, они хотели переводить про противостояние добра и зла, это и ежу ясно. Время было, скажем прямо, не очень.

Почему все же «не смеет»?

Не смеет из-за языка и из-за непохожести на нее. Понимаете, у Льюиса она находила какую-то связь с автором. Они все как бы женились на этих авторах, они искали что-то такое, что смогут передать не только в смысле языка, но и в смысле духовной близости. Льюис ей гораздо ближе был, чем Толкин.

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обо-

снование десятилетнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина колец» Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Что подразумевается под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков?

Так, а первый перевод — это когда было? Я не специалист, я плохо знаю. Я читала Толкина, читала в самиздате. Ну да, я была уже дама с детьми, и мне это было мало интересно. Ну, конечно, я очень радовалась, что прочитала, но я тогда не зависела от мамы.

На Муравьеве негде было печати ставить в смысле неблагонадежности, он работал в библиотеке иностранной литературы, должен был содержать семью, у него были дети, и он все время работал. Он не только переводил, он работал на службе, и он как раз был наверняка и подписантом, и он был абсолютно неблагонадежным; я думаю, что Кистяковский тоже. Они были приличные люди, которые где-то работали и поэтому были неблагонадежными уж точно.

Если в этом смысле идеологической неблагонадежности, то Муравьев вообще был диссидентом, а поскольку он был злым, то он еще и выражался. Так что они все были... Не знаю про Кистяковского, я мало о нем помню, я тогда лишь узнала, что он вообще есть, из-за того, что они вместе переводили, но просто они все были «контры». «Контрами» назывались те, кто против советской власти. Так они полные контры были, и никто в этом не сомневался. Ничего скрывать не надо было, и, я думаю, они уже не скрывали.

Что побудило Владимира Муравьева взяться за перевод Толкина? И какова была роль Н.Л. [Трауберг] в этом решении?

Не знаю.

Можно ли предположить, что для Владимира Муравьева Толкин был настолько же важен, как духовный наставник, сколь он был важен для Н.Л. Трауберг?

Нет, для нее он не был духовным наставником. Льюис был, Толкин — не был. Это она из вежливости что-то наплела, и теперь это будет за ней тянуться.

Для Муравьева был, он дико увлекся. Что побудило? Нашел книгу и побудило. Роли мамы не знаю, посмотрите на моем сайте, вдруг она где-то рассказала, может, она ему дала эту книгу. Я не знаю. Кто-то, значит, нашел об этом.

Поскольку Муравьев работал в Иностранке, туда все время приходили новые книги из-за границы, потому что это была библиотека иностранной литературы. Какая-то часть этих книг была закры-

та в спецфонде, Толкин, наверное, как более-менее развлекательное фэнтези, мог быть и вообще не в спецфонде.

Честертон они читали свободно в библиотеке и брали из библиотек переводить. Льюиса уже просили присылать. Значит, книга могла себе лежать, кто-то ее просто обнаружил, прочитал и завопил: «О боже! Это надо немедленно перевести». Кто это был, не будем говорить, потому что я не знаю.

Может, на самом деле, мама взяла и прочитала. И поняла вдруг, что по громоздкости, потому что книга все-таки мужская, она про битвы, про все такое, может, она и решила, что надо, чтобы Володя переводил.

Может, он сам нашел, он там работал, он все там прочитал. Они постоянно читали в Иностранке, я думаю, все фонды прочитали.

Льюис вот возник, например, от отца Александра. Найти, что читать, — это было такой охотой. Все друг другу говорили, что есть такая книжка. Другой бежал и ее читал, потом они начинали ее обсуждать. Абсолютно все письма, которые я сейчас с ужасом (от непонятности) расшифровываю, они большей частью состоят из ссылок на книги, на обсуждение книг и т.д., и «читали ли Вы». Кроме того, в письмах все время этот круг крутится, и понятно, с кем мама общается в Москве, а с кем Томас общается в эмиграции.

Вот поэтому ищите, где об этом написано, и критически смотрите на мамины высказывания, потому что она всегда хотела не известности, а чтобы людей не обидеть. Она старательно в себе выстраивала такую линию: вот да, сидите вы, очарованные, которым это очень важно, а я как сволочь влезу и скажу, что мне в Толкине не нравится то-то и то-то. Она этого никогда не делала, потому что она, как просветитель, очень уважала тягу к знаниям. И на самом деле ей было очень важно, что люди полюбили Толкина, да, это было для нее важно.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МУРАВЬЕВ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 18 апреля 2022 года. Публикуется впервые.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг В.С. [Муравьева]¹ в 70-е годы?

Вообще Толкин вырос из всего этого интереса к кругу Инклингов, поэтому, когда был какой-то разговор с Г.А. Анджапаридзе, задали вопрос, чего бы такого издать для детей, и мой отец предложил издать Толкина. Он прекрасно понимал, что это не совсем для детей, но поскольку к тому времени, в 1967 году, уже вышел перевод «Хоббита» Н.Л. Рахмановой, причем в Ленинграде, то логично было бы продолжить издавать этого автора.

Что значит круг?

Друзья, товарищи, личности, на которых он равнялся.

Получилось так, что скорее на него равнялись, а не он равнялся. Но для него главными авторитетами были, наверное, три великие дамы — Л.К. Чуковская, А.А. Ахматова и Л.Я. Гинзбург. Был также Г.С. Померанц, и был его отчим Е.М. Мелетинский. Это были те люди, о которых можно сказать, что он в какой-то степени на них равнялся.

Ко всем остальным людям старшего поколения — были, например, Хинкис и остатки Кашкинской школы, то есть переводческого движения 30–40-х годов, — но так чтобы он равнялся, нет, пожалуй.

К разным переводчикам, например, М.Ф. Лорие, или Норе Галь, или Н.Л. Трауберг отец относился с почтением, с уважением, но при этом говорил, что у них есть хорошие переводы и нехорошие переводы, что-то удалось, что-то не удалось.

Когда я его спрашивал: *«Папа, а у тебя самого есть хорошие и нехорошие переводы?»*, он отвечал: *«У меня тоже есть хорошие/нехорошие переводы, но совсем нехорошие я выкинул и не стал нигде публиковать, поэтому они есть, но их очень мало»*.

У людей из старшего поколения был другой подход: не получилось, но нужно доделать до конца.

Что касается его круга, товарищей и друзей, это, конечно, В.А. Скороденко, В.С. Харитонов — это были близкие люди, которые рассматривали отца как какого-то вождя своего кружка. Об этом мне

1. Здесь и далее в квадратных скобках примечания редактора.

многократно говорили покойные Харитонов, и Скороденко, и отчасти Н.В. Котрелёв, что отец в каком-то смысле задавал тон, задавал тему этого всего.

Конечно, был еще соавтор и товарищ А.А. Кистяковский, но он, как и его ближайшие товарищи и ученик Е.В. Витковский, были совсем особые люди. Кистяковский держался совсем отдельно, он был переводчиком, но вместе с тем он занимался разной политической деятельностью, отчасти из-за которой «Властелин колец» так надолго застрял. Поэтому Кистяковский скорее был товарищем, но в другом, в особом, смысле.

Да, были еще Гога Анджапаридзе и еще какие-то переводчики, к которым отец хорошо относился и уважал. Но сказать, чтобы он на кого-то вообще ориентировался в этом смысле, нельзя.

О переводческой деятельности

В 1960-е Ваш отец переводит свой первый роман...

Нет, первый был ироническо-юмористический рассказ какого-то английского писателя и еще рассказ О'Генри под названием «Позвольте-ка ваш пульс». Сначала он переводил рассказы, только потом взялся за романы.

Известно, что Ваш отец не был согласен с подходами к переводу Марии Лорие и Натальи Трауберг. К какой переводческой школе его можно отнести?

В определенной степени он старался ориентироваться на Кашкинскую школу перевода. Он очень высоко ставил переводы Валентина Стенича, особенно Джона Дос Пассоса. Но, с другой стороны, он говорил: *«Что сделано, то сделано»*, *«Это действительно хорошая настоящая работа»*, — про какие-то переводы Норы Галь он так говорил и про переводы Н.Л. [Трауберг].

Отца смущало, что Н.Л. [Трауберг] довольно свободно трактовала лицензию переводчика. Если ей нужно будет перевести вместо «мальчик вошел и сел на стул» — «мальчик вышел и встал на стол», то она переведет это так. Из-за этого, кстати говоря, ее переводы потом подвергались разного рода критике. Но, на мой взгляд, перевод либо состоялся, либо не состоялся.

Отец очень тщательно относился к своей работе, и для него это была чуть ли не сакральная деятельность. Он очень плохо относился к халтуре. Я помню, что он читал какие-то переводы, брал английский текст, подчеркивал и писал прямо на полях: *«чушь»*, *«кто ж так переводит?»*, *«а если заглянуть в английский текст?»*, — в таком духе.

Он часто довольно жестко критиковал товарищей, но это часть профессии.

Он переводил то, что нравилось лично ему, или же брал все поступающие от издательств заказы?

В разное время по-разному. Позже, к концу жизни, отбирал. В начале, особенно в конце 60-х, когда родился я и мои сестры и нужно было кормить семью, он брался почти что за любую работу. Я помню, что ему пришлось переводить какой-то странный роман с названием вроде «Цена угля», про шахтеров и рабочих. Он плевался страшно, говорил, что такой дряни он еще не переводил.

Еще у него был опыт перевода любовного романа от первого лица, в котором описывались переживания человека в возрасте, который завел роман с юной дамой — какой-то физиологизм, психологизм. Отец с некоторым отвращением об этом вспоминал, потому что переводчик неизбежно влезает в шкуру автора.

В целом, у него был круг любимых авторов, например, Фолкнер, Мюриэл Спарк, Ивлин Во. Но бывало по-разному.

Вы сказали, что для Вашего отца перевод был сакральной деятельностью. Что вдохновляло В.С. [Муравьева] на перевод той или иной литературы?

У него был очень специальный подход ко всему этому. Он постоянно читал русскую прозу. Каждый год он два раза полностью перечитывал Пушкина, периодически читал Достоевского, постоянно читал Толстого, особенно зачитывал «Анну Каренину» — это был один из его любимых текстов, много читал Набокова.

В англоязычной литературе он искал какой-то содержательности, говорил: *«Да, это большой писатель. Да, вот его надо бы перевести»*. Его вдохновляло именно литературное качество.

В чем он видел смысл своей деятельности?

Как я Вам сказал, это было служение. Как в каком-то смысле врач и преподаватель — это служение, так и здесь. Он считал, что он служит делу сохранения европейской культуры. И вообще я, как и он, считаю себя в некотором смысле представителем большой европейской культуры внутри узкого культурного пространства. И поэтому нужно каким-то образом согласовывать европейство и русскую культуру, прежде всего литературу. Неслучайно все его любимые поэты — и Ахматова, и Мандельштам — были именно такими европейцами по своей ориентации.

Мне кажется, это было нечто вроде служения, он никогда не рассматривал литературный труд как поденщину, заработок или что-то в этом роде. Он считал, что литература — это главное, что есть в этом мире.

В этом смысле я помню, что поскольку я выбрал историческую стезю и стал заниматься историей, я помню, что мы с ним говорили, и он всегда пытался передать мне свое трепетное отношение к литературе именно как к литературному процессу и к чему-то великому и божественному. Для него в литературе всегда было что-то настоящее, и нужно было это настоящее сохранить, потому что очень много плохих текстов, плохой литературы, и этот процесс ректификации нужно проводить ответственно внутри культурной передачи.

О Толкине

Ваш отец нашел книгу Дж. Толкина в Библиотеке иностранной литературы. Почему он обратил внимание именно на «Властелин колец» и знал ли он об этом авторе ранее?

Учитывая интерес к Честертону и Льюису, я думаю, что это был вполне естественный ход, учитывая, что Дж. Толкин тоже был католик и человек, близкий к тем персонажам, которые интересовали отца: Ивлин Во и Мюриэл Спарк — выходцы из католической среды. А Ивлин Во был вполне себе верующий и религиозный человек.

Как в его кругозор попал конкретно Дж. Толкин — я не вспомню. Но о личности этого автора он скорее всего знал до того, как к нему попал «Властелин колец».

Как часто В.С. [Муравьев] упоминал Толкина в реальной жизни?

Довольно часто. В частности, книга «Властелин колец» выпала для меня на важный момент, когда мне было 9–10 лет, и с разными перерывами это продолжалось до 13–15 — все это читалось дома. Естественно, этот текст постоянно присутствовал в той или иной форме в разговорах.

Дж. Толкин упоминался часто, и отец рассказывал что-то про него, были и обсуждения того, как это надо переводить. Кроме того, потом, когда началась толкиномания и появились переводы Григорьевой-Грушецкого и другие, естественно, появились те, кто начал говорить, что что-то переведено не так. Поэтому это так или иначе обсуждалось, и Дж. Толкин хорошо присутствовал в нашей жизни.

Я бы не сказал, что он присутствовал больше, чем Пушкин, Толстой или Мандельштам, поскольку эти темы у нас были в обсуждении постоянно. Но из английской литературы, наверное, Ивлин Во, Мюриэл Спарк и Дж. Толкин — это были три главных имени.

Можно ли предположить, что для Вашего отца Дж. Толкин был своего рода духовным наставником?

Наверное, нет. Это был для него какой-то важный литературный факт. А что Вы имеете в виду? Как книга, которую ты переводишь, может быть духовным наставником?

Духовным наставником может быть скорее сам автор. Здесь можно провести аналогию со значением К. Льюиса в жизни Н.Л. Трауберг. Занимал ли Дж. Толкин такое же место в жизни Вашего отца?

Это скорее упрощение. Действительно, можно говорить, что Льюис был для Н.Л. [Трауберг] духовным наставником, но ведь Льюис — это религиозный писатель. Дж. Толкин — это все-таки фэнтези, и несмотря на религиозное содержание, это не религиозная литература.

Но все-таки я думаю, что самое главное — это то, что Дж. Толкин действовал через литературу и мифологию, а Льюис — это литература с гораздо более прямым литературным посылом. Поэтому дело скорее в этом.

Если говорить о том, кто был для отца «идейным маяком», их было несколько. Одним из них, безусловно, был Набоков. А из английской литературы... У него в кабинете всегда стояло два портрета, это важно, — портрет Дж. Толкина и портрет Мюриэл Спарк. И сказать, что кто-то из них был в бóльшей степени духовным наставником, невозможно, потому что отец очень ценил английскую иронию и достаточно жесткий стеб, как у Мюриэл Спарк, в том числе над пиететским и католическим.

В частности, он перевел эпос «Аббатиса Круская», где достаточно жестко критикуется институционализируемая религиозность. Я помню, что тогда же С.С. Аверинцев сказал ему: *«Володя, Вы же верующий человек. Зачем Вы стали это переводить? Вы же понимаете, что это сатира на веру»*. Отец ответил: *«Именно потому, что я верующий человек, я и перевел это»*. У них в этом смысле был абсолютно разный взгляд.

Поэтому правильнее сказать не про духовных наставников, а скорее литературных и в литературном смысле. Он очень любил Набокова, из русской литературы он преклонялся перед Толстым, к Достоевскому у него было очень сдержанное отношение. А из английской литературы три уже упомянутых имени — Мюриэл Спарк, Ивлин Во и Дж. Толкин. Честертон он тоже переводил, но не Льюиса.

Скажите, пожалуйста, в чем В.С. [Муравьев] видел философию произведения «Властелин колец»?

Это своеобразное рыцарственное сопротивление антихристу, которое для него отчасти было связано с сопротивлением

советской власти и всему, что было с ней связано. Опыт Г.С. Померанца, который прошел войну и у которого было сопротивление и борьба с германским фашизмом, был важным для него. Он рассматривал это как очень важную вещь, которую они сделали для страны. Мне кажется, что дело было скорее в этом.

Он повторял за Толкиным, что зло — это вполне очевидная вещь, оно не затаившееся, не абстрактное, а существует в нашем мире. Посыл был таким, что ему нужно противостоять изо всех сил.

Так, иногда он мог выразиться жестко, даже жестоко. Я понимаю, он на самом деле хотел не резкости, а ясности. Но он любил, как говорил Набоков, *strong opinions*, то есть жесткие высказывания. Например: «*Ну вот, папа, фашизм — это зло*». — «*Да, это зло*». — «*Ну хорошо, а вот, допустим, Япония примкнула к Гитлеру. Что же теперь, оправдывать американцев, которые сбросили ядерные бомбы на города?*» — «*Да, бывают ситуации, когда нужно сбросить ядерные бомбы на города*».

Я понимаю, он на самом деле не хотел об этом так резко говорить. Но он любил, как говорил Набоков, *strong opinions*, то есть жесткие высказывания. Например: «*А как же Graham Greene "Quiet American?"*» — говорил я. «*Нет такого писателя, Грэма Грина*», — отвечал он. «*Как нет?*» — «*Да потому что это не писатель, а недоразумение*». — «*Хороший же писатель*». — «*Да, хороший писатель, но он сказал что-то хорошее про советскую власть, значит, недоразумение*».

Ему была близка в каком-то смысле идея одинокого борца вроде Арагорна. Человека с печатью проклятия, изгнанничества на челе, я думаю, что он, возможно, примерял на себя эту роль, при переводе это неизбежно.

Но самое главное — это была идея бескомпромиссной борьбы со злом. А борьба со злом для него состояла в борьбе с этой сатанинской политической системой, которую он видел в советском союзе, в советской власти, прежде всего. То есть не в людях, а именно в системе власти, ну и, конечно, в фашизме. Но фашизм вроде как победили, а зло все равно продолжается.

Даже в перестройку, когда мы с ним говорили в конце 90-х незадолго до его смерти, он сказал: «*Ты что думаешь, что все закончилось? Нет, ничего не закончилось. Все еще впереди. Все еще вернется*». Как в воду глядел.

О переводе Толкина

Почему Ваш отец решил переводить Дж. Толкина?

Ну, тут совмещение. С одной стороны, ему казалось, что это было как раз то направление, которое нужно поддерживать, то есть не прямое религиозное, как у Н.Л. [Трауберг], а вот такое иносказание. С другой стороны, это была большая и важная литературная работа. С третьей стороны, они с А.А. Кистяковским договорились, и поступил заказ.

Это сочетание разных факторов. Понятно, «кто верит в случай, не верит в Бога», поэтому можно назвать этот случай некоторым иносказанием. Так получилось.

Когда В.С. [Муравьев] и Кистяковский решили переводить «Властелин колец», они делали это в первую очередь для себя?

Нет, они действительно начали переводить еще до того, как был заключен договор, но они уже знали, что это будет напечатано. Это не было подпольным переводом фанатов, как, например, в Петербурге переводила Мария Каменкович или Александр Грузберг. Эти переводы выходили для себя, а позднее стали публиковаться.

Я помню один случай из того периода, когда только опубликовали эти альтернативные переводы. Я шел из университета, спустился в метро и увидел книжные лавки. На рекламном стенде было написано: «Первый перевод Дж. Толкина». Помню, меня смутили стихи, которые автор хотел приблизить к толкиновским, но на русском выходила «простота хуже воровства». Я подошел и спросил: «А почему Вы пишете, что перевод первый? Уже ведь есть переводы». А продавец говорит: «Да ну, это ж разве переводы? Это чепуха какая-то. Вот это вот настоящий». Вот как бывает.

В чем Ваш отец видел смысл издания этого перевода?

Это вещь, которая одушевляла, особенно подростков, такая тинейджерская литература. Кроме этого, у нас в стране ведь тогда не было фэнтези практически никакого, кроме русских народных сказок. Это уже потом они повалились как из рога изобилия, а тогда ничего не было. И поэтому была идея попытаться создать жанр фэнтези на русском языке.

В некотором смысле, я бы сказал, для понимания того, как выстраивался мир этих борцов — Арагорна и так далее — нужно иметь в виду, что эта тональность очень сильно связана с поэзией Н.С. Гумилёва. Эта героизация борьбы до конца, но при этом своей одинокой войны.

Конечно, там был определенного рода культуртрегерский, религиозный посыл, но он скорее был связан с тем, что они видели в этой борьбе проекцию той борьбы, которую они вели в своей жизни с тем, что они вкладывали в понятие советской власти.

Ваш отец прочел «Хоббита» и «Сильмариллион» позднее, чем «Властелина колец»?

«Хоббита» он прочел раньше, чем «Властелин колец», потому что ему, кажется, давали на рецензию один из переводов, по-моему, Н.Л. Рахмановой.

Что касается «Сильмариллиона», это я помню достаточно хорошо. Кто-то из наших английских родственников привез ему эту книгу. До того он ее не читал. Конечно, литературно, «Сильмариллион» — это собрание разного рода мифологических набросков. Я воодушевленно сказал отцу, что буду читать «Сильмариллион», а он ответил: *«Ну, можешь, конечно, почитать. Но сравнения с трилогией он не выдерживает»*.

Какое впечатление у него было от книги «Хоббит»?

«Хоббит» — это сказка, в которой что-то есть, но сказка есть сказка. Я спросил его, нравится ли ему перевод Рахмановой, он говорил: *«Ну, Рахманова перевела это как сказку. Немножко в стиле Маршака»*. Ему не нравились какие-то вещи, но в целом перевод получился нормальный.

Лариса Александровна Бекасова
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Пермь),
Социально-гуманитарный
факультет, бакалаврская
программа «История»
l.a.bekasova@gmail.com

Larisa Bekasova
HSE University (Perm),
Faculty of Social Sciences
and Humanities,
BA Programme in History
l.a.bekasova@gmail.com

3

ПАМ'ЯТЬ И ИСТОРИЯ:
ПОМИНКИ ПО ТРУДНОМУ ПРОШЛОМУ

«НАША ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ С ПРОШЛЫМ НЕ ИСКАЖЕНА, НО ОТФОРМАТИРОВАНА»

Материал
подготовила
Александра
Костина

Как придать форму памяти и сделать понятной для каждого посетителя музейной экспозиции? С этим вопросом мы обратились к человеку, обладающему немалым опытом в организации выставочных пространств, — историку и куратору Павлу Котляру. Мы встретились в Театральном музее и поговорили о механизмах создания выставки, о взаимодействии с архивами и о межмузейной поколенческой проблеме¹.

Павел Котляр — историк, искусствовед и музейщик, руководитель проектов в сфере культуры, специалист по истории России XVIII–XX веков, истории и культуре Петербурга.

1. Разговор получился длинным. Часть его была опубликована в культурном разделе журнала «Своими словами» незадолго до выхода этого номера, вторая часть — сейчас перед вами. — Прим. ред.

Александра Костина: Расскажите, пожалуйста, о себе. Какое образование Вы получили и чем занимаетесь сейчас?

Павел Котляр: Я, на самом деле, живу на стыке ряда дисциплин. Когда нужно максимально кратко себя охарактеризовать, я говорю, что я историк. Но «историк» — это такое суперслово, которое навеивает на многих если не скуку, то некое недоумение. Вот познакомишься с девушкой в баре, и после слова «историк» возникает почтительная тишина: непонятно, чем человек занимается. С точки зрения профессиональной деятельности, я музейщик-практик, но академическая жизнь мне тоже не чужда. Я изучал memory studies на факультете истории в Европейском университете в магистратуре, и это действительно очень повлияло на меня. Мы также делали небольшие семинары с департаментом ВШЭ здесь, в Петербурге. А так, жизнь меня потаскала. Я также дружу со многими музеями. Собственно говоря, с Театральным музеем, который нас познакомил, я именно дружу, не являюсь сотрудником. Сейчас я курирую очередной проект, связанный с Иосифом Бродским в музее Ахматовой.

А.К.: Поделитесь Вашим опытом организации музейного проекта. С чего все начинается? Что первично — идея или спонтанное вдохновение? Как Вы понимаете, что нужно сделать проект именно об этом, а не о чем-то ином? Как первоначальный замысел раскрывается впоследствии, обретает масштаб и новые контексты?

П.К.: Тут несколько моментов. Начать, я думаю, стоит с того, что выставочное, экспозиционное, музейное дело (если мы берем именно музей как актор в теме памяти) это не обязательно сама площадка музея, это может быть и выставочный зал, как Манеж, например. Но если мы говорим про экспозицию, безусловно, это дело довольно прозаическое. В том смысле, что прозы жизни там много. Иными словами, в отличие от текста или, скажем, какой-то художественной акции, ведения блога, в экспозиционном деле необходимо пространство, материалы, бюджет. Очень забавно иногда читать теоретические пассажи о том, почему выставка выглядит тем или иным образом, поскольку ты понимаешь, что эта картина висит здесь, потому что это позволяет нагрузка крюка именно на этой стене, а на противоположной — пожарный кран, который нельзя завешивать. Так как экспозиция требует застройки, установки сигнализации, расположения ряда экспонатов, она неизбежно связывает тебя с другими лицами, институциями и, может быть, даже с инфоповодами, важными медийными вещами. Следовательно, экспозиция рождается в результате взаимодействия многих факторов, не ограниченных

твоей идеей и вдохновением. Очень часто сама проза жизни диктует какие-то вещи.

Сейчас я начну говорить интереснее, через конкретные примеры. Скажем, Александровский дворец в Царском селе становится на реставрацию. Для того чтобы отреставрировать огромный дворец с заменой коммуникаций, инженерных сетей и т.д., необходимо вывезти предметы, которые там есть. И куда их деть? Где их разместить, если у тебя нет фондохранилища как у Эрмитажа в Старой деревне? В итоге рождается выставка в музее-заповеднике Царицыно в Москве, который заинтересовался этим вопросом и взял на себя все расходы по транспортировке, страховке, дизайну, застройке и т.д. Музей буквально перевозит часть предметов обстановки Александровского дворца к себе, и получается крупная временная выставка, посвященная царской семье в другом дворце под Петербургом. Конечно, я могу рассказывать красивые истории про межмузейное сотрудничество, но на самом деле эта выставка объясняется упомянутым выше обстоятельством.

Или же экспозиция «“Натюрморт” Иосифа Бродского» в музее Ахматовой. Это такая реинкарнация предыдущей экспозиции «Американский кабинет Иосифа Бродского», которая просто встала на реконструкцию, потому что возникли проблемы с полом в помещении. Он прохудился, и надо было сделать ремонт, поэтому экспозицию закрыли и решили открыть уже в обновленном виде.

Мне кажется, что мой ответ на возвышенные, крутые, продуманные Вами вопросы, над которыми и правда стоит поразмышлять, получился скучно-приземленным, и это важно. Я лично экспозиционную деятельность за это и люблю. Надо понимать, где расположены датчики температуры и влажности, где еще что-то — без этого музея как актора памяти не будет.

Наверное, важно сказать, что в любой экспозиции, в придумывании, естественно, очень важен твой интерес и что именно ты хочешь сказать. Иногда просто размышляешь, что на эту тему не было экспозиционных высказываний или это было сферой твоих исследовательских интересов. Понятно, что если объединить визуальный ряд из разных музеев или архивов, получится экспозиция как форма высказывания. Главное — чтобы было это высказывание, было, что сказать. С этим, к сожалению, зачастую возникают проблемы. Здесь очень важно взаимодействие с разными людьми и институтами. От того, какие с кем у тебя отношения, очень многое зависит. Поэтому я в какой-то степени ощущаю себя неким межмузейным человеком. У нас в стране очень все институализировано, каждый в своем отсеке подводной лодки: «У нас выставочный план,

а с другими музеями мы сотрудничаем только для отбора экспонатов для своих проектов». В этом смысле в Петербурге, на самом деле, надмузейная, межинституциональная кураторская история несильно развита.

А.К.: Да, я сейчас как раз задумалась о сотрудничестве между музеями. Ведь как правило старые, академические музеи не принимают в свой круг музеи новые, современные. Они стоят несколько особняком, как мне кажется. Особенно это заметно в малых городах.

П.К.: Да, и, к сожалению, это поколенческая проблема, столкновение стилистик. Традиционная советская музейная стилистика — это про институции, которые работают для вечности (к вопросу о нашей теме памяти). Музей, экспозиция, выставка являются факторами своего времени, они разные в разное время. **То, как делается выставка, например, про 1917 год в 2017 году, больше говорит именно про 2017 год, чем про 1917.** На самом деле, это про современность и про нас, такая позиция не разделяется традиционной идеологемой «для вечности». Эта концепция про музей как храм, башню из слоновой кости, где хранятся уникальные вещи, которые имеет три с половиной человека, это такая закрытая, не френдли история: нужно говорить потише, это территория запрета и т.д. Но все чаще это преодолевается, хотя Петербургу здесь очень далеко до Москвы и до многих других регионов. В этом смысле ошибочно полагать, что признак культурной столицы — это множество старых знаний, а не бурлящие события в сфере культуры.

А.К.: Интересно будет позже поразмышлять над этим... Вы несколько раз упоминали, что происходит объемная, масштабная работа. Привлекаются ли для этого студенты? Помогать организовывать выставки, продумывать детали экспозиции, участвовать в оформлении.

П.К.: Здесь какой момент... У любой экспозиции есть много измерений. Это может быть параллельная программа для образовательных проектов, лекториев; сувенирная продукция; поддержка проекта волонтерским центром, начиная от инклюзивных экскурсий, заканчивая освещением в СМИ, например, или в соцсетях. В основном, в этих процессах участвуют не музейные сотрудники, а волонтеры, студенты или те, кому просто небезразлична эта тема. Путь terra incognita чаще всего продолжается не в самой выставке. Хотя понятно, что кураторство — это, в принципе, дело одинокого. Я, например, авторитарный в этом смысле человек, для меня это индивидуальное занятие. Но есть же проекты, которые являются результатом очень масштабных исследований художественных

практик. Например, Манеж в Петербурге, безусловно, относится к тем учреждениям, которые всячески сотрудничают с волонтерами. Это не всегда те, кто дежурит в зале и отвечает на вопросы. Они вовлекаются в работу, в разные процессы вокруг выставок. В Москве вокруг Гаража есть целое комьюнити. По идее, на эту тему можно придумать многое.

А что касается студентов в принципе, то это опять про институциональные перегородки, потому что они есть между музеями, а также они вообще глухие, на мой взгляд, при выстраивании отношений с вузами. Несмотря на регулярные практики студентов в музеях и подписания соглашений о сотрудничестве между какой-либо кафедрой и музеем, мне кажется, синергии, объединения ресурсов в реальности не происходит. Я не видел и не слышал за последние несколько лет о каком-то крупном выставочном проекте, который стал бы результатом подобного соавторства, несмотря на декларируемые вещи как совместная магистерская программа Эрмитажа и Европейского университета. Когда это встроено в политику учебного заведения, как в ИТМО: лаборатории Art and Science — аплодисменты. Вот есть у нас магистратура, есть выставочный зал на Васильевском острове. Мне раз в три месяца приходит приглашение на открытие там выставки, которая является прекрасным экспозиционным, музейным высказыванием и, соответственно, результатом исследовательской деятельности.

Например, я легко себе представляю совместный проект студентов департамента истории и литературы Высшей школы экономики и музея Зощенко. Если есть кто-то, кто исследует коммунальный быт в 1920-е годы и обрабатывает данные в архивах, тексты (не обязательно Зощенко, в общем связанные с этой темой), какие-то дискурсивные вещи, то можно сделать выставку на третьей площадке. Таких примеров сходу можно придумать очень много, но именно придумать. К сожалению, на практике... Вы и сами знаете.

А.К.: Да, понимаю, о чем Вы. У нас сейчас как раз запущен совместный проект Вышки и музея Шаляпина, будем ждать результатов. Как я знаю, Вы работали с архивами. Расскажите об этом опыте.

П.К.: Вообще, если не уходить в какие-то терминологические дебри, я все-таки воспринимаю понятие «архив» как скорее исторический, нежели художественный термин, то есть не как совокупность произведений и материалов, связанных с отдельным направлением или художником, а как в принципе письменные источники, связанные с прошлым. Я работал как исследователь и в очень крупных федеральных архивах с XVII по XX век, и в неболь-

ших, в том числе частных. Семейный архив — это тоже архив и важная форма памяти. Архивы вообще, как мне кажется, недооцениваются как акторы сами по себе. Их структура, доступность, степень оцифрованности, распознанности и так далее очень сильно влияют на нашу память о прошлом и представление о каком-то художнике, писателе или явлении: зачастую архив и его популярность делают фигуру намного более заметной. Это если мы говорим про художественные источники.

А про исторические... Очень показательно, что в последние годы архивы сделали выставочное дело одним из своих приоритетов. В Москве я всегда заезжаю на экспозиции в зале федеральных архивов на Большой Пироговской улице. И если говорить про выставку как демонстрацию чего-то, то когда объектом показа является подлинник пакта Молотова-Риббентропа, то это сильно. Это к вопросу о воспоминаниях, триггерах, тех вещах, что запускают механизм памяти. Люди рассматривают документы на выставках, читают их, поэтому возрастающая публичность архивов, в том числе в экспозиционном смысле, конечно, важна. Например, резолюции Сталина: можно увидеть, каким карандашом, с каким нажимом, что было написано.

Другое дело, что, как и в любом высказывании, в архивном нельзя выйти за пределы своего времени. Иными словами, все, что происходит в моменте нашей жизни, сильно влияет и на то, что и как мы выставляем, как прочитываем.

А.К.: А как Вы думаете, изменилось ли у читателей, зрителей отношений к архивам и к самой памяти?

П.К.: Если мы говорим о памяти как о некоем факторе или форме нашей жизни, индивидуальной или общественной, то здесь важно понимать, что у памяти есть разные регистры. Есть, скажем, общегосударственный, есть личностный и семейный, например. Домашний музей или архив, где хранится подстаканник, который дедушка привез с Восточного фронта в сорок пятом году, или свидетельство о рождении прабабушки с гербом Российской Империи или, что в российском контексте даже более важно, отсутствие всего, умолчание, нерассказывание о себе, неимение каких-то раритетов влияет даже больше на восприятие прошлого и себя, чем, скажем, государственный нарратив или доступность тех же архивов. Понятно, что у всех своя эпоха, и работа в архиве в этом смысле даже с точки зрения прочитывания документа и тем более его аналитики требует определенных навыков. Поэтому люди, оказываясь в архивах, ищут разве что своих предков, и это тоже нас отсылает к какому-то семейному или краеведческому регистру, то есть к тому, что все равно

ближе к тебе и не так абстрактно. Это не отношение царства Польского к Санкт-Петербургу как к центру Империи в XIX веке, а это какая-то твоя конкретика. Вот ты, например, воцерковленный человек, и тебе важно в твоём населённом пункте восстановить церковь, которую в советское время превратили в склад — ты идёшь в архив и потом на практике можешь стать даже профессиональным исследователем. Но это все идет, как мне кажется, от того, что человека реально волнует.

Поэтому как фактор памяти и музей, и архив завязаны на личный контекст твоих родственных связей и интересов. Мы, в принципе, сейчас это увидим. Люди по-разному относятся к контексту, в котором мы оказались, в том числе в зависимости от того, насколько близко это касается тебя. Музей как институция, которая оперирует, как ни странно, более абстрактными категориями, скажем, художественными, возвышенными, имеет бóльшую аудиторию. Можно говорить о музейном буме, о том, что музей — это очень важный фактор. Сходить на выставку, простояв там полтора часа в очереди, — это, в общем, явление нашего времени. Но другое дело, что происходит, когда человек приходит посмотреть на Красивое, сделать селфи, провести время или еще что-то подобное — это уже другой вопрос.

А.К.: Как Вы считаете, с чем связано такое отношение к памяти, при котором ее не оберегали, не сохраняли, а относились, наоборот, более пренебрежительно, если так можно сказать? Не думали, что какие-то архивные документы могут быть использованы не только в отрицательном контексте, как улика, а в положительном, как инструмент межпоколенческой связи?

П.К.: Память — это в любом случае конструктор, и он строится каждый раз по-разному, в зависимости от конкретного момента. Вот мне, например, через две недели тридцать два, и я уже понимаю, как по-разному я смотрел на некоторые события в жизни. Событие-то не изменилось, но помню я его по-разному, хотя сам факт остается фактом. Так получается не потому, что я его забываю, а потому, что прочитываю иначе, поэтому в любом случае должен быть какой-то временной зазор. Мы же делаем ремонт в квартире, выбрасываем мусор, а это идеальный архив, для археологов ненужные детали быта — это прекрасная история. Кто-то что-то хранит на память, буквально «souvenir» по-французски, и это сохраняется. Но обстоятельством твоей жизни в моменте является почистить переписку в Телеграме, удалить какие-то вещи, заархивировать. К орденам бабушки 1936 года, если к этому моменту ты их никуда не сдал, ты относишься не как к архиву памяти, а как к фактору твоей жизни. Люди связывали такое в узелок и топили в реках и каналах Петербурга, потому что это вещь, за которую где-то и что-то

могли сделать. И вот эти несколько переломов в течение XX века: гражданские войны, тоталитарный режим, Великая Отечественная война — очень жестко изменили социальную структуру общества. У нас нет такого, как в Великобритании — «вот мой прадедушка над камином висит». Наша историческая связь с прошлым не искажена, но отформатирована в какой-то степени.

Но более значимым является фактор, что память — это такая штука, в которой какие осколки остаются, такие и остаются. Потом находишь их с удивлением, обнаружишь какую-нибудь ерунду, и у тебя пласты всплывают. А эта ерунда могла не сохраниться при переезде, потеряться — это на микроуровне. В какой-то степени на макроуровне происходит что-то подобное. Например, Суворов — величайший полководец, а фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних — нет. Это говорит не об их качествах как полководцев, а о процессах, которые шли уже после их смерти.

А.К.: Очень яркие и наглядные примеры. Тогда следующий вопрос: чем отличается музей от памяти? Можно ли четко разграничить эти понятия, выделить критерии для этого или это все взаимопроникающие, взаимосвязанные институты?

П.К.: Вот здесь мы как раз подходим к концептам «для вечности» или «не для вечности». Если музей — это храм, в котором хранятся шедевры, артефакты, без которых мы не выживем, и это всё для вечности, то он и есть память, допустим, в материальном измерении, не в денежном, а в артефактном. Если же смотреть более свободно, постмодернистски или как угодно еще, даже с исторической точки зрения, то музей — это все равно явление своего времени. Они в какой-то момент появились, затем трансформировались. Музеи меняются, поколения тоже. Люди приходят туда с разными вопросами. Может быть, страшно прозвучит, но и коллекции могут прочитываться по-разному. Музей — это один из факторов памяти, наряду с топонимикой, государственными праздниками, произведениями искусства вообще, кино, литературой, — он испытывает на себе большое влияние. Поэтому, с одной стороны, пиетет, безусловно, должен быть, но он должен быть разумным, и всегда построенным на каких-то компромиссах.

Это касается, повторяюсь, перемещения предметов в том числе. Например, вопрос о колониальном искусстве: должны мы из какого-нибудь Берлинского музея отдать все маски в Конго или нет? И вот рецепт, который реализован в Париже, — музей на набережной Бранли: отовсюду собрали искусство стран Африки и островной Океании и сделали отдельный музей, который как Лувр, но только для этой темы. Это поднимает значимость Парижа как центра,

который объединяет этот регион, пусть и с колониальным контекстом до этого. Доступность обеспечивает и сохранность, но это же наше явление этого момента. Скажем, музей на набережной Бранли не мог открыться в 1950-м году, он открылся именно в этом. Если говорить про опыт Театрального музея, который Вы упомянули, до перестройки дом-музей Шаляпина назывался Музеем истории русского оперного искусства. Получается, что есть некая миссия музея, она может показаться приземленной, но при этом возвышенной, то есть имеется предметный ряд, есть вещи, которые буквально надо найти, сохранить от разрушения и тем самым продлить им жизнь. Здесь очень важна собирательская деятельность музея, работа с потомками, в данном случае Шаляпина, с людьми, которые помнили, как были расставлены вещи в его квартире. Так информация перейдет из коммуникативной памяти в культурную. Для нас с Вами это чужая история, а для человека, который вышел бы и сказал: “Помню я, как Фёдор Иваныч заходил вот в эту комнату”, — уже нет. Ты готовишь этот материал, но он, включающий в себя и собирательскую деятельность с реставрацией, все равно будет прочитываться временем по-разному. Это может быть и в музее русского оперного искусства, и в доме-музее Шаляпина. Очень интересен кейс про места, связанные с Лениным. Например, квартира, в которой он жил, из ленинских мест сейчас как бы перекодировались не просто потому, что кто-то приказал, а потому, что меняется канон памяти. Или, например, музей-квартира Елизаровых на Петроградской стороне — это историко-бытовой музей начала XX века. Даже музей-квартира Кирова, один из лучших музеев-квартир в городе, рассказывает про быт материально успешного партийного чиновника 1930-х годов, а не только, и может быть, даже не столько про Кирова как верного соратника, ученика и т.д. Поэтому музей всегда разный. И эта разница не в технологиях: стенды, написанные через трафарет или мультимедийные панели. Вопрос в том, что на этих панелях и стендах? В чем заключается высказывание? И главное — чтобы оно было. Проблема очень часто еще и в том, что его просто нет.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РОССИИ: МЕСТА ПАМЯТИ И ГДЕ ИХ ИСКАТЬ

Дарья Чупрасова

УДК: 93/94.

Ключевые слова:
историческая память,
Первая мировая война,
места памяти, Пьер Нора.

Аннотация

Французский историк Пьер Нора известен благодаря своей масштабной работе «Места памяти», в которой он собрал статьи многих известных французских исследователей. «Местом памяти» он назвал нечто символическое, имеющее большое значение для людей конкретной национальности — это не только места, как мы их понимаем, но и песни, люди, символы, здания, памятники. У Первой мировой войны в России практически нет своего собственного образа. Однако, несмотря на это, можно говорить о ряде «мест памяти», которые можно рассматривать в рамках термина Нора. В этой статье мы рассмотрели три потенциальных «места памяти» Первой мировой войны в России: «Атаку мертвецов» 1915 г., генерала Алексея Брусилова и музей «Россия в Великой войне».

World War I in Russia: Its “Sites of Memory” and Where to Find Them

Daria Chuprasova

Keywords:
*historical memory, World War I,
sites of memory, Pierre Nora.*

Abstract

French historian Pierre Nora is known for his masterpiece *Les Lieux de Mémoire (Sites of Memory)* where he collected articles of many famous French researchers. Nora defined the term *sites of memory* as a symbolic phenomenon that has a great importance for the people of a particular ethnicity. It can be not only places but also songs, people, symbols, buildings, monuments. World War I has almost no image in Russia. However, we can talk about several *sites of memory* that can match the Pierre Nora's term. In this article we examined three potential WWI's *sites of memory* in Russia: Attack of the Dead Men in 1915, General Alexei Brusilov and the Museum *Russia in the Great War*.

French historian Pierre Nora became famous thanks to his monumental work *Les Lieux de Mémoire (Sites of Memory)* (Nora et al. 1986–1993). This project started with the seminar at the School of Higher Studies in Social Sciences in 1977. After that seminar Pierre Nora was able to persuade almost a hundred famous French historians to write articles about historical memory (which was not a relevant field of research at that time).

Initially, the four-volume project *Sites of Memory* included four main topics: regional, religious, social, and political. The result of many years of work included 7 volumes and 128 chapters, which were divided into parts: the Republic (“crystallization points” of the memory of the French Republic (Safronova 2019, 64)), the Nation (intangible, material, ideal), France (“mandatory stories” (Safronova 2019, 66)).

Sites of Memory is a very important project that has been translated into many languages. The most detailed is an English translation in 3 volumes. Only selected articles were translated into Russian, but Pierre Nora wrote the preface to this book by himself (Safronova 2019, 75).

Nevertheless, it is impossible to find a single definition of what *sites of memory* are. In the first volume Pierre Nora defined *sites of memory* as some kind of remains. Although Pierre Nora gave more specific instructions in the later volumes, it seems that a *site of memory* can be everything, even a symbol or a person. However, *sites of memory* should not be confused, for example, with thematic parks (Tai 2001). In the preface to the last book, Nora admitted that a *site of memory* initially was just something intuitive, so he could not give any clear definition. We may say that *sites of memory* are located at the intersection of history and memory and are generated by the desire to remember.

For Pierre Nora any *site of memory* includes three aspects: material, symbolic, functional.

In the third volume of his work Pierre Nora, finally, defined what a *site of memory* is: “Any significant unity, material or ideal order, which the will of people or the work of time has turned into a symbolic element of the heritage of a certain community” (Nora 1999, 79).

In 2002, over almost 10 years after the *Sites of Memory* project had been completed, Pierre Nora's article “Worldwide Triumph of Memory” was published in the *Transit Magazine*. In this work he supplemented his views on the problem of the relationship between memory and history as well as a historical reconstruction. Pierre Nora wrote that the process of the past restoration had been observed for the last 20–25 years: a number of memorial events had been held, thematic museums had been opened and France was the first to enter the era of “remembrance” (Nora 2005).

In 2014–2018 the whole world commemorated World War I. It was a great opportunity for Russia to use the example of France and enter

the era of “remembrance”, at least to revive the memory of World War I in the public discourse.

In Russia the attitude towards World War I differs considerably from its perception in the majority of other participating countries, including former members of the Entente. The peculiarity of Russia lies in the fact that at the beginning of the 21st century World War I was fully incorporated into the national historical narrative, while there were no significant places of memory in the country at all. That is why the centenary of WWI was held under the slogan of reviving the memory of the *forgotten war*.

For almost a hundred years the historical memory of World War I in Russia has been formed in a very specific way. The memory of the war was replaced by events more significant for the Soviet state: the Civil War and the Great Patriotic War. The Soviet policy of memory called World War I an “imperialist war” and an “alien war”. It led to the fact that World War I is usually called the forgotten war in the modern Russian historiography.

By 2014 (a century after the outbreak of the war) various memorial projects had begun to appear in Russia. They were caused not only by the desire of the nation to restore its past but also because of the government decree. This was primarily due to the so-called “patriotic turn” and attempts to change the image of Russia in the sphere of a foreign policy (Nagornaya *n.d.*). A very representative quote concerning this matter is one of the Russian President Vladimir Putin, that was later cited many times in various articles:

“It is the result of the betrayal of the government. It is obvious that they were afraid of it and did not want to talk, so they kept silent (...) The silence was because of other reasons. Our country lost, in fact, to the losing side. On the part of the new Bolshevik government it was an act of national betrayal, and the government was afraid to admit the fact it was for the sake of the party interests” (Putin Obvinil... 2012) (trans. mine).

Preparations for the centenary commemoration of World War I began in 2012. It was very important to create the image of the so-called “stolen victory”, meaning the loss of Russia to the later defeated Germany.

At the anniversary years it became clear that it was no longer possible to call the war completely “forgotten” (Gorskij 2015). For the last hundred years solid historiography has been formed and many articles, books, monographs have been published. It can be argued that the definition “forgotten” indicates a gap between the significance of the war for the history of Russia and its little reflection in social and cultural memory. Polls conducted in 2014–2018 confirm this hypothesis (Obraz Pervoj Mirovoj 2014; 100-letie Okonchaniya Pervoj... 2018). The point is not that people do not actually know about this war (although awareness of the war is very

little), but that it does not have its own “face”, remaining absorbed by the October Revolution and the Civil War.

In 2012 the work on preparations for the 100th anniversary started at the state level. Official events and their discursive reflection were largely based on borrowing previous practices and approaches. The peculiarity of the official symbolic policy was that the authorities reproduced the existing discourses and symbolic actions by incorporating them in the official state model of the patriotism formation. The main idea was the affirmation of the “heroic” theme.

According to the official state model, there is a certain objective history of WWI which was once forgotten but must be revived now and become a property of all the Russians. The call to remember the heroes turns into a glorification of public figures and officials. Therefore, the “true” history of Russian participation in World War I appears to be a pure history of heroism.

Perhaps the historical memory of WWI is still too weak and unstable as well as heavily dependent on government decrees. Thus it makes the emergence and, most importantly, fixation of memorial places connected with World War I more complicated in Russia. However, in this work we will try to examine several most notable narratives, personalities, and events, as well as determine whether they can be *sites of memory* according to the ideas of Pierre Nora (material, symbolic, functional).

Furthermore, we would like to point at three significant symbols that have the strongest connection with World War I in public opinion of Russians. First is the heroic narrative of the Attack of the Dead Men (here comes the reference to II 3. La Nation, vol. III: La Gloire. Les Mots, section Glory from Pierre Nora's book), then goes General Alexei Brusilov (III 3 Les France, vol. III: De L'archive à L'emblème, section Identifications) and the last one is the Museum *Russia in the Great War* (II. 2. La Nation, vol. II: Le Territoire. L'état. Le Patrimoine, section Heritage).

It is also important to note that the symbols related to WWI are more controversial in Russia than in France. All the symbols listed in Pierre Nora's *Sites of Memory* are recognized as significant for the history of France and for the French nation. While WWI's *sites of memory* discussed in the article (like the other *sites of memory* that have not been studied) are not generally recognized by Russians as significant symbols. The further study of the historical memory of World War I and its entry into the field of public history might make these *sites of memory* truly significant for Russians.

First and foremost, we want to explore the heroic narrative of the Attack of the Dead Men. The Attack of the Dead Men is a name given for

the counterattack led by the 13th company of the 226th Zemlyansky regiment on July 24, 1915, while repelling a German gas attack. It happened during the defense of the Osowiec fortress (present-day Poland) on the Eastern Front during World War I. The German army used toxic substances (chlorine, bromine), but could not continue the attack as dying Russian soldiers opposed them.

The expression “attack of the dead men” appeared in the work of Sergey Khmelkov *The Struggle for Osowiec*, published by Voenizdat in 1939:

“The 13th and 8th companies, having lost up to 50% of their personnel poisoned, deployed on both sides of the railway and began an attack. The 13th company meeting the parts of the 18th Landwehr Regiment rushed against bayonets with shouting *hurrray*. As witnesses reported the attack of the dead greatly astonished the Germans so that they did not continue fighting and rushed away; many Germans died in the wire traps in front of the second line of trenches from the fire of the fortress artillery” (Khmelkov 1939, 76) (trans. mine).

On the whole, researching and describing specific exploits of the tsarist army in the imperialist war were not welcomed and works beyond the purely technical analysis of strategy and tactics were rare in the USSR.

Then, the expression “attack of the dead men” appeared in an article by journalist Vladimir Voronov. In his article Vladimir Voronov added fictional and journalistic features (such as “spitting out pieces of lungs on bloody soulder’s blouses” (Voronov 2009)), that later became permanent elements of other authors’ descriptions.

It should be noted that the journalist's task was to create a vivid image of a heroic defense to make authorities and society remember a forgotten page of Russian history. The created narrative simultaneously belonged to the media space and the patriotic discourse, whereas the last was focused on finding examples of forgotten heroism. The Osowiec's story is now used for both entertainment and to declare a sense of patriotism. The heroic myth began to live its own life meeting the requirements of both spaces.

At first this narrative attracted historical enthusiasts, then hobby groups and finally ordinary readers by scattering and developing on the Internet (as a communication channel). The myth got its own life: it transformed from the call to remember World War I into becoming a self-sufficient vivid evidence of the true heroism that Russian soldiers possess despite anything.

The event called the Attack of the Dead Men was absolutely real. Although there were many first distorted and later revealed facts the counterattack did take place on July 24, 1915.

Such an event is of a great symbolic significance for both the modern political mythmaking and creating a public image of the heroic past. For example, in 2014 the Attack of the Dead Men was included in the list of funding programs of the Military History section recommended by the advisory council of the Society of Cinematographers.

As noted above, the narrative operates due to the active support of the state. Instead of inventing a new symbol, it is rather about supporting the initiative from below; relying on the events, historical reliability of which is beyond doubt; and using the heroic component proved by reference to the scholarly research. Probably, despite the atmosphere of a growing international tension, the image of Russian soldiers who are ready to defend their emplacement could finally be attractive. At the same time the state does not offer a stable and unified interpretation, limiting to an approval of Osowiec as a heroic symbol.

The next *site of memory* that we would like to mention is General Alexey Brusilov. Brusilov was a Tsarist Russian and Soviet military leader, a Supreme Commander of the Russian army, a chief inspector of the cavalry in the Workers' and Peasants' Red Army. Here we can talk about the similarity of the image with one in the article about Jeanne d'Arc from the Identifications section of Volume III 3 Les France, vol. III: De L'archive à L'emblème of Pierre Nora's book. Of course, the image of Brusilov does not carry the same significant symbolism for the Russians like the image of Jeanne d'Arc does for the French. However, it is, probably, the most significant (and the most recognizable thanks to the Brusilov Offensive) military image of WWI in Russia.

Brusilov served in the tsarist army during the whole war, but at the time of the February Revolution he supported the dismissal of Nicholas II and empowerment of the Provisional Government. After 1920 Brusilov entered the Red Army (it is believed that the death of his son in captivity of the White Army prompted him to join the Red Army). From May 1920 he headed a Special Meeting under the Commander-in-Chief of all the armed forces in the Soviet Republic. The recommendations for strengthening the Red Army were worked out there. Researchers believe that the images of both the Brusilov Offensive and General Brusilov are preserved in the public consciousness precisely due to the fact that he changed parties and joined the Soviet government (Senyavskaya 2009, 4).

For the Soviet Union the funeral of Brusilov in 1926 was a very unusual event. After the official secular funeral ceremony (Kak Pohoronili Generala Brusilova 1926), Brusilov was buried according to the Orthodox traditions: in an open grave on the territory of the monastery. The veterans of World War I who had fought under the command of General Brusilov

threw not only soil but also their St. George crosses into the grave. Next to the funerary wreath from the Red Army with a red ribbon there was a wreath from the Cavaliers of St. George with brown and black stripes. Moreover, an Orthodox cross was placed on Brusilov's grave by the knights of St. George participating in the ceremony (Petrone 2011, 60–62).

General Brusilov was a real historical figure. There are memories of him, as well as his grave in the Novodevichy Convent to remember him. A monument to general Brusilov was opened in St. Petersburg. Furthermore, there are streets and squares named after him in St. Petersburg, Voronezh, and Moscow.

General Brusilov possessed a great symbolic importance for the Soviet government as a former tsarist general who had joined the Red Army and had worked to legitimize the new state. Therefore, he was allowed some liberties, for example, a funeral according to the Orthodox tradition (Petrone 2011, 60).

To sum it up, Brusilov was an outstanding military leader and a teacher, a patriot of his homeland but not his country. Consequently, his image began to work as a symbol of a new state.

The place where the museum *Russia in the Great War* is located has an extensive cultural and historical background, although it was reopened as a museum of WWI only in 2014.

The War Chamber, where the museum is currently situated, was founded in 1913. Initially, it was planned to locate a museum of the history of the Russian troops there. Its collection contained paintings, icons, weapons, and documents connected with the history of the Russian wars.

However, after the outbreak of the war with Germany in 1914, it was decided to create a museum of the current war, exhibiting the portraits of St. George's cavaliers and the trophies delivered from the battlefields. In 1916 the most valuable trophies of the ongoing war were transferred from *the Artillery Historical Museum* to *the War Chamber*. They were put in the courtyard. A downed German plane Albatross was displayed near the museum. In 1917 the museum received a new name: *the People's Museum of the 1914–1917 War*. But a year later, it was closed. The exhibits of *the War Chamber* were moved to other museums and storages or destroyed.

The War Chamber had not been used for its intended purpose before 2009. It had housed a literature club, hostels, and restoration workshops.

In 2010–2011 a project was developed to restore and adapt the building to the museum needs. In 2011–2013 the building of *the War Chamber* was restored (Resstroj 2013). *The Museum-Reserve Tsarskoe Selo* housed *the Museum of the History of World War I in the War Chamber* which was opened on August 4, 2014.

The museum is located near St. Petersburg on the territory of Tsarskoe Selo. In 1914 a museum of the Great War was planned to be opened in this building, so the return of the museum to these walls can be considered a historical justice.

The exposition is based mainly on outstanding weapons and everyday items of the WWI's participants, documents and photographic materials from the collection of *the Museum-Reserve Tsarskoye Selo*. Among the exhibits are the entire line of machine guns of that time, uniforms from different countries, awards, personal belongings of those who fought in the Great War, as well as weapons. The core of the exposition is an exact copy of the *French Nieuport-17*. Among the exhibits is an authentic *Ford* car.

Museum Russia in the Great War was and still is the only museum in Russia dedicated to World War I. It has a great symbolic value for both the professionals (historians and cultural workers) and for amateurs as it is a useful educational platform. It can be called one of the most obvious *sites of memory* of World War I in Russia. This particular museum, being opened in 2014, can become the flagship in the process of reviving WWI's memory.

Various events related to World War I are currently being held on the territory of the museum. These are exhibitions, public lectures, presentations, etc. (Man'kov 2019). More than a century has passed after the end of the war and the museum remains the main operating platform for studying the history of WWI.

Thus, although the historical memory and awareness of World War I remain rather weak in Russia even after the centenary, we can talk about the availability of some *sites of memory*. According to the ideas of Pierre Nora they are: battles, places, monuments, and people.

This work is devoted to three *sites of memory* in three aspects: material, symbolic, functional. All the memorial places correspond to these aspects according to various factors. Therefore, we can state that the Attack of the Dead (defense of the Osowiec fortress), General Brusilov, and the *Museum Russia in the Great War* can be considered as *sites of memory* of WWI in Russia.

References

1. “100-letie Okonchaniya Pervoj Mirovoj Vojny”. November 20, 2018. FOM. URL: [link](#).
2. Gorskij, Vladimir Viktorovich. 2015. “Byla li Zabyta v SSSR Zabytaya Vojna? K Voprosu o Vstraivanii Istoricheskoy Pamyati o I Mirovoj

- Vojne v Novyj Ideologicheskij Concept.” In *Klyuchevskie chteniya – 2014. Rossiya i Russkij mir pered licom global'nyh ugroz: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii. Sbornik nauchnyh trudov*: 266–271. Moskva: Sputnik+.
3. “Kak Pohoronili Generala Brusilova”. 1926. *Vozrozhdenie*, no. 297. URL: [link](#).
  4. Khmelkov, Sergej Aleksandrovich. 1939. *Bor'ba za Osovec*. Moskva: Voenizdat NKO SSSR.
  5. Man'kov, S.A. 2019. “Vystavochnye Proekty Muzeya Rossiya v Velikoj Vojne 2014-2018 gg.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 4 (41): 75–82. Saint-Petersburg.
  6. Nagornaya, Oksana Sergeevna. n.d. “Centenary (Russia)”. *1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War*, edited by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson. Berlin: Freie Universität. URL: [link](#).
  7. *Les Lieux de memoire*. 1986–1993, edited by Pierre Nora. Paris: Gallimard.
  8. Nora, Pierre. 1999. *Frantsiya-pamyat'*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
  9. Nora, Pierre. 2005. “Vsemirnoye Torzhestvo Pamyati.” *Neprikosnovennyj zapas*, no. 2. URL: [link](#).
  10. “Obraz Pervoj mirovoj.” July, 31, 2014. FOM. URL: [link](#).
  11. Petrone, K. 2011. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington: Indiana University Press.
  12. “Putin Obvinil Bol'shevnikov v Nacional'nom Predatel'stve.” June 27, 2012. IZ. URL: [link](#).
  13. Resstroj. 2013. “Muzej Zabytoj Velikoj Vojny.” *Vestnik. Zodchij. 21 vek*, no. 2 (47).
  14. Safronova, T.M. 2019. *Istoricheskaya Pamyat'. Vvedenie*. Spb.: Evropejskij universitet v S.-Peterburge.
  15. Senyavskaya, E.S. 2009. “Istoricheskaya Pamyat' o Pervoj Mirovoj Vojne: Osobennosti Formirovaniya v Rossii i na Zapade.” *Vestnik MGIMO Universiteta*, no. 2 (5). URL: [link](#).
  16. Tai, Hue-Tam Ho. June 01, 2001. “Remembered Realms: Pierre Nora and French National Memory”. *The American Historical Review*, vol. 106, is. 3.
  17. Voronov, V. 2009. “Russkie ne Sdayutsya.” *Sovershenno sekretno: zhurnal*, no. 8.

Дарья Сергеевна Чупрасова
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет креативных индустрий,
Лаборатория медиакоммуникаций
в образовании
dariachuprasova@gmail.com

Daria Chuprasova
HSE University (Moscow),
Faculty of Creative Industries,
Laboratory of Media
communications in Education
dariachuprasova@gmail.com

СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАМЯТИ В РИТУАЛАХ ПУБЛИЧНЫХ ПОХОРОН В СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Георгий Никитенко
Александра Шукурлаева

УДК: 393.

Ключевые слова:
memory studies, death studies,
символическая политика,
политика памяти, ритуал похорон.

Аннотация

В статье представлены результаты кейс-стадис видео- и фото-материалов пяти советских и пяти российских публичных похорон, которые рассматриваются как ритуал «официального» включения в мир мертвых и в то же время как инструмент создания коллективной памяти о личности. Анализируются церемонии прощания с людьми из элиты — военной, политической, культурной. Взаимодействие приватной и публичной памяти изучается на примере символов, возникающих в процессе похорон. Было выяснено, что и в советских, и в российских ритуалах государство является основным агентом конструирования памяти об умершем. Однако в публичных похоронах постсоветского периода появляются новые значимые агенты — профессиональная элита и семья, а также возрождаются религиозные символы и практики.

Symbolic Construction of Memory in Public Funerary Rituals in the USSR and Modern Russia

*Georgiy Nikitenko
Alexandra Shukurlaeva*

*Keywords:
memory studies, death studies,
symbolic policy, politics of memory,
funerary ritual.*

Abstract

The article presents case study results of the video and photographic materials from five Soviet and five Russian public funerals. A public funeral is regarded as a ritual illustrating an official inclusion of a person in the world of the dead, as well as a tool for constructing collective memory of a particular person among a wide range of people. Farewell ceremonies that are devoted to the people from the Russian military, political, and cultural elite are analyzed in the paper. The interaction of private and public memories are studied using the symbols that occur during a public funeral. The analysis reveals that in both Soviet and Russian rituals the state is the main agent responsible for constructing collective memory of the deceased. However, new significant agents have appeared in the Russian public funerals, such as a professional elite and family, as well as religious symbols and rituals have revived.

Связь смерти и памяти предстает очевидной и в то же время недостаточно изученной. Она четко просматривается в советской культуре, где культ вождя и нарратив героической смерти сделали ритуал похорон способом проявления политической власти. В современной России фактор советского наследия в виде идеологизации смерти может играть двоякую роль: с одной стороны, традиции и церемониал могли закрепиться, с другой — новое государство может намеренно стремиться разорвать связь с отношением к смерти в СССР. Любой ритуал, в том числе и похороны, можно рассматривать как проявление коллективных представлений [Герц 2019]. Однако в этой теоретической рамке есть малоизученный инструментальный аспект: с помощью чего во время церемоний проявляются коллективные представления? На этот вопрос наше исследование пытается дать ответ на основе анализа похорон советских и современных российских общественных деятелей.

Дело в том, что **смерть одновременно и вытесняет человека в мир мертвых, и обладает интегрирующей функцией: так, коллективная реакция на смерть выражается в том числе в формировании памяти об ушедшей персоне. Существенная разница возникает между похоронами частными и публичными: конструирование памяти об известном человеке происходит с участием нескольких акторов, которые создают общий нарратив, транслируемый через СМИ не только для людей, непосредственно знакомых с покойным, но и для широкой аудитории, которая могла и вовсе не знать о его деятельности.**

В нашем исследовании используется теоретический материал по антропологии ритуала похорон, *memory studies* и теории символической политики. Отдельное место занимает материал о прощальных церемониях в СССР, которые являются непосредственным предметом нашего анализа. Как мы выяснили, некоторые из советских традиций сохраняются и оказывают влияние на ритуальные практики в современной России. В работе проводится анализ 10 кейсов советских и российских публичных похорон, по 5 соответственно.

Смерть между приватностью и публичностью

Парадоксальность смерти заключается в том, что она одновременно и принадлежит к области социального, и существует как личное, приватное переживание. В современном обществе большую часть времени смерть оказывается вытесненной из повседневности — это одна из табуированных в публичном пространстве тем [Бодрийяр 2000: 233–234]. Однако случаются ситуации, в которых ее

невозможно игнорировать, например, когда умирает персоне, о которой знает огромное количество людей. Это может быть известный артист, политик или глава государства. Как правило, в этих случаях устраиваются публичные похороны. В рамках антропологического подхода ритуал прощания, начиная с А. ван Геннепа, определяется как часть обряда перехода, связанного со смертью. В результате этого обряда, состоящего из нескольких стадий, из статуса «живого» человек переходит в «мир мертвых» [ван Геннеп 1999: 134–150]. От социального положения человека зависит интенсивность коллективной реакции на его уход, сила «страха перед трупом» [Герц 2019: 153–154] и то, как проходит сам ритуал похорон [ван Геннеп 1999: 134]. Как показывают эмпирические исследования, чем престижнее статус персоны, тем проработаннее становятся похоронные практики [Carr 1995: 176].

Поскольку наш анализ сфокусирован именно на похоронах публичных персон, необходимо прояснить теоретическую значимость объекта, который был выбран для изучения. В *media studies* известные личности рассматриваются как исторические селебрити. Знаменитости существуют не только в сфере развлечений, более широкая интерпретация этого концепта позволяет считать, что селебрити — это в целом «те, кто не нуждаются в представлении» [Mills 1956: 72]. Этот статус связан с определенным количеством символического капитала и престижа, а также с узнаваемостью персоны. Известные личности предстают одновременно эмоционально близкими и социально недостижимыми [Rojek 2001]. В нашем исследовании мы определяем публичные похороны как общественное событие, связанное со смертью селебрити и вовлекающее широкие массы людей (непосредственно или через СМИ). Это ритуал, потенциально включающий в себя такие практики как прощание, отпевание, погребение.

Вслед за Э. Канторовичем, полагавшим, что в результате смерти короля происходит разделение его биологического и политического тела, мы будем считать похороны известных личностей ритуалом отделения их публичного тела (политического, социального) от физического [Канторович 2015: 81]. Если физическое тело умирает до похорон, то в процессе церемонии человек «уходит» символически, а сам ритуал становится частью коллективной памяти о нем. Персона помещается в общий исторический нарратив, и отношение к ней становится пространством работы политики памяти — «деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом» [Малинова 2018: 33]. Мемориализация известных деятелей, их сохранение в памяти сообщества как исторических и культурных селебрити, дела-

ет прошлое актуальным. Память о знаменитости, будь то президент или писатель, конструируется разными способами: это могут быть как индивидуальные воспоминания, так и репрезентация в медиа или учебниках истории.

Символы и ритуалы в конструировании коллективной памяти

При разговоре о памяти группы невозможно обойти стороной вопрос об определении этого понятия. Рассматриваемые церемонии похорон мы будем считать пространством действия коллективной и политической памяти, употребляя эти термины как синонимы, так как коллективом в данном случае являются участники политического сообщества — граждане государства. Более того, устойчивость и долговременность коллективной памяти, согласно А. Ассман, сохраняется именно благодаря существованию политического сообщества — «носителя памяти» [Ассман 2019: 223]. Основными механизмами конструирования коллективной памяти выступают ритуалы и символы.

Ю. Лотман, основоположник такого направления исследований, как семиотика культуры, подчеркивает надындивидуальный характер ритуала и видит в нем «механизм приобщения индивида к групповой памяти» [Лотман 2000: 648]. Как отмечает Ассман, одна из функций ритуала — коммеморативная: именно во время публичных церемоний «история становится памятью» [Ассман 2014: 225]. Похоронные практики, в особенности государственные, формируют политическую память об умершей персоне [Ассман 2014: 214]. Осуществление прощания с известным человеком в форме публичного действия, безусловно, говорит о его символической значимости.

Помимо ритуалов, коллективная память создается и с помощью символов, которые служат для обеспечения «императивной общности воспоминаний»: прошлое предстает целостным нарративом, на основании которого различные сообщества и институции конструируют собственную идентичность [Ассман 2014: 32].

Существует бесчисленное множество определений символа, в нашей работе мы остановимся на интерпретации Ч. Пирса. Исследователь выделил три вида знаков — иконы, индексы и символы. Иконические знаки основаны на подобии означаемого и означающего, знаки-индексы указывают на какое-то реальное событие, а символические отсылают к идее, связанной со словом или вещью, но сами по себе не идентифицируют их [Пирс 2000: 216]. Мы будем говорить

о символах, которые присутствуют в процессах публичных похорон, как о знаках, отражающих один из аспектов реальности — политический, социальный, культурный.

Именно символы наделяют опыт коммуникативным смыслом и делают его понятным для сообщества, встраивают его в реальность будущую и настоящую, таким образом становясь подспорьем исторической памяти. Единицы культурного опыта интерпретируются в отношении друг с другом, создавая, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «символический универсум» — результат интеграции социально объективных и субъективных значений, легитимизирующих институциональный порядок. Он позволяет упорядочить различные ступени биографии: каждый этап жизни человека, в том числе и смерть, связан с символами, которые соотносятся со всеми прочими накопленными членами общества значениями [Бергер, Лукман 1995: 46–47].

Символ никогда не находится в одном культурном слое, он пронизывает их «по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [Лотман 1992: 191]. Он вбирает в себя новый опыт, что позволяет ему меняться самому и влиять на окружающую реальность [Лотман 1992: 191–192]. Именно это свойство символов наиболее значимо при изучении их взаимосвязи с коллективной памятью.

Символизм публичных похорон

Публичные похороны можно рассматривать как проявление «символической власти» [Бурдьё 2007: 95]. Символы играют важную роль в политической коммуникации, поскольку легитимируют существующий режим и обеспечивают людей средствами для идентификации с ним [Поцелуев 2012: 23]. Символическая политика будет рассматриваться нами как действие политических акторов, осуществляемое в публичном поле [Малинова 2018: 31], где субъектом становится нация. Это действие, в свою очередь, направлено на создание или поддержание национальной идентичности.

Довольно очевидно, что государственные праздники включают в себя элементы символической политики. Такими же предстают и официальные траурные мероприятия. Рассматривая проявления символической политики в публичных похоронных церемониях, мы сможем установить, как ритуал становится местом конструирования политической памяти.

Феномен публичных церемоний прощания широко распространен. Во многих странах существует официальный протокол, то есть

особый набор инструкций по проведению подобных мероприятий: например, строго регламентированы обряды прощания с членами королевской семьи в Великобритании и президентами США. Стоит отметить, что протоколы обычно применяются во время похорон именно глав государств, а не любых общественных и политических деятелей. Если говорить об этой практике в современном российском контексте, то существует официально закрепленный устав о порядке проведения военных похорон, а в случае смерти государственных деятелей президент издает указ об организации официальной церемонии прощания.

В СССР ритуал похорон обладал выраженным идеологическим значением: танатологический дискурс использовался для стабилизации режима посредством создания «советского канона смерти» [Малышева 2016: 29–30]. Некросимволизм рассматривается Малышевой как проявление двух тенденций. Во-первых, рационализации и героизации смерти, и во-вторых, культа павших «борцов» и «вождей». Первая тенденция рассматривалась большевиками как инструмент строительства коммунистического строя и была продиктована идеалами секуляризации повседневной жизни, возникающей как следствие десакрализации смерти, эмоционального и поведенческого дистанцирования от умершего. Так, например, обряд кремации являлся воплощением «нового быта» и утилитаристского подхода к смерти в связи с минимизацией сопутствующих погребальных ритуалов. Вторая тенденция выражалась в шествиях к братским могилам и масштабным захоронениям членов политической элиты, она служила связью между поколениями революционеров [Малышева 2016: 32], что представляет особый интерес для нашей статьи.

Илл. 1. Похороны
Л. Брежнева
[Дятлов. 2015].

Публичные похороны в СССР и России: анализ кейсов

Для изучения символов, используемых во время публичных похорон, мы разделили их на группы, которые соответствуют основным социальным сферам или институтам. На основании теории о социальной структуре Т. Парсонса можно выделить следующие сферы общества: политическая, социальная и культурная [Парсонс 2008: 49]. Перед анализом мы выделили подгруппы символов, встречающихся в ритуале публичных похорон, в соответствии с социальными сферами, к которым они принадлежат (табл. 1).

Сфера общества	Подгруппа
Политическая	Государственные символы
Социальная	Семейные символы
	Символы профессионального статуса
	Символы социального статуса
Культурная	Символы ритуала похорон
	Религиозные символы

Табл. 1. Группы символов.

Изучение символов в исследовании осуществляется с помощью качественного анализа кейсов — церемоний прощания с определенными общественными деятелями. Похороны являются событием, поэтому хронологические и пространственные границы кейса достаточно четко определены. Всего было проанализировано 10 примеров (табл. 2).

Страна	Кейс	Сфера деятельности
СССР	В. Ленин (21.01.1924)	Политическая
	М. Горький (18.06.1936)	Культурная
	И. Сталин (05.03.1953)	Политическая
	Ю. Гагарин и В. Серагин (27.03.1968)	Военная
	Л. Брежнев (10.11.1982)	Политическая

РФ	Б. Ельцин (23.04.2007)	Политическая
	О. Табаков (12.03.2018)	Культурная
	И. Кобзон (30.08.2018)	Культурная
	Ю. Лужков (10.12.2019)	Политическая
	Д. Язов (25.02.2020)	Военная

Табл. 2. Сферы деятельности персон.

Выбор сфер деятельности знаменитых личностей основан на желании сохранить баланс между политическими (государственными) селебрити, военной элитой, которая занимает важное положение как в публичном, так и в идеологическом пространстве, а также известными людьми из культурной сферы.

Кейсы рассматривались с помощью визуального анализа, в основе которого лежал семиотический подход — образы, запечатленные на фотографиях, кодировались как знаки, в которых заключены определенные культурные значения. Подобный подход позволил выявить знаки, используемые во время церемонии и наделенные символическим значением. Во всех кейсах основным материалом стали фотографии, сделанные во время церемоний для публикации в СМИ, однако ввиду специфики некоторых похорон привлекались также дополнительные ресурсы с описаниями процессов. Вторым по распространенности источником материалов стали новостные видеорепортажи (в особенности о позднесоветских и российских деятелях), находящиеся в открытом доступе. Специфическими источниками стали описание церемонии похорон В. Ленина, составленное С. Малышевой [Малышева. 2019], и документальный фильм «Прощание со Сталиным» [Прощание со Сталиным. 2019].

Следует отметить, что фотография и ритуал похорон были связаны с самого момента появления первой — фотографирование и видеосъемка церемонии были популярны уже на рубеже XIX и XX веков. О. Бойцова, однако, отмечает особую связь между ритуалом и его документацией в современной культуре: «Современный ритуал — не только повторяющееся событие в жизни коллектива, постоянно воспроизводящее его структуру, но и веха в биографии человека, а индивидуальная биография в нашей культуре становится предметом мемориализации и рассказывания» [Бойцова 2010: 331]. Именно поэтому изучение фотографий и видеозаписей похорон позволяет лучше понять, документация каких символов представляется важной с точки зрения продолжения исторического нарратива.

Илл. 2. Похороны И. Сталина. [Прощание со Сталиным. 2019].

Анализ исследуемого материала представлял собой фиксацию символов, обнаруженных на фотографиях и видеозаписях, а затем их распределение по подгруппам. После этого кейсы сравнивались друг с другом. Выводы делались как общие по всем символам, так и по подгруппам. Для наглядности мы представим таблицу, в которой можно наблюдать общие и уникальные символы, встреченные нами при анализе публичных похорон в СССР и России соответственно (табл. 3). В приложении № 1 представлен подробный разбор похорон Б. Ельцина.

Сфера общества	Группа символов	Советские		Российские	
		Общие	Уникальные	Общие	Уникальные
Политическая	Государственные	Использование государственного флага СССР Гроб / урну несли важные партийные лица Красные флаги и ленты с черной оторочкой Траурный марш у Кремлевской стены Ордена перед гробом (за исключением)	Над Кремлем подняли спущенный после смерти Государственный флаг СССР, у людей знамена с наконечниками в виде серпа и молота (И. Сталин) Захоронение у Кремлевской стены вопреки желанию покойного быть похороненным на Новодевичьем кладбище	Использование государственного триколора на венках Использование государственного флага Участие военных в процессии и использование военной атрибутики Присутствие президента Присутствие других	Исполнение государственного гимна (Б. Ельцин)

		М. Горького) Венки от руководства государства	рядом с сыном (М. Горький)	значимых политиков	
Социальная	Семейные	Родственники присутствовали на прощании вместе с партийной элитой Члены семьи находились у гроба	Семья бросила горсть земли в могилу (Л. Брежнев)	Семья находилась ближе всего к гробу, т.к. члены семьи первые выполняли похоронные обряды Остальные присутствовавшие уделяли отдельное внимание семье (президент всегда общался с вдовами)	Флаг России, лежавший в гробу, отдали жене (Б. Ельцин) Объемная цветочная композиция «ДЕДУЛЕ» стояла перед гробом (И. Кобзон)
	Профессионального статуса	Торжественные речи о значимости профессиональной деятельности	Плакаты людей с указанием на революционную деятельность (В. Ленин) У гроба также присутствовали писатели (М. Горький). Мундир с генеральскими петлицами, погоны Генералиссимуса, гроб ехал на орудийном лафете, на гробу фуражка (И. Сталин) Военная символика, артиллерийский залп, лафет, отряды военных (Ю. Гагарин и В. Серегин)	Место проведения прощания было связано со сферой деятельности Присутствие коллег, активное участие в прощании	На отпевании Б. Ельцина поминали как «первого президента России Бориса Николаевича»
	Социального статуса	Траурный митинг на Красной площади	Был похоронен в специально построенном на Красной площади мавзолее	Большое количество посторонних у места проведения прощания	В России был объявлен день траура (Б. Ельцин)

		<p>Демонстрация наград</p> <p>Место захоронения – Красная площадь</p> <p>Присутствие иностранцев</p>	<p>(В. Ленин, вместе с ним, на 8 лет позднее – И. Сталин)</p> <p>Прощание с телом было организовано в колонном зале Дома Союзов (В. Ленин, И. Сталин, Л. Брежнев)</p>	<p>Наличие физических и символических разграничений между «близким кругом» и посторонними</p> <p>Демонстрация наград покойного</p> <p>В речах говорили о значимости деятельности умершего и его личных качествах</p> <p>Места захоронения – Новодевичье и Ваганьковское кладбища</p>	<p>Прямая трансляция похорон на федеральных каналах (Б. Ельцин)</p> <p>Демонстрация отпевания на экране рядом со храмом Христа Спасителя (Ю. Лужков)</p>
Культурная	Символы ритуала похорон	<p>Цветы вдоль Кремлевской стены</p> <p>Траурные повязки и венки</p> <p>Черно-белые портреты</p>	Отсутствуют	<p>Использование черного цвета для обозначения траура</p> <p>Черно-белые фотографии покойного</p> <p>Обилие цветов и венков</p>	Отсутствуют
	Религиозные	Атеистические похороны	Отсутствуют	<p>Проведение обряда отпевания</p> <p>Присутствие религиозных атрибутов</p>	<p>Полный обряд православных похорон (Б. Ельцин)</p> <p>Отпевание проводил патриарх Кирилл (Ю. Лужков)</p>

Табл. 3. Результаты анализа кейсов.

Преемственность и различие символов публичных похорон в СССР и России

Сравнение используемых символов происходило по оси «СССР — Россия», что позволило выявить преемственность, а также увидеть новые группы и конкретные символы, которые не использовались в советских похоронах, но приобретают важное место в современном контексте.

Несмотря на кажущееся эмпирическое разнообразие используемых символов, есть некоторый канон или «базовый набор», который всегда присутствует на публичных похоронах. В этом и состоит символическая преемственность между советскими и российскими церемониями. Группа культурных символов непосредственно самих похорон (венки, гроб, портреты, черный цвет) сохраняется почти полностью. Еще одним «общим местом» является доминирующая роль государства в символическом пространстве ритуала, которая лейтмотивом проходит через сам обряд, объекты, находящиеся в месте проведения, а также проявляется в составе людей, присутствующих на церемонии. Она проявляется в обязательном присутствии политической элиты на церемониях, манифестируется с помощью официальной символики (государственный флаг, знамя ЦК РКП(б)) и демонстрации государственных наград — орденов и медалей. При этом наблюдается проникновение государственных атрибутов в другие группы символов: ленты с триколором на похоронных венках свидетельствуют о смешении государственных символов с символами ритуала похорон. Остается также практика демонстрации социального статуса умершего путем проведения церемонии в символически значимом месте, к примеру, в Доме Союзов или в храме Христа Спасителя, а также практика захоронения в специальном «элитном» месте — в Кремлевской стене или на Новодевичьем кладбище. Однако, несмотря на наличие определенной преемственности, символическое пространство и символы, используемые во время похорон, подверглись разнообразным изменениям.

Важным процессуальным отличием является вытеснение публики из физического пространства похорон. Советские церемонии были подчеркнута общественным, публичным действием, и апогеем этого стало прощание с И. Сталиным, в котором принимало участие огромное количество людей. Современный же ритуал проходит в закрытом от широкой публики пространстве с участием узкого круга и трансляцией церемонии в медиа — обычные зрители остаются в прямом смысле за дверями. С этой точки зрения кейс похорон Ельцина является показательно переходным: на них проводилось

Илл. 3. Церемония прощания с И. Кобзоном [Иосиф Кобзон... 2018].

публичное прощание, однако в более поздних рассмотренных случаях этот обряд был ограничен.

Основным изменением стало появление семейных и религиозных символов в ритуале публичных похорон в современной России. Первые проявляются как в присутствии и более активном участии членов семьи в обрядах, так и в объективном выражении «семейственности» умершего, примером чего может служить цветочная композиция «ДЕДУЛЕ» рядом с гробом на похоронах И. Кобзона. Однако государство проникает и в эту группу символов: В. Путин при посещении похорон всегда проводит определенное время с семьей покойного, чему уделяется особое внимание со стороны СМИ. Этот пример интересен тем, что государственные деятели в таком случае становятся не основными организаторами похорон, а лишь одними из присутствующих и соболезнующих родным.

Религиозные символы особенно интенсивно используются во время похорон политических деятелей в современной России. Так, вновь появляются обряд отпевания в храме, кресты, иконы. Это изменение (в сравнение с полным отсутствием религиозных символов в СССР) демонстрирует разрыв с атеистическим советским прошлым и возникновение новой идентичности и политического нарратива.

Явное различие наблюдается в церемониях прощания с культурными деятелями в СССР и России. Несмотря на присутствие на похоронах М. Горького символов его профессиональной деятельности и нарочитое конструирование его образа как «советского писателя» (ключевое слово — «советский»), они были сугубо государственным событием и не сильно отличались от других подобных мероприятий, что отразилось также и на символическом пространстве церемонии. Современное же прощание с О. Табаковым представляло собой

Илл. 4. Актеры
на прощании
с О. Табаковым
[Леоничева. 2018].

кейс ярко выраженной профессиональной идентичности и групповой солидарности актеров, которые символически вытесняют других актеров: церемония прощания проходила в театре, рядом с телом были выставлены награды за профессиональные достижения, коллеги читали речи, также использовались видео и фотографии, демонстрирующие самые известные роли Табакова.

Таким образом, преемственность между прощальными церемониями в СССР и современной России сохраняется лишь частично. Доминирование государства как основного агента конструирования символического пространства и, следовательно, коллективной памяти об известном человеке, остается центральным элементом публичных похорон. Ритуал становится полем реализации государственной политики памяти. Однако с монополией власти на похоронах в России начинают конкурировать религиозные и семейные символы. Эта тенденция в целом соотносится с наличием культурного (в самом широком смысле) плюрализма в обществе, в рамках которого публичная личность мыслится в нескольких социальных измерениях. Из этого вытекает то разнообразие символов, которые присутствуют на публичных похоронах в современной России.

Нам кажется перспективным развитие темы исследования в нескольких направлениях. Во-первых, можно сузить выбор кейсов до людей из одной социальной сферы. Анализ похорон значимых деятелей культуры показывает, что профессиональная идентичность и сообщество могут оказывать большое влияние на то, как формируется коллективная память об известном человеке. Во-вторых, важно изучать современные церемонии прощания с опорой на теорию

о публичном пространстве и медиа, так как технологии массового распространения информации привносят в ритуалы и процесс конструирования коллективной памяти совершенно новые аспекты.

Список источников

1. [Прощание со Сталиным. 2019] — Прощание со Сталиным. Фильм. Реж. *С. Лозница*, Atoms & Void, 2019.
2. [Дятлов. 2015] — *Дятлов А.* Как хоронили Брежнева // Комсомольская правда. 10.11.2015. URL: [link](#) (дата обращения: 20.09.2022).
3. [Иосиф Кобзон... 2018] — Иосиф Кобзон похоронен на Востряковском кладбище в Москве // Аргументы и факты. 02.09.2018. URL: [link](#) (дата обращения: 20.09.2022).
4. [Леоничева. 2018] — *Леоничева Н.* Убитый горем сын Табакова разрыдался на груди Смахова // Дни.ру. 15.03.2018. URL: [link](#) (дата обращения: 20.09.2022).
5. [Мальшева. 2019] — *Мальшева С.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 464.

Список литературы

1. [Ассман 2014] — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. [Ассман 2019] — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. [Бергер, Лукман 1995] — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. [Бодрийяр 2000] — *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. [Бойцова 2010] — *Бойцова О.* «Не смотри на них, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 327–352.
6. [Бурдьё 2007] — *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М., СПб., 2007. 288 с.
7. [ван Геннеп 1999] — *ван Геннеп А.* Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

8. [Герц 2019] — *Герц Р.* Смерть и правая рука. М.: ARS Press, 2019. 264 с.
9. [Канторович 2015] — *Канторович Э.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 752 с.
10. [Лотман 1992] — *Лотман Ю.М.* // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 191–199.
11. [Лотман 2000] — *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.
12. [Малинова 2018] — *Малинова О.Ю.* Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М., СПб: Нестор История, 2018. С. 27–53.
13. [Малышева 2016] — *Малышева С.* Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 24–46.
14. [Парсонс 2008] — *Парсонс Т.* Социальные системы // Вопросы социальной теории: Научный альманах / под ред. Ю.М. Резника. М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 38–71.
15. [Пирс 2000] — *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Ред. Л. Макеева и др. М.: Логос, 2000. 448 с.
16. [Поцелуев 2012] — *Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Ред. О.Ю. Малинова. М.: РАН. ИНИОН, 2012. С. 17–53.
17. [Carr 1995] — *Carr C.* Mortuary Practices: Their Social, Philosophical-Religious, Circumstantial, and Physical Determinants // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1995. Vol. 2, no. 2. P. 105–200.
18. [Mills 1956] — *Mills C.W.* The Power Elite. New York: Oxford University Press, 1956. 423 pp.
19. [Rojek 2001] — *Rojek C.* Celebrity. London: Reaktion Press, 2001. 208 pp.

Похороны Б. Ельцина

Сфера	Группа символов	Символ
Политическая	Государственные	На отпевании присутствуют военнослужащие первой роты президентского полка
		Флаг России у ног покойного
		Рядом с гробом стенд с наградами
		Флаги России на венках
		Гроб с телом ехал на кладбище на лафете
		По бокам от гроба шли капитаны и майоры десантных войск
		Спуск гроба в могилу сопровождался артиллерийским салютом
		Военный оркестр исполнил гимн РФ
		На похороны приехала делегация Правительства Москвы, губернаторы российских регионов
		Присутствие значимых российских политиков
Социальная	Семейные	Флаг России, лежавший у ног покойника, отдали жене
		Семья первая бросила горсть земли на могилу
		В конце похорон родственники остались наедине с могилой
		Люди, в том числе чиновники, подходили к жене (Наине Иосифовне), дочерям и внукам Бориса Николаевича, чтобы выразить свои соболезнования

	Профессионального статуса	На похоронах присутствовали коллеги — другие политики
		На отпевании Ельцина поминали как «первого президента России Бориса Николаевича»
		Поминки проходили в Кремле, В. Путин произнес речь
	Социального статуса	В России был объявлен день траура
		Церемония транслировалась в прямом эфире основными российскими каналами
		Публичное прощание, участие в котором приняли около 12 тыс. человек
		Место захоронения — Новодевичье кладбище
Культурная	Символы ритуала похорон	Цветы вокруг гроба, открытый гроб, венки позади гроба
	Религиозные	Обряд отпевания и прощание проходило в Храме Христа Спасителя
		Перед гробом стояли икона и кадило
		Похороны государственного деятеля такого масштаба проходили по православной традиции впервые за более чем 90 лет
		Акцент на религиозность первого президента
	При захоронении митрополит положил на голову Ельцина венчик (православная лента)	

Георгий Константинович
Никитенко
Университет Амстердама,
ОП «Социология»
nikitenko_georgiy@mail.ru

Georgiy Nikitenko
University of Amsterdam,
BA programme in Sociology
nikitenko_georgiy@mail.ru

Александра Артуровна
Шукурлаева
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет социальных наук,
ОП «Социология»
aleksandrashukur@gmail.com

Alexandra Shukurlaeva
HSE University (Moscow),
Faculty of Social Sciences,
BA programme in Sociology
aleksandrashukur@gmail.com

ИЗОБРАЖЕНИЕ 1990-Х В ФИЛЬМЕ «МАША». НОСТАЛЬГИЯ?

Анастасия Паршутич

УДК: 7+77+7.01+7.05+396.

Ключевые слова:
рефлексирующая ностальгия,
1990-е, фильм «Маша»,
режиссер Анастасия Пальчикова.

Аннотация

Статья посвящена фильму «Маша», который предлагает посмотреть на 1990-е глазами девочки-подростка. Обращение режиссера Анастасии Пальчиковой к недавнему периоду российской истории встраивает ее картину в дискурс осмысления прошлого, а также является подходящим материалом для рефлексии над тем, какую роль в этом процессе играет кино. Для описания кинообраза 1990-х в статье используется термин, предложенный С. Бойм, — рефлексирующая ностальгия. Такое обращение с прошлым предполагает не желание вернуться в романтизированную эпоху юности, а подчеркивает важность размышлений: каким было прошлое и как нужно к нему относиться, чтобы не разрушить настоящее. Цель статьи — проанализировать, как образ времени создается в фильме «Маша».

The Image of the 1990s in “Masha”. Is it Nostalgia?

Anastasia Parshutich

*Keywords:
reflective nostalgia, the 1990s,
“Masha”, director Anastasia
Palchikova.*

Abstract

The article is devoted to the movie *Masha*, which allows us to look at the 1990s from a teenage girl’s point of view. A reflection of the recent period in the Russian history integrates this movie into the discourse of the comprehensive past, as well as determines the role of the cinematography in this process. We use the term proposed by Svetlana Boym to describe the cinema image of the 1990s – *reflective nostalgia*. Such a concept implies not a desire to return the romanticised past, but a meditation on what happened and how to treat it not ruining the present. The objective of the article is to analyse the image of the time created in the movie.

В современном российском кино всё чаще возвращаются к эпохе девяностых. Молодые режиссеры размышляют о времени, когда они были детьми или подростками, и делают это успешно, привлекая внимание критиков и жюри кинофестивалей¹. В статье речь пойдет о дебютном фильме Анастасии Пальчиковой «Маша», показанном на «Кинотавре» в 2020 году и вышедшем в прокат 1 апреля 2021 года. С одной стороны, картина подчеркивает актуальность темы, а с другой — предлагает новую перспективу (женский и детский взгляд).

Как отметила политолог Ольга Малинова в лекции, прочитанной в Ельцин-центре, внимание к этому периоду в публичном дискурсе связано со взрослением второго поколения (тех, кто в девяностые были детьми), с потребностью отрефлексировать произошедшее и выработать язык, позволяющий говорить о нем². В статье «“По(с)ле чудес”, или Пережившим 1990-е посвящается» К. Оливьери перечисляет существующие проекты, музеи, инициативы³, посвященные этой теме. Впрочем, рефлексия не всегда является их задачей: часто обозначенный период — бренд, способствующий успешной коммерциализации отдельных практик и (или) предметов повседневности. Обозначив эту установку на обращение к недавнему прошлому российской истории, опишем ее социокультурный и политический контекст.

Переходный этап, во время которого существенно изменились политическая система и общественное устройство, начинается с распада СССР и избрания Б.Н. Ельцина президентом России (1991), а завершается его добровольной отставкой (31 декабря 1999 года). Ссылаясь на проводимые тогда социологические исследования, Малинова пишет, что современники по-разному оценивали происходившее [Малинова 2019: 92–93]. С одной стороны, проводились экономические реформы, создавались демократические институты, провозглашались политические свободы. С другой стороны, нельзя не отметить возникновение преступных группировок, устанавливавших свою власть в городах, и бездействие слабых государственных органов, которые не могли обеспечить безопасность. Противо-

1. Фильмы о 90-х: «Теснота» (реж. Кантемир Балагов, 2017), «Нашла коса на камень» (реж. Аня Крайс, 2017), «Хрусталь» (реж. Дарья Жук, 2018), «Печень» (реж. Иван Снежкин, 2019), «Бык» (реж. Борис Акопов, 2019) [Оливьери 2020: 57].

2. Лекция О.Ю. Малиновой «Политическое использование памяти о “лихих девяностых” в России» была прочитана 12.12.2019 в Президентском центре Бориса Ельцина в Екатеринбурге в рамках курса «Высшая лига». URL: [link](#) (17.05.2021).

3. Напр.: Музей современной истории России (Москва), Ельцин-центр (Екатеринбург), портал «Открытый университет», фестиваль «Остров 90-х» [Оливьери 2020: 58–63].

речивость суждений объясняется тем, что у людей был разный опыт. Однако исследователи указывают на то, что после ухода Ельцина в официальном и публичном дискурсе был сформирован негативный образ девяностых как времени беспредела и беззакония [Левинсон 2007: 492–496]. По мнению Алексея Левинсона,

«...1990-е подверглись не только гомогенизации, перекрашиванию в один цвет, но и ревизии. Мнение о том, что это было десятилетие исторического прорыва, изменившего к лучшему судьбы чуть ли не половины человечества, исчезло из обихода. Выдвинута прямо противоположная оценка тех же событий как катастрофы XX века» [Левинсон 2007: 503].

Применительно к 1990-м доминирующим становится эпитет «лихие» [Малинова 2018]. Лингвистические исследования Национального корпуса русского языка фиксируют более частотное употребление этого определения в 2000–2013 годы [Бонч-Осмоловская 2018: 131]. В результате сопоставления с другими возможными характеристиками периода 1990-х, а также наименованиями 2000-х, филолог Анастасия Бонч-Осмоловская приходит к выводу, что

«...словосочетание *лихие девяностые* [курсив здесь и далее — автора] входит в язык достаточно недавно, с одной стороны, вытесняя более образные и эмоционально нагруженные прилагательные оценки (*кровавые, злополучные, дурные*), но, с другой стороны, и «регламентируя» основной способ отсылки к этому десятилетию. <...> ...вместо актуализации памяти с помощью семантически нагруженного прилагательного она [конструкция — прим. А.П.] подменяет собой коллективную память, предлагая уже готовую языковую модель. Интересно, что в газетном корпусе обнаруживается и отсутствующая в основном корпусе конструкция с нулевыми (т.е. 2000-ми) годами — *сытные нулевые, стабильные нулевые, тучные нулевые*, возникающая в 2011 г. и, как правило, используемая в качестве антитезы к *лихим девяностым*» [Бонч-Осмоловская 2018: 131–132].

Анализируя бинарную оппозицию «девяностых» и «нулевых» в политической риторике [Малинова 2019], [Малинова 2020], Ольга Малинова отмечает, что

«...память о начальном периоде постсоветского транзита играет заметную роль в легитимации правящего режима и проводимой им политики, формирования идентичностей современных политических сил и отношения граждан к идее дальнейших реформ в современной России» [Малинова 2019: 91].

Таким образом, эти годы оказываются не только временем, с которым у людей связаны личные истории и переживания, но и конструктом, который служит для объяснения тех или иных решений действующей власти. В формировании же культурной памяти⁴ об исторических событиях принимают участие не только официальные лица и институции, но и различные виды искусства, в том числе кино. Режиссеры обращаются к образу «лихих девяностых» — или подтверждая его, или предлагая альтернативный взгляд.

Анализ изображения этого периода в фильме «Маша» неразрывно связан с тем, в каком свете прошлое представляется зрителю — негативном или позитивном. Воспроизводятся ли стереотипы или они деконструируются? Испытывает ли Анастасия Пальчикова, режиссер и сценарист картины, ностальгию по времени своего детства? В одном из интервью она так ответила на последний вопрос: «Я бы не сказала, что это ностальгия. Это более сложное состояние. У нас про 90-е осталось много непроговоренного. А время для страны важнейшее. Больное и мощное» [Николаева 2021].

Можно предположить, что режиссер понимает это чувство как «отречение от личной ответственности, безвинное возвращение на родину, этическое и эстетическое поражение» [Бойм 2019: 17]. Такое определение использует Светлана Бойм, чтобы охарактеризовать предрассудки по поводу сложного понятия ностальгии. В то же время, отталкиваясь от проблематики философии истории, разрабатываемой нидерландским философом Франклином Рудольфом Анкерсмитом [Анкерсмит 2003], Наталья Самутина настаивает на том, что эмоциональное отношение к событиям, основанное на субъективном опыте, а не на знании, оказывается альтернативной возможностью осмысления прошлого, в противоположность объективному историческому изучению [Самутина 2007: 35]. Такой подход позволяет понять произошедшее, пережив его снова. Нам кажется,

4. Культурная память — понятие, которое используется в *memory studies*. Впервые термин «коллективная память» был предложен Морисом Хальбваксом, который обращал внимание не только на индивидуальные воспоминания, но и на то, как взаимодействие внутри социальных групп влияет на память [Хальбвакс 2005]; [Хальбвакс 2007]. В книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» Алейда Ассман описывает, как в науке формировалось представление о «социальной» и «культурной» памяти. Исследовательница также предлагает теоретическое обоснование этих терминов: «Если социальная память является скоординированной памятью отдельных индивидов, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами, то коллективная и культурная память основываются на ресурсе опыта и знаний, который отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители. <...> Монументы и памятники, годовщины и ритуалы из поколения в поколение упрочивают коммеморацию за счет материальных знаков и периодичности повторений. Они дают возможность последующим поколениям, не имеющим соответствующего собственного опыта, причаститься к общему воспоминанию» [Ассман 2014: 32].

что репрезентацию девяностых в фильме «Маша» можно концептуализировать, опираясь на вышеописанное понимание ностальгии.

Анастасия Пальчикова изображает 1990-е, потому что чувствует потребность в разговоре об этой эпохе. В интервью об участии в «Кинотавре» режиссер так объясняет обращение к этому времени в истории страны:

«Нам очень нужно его осмыслить, нужно его обсудить. На это есть огромный запрос в обществе, несмотря на весь страх 90-х, а может, именно благодаря ему. Это как в жизни каждого отдельного человека — если не проговорить все страхи, не разобраться в проблемах прошлого, невозможно нормально двигаться дальше» [Николаева 2021].

Для этого режиссер и сценарист «Маши» выбирает во многом автобиографическую историю⁵ и предлагает увидеть ее глазами подростка, тринадцатилетней девочки Маши (актриса Полина Гухман). **Выбранная перспектива подчеркивает такие характерные для ностальгии черты, как обращение к личному опыту и субъективный взгляд на события, что соответствует концепции Анкерсмита.** Кинокартина не претендует на полное и всестороннее исследование эпохи, а оказывается частным и очень искренним высказыванием. Перед нами мир юной героини: радость и тревоги первой влюбленности, семейные застолья, прогулки после школы, «боксерская» секция дяди и мечта петь джаз. Розовые очки, в которых Маша появляется в кадре, могут быть восприняты как символическое обозначение точки зрения ребенка, с позиции которого рассказывается история.

Несмотря на это, зритель может заметить характерные приметы «лихих девяностых», которые для героини не имеют такого значения и окрашены преимущественно в светлые тона. Ее родной дядя оказывается не только «классным» взрослым, который, в отличие от мамы, ничего не запрещает, но и главой ОПГ по кличке Крестный (актер Максим Суханов). А друзья, мальчишки из «боксерской» секции, не только дарят подарки и защищают, но и убивают людей по его приказу. Можно выделить детали, не позволяющие поверить в безобидность большой «семьи». Во-первых, пистолеты, которые есть у каждого парня, героиня воспринимает как самый обычный предмет, почти игрушку. Во-вторых, «боксеры» считают, что сила

5. Например, Анастасия Пальчикова рассказывала такую историю из своего детства, которое пришлось на 1990-е: «Нам было лет по 12–13, когда мы сидели в садике и началась перестрелка — мы спрятались под беседку. А один из наших парней побежал ложиться под машину — и его убило шальной пулей. И мы пошли огромной толпой говорить его маме, что ее сын только что погиб. Долгое время мы жили с ощущением, что это норма, что так у всех» [Таежная 2021].

Илл. 1. Сцена из фильма «Маша» (2020).

Илл. 2. Сцена из фильма «Маша» (2020).

решает все. Это заметно в сцене, где они жестоко избивают Сережу (актер Максим Сапрыкин) за то, что он не отвечает на чувства Маши взаимностью: плачущая героиня указывает на него вместо ответа на вопрос «кто тебя обидел». Их привычка к насилию проявлена до предела, не скрывается, что они вполне могли бы убить мальчика, если бы она их не остановила. Впрочем, этот эпизод не подрывает образ заботливых членов «семьи» в глазах героини. Для нее они остаются людьми, которых она любит и которые любят ее. Понимание того, что это были бандиты и убийцы, безнравственные и безжалостные, придет к ней позже. В финале на экране появляется уже взрослая Маша (актриса Аня Чиповская), хронологическое повествование прерывается: она вырастает, и ее отношение к девяностым меняется.

Илл. 3. Сцена из фильма «Маша» (2020).

Анастасия Пальчикова в интервью «Коммерсанту» говорила, что к ней осознание пришло раньше, чем к героине фильма:

«...я помню, что однажды, когда убили сразу многих ребят, мы пришли на похороны. Я была уже чуть постарше Маши, жила своей жизнью, но ни о чем еще не задумывалась. И когда я стояла у них на могилах, я вдруг поняла, что вот эти люди на самом деле грабили, убивали и вели себя очень-очень плохо. И мне стало очень сложно и страшно, у меня не сходились эти две картинки, потому что я не могла отменить все, что было до этого. Не могла отменить своего к ним отношения, того, что они мне дарили игрушки, нянчились со мной» [Шавловский 2021].

Кажется, что весь ужас происходившего вокруг Маша понимает только тогда, когда она, уже джазовая певица, выступает на открытии концертного зала в родном городе. Во время разговора с его владельцем, Андреем (актер Александр Мизев), бывшим «боксером», она узнает подробности смерти матери (актриса Ольга Гулевич), которая погибла из-за «разборок» между Крестным и другими бандитами. Взрослая девушка осознает, что самый близкий человек, которого она долгое время считала частью «семьи», виновен в убийстве своей сестры и многих других преступлениях. Девяностые для Маши — это не только счастливая юность, но и череда страшных потерь, осмысление которых происходит спустя годы. Ни у героини фильма, ни у Анастасии Пальчиковой нет желания вернуться в то время, однако есть потребность отрефлексировать его, что позволяет считать восприятие девяностых амбивалентным.

Известно, что было снято два финала: первый (вошел в итоговый монтаж), в котором девушка перед тем, как исполнить пес-

Илл. 4. Сцена из фильма «Маша» (2020).

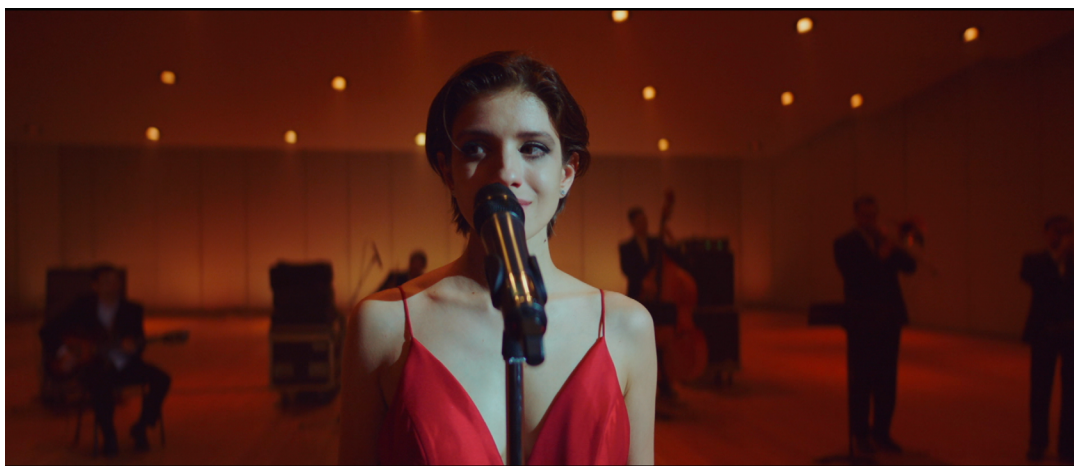
ню, стреляет в Крестного на парковке и ставит точку в отношениях с прошлым; и второй, где она говорит: «А я за тебя в детстве замуж выйти хотела», — и выбрасывает пистолет. Второй вариант правильнее, признает Анастасия Пальчикова, ведь таким образом героиня освобождается от прошлого, а не мстит ему. По ее мнению, убийство в конце показывает, что «все <...> поколение осталось там, на том же месте, и никуда не вырвалось. Никак мы не выйдем из этого круга» [Шавловский 2021].

Итоговый же вариант финала можно назвать альтернативной версией⁶ событий, которые легли в основу картины. На показе в рамках киноклуба «Диалог»⁷ режиссер поделилась, что многие ее знакомые, выросшие в это десятилетие, благодарили за выбранную концовку, в которой героиня убивает Крестного: они словно обрели возможность дать ответ своему прошлому. В пользу такой интерпретации высказалась одна из зрительниц, присутствовавшая на встрече: она призналась, что девяностые для нее — это психологическая травма⁸, которую она сейчас прорабатывает с психотерапевтом. Финал реализует ее желание отомстить и тем самым помогает ей освободиться. Но можно ли добиться этого, продолжая убивать?

6. Наталья Самутина называет «альтернативность» одним из полезных качеств ностальгического кино. У зрителя есть возможность «взглянуть на мир прошлого по-другому», представить, что могло бы быть [Самутина 2007: 30]. Так происходит в фильме «Маша».

7. Киноклуб «Диалог» — специальный проект, организованный в 2021 году киноκριтиком Марией Безрук на базе сети кинотеатров «Москино», в рамках которого показывали фильмы и проходили обсуждения с режиссерами и актерами.

8. Психологическая травма в данном случае была тесно связана с физической: зрительница рассказала, что в юности ее несколько раз насильовали.

Илл. 5. Сцена из фильма «Маша» (2020).

Илл. 6. Сцена из фильма «Маша» (2020).

На вопрос, который фильм ставит перед зрителем, каждый вправе дать свой ответ. С одной стороны, повторение насилия не позволяет избавиться от принятых тогда норм поведения: «Если не ты, то тебя», «кто сильнее, тот и прав» (эти фразы произносит Крестный). С другой стороны, для тех, кто был свидетелем или жертвой преступлений в девяностые и видел уличные перестрелки, нет однозначного ответа, как нет универсального способа справиться с психологической травмой. Одним из способов преодоления трудного прошлого, как утверждает Наталья Самутина, может быть ностальгия, так как она обладает «достаточно сильным “строительным” потенциалом, обращенным к настоящему и будущему» [Самутина 2007: 33].

Анастасия Пальчикова выстраивает диалог с эпохой своего взросления, чтобы понять, как время, когда грабили и убивали, повлияло на детей и подростков. Она частично воспроизводит устойчи-

вые образы «лихих девяностых»: «боксеры», пистолеты и убийства представлены как элементы действительности. Но кинокартина не пытается напугать зрителя, а вместо этого предлагает посмотреть на узнаваемые многими ситуации глазами девочки-подростка. Если пользоваться классификацией Светланы Бойм, можно сказать, что в фильме «Маша» представлена рефлекслирующая ностальгия, которая не претендует на достоверное описание недавнего российского прошлого, а предлагает задуматься над ним. «В лучшем случае Рефлекслирующая ностальгия может представлять собой этический и творческий вызов», — пишет исследовательница [Бойм 2019: 24]. Кажется, что «Маша» может быть рассмотрена как такой вызов. Во-первых, детский и женский взгляд на девяностые ранее не был представлен в кинематографе. Мы видели на экране «разборки», в которых детям и женщинам не было места. Во-вторых, несмотря на жестокий финал, Анастасия Пальчикова не выносит приговор эпохе, а создает амбивалентный образ. Зрителю предлагается сформировать собственное отношение к этому времени, погрузившись в историю героини.

Список источников

1. [Маша. 2020] — Маша. Фильм. Реж. А. Пальчикова. Россия, 1-2-3 Production, 2020.

Список литературы

1. [Анкерсмит 2003] — Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. [Ассман 2014] — Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
3. [Бонч-Осмоловская 2018] — Бонч-Осмоловская А.А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги / Steps. 2018. № 4. С. 115–146.
4. [Бойм 2019] — Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
5. [Левинсон 2007] — Левинсон А. 1990-е и 1990-й: Социологические материалы // Новое литературное обозрение. 2007. № 2. С. 489–503.

6. [Малинова 2018] — *Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.
7. [Малинова 2019] — *Малинова О.Ю.* Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 91–105.
8. [Малинова 2020] — *Малинова О.Ю.* Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. № 14 (1). С. 53–63.
9. [Николаева 2021] — *Николаева Л.* Режиссер «Маши» Анастасия Пальчикова о феминизме, наследии 90-х и участии в «Кинотавре» // U magazine. 20.04.2021. URL: [link](#) (дата обращения: 17.05.2021).
10. [Оливьери 2020] — *Оливьери К.* «По(с)ле чудес», или Пережившим 1990-е посвящается // Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре / Ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 55–70.
11. [Самутина 2007] — *Самутина Н.В.* Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 48 с.
12. [Таежная 2021] — *Таежная А.* Настя Пальчикова и Полина Гухман — о «Маше», 90-х и конце русского пацанства // The Village. 08.04.2021. URL: [link](#) (дата обращения: 17.05.2021).
13. [Хальбвакс 2005] — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2. 2005. С. 8–27.
14. [Хальбвакс 2007] — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
15. [Шавловский 2021] — *Шавловский К.* «Все мое поколение осталось там и никуда не вырвалось». Анастасия Пальчикова о своем фильме «Маша», розовых очках и девяностых // Коммерсантъ Weekend. 26.03.2021. URL: [link](#) (дата обращения: 17.05.2021).

Анастасия Олеговна Паршутич
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
факультет гуманитарных наук,
ОП «Филология»
parshutich01@mail.ru

Anastasia Parshutich
HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
BA programme in Philology
parshutich01@mail.ru

ПРОШЛОЕ — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАСТОЯЩЕГО

Данил Лиферов

УДК: 32.019.51.

Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.

The Past is a Responsibility of the Present

Danil Liferov

Как страны восточной Европы преодолевали свое трудное прошлое? Какие стратегии они выбирали? Какую роль в этих процессах играли интеллектуалы, СМИ, политики и гражданское общество? Какова была логика террора в СССР и как менялась тайная полиция на протяжении последних ста лет в истории России? Наконец, как появился «Мемориал»¹, главная организация по сохранению памяти о политических репрессиях в СССР, которая была ликвидирована в 2022 году? На эти разнообразные вопросы пытается ответить Евгения Лёзина, политолог, научный сотрудник Центра современной истории в Потсдаме.

1. В 2016 году организация была включена в реестр иноагентов, в 2021 году — ликвидирована по решению Верховного суда РФ, в 2022 году — награждена Нобелевской премией мира. — Прим. ред.

Известный исследователь Михаил Габович в недавно выпущенной статье о советской интеллигенции и германском покаянии писал, что косвенное знакомство и идеализация немецкого опыта блокируют способность трезво размышлять о собственной истории и возможных путях разрешения трудного прошлого. Он жалуется на то, что в российских дискуссиях эмпирические научные исследования, содержащие взвешенный анализ германского опыта, появляются редко, а не критичные апелляции к Германии в политических баталиях только уменьшают возможность продуктивного обсуждения³. Книгу Евгении Лёзиной можно отнести к первой категории исследований, где немецкая модель раскрывается во всей ее противоречивости. Кроме того, конечно, работа Лёзиной — это и важный камешек в споре о судьбе России и «трудных» моментах ее истории.

За последние два года вышло много очень хороших книг, посвященных политике памяти и трудному прошлому. «Всё в прошлом: теория и практика публичной истории» под редакцией Андрея Завадского и Веры Дубиной² раскрывает поле публичной истории в различных сферах: от городского пространства и краеведения, биографии и исторической прозы, театра и кинематографа до обзора *memory studies* и квир-исследований. Историк ЕУСПб Иван Курилла написал книгу «Битва за прошлое»⁴, где показал, как в России и мире прошлое становится предметом политической борьбы. Светлана Еремеева подвела итог своих многолетних размышлений в труде «Память: поле битвы или поле жатвы»⁵, о которой также рассказано в этом выпуске. И, конечно, работа Николая Эппле «Неудобное прошлое...»⁶, которая дала новый импульс дискуссии и стала настоящим медийным событием в России. Эта книга продолжает удерживать внимание публики своей актуальностью: вышло уже третье издание, которое регулярно допечатывают. В этом потоке могло затеряться исследование Евгении Лёзиной — политолога и научного сотрудника Центра современной истории в Потсдаме.

2. Габович М. Отражения на фоне: советская интеллигенция и германское покаяние // Новое литературное обозрение. 2022. № 173. С. 102–121.

3. Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

4. Курилла И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

5. Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с.

6. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

Книга Лёзиной «XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах» выпущена в 2021 году в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Либерал.RU»⁷. Учителями исследовательницы были известные социологи Борис Дубин и Лев Гудков⁸, влияние которых отчетливо заметно в ее работе. Ссылки на объяснительные концепции Гудкова и Левады встречаются на протяжении всей книги, поэтому неудивительно особое внимание к опросам общественного мнения, какое проявляет Лёзина.

Основной аргумент Лёзиной строится вокруг того, какие нужно сделать политические шаги, чтобы критически взглянуть на свое прошлое и не вернуться к диктатуре. В первую очередь, это открытие архивов; реформирование или даже ликвидация тайной полиции (например, Штази); люстрации, а также свободное публичное пространство, внутри которого возможна здоровая интеллектуальная жизнь.

Книга Лёзиной — это сборник переработанных статей, написанных с 2011 по 2018 год, из-за чего повествование складывается несколько неоднородно. Лёзина прочерчивает историю послевоенной Германии от образования ФРГ и ГДР до объединения страны. Первую главу она посвящает политике денацификации, где показывает механизм этой процедуры и противоречивую реакцию западногерманского общества. К опыту ГДР Лёзина, к сожалению, не обращается. Исследовательница описывает интеллектуальные построения, культурную эволюцию и общественно-политические события, из которых складывалась, по выражению Левады, новая «программа культуры» западногерманского общества. Затем Лёзина обзорает практики переходного правосудия в Восточной Европе, выделяя несколько моделей. В следующих главах исследовательница создает панораму советского террора, описывает историю органов безопасности в России, показывает, как создавалось общество «Мемориал». Книга завершается главами о государственной идеологии в современной России и, что особо примечательно в наше время, об опыте украинской люстрации.

Часть о Германии у Лёзиной раскрыта наиболее удачно и полно, с одной стороны, благодаря аналитическим способностям исследовательницы, с другой, благодаря уже сформированному и хорошо изученному проблемному полю немецкой памяти. Лёзиной удается совместить рассказ о бурной политической и общественной жиз-

7. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.

ни с обзором идей, которые зарождались в этом контексте, а затем и меняли его: идеи Ясперса о четырех видах виновности: уголовной, политической, моральной и метафизической; выступления и статьи Адорно; работы четы психоаналитиков Митчерлих; произведения «Группы-47» — объединения немецких литераторов, в которое входили Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Эрих Мария Ремарк и другие. Невозможно не привести цитату основателя «Группы-47», писателя Ганса Вернера Рихтера, которую дает Лёзина:

«Нам приходилось вырубать просеки в джунглях, чтобы возродить немецкий язык. После 12 лет, в течение которых немецкий был сведен к бессмысленной пропаганде или символизму “внутренней эмиграции”, даже самые простые слова утратили свой истинный смысл. Мы не могли больше использовать такие слова, как “сердце”, “дух”, “кровь”, “земля”, “народ”, “отечество”, потому что во время Третьего рейха они приобрели смысл и значение, которые были отвергнуты теми из нас, кто вернулся с войны. Наш словарный запас изначально был сокращен до несколько сотен слов, лишенных каких-либо намеков или двусмысленностей...»⁸.

Культурный и политический процесс взаимосвязаны: чтобы осуществилось политическое действие, нужна определенная символическая структура, которая ему поспособствует. И Лёзина показывает, из чего формировалась символическая структура послевоенного немецкого общества: символы нацистского концлагеря, фигуры свидетеля, преступника и палача, которые воплощаются в фильмах (здесь исследовательница так же, как и Эппле, останавливается, на сериале «Холокост»), книгах, политических речах и другого рода коммеморативных практиках.

После 20-летнего затишья и попытки создать «надежную» нацию, для которой ее темное прошлое было бы не более чем неприятным историческим фактом, на рубеже 60–70-х годов произошел культурный, социальный и политический перелом. В Германии на сцену вышло новое поколение, которое уже успело впитать в себя образовательные инновации, привнесенные «поколением — 45». Тогда появились новые общественные движения: экологические, движение против атомной энергии и движение за мир.

Рассматривая переломное время рубежа 60–70-х Лёзина, однако, остается в рамках классического понимания политической культуры как установок, ценностей и мнений, поэтому она больше обращается к опросам, которые помогают увидеть изменения в политическом поведении, но не понять их причины. В более актуальном понима-

8. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. С. 78.

нии анализ политической культуры акцентирует внимание на дискурсах и нарративах, через которые исследователи рассматривают символическое измерение политики⁹. Лёзина упускает важный момент из-за выбранной теоретической рамки в главе о демократизации (гл. 3). Например, она оговаривает, что общественные настроения достигли предельной точки после избрания канцлером 1 декабря 1966 года бывшего члена НСДАП и заместителя заведомо по радиопропаганде в риббентроповском МИДе Курта Георга Кизингера и что принятые в 1968 году чрезвычайные законы «сразу же окрестили “нацистскими”»¹⁰. Однако исследовательница недостаточно показывает символический контекст. В это время происходила попытка реконструировать национальную идентичность. Как описывает это Бернхард Гизен, поколение 1968-го нападало на миф демократического начала ФРГ и заменяло нарратив о том, что немцы были жертвой нацистской диктатуры, обвинением в молчаливом и явном соучастии. Вина за преступления нацизма, таким образом, распространялась не только на ярых нацистов, но и на все поколение отцов, которое допустило тиранию. Это напряжение между поколениями породило новые поиски и публичные дебаты о вине¹¹. Именно в таком контексте победу на следующих выборах одержала СДПГ и в 1969 году канцлером Германии стал Вилли Брандт. Его символический жест — он опустился на колени перед памятником жертвам подавленного восстания в Варшавском гетто — стал одним из самых хрестоматийных примеров покаяния.

Особое внимание Лёзина уделяет периоду истории Германии после падения Берлинской стены (гл. 4). Эта глава посвящена двум центральным темам: правовым основам открытия архивов госбезопасности и привлечению к ответственности чиновников-преступников. Исследовательница рассказывает о политических баталиях, проходивших во время объединения Германии между канцлером Гельмутом Коелем, который стремился уничтожить архивы, и Йоахимом Гауком, главой комитета, призванного контролировать полный роспуск восточногерманских спецслужб. Дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, что делать с архивами тайной полиции, шла борьба за каждый пункт договора по объединению. Со стороны правительства ФРГ использовались известные всем аргументы потенциальной «взрывоопасности» и «охоты на ведьм». В этой ситуации

9. Olick J.K. *The politics of regret: collective memory in the age of atrocity*. New York: Routledge, 2007. P. 38–40.

10. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 144.

11. Giesen B. *Triumph and Trauma*. New York: Routledge, 2004. P. 129–132.

немцы пошли следующим путем: полностью ликвидировали Штази, сохранили архивы, создали отдельное ведомство, имеющее доступ к документам, чтобы исследовать их. После этого тысячи бывших работников органов безопасности, госслужащих, судей, учителей и представителей других общественно значимых профессий должны были подвергнуться люстрации, если подтверждалось, что они сотрудничали с органами безопасности.

Глава о Германии 1990-х примечательна еще и обсуждением идеи, позволившей выстроить обвинение сначала нацистских преступников на Нюрнбергском процессе, а потом и коммунистических преступников. Эта идея известна как «формула Радбруха»: она позволяет судить преступников за те преступления, которые в момент их совершения преступлениями *de jure* не были. Как пишет Лёзина,

«...суть данной концепции, легшей <...> в основу международного права, заключалась в том, что очевидно противоречащий естественному праву (*lex naturalis*) закон не является справедливым и обязательным к исполнению»¹².

Далее Лёзина показывает, как этот принцип укоренился в международном праве и реализовывался в правоприменительной практике в Германии, особенно в делах об убийствах тех, кто пытался пересечь границу между Западной и Восточной Германией.

Лёзина описывает практики переходного правосудия не только в Германии, но и в таких странах, как Чехия, Польша, Венгрия, Румыния, Словения, страны Балтии и, наконец, Россия. По словам исследовательницы,

«...люстрационные механизмы варьировались от выявления и публичного разоблачения бывших сотрудников и осведомителей секретных служб до запрета им работать на госдолжностях и занимать другие позиции общественного доверия»¹³.

Она обращается к различным объяснительным моделям ученых, которые пытались разобраться, какие факторы обеспечивают успешный транзит. Там же исследовательница справедливо опровергает тезис Хангтинтона о том, что правосудие вершится либо быстро, либо никогда. Собственно, в этой части Лёзина приходит к основному своему тезису: главная цель транзита — не допустить к позициям влияния бывших сотрудников и осведомителей тайной полиции.

12. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 208.

13. Там же. С. 354.

Работа Лёзиной — это не только демонстрация того, как трудное прошлое преодолевается целыми государствами. Лёзина и сама включается в этот процесс в роли историка, в силу чего она посвящает более 200 страниц советским и постсоветским органам безопасности: от момента возникновения тайной полиции и до наших дней. Лёзина расставляет точки на этой исторической карте: институциональные изменения, идеологическая основа репрессивных практик, роль органов в терроре. Она дает ясное представление о советских репрессиях и в ранние годы советской власти, и в сталинское и постсталинское время.

Центральный узел книги, в котором стягиваются наиболее драматичные и спорные моменты в истории России, — это главы о годах перестройки, когда происходило становление «Мемориала», и 90-х, когда новая «демократическая» власть сменила прошлую «тоталитарную». Именно в таком порядке лучше читать о России: главу о «Мемориале» (гл. 8), затем главу о трансформации органов безопасности в позднесоветское время (гл. 7) и раздел о люстрациях (в гл. 5), который подводит черту под возможными путями развития России.

Здесь Лёзина выступает скорее как историк, чем как аналитик: рассказывает историю, а не проблематизирует и интерпретирует ее. Этим главам не хватает теоретической осмысленности, большего погружения в контекст. История «Мемориала» раскрывает переломный момент в истории России. К сожалению, Лёзина не очерчивает то культурное и общественно-политическое состояние, в котором находилось наше общество в годы перестройки, а ведь именно в этот период стали заполняться «белые пятна» в истории. С 1986 года литераторы, деятели кино и театра, пользуясь ослаблением цензурного гнета, делают все возможное, чтобы восстановить в памяти те глубокие травмы, о которых прежде было дозволено вспоминать только в частном порядке: коллективизацию, насильственную индустриализацию, массовые репрессии 1930-х годов, депортацию целых народов, разгул антисемитизма и послевоенные репрессии¹⁴. Выходят многотысячными и даже миллионными тиражами журналы, в которых печатаются «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, а также тексты Варлама Шаламова, Лидии Гинзбург, Василия Гроссмана и многих других. Появляются первые «неформальные» политические клубы, которые впоследствии сыграют немалую роль во время перестройки. Из этих клубов и вырос «Мемориал»¹⁵ — гражданская

14. Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. №5. С. 40–54.

15. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.

инициатива, во главе которой стоял известный диссидент, лауреат Нобелевской премии мира, академик Андрей Сахаров.

Лёзина хорошо показывает, в какой политической неоднозначности рождался «Мемориал». Это была действительно мощная сила. В политическую борьбу с участием «Мемориала» были включены и сам Горбачёв, и аппарат ЦК КПСС, и вся структура Комитета госбезопасности. Этот момент, подчеркивает Лёзина, был одной из развилочек в современной истории. Более радикальное крыло зарождавшегося «Мемориала», участники которого выступали за расформирование «всесильного советского гестапо КГБ»¹⁶, привлечение к ответственности виновных и открытие архивов, проиграло и, отколовшись, растворилось. Умеренное крыло же уступило и Горбачёву, и КГБ, которые пытались ограничить обсуждение репрессий только сталинским временем. Так, «Мемориал» в то время занялся созданием памятников жертвам репрессий, сохранением их памяти и реализацией просветительских программ. Завершая главу о «Мемориале», исследовательница задается вопросами, на которые читателю предстоит искать ответы самому. Что было сделано не так? Может, уже в то время «Мемориал» обрек себя на ликвидацию, отказавшись противостоять органам безопасности? В этом и состоит посыл Лёзиной — критически посмотреть на начало открытого разговора о прошлом.

Обратимся теперь к части о люстрациях в России (в гл. 5). Лёзина показывает, что с победой Ельцина ни о какой люстрации не могло идти и речи. Исследовательница демонстрирует логику, согласно которой велась политическая борьба. И снова те, кто выступал за люстрацию, оказались в меньшинстве. Но Лёзина не отвечает однозначно, почему не появилась политическая сила, способная противостоять Ельцину. С одной стороны, после годов неразберихи внутри спецслужб к правлению Ельцина «чекисты» перегруппировались и вновь обрели возможность действовать. С другой, интеллектуальная элита также была на стороне противников люстраций. Можно увидеть в тексте, как первые лица «Мемориала» Арсений Рогинский или Сергей Ковалев на символическом уровне приравнивают люстрацию к недемократическому акту мести и большевистской чистке периодов красного и Большого террора, как они говорят о невозможности разделить «чистых и нечистых»¹⁷. Можно сказать, что не только институциональные и политические структуры блокировали проработку сталинского и — шире — всего советского про-

16. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 502.

17. Лёзина Е. *Там же*. С. 338.

шлого, проблемы возникали и на символическом уровне, где так и не возник консенсус по отношению к люстрациям, одной из форм расчета с прошлым.

Видимо, Горбачёву удалось сместить дискурс репрессий и ограничить его только сталинским временем. Обсуждение сводилось к довольно далеким временам, за которыми терялись политические вопросы здесь и сейчас. Если нельзя отличить жертв от палачей, то ими были все. Ни судов (кроме суда над КПСС, превратившегося, как выражается Лёзина, в фарс¹⁸), ни какой-либо другой публичной интеллектуальной работы сделано не было. Александр Эткинд, автор «Кривого горя», замечает, что «в России не было серьезных споров — религиозных или светских — о проблемах коллективной вины, памяти и идентичности»¹⁹. Такую дискуссию пытался начать филолог и бывший политзаключенный Дмитрий Лихачёв в начале 90-х, однако ничего подобного «Вопросу о вине» Ясперса российскими интеллектуалами написано не было.

Тех преимуществ, которыми были сильны главы о Германии, не хватает в разговоре о российском прошлом в изложении Лёзиной. Рассказ о Германии опирался на богатую традицию исследовательской литературы. В России же эта проблематика только ждет комплексного и систематического изучения, в которое должны быть включены исследователи из разных научных сфер: политологи, социологи, культурологи, историки и журналисты. Вместе с тем, книга Лёзиной — это важный шаг в проработке прошлого России. Она дает материал для общественного обсуждения, показывает существующие модели переходного правосудия и критически анализирует их.

Таким образом, книга Лёзиной — это добросовестное исследование, выполненное в рамках устоявшегося научного дискурса, которое поможет тем, кто хочет познакомиться с проблемами переходного правосудия и политики памяти, а также тем, кто хочет лучше представить точку отсчета, из которой вышла современная Россия. Лёзина дает богатый эмпирический материал для дальнейших размышлений благодаря архивным данным и живому рассказу об исторических событиях, персонах и их высказываниях.

Однако когда книга Лёзиной выходила в 2021 году, еще можно было размышлять о том, как преодолевать трудное коммунистическое прошлое. После 24 февраля 2022 года эта книга приобрела совершенно иную тональность, и посыл, который в ней заложен, нужно

18. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 349.

19. Эткинд А. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 21.

осмыслять по-новому. Чтение работы Лёзиной оставляет щемящую рану от понимания, что, несмотря на перестройку и демократизацию, современная Россия стала продолжением неразрешенных проблем Союза. Но, как ни парадоксально, сейчас мы куда ближе к проработке прошлого, чем были 30 лет назад.

Данил Андреевич Лиферов
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва), социологический
факультет, бакалаврская
программа «Социология»
danil.liferov@gmail.com

Danil Liferov
Russian State University
for the Humanities (Moscow),
Sociological faculty,
BA Programme in Sociology
danil.liferov@gmail.com

БИТВЫ ПАМЯТИ: ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕТ

Пётр Гончаров

УДК: 94(41/99).

Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? Москва: Издательский Дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 358 с.

Memory Battles: There Are No Winners

Petr Goncharov

Эта рецензия посвящена недавно опубликованной книге культуролога Светланы Еремеевой «Память: поле битвы или поле жатвы?». Это своего рода «хрестоматия» исследований памяти. Благодаря ей можно получить представление не только о работах значимых зарубежных исследователей памяти (А. Ассман, Дж. Александера, З. Баумана, П. Джонс, Й. Йерушалми, К. Мерридейл, П. Нора, М. Хальбвакса и др.), но и об особенностях европейской памяти и ее отличиях от российской. Автор стремится отразить все многообразие и противоречивость памяти в современной России, исследуя ее с помощью конструктивистского, натуралистического и критического подходов, с опорой на события общественно-политической жизни 2000–2010-х годов. Книга не только позволит читателю удовлетворить свой познавательный или академический интерес к теме, но и предоставит возможность через отношение к прошлому изучить самого себя — сегодняшнего и помнящего.

Книга российского культуролога Светланы Еремеевой «Память — поле битвы или поле жатвы?» является одной из важнейших исследовательских работ, раскрывающих современный российский мемориальный ландшафт, неоднородный и эклектичный. Автор показывает, как развивалась память в Советском Союзе, в постсоветскую эпоху и что необходимо сделать, чтобы память оставалась важной для современного россиянина. При этом необходимо отметить, что история и память — различные понятия: история дескриптивна, а память перформативна. История — практика интеллектуальная, а память — скорее социокультурная, и предполагают они разные способы выстраивания отношений с прошлым¹. Память — один из основных познавательных процессов человека, привлекающий большое внимание исследователей. Память о прошлом у каждого человека своя, но существуют «точки соприкосновения» — представления о прошлом, разделяемые и конструируемые членами социальной группы, которые известный французский социолог М. Хальбвакс обозначил термином «коллективная память»². В России в начале XX века коллективная память была радикально изменена. Представление об истории как о научной дисциплине (со своим инструментарием, критикой, критериями) было уничтожено большевиками в 1920–1930-е гг. путем упразднения истории в школах и вузах³. В 1934 г. новая «гражданская» история стала рупором советской идеологии⁴, и лишь к началу 1970-х гг. в результате введения полного среднего школьного образования было сформировано представление об истории как о науке, изучающей прошлое⁵. Все это говорит о том, что значительная часть россиян старше 60 лет имеет крайне смутные представления об истории. Притом это совсем не означает, что они отказываются от прошлого, просто они выстраивают отношения с ним в другой парадигме. Знание истории легко замеряется (с помощью тестов), присутствие же в памяти определяется по существованию боли (тяжелых чувств, которые человек испытывает, вспоминая, восстанавливая образ какого-либо события).

1. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021. С. 5.*

2. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.*

3. *Вышел декрет «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: [link](#) (07.08.2022).*

4. *О преподавании гражданской истории в школах СССР // Дилетант. URL: [link](#) (07.08.2022).*

5. *О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: [link](#) (07.08.2022).*

«Память: поле битвы или поле жатвы?» культуролога Светланы Еремеевой — книга, позволяющая понять, как работают основные акторы, действующие в поле формирования представлений о прошлом (власть, церковь и общество).

Говоря о власти, автор подробно разбирает три проекта (Константиновский дворец, Федеральный военный мемориал «Пантеон защитников Отечества», Болгар и Свяжск), концентрирующих в себе имеющийся образ прошлого и доказывающих, что оно существует (хотя на самом деле этот образ отражает только определенный вариант прочтения прошлого). Автор также подчеркивает, что вышеперечисленные локации являются памятными местами, а не местами памяти. «Места памяти» (*lieux de mémoire* — термин, введенный французским историком П. Нора) означают живые средоточия памяти, включающие в себя различные временные пласты, коммуницирующие друг с другом, постоянно переопределяющие свой смысл, «говорящие» с человеком. В свою очередь, памятные места фиксируют хобсбаумовскую «изобретенную традицию» — память о том, чего никогда не было⁶.

Еще одним актором, «осваивающим» память, является Русская православная церковь (РПЦ). Еремеева отмечает усиливающийся религиозный интервенционизм:

- воссоздание Общества русской словесности (ОРС), нацеленного на реформирование гуманитарного образования (участие в реформе ФГОС касательно предметов «Русский язык» и «Литература», в подготовке профильных программ обучения и списка произведений, которые обязательно должны знать подрастающие поколения⁷);
- создание Фонда поддержки и продвижения отечественного культурного наследия «Пушкинский союз», распространяющего клерикализм среди молодежи⁸;
- создание Фонда Николая Чудотворца, организовавшего установку 20 скульптур святого по периметру границ России⁹;
- запуск программы строительства православных храмов в Москве (правда, на 2022 г. из 200 заявленных храмов построено 84¹⁰);

6. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 32.

7. *Заседание Общества русской словесности* // *Kremlin.ru*. URL: [link](#) (07.08.2022).

8. *О православных патриотах* // *История.рф*. URL: [link](#) (07.08.2022).

9. *На Курилах появился памятник Николаю Чудотворцу* // *Православие.ру*. URL: [link](#) (07.08.2022).

10. *Программа строительства православных храмов в г. Москве* // *Фонд «Поддержки строительства храмов города Москвы»*. URL: [link](#) (07.08.2022).

- строительство Свято-Троицкого собора в Магадане — храма-памятника жертвам советских политических репрессий («удобная память»: принесенные во время репрессий жертвы были необходимы для возрождения веры и потому наделяются позитивным смыслом) и др.

Также Еремеева упоминает об одном необычном факте «изобретении традиции» — с 9 мая 2015 г. по благословению патриарха во всех храмах РПЦ стал производиться заупокойный колокольный звон в память о погибших (церковь примеряется и к памяти о Великой Отечественной войне). Более того, церковь активно работает над развитием «духовных скреп»: речь идет о мультимедийных парках «Россия — моя история» (на данный момент открыто уже 23 парка по всей стране¹¹), исторических аттракционах, пестрящих фактическими ошибками, сомнительными интерпретациями, маргинальными концепциями, неочевидными лакунами, искажениями в цитатах.

Еремеева обращает внимание на то, что мемориальных групп, не связанных с государством, в России очень мало. Автор выделяет Вольное историческое общество (ВИО), Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал»¹², Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Общественное движение «Архнадзор», Фонд культурных инициатив «ПроНаследие», Всероссийское общественное движение «Народный Собор». Наиболее интересными представляются общество «Мемориал» (широкое общественное движение, сторонники которого изучают и публикуют материалы о репрессиях 1930-х гг.¹³) и фонд «ПроНаследие» (культурно-просветительский медийный проект, нацеленный на налаживание коммуникации между НКО, их партнерами и волонтерскими организациями в сфере наследия¹⁴). Безусловно, обе эти организации играют значимую роль в современном российском поле памяти: «Мемори-

11. Современный исторический парк открылся во Владивостоке. Видеорепортаж Марьяны Яцкевич // Вести. Приморье. URL: [link](#) (07.08.2022).

12. В 2016 году организация была включена в реестр иноагентов, в 2021 году — ликвидирована по решению Верховного суда РФ, в 2022 году — награждена Нобелевской премией мира. — Прим. ред.

13. Сотрудники «Мемориала» возвращали из небытия имена погибших в годы репрессий, боролись за права человека, оказывали определенную социально-правовую помощь, ежегодно проводили акцию «Возвращение имен» (зачитывание у Соловецкого камня в Москве имен расстрелянных). — Прим. автора.

14. Сотрудники фонда занимаются не только консервацией отдельных объектов, но и ведут работы по сохранению исторической памяти и осуществляют проекты, направленные на вовлечение широкой аудитории в дело сохранения культурного наследия. — Прим. автора.

ал» стремится донести до широкой публики добытое историками знание о государственном терроре советского периода, сделать его частью общей исторической памяти жителей России; «ПроНаследие» смещает акцент с «охраны» и «борьбы» в сторону «сохранения» культурного наследия России.

В книге Еремеева подробно описывает несколько личных инициатив по спасению следов прошлого: восстановление храма Рождества Христова в бывшем Крохинском посаде, усадьбы Асташово в Костромской области, «Дома со львом» в Саратовской области, «Дома с характером» в Рязанской области, — эти истории показывают, что многим людям небезразличны «не-памятники» (исторические здания, не имеющие статуса памятника истории и культуры). Активисты стремятся спасти чужое прошлое, сохранить наследие начала XX века, сохранить память о выселенных, раскулаченных, репрессированных людях, живших в этих местах. Такие энтузиасты часто объединяются под знаменами различных общественных движений. Одним из таких движений является фестиваль восстановления исторической среды «Том Сойер Фест», упомянутый в 2016 г. в докладе ЮНЕСКО на конференции ООН Хабитат III, посвященной жилищному строительству и устойчивому развитию городов, как пример эффективного «мягкого обновления»¹⁵. Волонтеры «Феста» преобразуют дома, которые являются частью исторической застройки, но не имеют особого охранного статуса: архитектурного памятника или исторического наследия. Активисты движения считают, что общее равнодушие россиян останется таковым, пока наследие будет делом отдельных людей. По мнению основателя движения Андрея Кочеткова, идею сохранения наследия стоит вывести из узкоспециальной ниши и распространять самыми разными способами: от художественных и медийных до экономических и законодательных¹⁶.

Еще одна тема, поднятая в работе Еремеевой — «локальность» памяти. Например, народная память о Великой Отечественной войне часто бывает регионально (или даже этнически) окрашена. Это демонстрируют сочинения школьников, присланные со всей России на конкурс «Человек в истории. Россия. XX век» (проводившийся до 2022 г. обществом «Мемориал»): для школьника из Калмыкии или из Ингушетии война — это прежде всего история депортации, для российских немцев — это депортации и трудармия, для карель-

15. ЮНЕСКО рассказало о «Том Сойер Фесте» на конференции ООН // Другой город. URL: [link](#) (07.08.2022).

16. Андрей Кочетков о том, чему нас может научить пожар в соборе Парижской Богоматери // Том Сойер Фест. URL: [link](#) (07.08.2022).

ских школьников — память о финской оккупации, для школьника из Республики Коми — ГУЛАГ (работающий на победу из последних эковских сил), для татарских школьников — это эвакуация и т.д.¹⁷ То же самое касается событий Гражданской войны. К примеру, на Кубани жители станицы Губской поговаривают, что однажды призраки белогвардейцев привиделись женщине, находившейся на месте казни и погребения своих родственников, сгинувших во время красного террора¹⁸. В Удмуртии бесермяне считают могилы и отдельные захоронения солдат, погибших в годы Гражданской войны, сакральными объектами¹⁹ (практика почитания реализуется прежде всего через запреты, связанные с особыми местами или окказиональными ритуалами). А в Пермском крае советские ритуалы причудливо сплетаются с традиционной культурой²⁰ (почитаемое место опутывается сетью рассказов / ритуалов, которые могут поддерживаться официальным нарративом и мероприятиями, а могут оставаться в пространстве частной памяти). Общая черта для всех локальных традиций поминовения погибших в Гражданской войне: молятся о всех (независимо от того, погиб человек от рук красных, белых, зеленых или еще кого бы то ни было) и стремятся никого не забыть («Помяни, Господи, кого не знаю» часто звучит на могилах)²¹.

В современной России некоторые люди ставят своей целью «проработать прошлое», узнать, что случилось с их предками, преданными забвению²². Часто желанию вспомнить противостоит стремление не к забвению, а к сокрытию, желание умолчать, оставить в тени (например, ФСБ под разными предлогами отказывает предоставить документы; если они не хотят, чтобы об этом знали, значит, им не-

17. Щербакова И. Над картой памяти // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 205, 207.

18. Кузнецова И.А. Видения в современной устной традиции восточнославянского населения Кубани // *Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Э.Г. Вартастьян, О.В. Матвеев. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2015. С. 307.*

19. Попова Е.В. *Культовые памятники и сакральные объекты бесермян*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. С. 200.

20. Королёва С.Ю., Четина Е.М., Колегова О.А. *Локусы памяти в пространстве традиции (почитание братских могил в Юрлинском районе Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 128–144.*

21. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 178.

22. *Как в случае томича Дениса Карагодина, несколько лет выяснявшего обстоятельства гибели своего прадеда, расстрелянного в годы Большого террора по обвинению в шпионаже. — Прим. автора.*

безразлично и прошлое, и сегодняшнее отношение к нему)²³. В данном контексте Еремеева подробно описывает российский гражданский проект «Последний адрес»²⁴ и немецкий гражданский проект «Камни преткновения»²⁵. Оба проекта пытаются делать одно и то же — ввести знаки памяти в повседневную жизнь города и вернуть домой (хотя бы в памяти) тех, кто ушел и не вернулся.

Еще одна тенденция, обозначенная автором — возвращение страха помнить. Часто люди опасаются, что с ними или с их родными может случиться что-то нехорошее. Поэтому власти часто «изолируют» школьников от прошлого: если раньше школьников привлекали к созданию Книг памяти тех городов и сел, где они живут, то теперь директора школ не пускают историков или общественных деятелей с лекциями о сталинских репрессиях, руководствуясь чеховским афоризмом «как бы чего не вышло».

Подводя итог, мы можем отметить, что в данной рецензии были освещены лишь некоторые опорные моменты книги «Память: поле битвы или поле жатвы?». Для полного погружения в проблемы мемориального ландшафта современной России рекомендуем прочитать эту работу целиком. Книга Еремеевой позволяет полностью окунуться в «круговорот» исследований *memory studies*, дает представление о памяти о Гражданской и Великой Отечественной войнах, сталинских репрессиях, но, к сожалению, в книге не описана память о более поздних вооруженных конфликтах времен холодной войны и постсоветского периода (афганская война, чеченские войны).

23. Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* С. 189.

24. В рамках проекта на доме, ставшем последним прижизненным адресом жертвы государственного произвола, устанавливается небольшой металлический памятный знак, на котором указываются имя убитого человека, его год рождения, профессия, даты ареста, казни и год реабилитации; в левой части таблички располагается квадратное отверстие, напоминающее пропавшую из карточки фотографию; совокупность множества таких персональных памятных знаков образует «сетевой» мемориал, рассеянный по разным городам мира. — Прим. автора.

25. «Камни преткновения» — это кубические бетонные камни, окованные листами латуни с надписями; они встроены в мостовые или тротуары перед бывшими домами жертв нацизма. На латунной пластине выгравировано имя, год рождения, год и место смерти человека. Камни побуждают прохожего остановиться и прочесть написанное. — Прим. автора.

Пётр Сергеевич Гончаров
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет социальных наук,
магистерская программа
«Политический анализ
и публичная политика»
pyotr-goncharov@yandex.ru

Petr Goncharov
HSE University (Moscow),
Faculty of Social Sciences,
MA programme in Political Analysis
and Public Policy
pyotr-goncharov@yandex.ru

АВТОРАМ

Приглашение к публикации

Мы принимаем ранее не публиковавшиеся работы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, посвященные исследованиям в области филологии, истории, антропологии и других гуманитарных наук. Если ваша статья подходит под темы ближайших выпусков, заполните эту форму. Мы свяжемся с вами по почте и обсудим детали нашего дальнейшего сотрудничества.

Если у вас нет готовой статьи, но есть отличная идея, заполните эту форму. Опишите ваш материал и методы исследования, примерную структуру будущей статьи. Мы напишем вам письмо, в котором расскажем, насколько редакция заинтересована в таком материале, или предложим, как можно доработать идею, чтобы статья лучше подошла для тематического выпуска.

Если тема вашей статьи не вписывается в анонсированные номера, но вы все равно хотите опубликоваться — заполните последний раздел той же формы, опишите кратко содержание вашей статьи, и редакция обязательно рассмотрит вашу заявку. Возможно, сейчас мы как раз планируем сделать выпуск по вашей теме в следующем учебном году.

Отобранные редакцией статьи проверяются на плагиат, а затем проходят процедуру двойного слепого рецензирования. После рецензирования статья может быть принята к публикации без изменений, возвращена автору для доработки или отклонена. На заключительном этапе проводится редактура и корректура рукописи, все правки обязательно обсуждаются с автором.

Вы можете задать любые вопросы, написав нам на почту: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Правила оформления статей

Текст статьи должен быть написан на русском или английском языке. Объем оригинальной статьи должен составлять не менее 20 000 и не более 40 000 знаков с пробелами (включая примечания, список источников и библиографический список).

Используемый текстовый редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1.5, поля 2 см со всех сторон, отступ в начале абзаца 1.25, выравнивание текста по ширине.

Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках. Например: [Иванов 2020: 15]. На архивные источники: [ЦГА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2об]. Допускается наличие необходимых примечаний. Все примечания оформляются как концевые, при этом внутри текста указывается порядковый номер примечания в квадратных скобках. Например: [1].

При желании автор может выразить благодарность своему научному руководителю в первом примечании. Там же указывается участие в грантах, если это необходимо.

К статье прилагается список источников (в том числе архивных материалов) и библиография, двумя списками в алфавитном порядке. Русскоязычные источники ставятся в начало списка. Вот примеры оформления разнотипных позиций библиографического списка.

К статье могут быть добавлены иллюстрации, не более 5 изображений. Файлы в формате JPG или PNG, качеством 300 dpi. Обязательно указывайте автора и правообладателя, если изображение цитируется — то источник цитаты.

Наиболее актуальные требования к оформлению рукописей находятся на нашем сайте.

Другие варианты сотрудничества

В каждом выпуске журнала мы публикуем **переводы** статей зарубежных исследователей и исследовательниц. Если вы хотели бы перевести для журнала такую статью — оставьте заявку в **форме**, укажите, какими языками вы владеете и в какой области гуманитарного знания лежат ваши научные интересы. Как только у нас появятся переводческие задачи, требующие ваших навыков, мы с вами свяжемся. К сожалению, мы не можем просто взять и опубликовать перевод того, что вы выберете. Прежде всего, нужно получить разрешение на публикацию у владельца авторских прав, и эту задачу мы берем на себя. Именно поэтому, прежде чем начинать перевод, обязательно напишите в редакцию, и дальше мы расскажем вам, что делать.

Если вы хотите написать **рецензию** на книгу, взять **интервью** у ученого или сделать **репортаж** с культурного мероприятия — для вас открыт культурный раздел журнала. Статьи в нем публикуются только на сайте и не проходят процедуру слепого рецензирования. Мы с радостью примем новых авторов — напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, приложите примеры ваших текстов и несколько тем, за которые вы готовы взяться.

В редакции журнала всегда есть, чем заняться. Напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, расскажите о своих навыках, и мы попробуем найти им применение. Особенно ищем студентов, знакомых с версткой, с авторским правом или с литературным редактированием англоязычных текстов.

FOR AUTHORS

Call for Submissions

The journal accepts articles written by undergraduate, graduate and postgraduate students devoted to researches in the fields of language and literary studies, history, anthropology and other humanities. Manuscripts submitted to *In your own words* (“*Svoimi Slovami*”) neither should not be under simultaneous consideration by any other journal, nor should they have been published elsewhere. If you have written an article and it fits within the aims of the announced topic of one of the next issues, please fill out this form ([link](#)). We will contact you to discuss the possibility of cooperation.

If you have not written an article yet, but do have a striking idea for it, fill out this form ([link](#)). Describe your idea, subject matter and research methods, as well as an approximate structure of the future article in your answer. We will let you know if we are interested in such an article, or suggest how to work on the idea so that the article fits better into the thematic issue.

If the topic of your article does not fit for our announced issues, please fill out the last section of the form ([link](#)). Describe briefly the content of your article, and the editors will consider your application in the last section of the form. That will be exceedingly valuable for our planning of the topics for the next issues.

Articles selected by the editors undergo plagiarism checking and double-blind peer review ([link](#)), according to the results of which the article can be accepted for publication without changes, returned to the author for revision, or rejected. After this procedure editing and proofreading take place. All the alterations are made after negotiation and getting agreement from the authors.

If there are any questions left, feel free to write to us at: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Manuscript Submission Guidelines

The article should be written in Russian or English. The manuscript should be not less than 20,000 and no more than 40,000 characters (including spaces, as well as footnotes and a reference list). The text editor that must be used is MS Word or an equivalent, the font is Times New Roman, font size is 12, line spacing – 1.5, margins – 2 cm on all sides, indentation at the beginning of the paragraph – 1.25; text is left-aligned.

If your article is written in English, please format your paper in Chicago style (CMOS Author-Date). Please consult [The Chicago Manual of Style](#). You might also find it helpful to use the [guide](#) by Purdue Online Writing Lab.

If your article is written in Russian, consult the Russian version on our website ([link](#)).

If desired, the author can express gratitude to their supervisor in the first note. In this field the author also specifies any sources of funding (if applicable).

The article is accompanied by a reference list in alphabetical order

Illustrations (no more than 5 images) can be added to the article – JPG or PNG file format; 300 DPI. Be sure to indicate the author and the copyright holder, and if the image is cited – the source of the citation.

You can always find the most relevant submission guidelines on our website ([link](#)).

Other Forms of Collaboration

In each issue of the journal we publish **translations of articles** written by foreign researchers. If you would like to translate such an article for the journal (from any language to English or Russian), please, fill out the form [\(link\)](#) where you indicate which languages you can translate from and what area of humanitarian knowledge your research interests lie in. As soon as we have a task that requires your skills, we will contact you. Unfortunately, we cannot just publish a translation of whatever you choose. First of all, we need to obtain permission from the owner of the copyright owner, and we take on the task of negotiation. This is why, before starting your work on the translation, be sure to contact the editors.

If you would like to prepare **a book review, an interview** with a researcher or **a report** from a cultural event, you might be interested in writing for the cultural section of the journal. Articles in there are published only on the website and do not go through the blind peer review procedure. Please, write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, attach samples of your writing and several topics that you are ready to work with.

The editorial office of the journal always has something to do. Write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, tell us about your skills, and we will try to find an option of engagement for you. We are especially looking forward to working with students who are familiar with layout design, copyright regulations or literary editing of texts in English.

